Философия Права

№ 3 (114) **2025**

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год
Журнал зарегистрирован в Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Пушкарев Е.А.
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 7
Ширинских П. И.
РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ МЕТАВСЕЛЕННЫХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД 13

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Благовещенская М.А., Сумина Е.А.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 20
Попандопуло Д.В., Ковган Е.Ю., Гончарова Ю.В.
ДОКАЗЫВАНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В АДМИНИСТРАТИВНОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССАХ 26
Смоленский М.Б., Тишкин Д.Н., Кучерова Е.П.
ИНСТИТУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 33
Шкеля О.В., Понежина Л.Ю., Афонина Е.Г.
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ 40
Юрченкова В.Н.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 45

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Вэй Д.
ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 53
Золин И.Ю.
ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 61
Маслюкова К.В.
К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ КРЕДИТНЫХ ДОГОВОРОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА 67
Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В.
КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 73

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Бондаренко Р.А., Стрельцов В.В., Кочкин А.А.
ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ 81
Гранина Н.Ф.
ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ И ИХ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 88
Долгополов А.А., Ильяшенко А.Н., Белоконь А.В.
ПРАВОСОЗНАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 96
Зеленская Д.Д.
ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА НЕЗАКОННУЮ ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ 103
Зубова М.В.
БЕЗДОМНОСТЬ И ЕЕ КРИМИНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ 107
Миронов Г.Ю., Кутузов А.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 113
Нуркаева М.К.
ПРОЦЕСС ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СВЕДЕНИЯ О ФАКТАХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО УПК РФ 120
Радеева Ю.А.
СУЩНОСТЬ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКАНИЯ ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ 128
Россинский С.Б.
СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДОЗНАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 132
Рыжкова А.А.
СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА, ПОВЛЕКШИХ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ИЛИ СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА 137
Суходолов А.С., Сафонова Н.В.
ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: КОГДА ЛОГИКА НЕ РАБОТАЕТ 144
Трофимов В.Е., Ахтанина Н.А.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПРОФИЛАКТИКУ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ 152
Ушаков А.Ю., Валова А.И., Шараева Я.А.
ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 158

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Григорян Д.К., Кашерокова А.А.
ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ 162
Лубский Р.А., Сулейманов А.М. о.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА 169
Шумилина А.Б., Артюхин О.А., Малявина А.Б.
ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: НА ПУТИ К ПОСТМОДЕРНУ 175

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Глущенко Д.В., Алехина Е.С.
ФОРМАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТИВИЗМ ПРАВА: ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
ИЛИ ЛОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СУБЪЕКТИВИЗМУ 181
Григоров Е.В.
РУССКИЙ НАРОД: ОНТОЛОГИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ 186
Кашапов У.А., Сулейманов Т.Ф.
Г. ЛЕБОН, Г. ТАРД И Т. АДОРНО
О РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ВОЖДИЗМА 192
Килимник Е.В.
ИДЕЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТМАЙДАННОЙ УКРАИНЕ.
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА УКРАИНЕ
В 1991–2000-Х ГОДАХ (I ЧАСТЬ) 198
Контарев А.А.
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ МИГРАЦИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ОБЩИХ ТЕОРИЙ МИГРАЦИИ 204
Лотарев К.И., Щербинин С.В.
ДЕСТРУКТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УКРАИНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ
НА РОССИЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПРОКСИ-ВОЙНЫ 210
Мелихов А.И., Писачкин Д.В.
О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» 215

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Беспалова Т.В., Беспалов А.К.
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКИЕ
УБЕЖДЕНИЯ ГРАЖДАН: НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИК (ЧАСТЬ I) 224
Внуковская А.В., Шихиев Ф.Ш., Шихиев З.Ф.
ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ 230
Топилина А.В., Рожковский В.Б.
К ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ АВТОРСКОГО ПРАВА:
ПОНЯТИЯ АВТОРСТВА, ТВОРЧЕСТВА И ОРИГИНАЛЬНОСТИ ТЕКСТОВ,
СОЗДАННЫХ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.
ЧАСТЬ 2. ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 235

Главный редактор:
Д.В. Тишин, канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов, доктор юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид наук, доц.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б.Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б.Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид.наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России)
Официальный сайт журнала: https://рюи.мвд.рф

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 79848.
Цена свободная.

Выпускающий редактор: Р.Р. Мамедханов
Корректор: Л.Н. Кожоридзе

Подписано в печать 25.09.2025. Выход в свет 30.09.2025.
Формат 60x84 1/8. Объем 30 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman. Печать лазерная. Бумага офисная. Усл.-печ. л. 27,9. Первый завод 118. Тираж 300 экз. Заказ № 161.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

16+

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Pushkarev E.A. IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SOVIET STATE: HISTORICAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS....7
Shirinskikh P.I. DEVELOPMENT OF THE METAVERSE INDUSTRY THROUGH THE LENS OF LAW: A COMPARATIVE APPROACH....13

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Blagoveschenskaya M.A., Sumina Ye.A. FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE FORMATION OF THE PERSONNEL RESERVE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION....20
Popandopulo D.V., Kovgan E.Yu., Goncharova Y.V. EVIDENCE AND EVIDENCE: COMPARATIVE ANALYSIS IN ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PROCEEDINGS....26
Smolensky M.B., Tishkin D.N., Kucherova E.P. INSTITUTE OF RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION, CONFLICTS OF LEGISLATION AND DOCTRINAL PROPOSALS....33
Shkelya O.V., Ponezhina L.Yu., Afonina E.G. PUBLIC CONTROL AS A WAY TO ENSURE LEGALITY IN THE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE POLICE....40
Yurchenkova V.N. INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND THE MASS MEDIA IN THE INFORMATION SECURITY SYSTEM: INTERNATIONAL EXPERIENCE....45

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Wei D. APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGY IN CIVIL PROCEEDINGS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA....53
Zolin I.Yu. THE GENESIS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE CIVIL LIABILITY OF THE INSOLVENCY PRACTITIONER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS. PART ONE....61
Maslyukova K.V. ON THE ISSUE OF INVALIDATION OF CREDIT AGREEMENTS CONCLUDED AS A RESULT OF TELEPHONE FRAUD....67
Rybalka E.A., Kazantseva E.V. CLASSIFICATION OF BINDING LEGAL RELATIONS INVOLVING LAW ENFORCEMENT AGENCIES (THEORETICAL ASPECT)....73

5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bondarenko R.A., Streltsov V.V., Kochkin A.A. THE MAIN WAYS OF ILLEGALLY OBTAINING A LOAN AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS....81
Granina N.F. GAPS AND CONTRADICTIONS IN THE LEGISLATION ON LIABILITY FOR THE SALE OF ALCOHOL TO MINORS AND THEIR INVOLVEMENT IN ITS USE (A CASE STUDY OF THE SVERDLOVSK REGION)....88
Dolgopolov A.A., Ilyashenko A.N., Belokon A.V. LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR: CRIMINOLOGICAL ASPECT....96
Zelenskaya D.D. ON ORGANIZATIONAL AND CRIMINAL-LAW FACTORS AFFECTING ILLEGAL LABOR MIGRATION....103
Zubova M.V. HOMELESSNESS AND ITS CRIMINAL COMPONENTS....107
Mironov G.Yu., Kutuzov A.V. FEATURES OF COUNTERING CRIME IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING IN THE DIGITAL SPACE....113
Nurkaeva M.K. THE PROCESS OF DETERMINING THE MOMENT WHEN INFORMATION ABOUT FACTS IS TRANSFORMED INTO CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE UNDER THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION....120
Radeeva Yu.A. THE ESSENCE OF INVESTIGATION PLANNING IN THE CONTEXT OF A PROBLEM-SEARCH INVESTIGATIVE SITUATION....128
Rossinsky S.B. ESSENCE OF THE PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF SPECIAL POLICE INVESTIGATION DEPARTMENTS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES....132
Ryzhkova A.A. THE ESSENCE AND CONTENT OF CRIMES IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES THAT CAUSED HARM TO HEALTH OR DEATH OF A PERSON....137
Sukhodolov A.S., Safonova N.V. PRIVATE PROSECUTION CASES: WHEN LOGIC DOESN'T WORK....144
Trofimov V.E., Akhtanina N.A. IMPROVING SOCIAL ADVERTISING AIMED AT PREVENTING ROAD ACCIDENTS AND THEIR CONSEQUENCES....152
Ushakov A.Yu., Valova A.I., Sharaeva Ya.A. CRIME FACTORS IN THE SPHERE OF FAMILY AND HOUSEHOLD RELATIONS....158

5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES (POLITICAL SCIENCES)

Grigoryan D.K., Kasherokova A.A. THE INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE POLITICAL PROCESS: THE ROLE OF POLITICAL ELITES 162
Lubsky R.A., Suleymanov A.M. GEOPOLITICAL, GEOECONOMIC, HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF ENSURING REGIONAL SECURITY AND INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CASPIAN REGION 169
Shumilina A.B., Artyukhin O.A., Malyavina A.B. THE EVOLUTION OF CONCEPTS OF CIVIL SOCIETY: TOWARDS POSTMODERNITY 175

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Glushchenko D.V., Alekhina E.S. FORMAL OBJECTIVISM OF LAW: IDEOLOGY OF SOCIAL REALITY OR FALSE ALTERNATIVE OF SUBJECTIVISM 181
Grigorov E.V. RUSSIAN PEOPLE: ONTOLOGY OF MULTINATIONALITY 186
Kashapov U.A., Suleymanov T.F. G. LEBON, G. TARD AND T. ADORNO ON THE RELIGIOUS-PSYCHOLOGICAL NATURE OF LEADERSHIP 192
Kilimnik E.V. IDEOLOGICAL FEATURES OF ETHNO-NATIONALISM IN POST-MAIDAN UKRAINE. THE FORMATION OF NATIONALIST VIEWS IN UKRAINE IN THE 1991–2000S (PART I) 198
Kontarev A.A. ON THE DEVELOPMENT OF MIGRATION STUDIES IN THE CONTEXT OF METHODOLOGICAL VARIABILITY OF GENERAL THEORIES OF MIGRATION 204
Lotarev K.I., Shcherbinin S.V. DESTRUCTIVE INFORMATION IMPACT OF UKRAINIAN SPECIAL SERVICES ON RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF A PROXY WAR 210
Melikhov A.I., Pisachkin D.V. ON THE NEED FOR A THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL STUDY OF THE CONCEPT OF «IDEOLOGICAL SECURITY» 215

5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Bespalova T.V., Bespalov A.K. TRANSFORMATION OF CULTURAL AND HISTORICAL KNOWLEDGE INTO PATRIOTIC BELIEFS OF CITIZENS: THE CASE OF MUSEUM PRACTICES (PART I) 224
Vnukovskaya A.V., Shikhiev F.Sh., Shikhiev Z.F. PROBLEMS AND PRINCIPLES OF REALIZATION OF LANGUAGE ACTIVITY IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE 230
Topilina A.V., Rozhkovsky V.B. ON THE PROBLEM OF THE ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF COPYRIGHT: THE CONCEPTS OF AUTHORSHIP, CREATIVITY AND ORIGINALITY OF TEXTS CREATED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE. PART 2. MAIN DOCTRINAL LEGAL INTERPRETATIONS 235

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 7–12.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 7–12.

Научная статья
УДК 342.5

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Пушкарев Евгений Александрович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
kr_evg@mail.ru

Введение: *советская идеология оказала большое влияние на развитие индустриального общества в XX в., фактически расколола мир на два противоборствующего лагеря: так называемых капитализм и социализм. Несмотря на наступивший кризис многие ее установки продолжают трансформироваться через призму либерализма, обретают в современной политической системе российского общества новый концепт.*

Материалы и методы: *материальную базу статьи составили исследования современных историков, политологов и правоведов в области генезиса идеологии советского строя. В процессе написания статьи использовался исторический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, моделирования. В начале статьи автор раскрывает революционное становление советской идеологии и ее основные установки, в дальнейшем дается трансформационная характеристика ее основ в соответствии с политической конъюнктурой.*

Результаты исследования: *в статье рассмотрены предпосылки формирования советской идеологии, основные ее установки и их трансформация в связи с корректировкой политического курса в советском государстве, а затем и в постсоветский период в современной России.*

Выводы и заключения: *центральной культовой идеологической фигурой на протяжении истории существования советского государства оставался один из его основателей – В. Ленин. С его «идеями» связывали цели дальнейшего развития, его «идеи» приспосабливали к новым идеологемам, несоответствием его «идеям» объясняли предыдущие ошибки и проблемы политического управления. В российском государстве культ личности В. Ленина был нивелирован, но идеологемы сильного, коллективистского и социально ориентированного государства приобрели консервативные черты в рамках либерально-демократического политического строя.*

Ключевые слова: *советская идеология, культ личности, мировоззрение, идеологемы, капитализм, социализм, государственная монополия, держава, традиционные ценности.*

Для цитирования: Пушкарев Е. А. *Идеологические основания советского государства: историко-институциональный анализ / Е. А. Пушкарев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 7–12.*

Original paper

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SOVIET STATE: HISTORICAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS

Pushkarev Evgeny Alexandrovich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *Soviet ideology had a profound influence on the development of industrial society in the 20th century, effectively dividing the world into two opposing camps: capitalism and socialism. Despite the ensuing crisis, many of its tenets continue to be transformed through the prism of liberalism, acquiring a new concept in the contemporary political system of Russian society.*

Materials and methods: *the article draws on research by contemporary historians, political scientists, and legal scholars on the genesis of Soviet ideology. The historical method, analysis and synthesis, induction and deduction, and modeling were used in writing the article. The author*

begins by describing the revolutionary development of Soviet ideology and its fundamental tenets, then provides a transformational characterization of its foundations in accordance with the political climate.

Results of the study: *the article examines the preconditions for the formation of Soviet ideology, its main tenets, and their transformation in connection with the adjustment of political course in the Soviet state, and subsequently in the post-Soviet period in modern Russia.*

Findings and conclusions: *throughout the history of the Soviet state, one of its founders, V. Lenin, remained the central cult ideological figure. His «ideas» were associated with the goals of further development, his «ideas» were adapted to new ideologies, and previous mistakes and problems of political governance were explained by their inconsistency with his «ideas». In the Russian state, the cult of Lenin's personality was neutralized, but the ideologies of a strong, collectivist, and socially oriented state acquired conservative features within the framework of the liberal democratic political system.*

Keywords: *Soviet ideology, personality cult, worldview, ideologies, capitalism, socialism, state monopoly, state, traditional values.*

For citation: Pushkarev E. A. *Ideological foundations of the Soviet state: historical and institutional analysis / E. A. Pushkarev // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 7–12.*

Идеями построения справедливого общества были озабочены еще древнегреческие философы, средневековые европейские и восточные мыслители, утописты. Одна из крупномасштабных попыток их реализовать была предпринята в революционной России в 1917 г.

Советское большевистское правительство объявило, что исправит пороки общества XX в. Однако строилось «светлое будущее» на иных принципах и уже для новых советских людей, отказавшихся от всего «прошлого», для которых эти пороки были уже неактуальными. Тем самым новая модель общества, противопоставляемая полностью старой, порождала иные принципиальные противоречия.

Идеология, с одной стороны, эти противоречия обостряла, не допуская критики «нового», ища в крайних ситуациях не причины, а борясь со следствием «перегибов». С другой стороны, она создавала широкое поле для творчества и энтузиазма строителей коммунизма, веру в неизбежность положительного результата.

Идеологическое направление деятельности советского государства было призвано создать новую мировую «религию» великой исторической миссии. Советский человек должен был быть интернационалистом, сопереживающим несправедливостям в других странах, бескорыстно идущим на помощь «угнетаемым». На его стороне было советское государство с развитым военно-промышленным комплексом. Высшей целью являлось построение союза государств «будущего». В советских конституциях декларировался свободный вход и выход республик из социалистического союза.

Основным элементом советского государства становился «человек труда», «винтик» его механизма, жертвующий всем, беспрекословно подчиняющийся его власти. Героем мог стать обычный гражданин (ударник, стахановец), постоянно перевыполняющий промышленные или сельхознормы в рамках социалистического соревнования.

Официально советская идеология носила название марксизма-ленинизма – немецкого философа-социалиста середины XIX в. К. Маркса и первого руководителя советского государства В. Ленина. В основу их трудов было положено описание экономического неравенства людей с радикальными способами по его устранению: ликвидация частной собственности и классового деления общества, обобществление жизнедеятельности и государственно-партийное единоначалие. Все сущностные расхождения и противоречия в их трудах нивелировались последующим толкованием, неизбежностью практических корректировок теоретических идей. В советской эпохе условно выделяют три идеологических поворота: мифологизация деятельности Ленина, отход от неких «ленинских идей» Сталина и обратное возвращение к неким идеальным установлениям Ленина [1, с. 5].

Вызывает определенный научный интерес представленная исследователем Д.М. Фельдманом идеологическая трансформация в советском государстве через меняющееся значение терминов-идеологем (революционная законность, советская законность, коллективное руководство, культ личности, репрессии, реабилитация). С помощью революционной / советской законности обосновывался отход от законности в угоду раз-

вития политического строя. Коллективное руководство как одна из «основных идей Ленина» противопоставлялось культу личности, сначала Сталиным по отношению к своим оппонентам, а потом и в отношении его самого. Термин «репрессии» в раннем советском законодательстве использовался как новый синоним «буржуазному» слову «наказание». Затем он приобрел негативный оттенок. Реабилитация применялась как административная процедура восстановления нарушенных прав, минуя предусмотренное уголовное разбирательство с лицами, допустившими необоснованные репрессии [1, с. 25–44].

Односторонний экономический взгляд идеологии на общественные процессы, лишенный национально-цивилизационной характеристики, признавался единственно верным и научно непогрешимым. Необходимостью ликвидации естественного социального неравенства обосновывалась неизбежность борьбы двух мировых систем – капитализма и коммунизма.

Идеологическая обработка пронизывала все сферы жизнедеятельности. В каждой профессиональной группе вводились должности партийных контролеров-агитаторов. Приобщение граждан к условиям социализма осуществлялось с раннего детства. Жесткая цензура распространялась от учебной и художественной литературы до бытовых разговоров. Организовывались массовые агитационные мероприятия, приуроченные к значимым событиям или партийным решениям, обеспечивалось безоговорочное участие в них советских граждан. С помощью Коминтерна социалистические идеи распространялись в иных государствах, поддерживались там же оппозиционные слои.

В советском государстве частично были реализованы идеологические установки о равном доступе к бесплатным образованию, медицине, жилью, санаторному отдыху, участии в выборах, о нормированном рабочем времени, трудовом и пенсионном обеспечении, социальных лифтах. Эти достижения привлекали внимание не только низшие слои в капиталистических странах, но учитывались в проводимых реформах их правительствами. Социальные программы в программах демократических партий капиталистических стран стали обыденностью.

Идеологию марксизма-ленинизма начали формировать в 1920-е гг. Большевики после 1917 г. были не единственной партией, выдвигавшей марксистские идеи. Но победив в гражданской войне, остальные партии были объявлены ими контрреволюционными. Ленин превозносился пропагандой практическим воплотителем идей Маркса. Решение о канонизации Ленина путем его бальзамирования в мавзолее было принято еще во время его болезни в 1923 г. В значительной мере ленинизм, по мнению А.А. Зиновьева, вошел в идеологию в его сталинском изложении [2].

Основные отличия «идей Ленина» состояли в том, что диктатура пролетариата, по Марксу, была заменена им на диктатуру рабочей партии. В промышленно развитых странах мировая коммунистическая революция так и не состоялась, впоследствии ограничились «отдельно взятой аграрной страной». При построении, по Марксу, бесклассового и безгосударственного общества о последнем предпочитали умалчивать: строили бесклассовое государство (империю) или социализм как переходную стадию к коммунизму. В иных странах с социалистическим строем (Китай, Куба, Вьетнам) марксизм-ленинизм имел свою местную специфику «идеологии рабочего класса».

Популяризация партией культа своего вождя Ленина в 20-е гг. проводилась в разных форматах: празднование 50-летнего юбилея, распространение изображений, переименования в его честь, траурные мероприятия. Учитывая политические стереотипы, как утверждает О.В. Великанова, пропагандистская кампания изначально в массовом сознании создавала образы Ленина, персонифицированного с коммунистической партией, «отца-заступника», русского правителя [3, с. 8, 12].

Большую роль в оформлении идеологии марксизма-ленинизма сыграл И.В. Сталин. Ее кульминацией был вышедший в 1938 г. мифологизированный «Краткий курс истории ВКП(б)». Общий тираж этой книги составил более 60 млн экземпляров. В нем главным борцом с общественной несправедливостью был представлен Ленин и партия большевиков, а его активным соратником, а затем и продолжателем построения социализма – Сталин. Бескомпромиссность и непримиримость Ленина к врагам предопределяли репрессии [3, с. 13]. Также обосновывалось превосходство марксистского философского материализма над иным идеализмом своей практикоориентированностью, что должно было привести к неизбежности построения «лучшего будущего человечества» – социализма через соединения науки и практики.

Несмотря на позиционирование СССР как очага мировой социалистической рево-

люции, его идеология в сталинское правление была привлекательна для разных слоев населения в капиталистических странах. Потерявшие работу и разорившиеся граждане западных стран (американцы, немцы, шведы, венгры) в период мирового экономического кризиса 1929-1939 гг. или просто энтузиасты активно переселялись в Советский Союз. Из них формировались отдельные бригады инженерных специальностей для работы на заводах. Создавались более благоприятные условия труда и быта. Однако со второй половины 30-х гг. многие иностранцы становились объектами репрессий по национальному признаку.

Неэффективность и ошибки в государственном управлении, экономике объяснялись действиями идеологических противников – «вредителей», шпионов, оппозиционеров, «контрреволюционеров». Критика не допускалась как подрывающая авторитет власти. Всеобщая борьба с противниками подкреплялась милитаризацией промышленного сектора. Работа по-сталински предполагала деятельность в постоянном чрезвычайном режиме, большую потерю ресурсов для достижения политических целей.

Кардинально изменился идеологический концепт Ленин-Сталин после смерти последнего. На XX съезде КПСС в 1956 г. Сталин был представлен как «отступник» от ленинского курса, объявлялась эпоха возращения к истокам [1, с. 5]. Тем самым критика ограничилась личностью Сталина и не распространялась на саму систему власти и сам «культ личности» как способ отношений власти и народа. Было введено празднование дня рождения Ленина, открыт мемориальный музей Ленина в Кремле, увеличилось издание книг о нем [3, с. 14].

В международной политике наступило некоторое ослабление прямого противостояния с Западом, «холодную войну» сменяли периодически курсы на «мир» и «разрядку» в отношениях.

Выстроенная модель социалистической плановой экономики кардинальным изменениям не подвергалась. Ее изъяны связывались партийным руководством не с недостатком кадровой работы, а с негибкостью социалистических догм. При Н.С. Хрущеве была введена в практику ротация кадров, разделен партийный контроль на промышленный и сельскохозяйственный.

Однако разросшийся чиновничий (номенклатурный) централизованный аппарат не способствовал крупномасштабному развитию низовой инициативности, являющейся, как известно, двигателем рыночной экономики. Результаты экстенсивного социализма все более отставали от интенсивного капитализма. Введенный идеологический лозунг «догнать и перегнать Америку» констатировал стратегическое отставание, вступал в противоречие с декларируемой ущербностью капитализма и превратил революционное учение, как отмечает Б.Г. Капустин, в демагогию по правилам игры Америки в общество потребления [4, с. 77].

Следует констатировать, что хрущевское новое видение «очищенной» ленинской коммунистической идеи было воспринято с воодушевлением значительной частью интеллигенции – «шестидесятниками». Появились идеологемы «строительства коммунизма», «социализма с человеческим лицом», предполагавшие наличие либеральных послаблений в культуре, акцентирования внимания на личностных качествах советского человека. В то же время заданный новый импульс развития общества длился относительно недолго. Подавление восстаний в европейском социалистическом лагере, в городе Новочеркасске указывали на сохраняющуюся сверхцентрализацию управления. В конечном итоге новые либеральные веяния подверглись официальной критике и цензуре (посещение выставки авангардистов Н.С. Хрущевым в 1962 г.).

«Эпоха брежневского застоя» во второй половине 60-х – начале 80-х гг. окончательно утвердила двойственность массового сознания между верой в идеологические символы и восприятием реальной действительности. Идеологема «построения коммунизма к 1980 г.» сменилась достижением «развитого социализма» в неопределенных временных рамках. Идеологические практики приобретали все более ритуальный характер, теряли свою мобилизующую роль [5, с. 84].

В этот период формированию антисоветских взглядов способствовали не только отдельные диссиденты и самиздатовская литература, но и более массовые формы культуры. В эстетически привлекательной форме новые «двойственные» мировоззренческие установки распространялись преимущественно в интеллигентской среде через художественную литературу, бардовскую песню и эстрадный юмор [6, с. 251].

Получивший свое закрепление в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. политический курс на «возрастание руководящей роли КПСС» фактически отражал усиление расслоения в политической и социальной жизни стра-

ны, расцвет номенклатурных привилегий, протекционизма и коррупции. Партийная и хозяйственная бюрократия со своими правами, привилегиями, иерархией стала носить черты закрытой касты. В то же время относительная экономическая стабильность в стране, социальные гарантии и ощущение слитности с делами общества продолжали поддерживать ощущение духовной комфортности и социального оптимизма значительной части советских граждан.

Однако успехи развитого социализма стали все более меркнуть в массовом сознании во второй половине 80-х гг. Возросшие бытовые потребности населения сталкивались с неспособностью ориентированной на тяжелую промышленность (гигантоманию) экономику их удовлетворять и, как следствие, с пустыми полками в магазинах. Проникающие полулегально через закрытые границы одежда и бытовые приборы пользовались повышенным спросом. Объявленный в 1985 г. М.С. Горбачевым стратегический курс на «ускорение социально-экономического развития», удвоения производственных мощностей и выпускаемой продукции не сломил общий экономический спад. Стремление вернуть страну к «подлинному» Ленину, по выражению О.В. Великановой, не увенчалось успехом и впоследствии породило критику его учения [3, с. 15].

С 1987 г. начался последний этап крупных социалистических преобразований в экономической, политической и идеологической сферах – «перестройка». Идеологическая государственная монополия заменялась ограниченным плюрализмом, а политический силовой диктат разбавлялся общественной дискуссией. Коммунистическая империя в попытке реформировать идеологию разрушила свои основы. Нарастающая внутренняя критика, социальная апатия, отсутствие привлекательных идеологических идей привели к распаду социалистического блока стран, а затем в 1991 г. и самого Советского Союза.

В распавшихся частях советской империи стали реформироваться государственные системы, с различной интенсивностью переходя к либеральным (капиталистическим) идеологическим установкам. Высшей конституционной ценностью в России вместо государства (общества) был объявлен человек (индивид). Обеспечение его прав и свобод вменено государству. Сохранен ряд достижений советской эпохи – пенсионное обеспечение, бесплатные медицина и образование. Произошла постепенная смена консервативных элит. Чиновничество сохранило привилегии, но стало уступать место в социальном статусе олигархии, получившей часть разгосударствленной собственности и более высокие доходы в условиях рынка. Ленинизм-марксизм обрел в официальных кругах характеристику «коммунистического эксперимента», «тоталитарной системы».

К политической истории трех первых десятилетий Российской Федерации исследователь В.С. Авдонин отнес три стратегии отношения к советскому идейному наследию: «борьбы», «адаптации» и «селективного использования». С помощью первой стратегии в борьбе с крупной коммунистической, но уже оппозицией происходило укрепление власти Б.Н. Ельцина. Акцентировалось внимание на придании негативных черт советской идеологии, ее догматизме, приведшем к «историческому тупику». В.В. Путин вначале 2000-х гг. избрал путь исправления ошибок «лихих 90-х», «наведения порядка», «сильного государства», «державы». Взамен советских были адаптированы нарративы «российского консерватизма» и «суверенной демократии». Третья стратегия «селективного использования», по мнению В.С. Авдонина, избирательно относила к негативному влиянию советской идеологии революцию, гражданскую войну, репрессии, развал СССР, а к «идентичности» и «культурному коду» темы Великой Отечественной войны, трудовые подвиги, достижения советской науки, успехи культуры и спорта [5, с. 87–94].

К четвертому десятилетию Российской Федерации, как представляется, произошел слом идеологических приоритетов с либеральных на советские. Обладавшая силовым аппаратом государственная власть вновь взяла социальную вершину. Был сформирован идеологический территориально-исторический концепт «традиционных ценностей», закрепленный в 2020 г. конституционными поправками. К традиционным ценностям Указом Президента России от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 91) помимо либеральных были отнесены ценности советской эпохи: патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, коллективизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Таким образом, советская идеология несмотря на свой догматизм фактически была реализована в сверхцентрализованную государственную систему, методы управления

которой мало чем отличались от противопоставляемых капитализму. Однако выбранная внешняя конфронтационная изоляционистская стратегия управления оказалась губительна. Пример успешного мягкого соединения социализма с капитализмом можно сейчас проследить в Китае, где наблюдается стабильный экономический и технологический подъем. Российская Федерация, как видится, также после некоторого поиска и метания обретает свое преемственное развитие.

Список источников

1. Фельдман Д.М. Советская идеология в контексте политической истории России XX в.: автореф. дис. … д-ра истор. наук. Саратов, 2007.

2. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. URL: https://conflictmanagement.ru/sovetskaya-ideologiya/ (дата обращения: 31.05.2025).

3. Великанова О.В. Образ В.И. Ленина в государственной идеологии и общественном восприятии в Советской России: автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 1993.

4. Капустин Б.Г. Идеология и крах советского строя // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. Т. 14.

5. Авдонин В.С. Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5.

6. Солодовник Л.В. Фактор идеологии в советском обществе: ретроспективный анализ в координатах идеологической безопасности государства и общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4.

References

1. Feldman, D.M. «Soviet Ideology in the Context of the Political History of 20th-Century Russia»: Abstract of a Doctor of History Dissertation. Saratov, 2007.

2. Zinoviev, A.A. «Ideology of the Party of the Future». URL: https://conflictmanagement.ru/sovetskaya-ideologiya/ (date of access: 31.05.2025).

3. Velikanova, O.V. «The Image of V.I. Lenin in State Ideology and Public Perception in Soviet Russia»: Abstract of PhD in Historical Sciences dissertation. St. Petersburg, 1993.

4. Kapustin, B.G. «Ideology and the Collapse of the Soviet System» // Russia in Global Affairs. 2016. № 6. Vol. 14.

5. Avdonin, V.S. The Transformation of «Soviet Ideology» in the Discursive Practices of Russian Power // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. № 5.

6. Solodovnik, L.V. The Ideological Factor in Soviet Society: A Retrospective Analysis in the Coordinates of Ideological Security of the State and Society // Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2012. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарев Евгений Александрович, *доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. ORCID: 0000-0002-0253-719X*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pushkarev Evgeny Alexandrovich, *Grand PhD in Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 13–19.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 13–19.

Научная статья
УДК 34

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ МЕТАВСЕЛЕННЫХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД[1]

Ширинских Полина Ивановна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
shirinskikh1999@mail.ru

Введение: *в представленном исследовании осуществлена попытка проведения сравнительно-правового анализа ключевых аспектов, связанных с новым цифровым явлением – метавселенной, а именно понятийного аппарата, сфер практического применения индустрии метавселенных, а также существующих рисков и угроз при ее развитии. Актуальность данной работы обусловлена отсутствием целостного подхода к определению феномена «метавселенная» и недостаточной степенью обоснованности и системности имеющихся в отечественной науке взглядов на вызовы и угрозы иммерсивной мультисенсорной среды.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования помимо общенаучных подходов, включая формально-логическую и диалектическую методологии, составили также частнонаучные методы, в том числе метод толкования права, метод моделирования и подходы компаративистики. Материальная база исследования представлена работами отечественных и зарубежных ученых по социально-правовым и философско-правовым проблемам современности, включая работы в сфере цифровизации общества и государства.*

Результаты исследования: *в работе определены экономический, политико-правовой, технологический, философско-мировоззренческий и риск-ориентированный подходы к понятию «метавселенная», обозначены сферы применения платформ виртуальной и дополненной реальности – прототипов метавселенных, установлены угрозы и риски безопасности личности, общества и государства, возникающие в связи с развитием данной индустрии.*

Выводы и заключения: *сравнительно-правовой подход позволил обосновать значимость научного исследования феномена «метавселенная» и особенностей его правового регулирования с целью дальнейшего изучения правовых проблем в области цифровизации общества и государства, а также развития и совершенствования российского законодательства.*

Ключевые слова: *метавселенные, виртуальная иммерсивная среда, технологии дополненной и виртуальной реальности, цифровые технологии, искусственный интеллект, цифровой суверенитет, цифровизация.*

Для цитирования: Ширинских П. И. *Развитие индустрии метавселенных сквозь призму права: компаративистский подход / П. И. Ширинских // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 13–19.*

Original paper

THE DEVELOPMENT OF THE METAVERSE INDUSTRY THROUGH THE LENS OF LAW: A COMPARATIVE APPROACH

Shirinskikh Polina Ivanovna
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *this study attempts to conduct a comparative legal analysis of key aspects associated with the new digital phenomenon of the metaverse, namely its conceptual framework, areas of practical application of the metaverse industry, and the existing risks and threats associated with its development. The relevance of this work stems from the lack of a holistic approach to defining the «metaverse» phenomenon and the insufficient substantiation and consistency of existing Russian scientific views on the challenges and threats of immersive multisensory environments.*

Materials and methods: *in addition to general scientific approaches, including formal-logical and dialectical methodologies, the methodological basis of the study also includes specific scientific methods, including the method of legal interpretation, modeling, and comparative approaches. The research material is represented by the works of Russian and foreign scholars on contemporary socio-legal and philosophical-legal issues, including work in the field of digitalization of society and the state.*

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Results of the study: *the paper defines economic, political-legal, technological, philosophical-ideological, and risk-based approaches to the concept of the «metaverse». It also identifies the application areas of virtual and augmented reality platforms – the prototypes of metaverses – and identifies the threats and risks to the security of individuals, society, and the state arising from the development of this industry.*

Findings and conclusions: *a comparative legal approach substantiates the importance of scientific research into the «metaverse» phenomenon and the specifics of its legal regulation for the purpose of further exploring legal issues in the digitalization of society and the state, as well as the development and improvement of Russian legislation.*

Keywords: *metaverses, virtual immersive environments, augmented and virtual reality technologies, digital technologies, artificial intelligence, digital sovereignty, digitalization.*

For citation: Shirinskikh P. I. *Development of the metaverse industry through the lens of law: a comparative approach / P. I. Shirinskikh // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 13–19.*

В современном мире цифровые технологии, среди которых следует особо обозначить технологии виртуальной и дополненной реальности, технологии искусственного интеллекта и блокчейн-технологии, выступают не только самостоятельным направлением передовых научных разработок, но и стратегическим вектором научно-технологического развития государств. Цифровые технологии становятся частью повседневной жизни человечества еще до того, как получают общепринятое в науке и законодательстве определение. Такова суть искусства открытий и изобретений в период общественной трансформации, в том числе и в условиях технологического прогресса. Консолидация указанных технологий находит свое отражение в концепции «метавселенная», анализ правовых вызовов и перспектив развития которой является важным для дальнейшего изучения правовых проблем в области цифровизации общества и государства.

Рассматриваемый вопрос затрагивает важные аспекты современного права в контексте новых форм общественного взаимодействия внутри иммерсивного мультисенсорного пространства и связан с адаптацией и изменением правовых норм, что дает основание перед проведением исследования, связанным с отражением существующих моделей правового регулирования и правопорядка метавселенных, подчеркнуть необходимость обозначения существа исследуемого феномена. Следует сделать акцент на том, что технологический прогресс невозможно без ущерба для развития общества вписать в какие-либо рамки, кроме правовых. Это означает, что игнорирование индустрии метавселенных может быть чревато отставанием в технологическом развитии страны, навязывании зарубежной модели ее функционирования. При этом уточнение и описание принципов правового регулирования виртуальных вселенных, напротив, может стать базой для разработки отечественного законодательства в данной области, что позитивно скажется на правовой определенности феномена «метавселенная» и цифровом суверенитете государства.

Для достижения этих целей в работе обобщены данные по областям и сферам применения индустрии метавселенных, а также представлен сравнительно-правовой анализ определений исследуемого феномена и существующих рисков и угроз, связанных с развитием метавселенных в условиях цифровой трансформации общества и государства.

Новый этап развития информационной индустрии связан с появлением такого цифрового феномена, как метавселенная. В данном случае речь идет о трехмерном виртуальном иммерсивном мультисенсорном пространстве, в котором взаимодействие участников – цифровых двойников человека (аватаров) – опосредовано применением специальных технических устройств (сканирующие датчики, очки виртуальной реальности, шлем виртуальной реальности и пр.). Здесь происходит виртуализация общественных процессов, относящихся не только к игровым и досуговым мероприятиям (посещение музеев, концертов в виртуальном пространстве), но и образовательным и экономическим формам взаимодействия граждан (получение образования, купля-продажа вещей в метавселенной и др.). Для лучшего понимания сущности и содержания предмета исследования обратимся к взглядам отечественных и зарубежных ученых, занимающихся изысканиями в рассматриваемой области.

Следует начать с того, что большинство ученых, формулируя определение метавселенной, оперируют экономическими категориями, учитывая ценностно-стоимостные характеристики и фактор влияния нового цифрового феномена на экономику отдельных государств в частности и мировую экономику в целом. Так, в работах российских и белорусских исследователей, в том числе таких как А.А. Измайлова, Н.А. Стефанова, О.О. Андирякова, Т.А. Алабина, Х.С. Дзангиева, А.А. Юшковская, А.С. Бояшов, В.В. Демиров и др., метавселенная рассматривается как новая экономическая система [1, с. 175–179; 2, с. 127–131], глобальный тренд экономики [3, с. 5–12], цифровой тренд экономики, общества и управления [4].

Такой подход поддерживается некоторыми западными специалистами, лидерами крупных компаний, которые в качестве важнейших аспектов метаиндустрии как открытой экосистемы выделяют в первую очередь коммерческую возможность для инвестиций и извлечения прибыли[1].

Другой угол зрения наблюдается в работах К.С. Евсикова, где метавселенная рассматривается как «новая информационная система, существующая в форме цифровой платформы и/или социальной сети» [5, с. 54], в которой нормами права должны быть регламентированы «оборот информации и оборот цифровых активов в "метавселенной"» [6]. Затрагивая проблемы государственного суверенитета в условиях развития метавселенных и роста влияния на геополитические процессы крупных корпораций, выступающих создателями цифровых сред, Р.А. Середа подчеркивает, что в складывающихся обстоятельствах «придется столкнуться с необходимостью легитимизации властных полномочий новых субъектов, владеющих вычислительными ресурсами и обеспечивающими функционирование метавселенной» [7, с. 38].

Также интересен взгляд О.Н. Гурова, центральной мыслью в статье которого выступило определение нравственности в качестве базовой категории для выявления пределов технологических изменений. Приводя слова автора, согласимся с тем, что «единый моральный узел, связывающий человеческое и технологическое, физическое и виртуальное… является тем фундаментом, на котором должен основываться прогресс» [8, с. 29]. О.Н. Гуров, используя отсылку к идее Паноптикона, предложенную И. Бентамом и интерпретированную М. Фуко, характеризует метавселенную как «еще один способ контроля и наблюдения за людьми, только более инновационный и менее очевидный» [8, с. 36]. Анализируя данную работу, С.Н. Федорченко утверждает, что «метавселенная согласно такому видению – это новая среда для функционирования дисциплинарной власти» [9, с. 24]. Тем самым, преломляя метафору первого автора, он указывает на возможность оказания воздействия и применения социального контроля по отношению к пользователям метавселенных со стороны политических и неполитических акторов. В работах указанных исследователей заметен акцент на политико-правовых аспектах рассматриваемого цифрового феномена. В связи с этим невозможно не сказать, что метавселенные не являются аполитичной средой, даже когда речь идет о децентрализованной модели их построения и функционирования на основе технологий искусственного интеллекта, очевидна зависимость от заложенных ценностей и установок разработчиками и заказчиками цифровых платформ.

Не менее важным считаем упомянуть и мнение А.П. Сегала и А.В. Савченко, которые, ставя ряд онтологических, эпистемологических и аксиологических вопросов, подчеркивают, что метавселенная не является новым пространством или его копией. По их мнению, метавселенная – это модель, подразумевающая «аналог объекта, воспроизведенный по ряду параметров» [10], с технической точки зрения представляющая собой «дальнейшее развитие аппаратно-программного комплекса медиа с усовершенствованием сенсорных интерфейсов, своего рода WEB.3.0» [10], что несмотря на философские вопросы, поставленные в этой и других работах авторов, является описанием феномена через призму технологического подхода.

Отметим, что часть ученых в противоположность ранее указанной позиции при формулировании определения виртуальной вселенной фокусируется на структурных элементах цифровых сред и использует для их интерпретации пространственные величины и характеристики. При этом они не только дают определение метавселенной в качестве нового информационного или цифрового пространства [11, с. 15; 12, с. 59], но и указывают на философско-мировоззренческие аспекты новой социотехнической среды. В частности, А.Ю. Мамычев рассматривает метадискурс, включающий в себя и формирование новых цифровых пространств, в том числе метареальности, как один из компонентов неолиберализма – идеологической системы, сформированной с учетом цифровых изменений в обществе. Автор связывает доминирование цифровой реальности с происходящими изменениями в мировоззрении отдельных социальных групп и общества в целом, обозначая при этом корреляцию нового (цифрового) мировоззрения с формированием цифрового пространства [12, с. 57–59].

В отдельных научных исследованиях можно увидеть применение риск-ориентированного подхода, сводимого к тому, что при определении сущности метавселенной ключевым является описание рисков и угроз, которые таит в себе развитие технологической отрасли в целом и индустрии метавселенных в частности [13, с. 6–10; 14, с. 19–25]. Подробнее существующие и прогнозируемые вызовы и угрозы безопасности личности, общества и государства в условиях развития индустрии метавселенных будут рассмотрены в отдельной части статьи.

Таким образом, в работе в качестве основных направлений восприятия и толкования такого цифрового явления, как «метавселенная», выделены экономический, политико-правовой, технологический, философско-мировоззренческий и риск-ориентированный подходы.

[1] 71 % of executives say the metaverse will be good for business. Here's why. URL: https://www.weforum.org/stories/2022/04/metaverse-will-be-good-for-business/ (дата обращения: 13.04.2025).

Отметим, что первыми платформами виртуальных вселенных были многопользовательские онлайн-игры, которые носили исключительно развлекательный характер. Дальнейшее же совершенствование позволило не только расширить сферу применения успешно функционирующих игровых цифровых платформ, но и создать те, которые стали активно применяться в образовании, медицине, маркетинге и культуре, становясь полномасштабной версией многофункционального иммерсивного пространства. Ниже представлена информация по применению в разных странах наиболее известных метавселенных и их прототипов (таблица 1).

В таблице в качестве разработчиков платформ метавселенных указаны зарегистрированные в разных странах преимущественно

Таблица 1

Индустрия метавселенных в различных странах

Сфера применения	Наименование метавселенной, ее прототипа	Наименование организации, разработавшей метавселенную, или заказчика	Страна организации-разработчика/ Заказчика
Развлечения	Final Fantasy	Компания «Square Enix»	Япония
	Roblox	«Roblox Corporation»	США
	Fortnite	Компания «Epic Games»	США
	Decentraland	Компания «Decentraland Foundation»	Аргентина
	Minecraft	Компания «Mojang Studios»	Швеция
Образование	MetaHKUST	Гонконгский университет науки и технологий	Китай
	SNHU Virtual Campus	Южный Нью-Гэмпширский университет	США
	SMU Virtual Campus	Сингапурский университет управления	Сингапур
	Helsinki XR Center	Хельсинский университет	Финляндия
Медицина и здравоохранение	Johns Hopkins VR for Health	Университет Джонса Хопкинса	США
	XRHealth	Компания «VR Health»	Израиль, США
	Medical Realities VR	Компания «Medical Realities»	Великобритания
	Melbourne XR Lab	Мельбурнский университет	Австралия
Культура и туризм	Museum of Other Realities	Компания «MOR Museum Inc.»	США
	Virtual Colosseum	Министерство культуры Италии	Италия
	Italy VR Travel	Национальное агентство Италии по туризму	Италия
	ZEPETO	Компания «Naver Z Corporation»	Южная Корея
	National Museum of Australia Virtual Experience	Национальный музей Австралии	Австралия
	Cultural Universe	Министерство культуры Саудовской Аравии, компании DroppGroup и Oracle	Саудовская Аравия, США

Бизнес и маркетинг	Voltep	ООО «ВОЛТЕП»	Россия
	Sense Tower	АО «СЭНС ТАУЭР»	Россия
	Alibaba Cloud Metaverse	Компания «Alibaba Groop»	Китай
	Xi Rang	Компания «Baidu Inc.»	Китай
	SMU Virtual Campus	Сингапурский университет управления	Сингапур
	Second Life	Компания «Linden Lab»	США
	Decentraland	Компания «Decentraland Foundation»	Аргентина
	Dubai World Trade Center Authority	Управление всемирного торгового центра Дубая	ОАЭ
Трудовая деятельность	Microsoft Mesh	Компания «Microsoft Corporation»	США
	Accenture Metaverse Continuum	Компания «Accenture»	Ирландия
	PwC Metaverse	Компания «Pricewaterhouse Coopers (PwC)»	Великобритания
Государственное управление	Dubai Metaverse	Правительство Дубая	ОАЭ
	Virtual Singapore	Управление земельных ресурсов Сингапура, компания «Bentley Systems»	Сингапур

коммерческие компании. Перечисленные в таблице университеты, иные некоммерческие структуры и государственные органы выступают заказчиками созданных платформ метавселенных. Такое деление позволяет нагляднее продемонстрировать целевое назначение виртуальных вселенных. Бесспорно, что только спустя время данная индустрия смогла расширить область своего использования от развлекательного сегмента до государственного управления, для этого потребовалось совершенствование цифровых платформ и информационных технологий. Так, еще в 2013 г. в совместной работе представителей Университета Лойолы Мэримаунт Д.Д. Дионисио, Р. Гилберта и руководителя отдела взаимодействия виртуальных объектов компании Virtual World Standard Group В. Бернса было описано, что переход от виртуальных игровых миров к альтернативной виртуальной реальности – метавселенной – зависит от достижения прогресса в таких направлениях совершенствования цифровой индустрии, как реалистичность, повсеместность, совместимость и масштабируемость [15, p. 1–38].

Приведенные выше данные подтверждают, что индустрия виртуальных вселенных получает широкое применение в различных отраслях и сферах деятельности общества и государства, в связи с чем интересен анализ существующих рисков и угроз, связанных с развитием метавселенных в условиях цифровой трансформации общества и государства.

На сегодняшний день существование открытых этических и правовых вопросов в определенном смысле является препятствием стремительного развития и внедрения индустрии метавселенных, несмотря на имеющийся масштаб применения в различных сферах и областях экономики, управления и культуры их прототипов – платформ виртуальных и дополненных реальностей. По своей сути, метавселенная выступает ближайшей ступенью цифровой модернизации способов коммуникации и сосуществования в современных реалиях, за которой следуют шаги по созданию биокомпьютеров и квантового интернета. Но все же, как было отмечено в начале статьи, технологический прогресс и правовые рамки – это те категории, которые должны быть взаимосвязанными в целях соблюдения баланса между инновационными технологическими достижениями и общественной безопасностью. Подчеркивая это, выделим три группы существующих вызовов и угроз безопасности личности, общества и государства при развитии индустрии метавселенных.

Итак, первая группа – это так называемые общие вызовы и угрозы, которые возникают в метавселенных. Основные из них: проблемы цифрового неравенства и цифровой зависимости, угроза безопасности персо-

нальных данных пользователей, кибермошенничество и угрозы кибератак на критическую инфраструктуру государства в связи с цифровой трансформацией общественных процессов, включая создание, формирование и доминирование постгуманистического мировоззрения. Вторую группу образуют те вызовы и угрозы, которые возникают исключительно в новом метапространстве или получают новый масштаб и характер в связи с развитием последнего. К ним относятся манипуляция сознанием, девальвация традиционных ценностей, дезориентация и проблемы со здоровьем пользователей, вызовы для формирования критического мышления и основ социального взаимодействия у молодого поколения, угроза формирования альтернативного политического пространства, в котором отсутствуют территориальные границы и, как следствие, возникают угрозы для национальной идентичности, государственного суверенитета и риски оптимизации и упрощения совершения террористических и экстремистских преступлений. В качестве отдельной, третьей группы следует выделить этические и правовые проблемы, связанные с развитием метавселенных, функционирующих на базе искусственного интеллекта, которые этим не исчерпываются, но сводятся к рискам, возникающим в связи с сингулярностью ИИ и антропоморфизацией (наделением человеческими качествами) голосовых помощников и умных устройств, действующих на основе алгоритмов искусственного интеллекта и в образном виде присутствующих в метапространстве. Акцентируем, что каждая из обозначенных групп требует детального изучения и анализа.

Переходя к выводам, следует подчеркнуть, что в настоящее время сектор виртуальной и дополненной реальности получает активное развитие по всему миру. В современных аналитических обзорах отмечается не только существенный ежегодный рост продаж AR-, VR-гарнитуры, но и качественное совершенствование ее технических возможностей. Примечателен тот факт, что «в 2025 г. аналитики ожидают появления новых гарнитур AR/VR с мультимодальным искусственным интеллектом»[2]. Отметим, что приведенные в статье виды платформ виртуальной и дополненной реальности являются лишь прототипами будущей полноценной метавселенной, которая по замыслу создателей самой идеи должна соединить все возможные сферы своего использования и применения в одном общем метапространстве, удовлетворяя социальные, познавательные, материальные и иные потребности человека. Основными положительными аспектами развития индустрии метавселенных видятся новые формы и способы оказания медицинской помощи, возможность научных открытий путем проведения в иммерсивном пространстве метавселенных экспериментов и опытов, включая тестирование в искусственно созданных экстремальных условиях, изучение и исследование климата, моделирование политических и исторических событий и многое другое. Однако важно сказать, что информационные технологии стремительно развиваются и имеющиеся уже на сегодняшний день угрозы и вызовы для безопасности личности, общества и государства, связанные с развитием метавселенных, бесспорно, должны сподвигать на дальнейшие научные исследования в области философско-правовых проблем в сфере цифровизации общества и государства.

Обобщая изложенное, подчеркнем, что предлагаемая западными технологическими гигантами модель децентрализованной метавселенной, инициируемая, по нашему мнению, в том числе с целью сохранения трендов глобализации, может создать угрозу для цифрового суверенитета государства, национальной идентичности и безопасности граждан, в связи с чем считаем обоснованным совершенствование отечественной цифровой инфраструктуры и российского законодательства в сфере правового регулирования метавселенных. Важно сказать, что с целью дальнейшего развития данной отрасли в России была создана и в январе 2025 г. зарегистрирована Ассоциация рынка метавселенных (АРМЕТ), что, на наш взгляд, является первым шагом на пути к официальному признанию рынка метавселенных перспективным сегментом цифровой экономики страны и пониманию необходимости правовой регламентации и регулирования общественных отношений, возникающих внутри и по поводу метавселенных.

Список источников

1. Измайлова А.А. Метавселенная как новая экономическая система // Modern Economy Success. 2021. № 6.

2. Стефанова Н.А., Андирякова О.О. Метавселенная как новая экономическая система // Вестник Екатерининского института. 2022. № 2(58).

References

1. Izmailova A.A. Metaverse as a New Economic System // Modern Economy Success. 2021. № 6.

2. Stefanova N.A., Andiryakova O. O. Metaverse as a New Economic System // Bulletin of the Catherine Institute. 2022. № 2(58).

[2] См. подробнее: Рынок устройств виртуальной и дополненной реальности. URL: https://goo.su/cumx4 (дата обращения: 13.04.2025).

3. Алабина Т.А., Дзангиева Х.С., Юшковская А.А. Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 1.
4. Бояшов А.С. [и др.]. Метаверс – цифровой тренд экономики, общества и управления. Минск, 2024.
5. Евсиков К.С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 44. № 1.
6. Виртуальное право: правовое регулирование отношений в виртуальных вселенных и компьютерных играх / А.С. Юхно, В.В. Архипов, Г.А. Грищенко [и др.] // Искусственные общества. 2023. № 4. Т. 18.
7. Середа Р.А. Правовая футурология: о конституционализации цифрового пространства // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 1(43).
8. Гуров О.Н. Метавселенные – из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. 2022. № 1. Т. 18.
9. Федорченко С.Н. Наступление метавселенной: возможности и ограничения цифровых технологий в купировании рисков нацизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3.
10. Сегал А.П., Савченко А.В. Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной // Искусственные общества. 2021. № 4. Т. 16.
11. Струнин Д.А. Метавселенная: влияние виртуальных миров на современный бизнес и общество // Молодой ученый. 2025. № 7(558).
12. Мамычев А.Ю. Трансформации современного мировоззрения и нормативных систем: теолого-философский и политико-правовой аспект // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 1. Т. 10.
13. Ананьев В.Н., Ананьев А. В. Метавселенная Марка Цукерберга с точки зрения теории функциональных систем академика П.К. Анохина // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-7.
14. Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия / А.С. Ваторопин, С.А. Ваторопин, И.И. Тепляков [и др.] // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4(170).
15. Dionisio J.D.N., Burns III W.G., Gilbert R. 2013. 3D virtual worlds and the metaverse: Current status and future possibilities. ACM Computing Surveys 45, 3, Article 34 (June 2013).

3. Alabina T.A., Dzangieva H.S., Yushkovskaya A.A. Metaverse as a Global Economic Trend // Economy. Profession. Business. 2022. № 1.
4. Boyashov A.S. [et al.]. Metaverse – a digital trend of the economy, society and management: collective monograph. Minsk, 2024.
5. Evsikov K.S. Metauniverses as a new object of regulation for information law // Works on intellectual property. 2023. № 1. V. 44.
6. Virtual law: legal regulation of relations in virtual universes and computer games / A.S. Yukhno, V.V. Arkhipov, G.A. Grishchenko [et al.] // Artificial societies. 2023. № 4. V. 18.
7. Sereda R.A. Legal futurology: on the constitutionalization of digital space // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. - 2022. № 1(43).
8. Gurov O.N. Metaverses –- flying from twilight into darkness? // Science of television. 2022. № 1. V. 18.
9. Fedorchenko S.N. The offensive of the metaverse: the possibilities and limitations of digital technologies in mitigating the risks of Nazism // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences. 2022. № 3.
10. Segal A.P., Savchenko A.V. Metaverse – how is it in Russian? On the construction of the Russian sector of the metaverse // Artificial societies. 2021. № 4. V. 16.
11. Strunin D. A. Metaverse: the influence of virtual worlds on modern business and society // Young scientist. 2025. № 7(558).
12. Mamychev A. Yu. Transformations of the modern worldview and normative systems: theological-philosophical and political-legal aspect // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2023. № 1. V. 10.
13. Ananyev V.N., Ananyev A.V. The metaverse of Mark Zuckerberg from the point of view of the theory of functional systems of academician P. K. Anokhin // Trends in the development of science and education. 2021. № 80-7.
14. Metaverse: Prospects of Creation and Social Consequences / A.S. Vatoropin, S.A. Vatoropin, I.I. Teplyakov [et al.] // Theory and Practice of Social Development. 2022. № 4(170).
15. Dionisio J.D.N., Burns III W.G., Gilbert R. 2013. 3D virtual worlds and the metaverse: Current status and future possibilities. ACM Computing Surveys 45, 3, Article 34 (June 2013).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ширинских Полина Ивановна, *аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета. Южный федеральный университет. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shirinskikh Polina Ivanovna, *postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law at the Faculty of Law. Southern Federal University. 88, M. Gorky St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 20–25.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 20–25.

Научная статья
УДК 34.08

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Благовещенская Мария Александровна
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
bmatula@yandex.ru

Сумина Екатерина Анатольевна
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
katren-sum@yandex.ru

Введение: *в настоящей статье авторы рассматривают особенности правового регулирования формирования такого института, как «кадровый резерв» в органах внутренних дел Российской Федерации. На основе анализа основных положений нормативных правовых актов, регламентирующих работу с резервом кадров, определены проблемные вопросы по отбору кандидатов в кадровый резерв и их обучению. Создание и использование кадровых резервов имеет особое значение при формировании кадрового состава органов внутренних дел Российской Федерации.*

Материалы и методы: *методической основой данного научного исследования являются общенаучные и частные методы, среди которых особо можно выделить системный метод, формально-юридический, логический и сравнительно-правовой.*

Результаты исследования: *проведенный анализ позволил выявить вопросы организационного и правового характера, которые могут негативно влиять на эффективность управления кадровым резервом.*

Выводы и заключения: *авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования работы с кадровым резервом в системе МВД России. Для этого необходимо создать условия, обеспечивающие уверенность сотрудника в том, что включение в кадровый резерв приведет к достижению желаемых профессиональных результатов.*

Ключевые слова: *кадровый резерв, сотрудники органов внутренних дел, руководящая должность, формирование кадрового резерва, правовое регулирование, профессионального развития сотрудников, критерии отбора.*

Для цитирования: Благовещенская М. А., Сумина Е. А. *Особенности правового регулирования формирования кадрового резерва органов внутренних дел Российской Федерации / М. А. Благовещенская, Е. А. Сумина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 20–25.*

Original paper

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE FORMATION OF THE PERSONNEL RESERVE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Blagoveshchenskaya Maria Alexandrovna
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sumina Ekaterina Anatolyevna
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, Russian Federation

Introduction: *in this article, the authors examine the legal regulation of the formation of the institution of «personnel reserve» in the internal affairs agencies of the Russian Federation. Based on an analysis of the main provisions of regulatory legal acts governing the work with the personnel reserve, problematic issues related to the selection and training of candidates for the personnel*

reserve are identified. The creation and use of personnel reserves is of particular importance in the formation of personnel for the internal affairs agencies of the Russian Federation.

Materials and methods: *the methodological basis of this scientific study is based on general scientific and specific methods, among which the systems method, formal legal, logical, and comparative legal methods are particularly noteworthy.*

Results of the study: *The conducted analysis revealed organizational and legal issues that may negatively impact the effectiveness of personnel reserve management.*

Findings and conclusions: *The authors conclude that it is necessary to improve the management of the personnel reserve within the Russian Ministry of Internal Affairs. To achieve this, it is necessary to create conditions that ensure employees' confidence that inclusion in the personnel reserve will lead to the achievement of their desired professional results.*

Keywords: *personnel reserve, internal affairs officers, leadership positions, personnel reserve formation, legal regulation, professional development of employees, selection criteria.*

For citation: Blagoveschenskaya M. A., Sumina Ye. A. *Features of legal regulation of the formation of the personnel reserve of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation / M. A. Blagoveschenskaya, Ye. A. Sumina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 20–25.*

Формирование кадрового резерва в органах внутренних дел Российской Федерации является важным направлением реализации кадровой политики, направленной на обеспечение стабильности и эффективности функционирования системы. Эффективное руководство требует от руководителя умения мотивировать подчиненных, создавать условия для их профессионального развития и роста, уметь анализировать обстановку, прогнозировать и принимать взвешенные решения. В условиях быстро меняющейся обстановки руководитель должен быть готов к нестандартным действиям [1, с. 7].

Руководитель органа внутренних дел – это человек, сочетающий в себе глубокие знания юриспруденции, психологии, управления, а также обладающий высокими моральными качествами. Именно он определяет стратегию развития подразделения, формирует командный дух, обеспечивает достижение поставленных целей. Обладание необходимыми личностными качествами, опыт работы, организация процесса обучения играют не последнюю роль в становлении нового руководителя.

Анализ статистических данных за 2024 г. показал, что в течение года сменился каждый третий руководитель территориального органа внутренних дел МВД России (25,6 %) и его заместитель (24,1 %), что говорит об остроте вопроса комплектования руководящих должностей [5, с. 34].

В целях оперативного заполнения вакантных управленческих позиций в системе МВД России активно используется институт резерва кадров, в основу формирования которого ложатся аналитические данные, учитывающие как текущую, так и будущую потребность в управленческих кадрах. Эффективность функционирования данного института в 2024 г. составила 77 %. На руководящие должности назначены 39 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, 30 из которых состояли в кадровом резерве [5, с. 51].

В органах внутренних дел Российской Федерации работа с резервом кадров для выдвижения на вышестоящую должность проходит три этапа:

– первый этап – формирование кадрового резерва – отбор кандидатов, оформление требуемого пакета документов (в том числе прохождение медицинского освидетельствования) и как итог – издание приказа о включении в кадровый резерв;

– второй этап – осуществления процесса подготовки будущих руководителей по программам дополнительного профессионального обучения (в том числе психологическая подготовка);

– третий этап – издание приказа о назначении на руководящую должность.

Вместе с тем в законодательных актах Российской Федерации отсутствует нормативное закрепление понятия «кадровый резерв», в связи с чем мы можем наблюдать различное толкование данного понятия.

Так, по мнению Л.М. Колодкина «кадровый резерв – это определенная группа перспективных, высококвалифицированных, инициативных сотрудников, из которых в процессе их обучения, воспитания формируются полноценные руководители для замещения должностей с большим объемом работы» [3, с. 34].

Применительно к системе органов внутренних дел Российской Федерации определение понятия «кадровый резерв» сформулировал О.А. Галанин: «специально сформированная на основе установленных критериев группа перспективных сотрудников, обладающих необходимыми для выдвижения профессиональными, деловыми, личностными и нравственными качествами, положительно зарекомендовавших себя на занимаемых должностях и предназначенных для замещения руководящих должностей» [2, с. 79].

Формирование кадрового резерва – это многогранный процесс, включающий выявление перспективных сотрудников, оценку их потенциала, организацию специализированной подготовки и, наконец, их назначение на вышестоящие должности. Эффективный кадровый резерв позволяет не только оперативно закрывать вакансии, но и обеспечивать непрерывность управления, сохраняя стабильность работы органов внутренних дел. В этом и заключается сущностная характеристика института кадрового резерва.

Указом Президента РФ от 01.03.2017 № 96 утверждено «Положение о кадровом резерве федерального государственного органа, кадровом резерве органа публичной власти федеральной территории», которым закреплены принципы, порядок, цели его формирования.

Нельзя не сказать об Указе Президента РФ от 13.12.2012 № 1653 «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации», в соответствии с которым сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации включаются в состав федерального кадрового резерва.

Среди законодательных актов федерального уровня, регламентирующих основания и порядок создания резерва кадров в органах внутренних дел, целесообразно обратиться к ст. 78 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в которой установлены общие принципы и порядок формирования кадрового резерва.

В системе МВД России функционируют два уровня резерва кадров: федеральный – ориентирован на подготовку кандидатов, претендующих на руководящие должности высшего начальствующего состава, и ведомственный – нацеленный на подготовку кандидатов на руководящие должности из числа среднего и старшего начальствующего состава (кадровый резерв федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальных органов, подразделений).

Решение о назначении резервиста на руководящие должности среднего и старшего начальствующего состава принимает непосредственно начальник конкретного органа внутренних дел. В исключительных случаях законодатель допускает назначение на руководящие должности сотрудников, не включенных в кадровый резерв.

В настоящее время наблюдается отсутствие четко регламентированных критериев «исключительных случаев», что на практике приводит к назначению на руководящие позиции сотрудников, не состоящих в кадровом резерве. Такая ситуация подрывает доверие к институту кадрового резерва и снижает мотивацию сотрудников к участию в нем.

Особый интерес представляет п. 3.1. ст. 78 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает негативные последствия для резервиста при его отказе от назначения на предложенную вышестоящую должность, без уважительной причины, в виде лишения возможности повторного включения его в состав кадрового резерва в течение четырех лет, после такого отказа.

Важной особенностью правового регулирования является то, что помимо федерального законодательства значительную роль играют ведомственные нормативные акты, которые детализируют процедуру формирования кадрового резерва, устанавливают критерии отбора кандидатов, порядок их подготовки и продвижения.

Так, среди ведомственных нормативных актов необходимо обратить внимание на приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Пунктом 235.1 данного приказа закреплено право руководителя, имеющего право назначения на должности, не позднее чем через две недели после проведения аттестации принять решение о включении сотрудника в кадровый резерв для замещения вышестоящей должности в органах внутренних дел. Данная норма косвенно указывает на наличие механизма реализации института резерва кадров в системе МВД России.

Формирование кадрового резерва направлено не только на замещение вакантных должностей, но и на повышение квалификации и профессионального развития сотрудников. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» регламентирует порядок прохождения сотрудниками, включенными в кадровый резерв, обучения по программе дополнительного профессионального образования. В п. 110 данного нормативного акта содержится указание о том, что Министр внутренних дел РФ утверждает председателя аттестационной комиссии, которая учувствует в итоговой аттестации.

При направлении сотрудника, включенного в кадровый резерв, для прохождения дополнительного профессионального обучения необходимо обеспечить его уверенность в гарантированности назначения на руководящую должность по завершении образовательной программы. Это является важным условием для поддержания мотивации и

целевой ориентации сотрудника на дальнейшее карьерное развитие.

Может возникнуть вопрос: почему нельзя просто выбрать наиболее подготовленного, опытного сотрудника органа внутренних дел и назначить его на руководящую должность без предварительной профессиональной подготовки в рамках реализации кадрового резерва? Ответ заключается в том, что любой руководитель помимо того, что должен обладать соответствующими профессиональными компетенциями, иметь богатый служебный опыт, он должен также обладать навыками руководителя, т. е. того ключевого звена в механизме служебных отношений, которое способно грамотно выстроить работу, наладить межличностное общение сотрудников и обеспечить высокие показатели служебной деятельности вверенного ему подразделения [4, с. 208].

В современных условиях наличие подготовленного руководителя, способного оперативно адаптироваться к современным вызовам, приобретает стратегическое значение. Ключевым инструментом в этой сфере выступают электронные базы данных, обеспечивающие систематизацию информации о резерве кадров. Внедрение автоматизированных систем управления способствует не только оптимизации отбора кандидатов, но и планированию их карьерного развития, что существенно усиливает мотивационную составляющую. Регулярное проведение оценочных мероприятий, включая аттестации и тренинги, позволяет выявлять и развивать профессиональные компетенции, необходимые для выполнения актуальных задач.

Основным нормативным актом, который регламентирует организационные вопросы работы с кадровым резервом в органах внутренних дел Российской Федерации, является Приказ МВД России от 12.01.2021 № 5 «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений» (далее – Приказ МВД России от 12.01.2021 № 5), в котором подробно указаны цели создания, виды, процесс формирования, а также условия и основания исключения сотрудников из состава кадрового резерва.

Основываясь на толковании норм права, приходим к выводу, что кадровый резерв создается в целях замещения конкретной должности, которая на момент формирования резерва кадров является наиболее уязвимой с точки зрения кадровой устойчивости. Другими словами, сотрудники кадровых подразделений, основываясь на аналитических данных, формируют перечень руководящих должностей, которые в текущей и перспективной потребности имеют тенденцию к высвобождению, и далее осуществляют подготовку резервистов. Сложность заключается в том, что не всегда сотрудники кадрового подразделения, а также руководители служб имеют четкое понимание перспективы возможных кадровых вакансий, т. к. в недостаточной степени владеют всей информацией о сотрудниках.

Ввиду этого следует более глубоко изучать личность действующих руководителей и их заместителей, наводить справки о состоянии их здоровья, планах на ближайшее время и т. п. Выявление перспективных вакантных должностей для их замещения сотрудниками из числа резерва кадров должно стать не формальной обязанностью уполномоченных на то должностных лиц, а стратегическим маневром, который позволит избежать кадрового застоя и затянувшихся вакансий.

В ходе осуществления отбора кандидатов в кадровый резерв исключена конкретизация должности, т. е. речь здесь идет про «универсальность» процесса подготовки сотрудников органов внутренних дел, включенных в кадровый резерв. Списки резервистов могут пополняться раз в год, за исключением случаев использования резерва более чем на одну треть. Кроме того, ежегодно всем резервистам дается характеристика их личностных и служебных качеств с предложением о дальнейшем нахождении в кадровом резерве или исключении из него.

Если при формировании федерального кадрового резерва и кадрового резерва территориальных органов требования к кандидатам существенных отличий не имеют, то по количеству лиц, включенных в список резервистов, в территориальном органе ограничений нет, а в федеральном кадровом резерве -– только одна треть от количества должностей соответствующего органа.

Как уже было сказано выше, в основу формирования резерва кадров заложена потребность в замещении существующей вакантной руководящей должности и перспективная потребность, которая складывается из анализа таких факторов как, как возраст действующего руководителя, состояние его здоровья, имеющаяся информация о его возможном перемещении на другую должность и т. д. Если сотрудник органов внутренних дел соответствует установленным критериям отбора, он может быть включен в состав кадрового резерва.

Достаточно дискуссионным сегодня являются положения п. 8.1 Приказа МВД России от 12.01.2021 № 5 о предоставлении кандидатом в кадровый резерв медицинской справки о состоянии его здоровья, выдаваемой сотруднику после прохождения им соответствующего медицинского обследования. В системе МВД России вопросы прохождения медицинского осмотра урегулированы приказом МВД России от 24.04.2019 № 275 «Об отдельных вопросах медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения

сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, в медицинских организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Однако в данном приказе не содержится отдельного алгоритма прохождения медицинского освидетельствования для кандидатов в резерв кадров. Так, не понятно, чем отличается обычный ежегодный медицинский осмотр сотрудников ОВД от профилактического медицинского осмотра, о котором идет речь в Приказе МВД России от 12.01.2021 № 5. Может ли случиться так, что результаты профилактического медицинского осмотра будут содержать негативную рекомендацию к включению кандидата в резерв, тогда как по результатам ежегодного медицинского осмотра он будет годен к дальнейшему прохождению службы? Зачем необходимо дополнительное профилактическое обследование сотрудника?

На наш взгляд, указание на необходимость прохождения дополнительного профилактического медицинского осмотра кандидата в резерв кадров является излишним, так как дублирует собой требование о ежегодном медицинском осмотре для каждого из сотрудников ОВД.

О важности роли психолога в данной работе прямо говорит требование п. 8.2 Приказа МВД России от 12.01.2021 № 5, где речь идет о заключениях и рекомендациях психологов, которые должны учитываться при включении кандидата в состав резерва кадров. Он дает свою оценку будущим руководителям и определяет возможные зоны и уровни рисков. Также целесообразно привлекать штатного психолога и в процессе организации работы с кадровым резервом, который на регулярной основе (ежегодно) будет осуществлять мониторинг динамики изменений, оценивать уровень психологической готовности сотрудника к замещению руководящей должности. Период нахождения в резерве, составляющий три года, является значительным временным интервалом, в течение которого могут произойти изменения как в профессиональной, так и в личной сфере жизни сотрудника, что может негативно повлиять на его дальнейшее карьерное продвижение. В связи с этим ключевой задачей психологов является своевременное выявление и устранение факторов, способствующих возникновению негативных тенденций.

Важным критерием для предстоящего назначения на руководящую должность является готовность сотрудника к перемещению в интересах службы в другую местность (п. 8.8 Приказа МВД России от 12.01.2021 № 5). Вместе с тем возникают два вопроса: во-первых, если сотрудник зачисляется в резерв на руководящую должность, замещение которой должно происходить в другой местности, то, вероятнее всего, речь идет о резерве кадров федерального уровня, который предполагает назначение на должности начальников территориальных органов и их заместителей. Для резерва уровней субъекта Российской Федерации такие перемещения (за границы субъекта РФ) невозможны. Во-вторых, нормы Приказа МВД России от 12.01.2021 № 5 не дают ответа на вопрос, каким образом будет подтверждаться готовность резервиста к перемещению в другую местность, а также какая ответственность ему грозит за последующее невыполнение своих обязательств.

Вызывает сомнения п. 8.10 Приказа МВД России от 12.01.2021 № 5, который в качестве критериев отбора в резерв кадров определяет «наличие государственных или ведомственных наград». Служебные награды получаются сотрудниками ОВД за высокие показатели служебной деятельности, конкретные заслуги, а также выдаются по «временному критерию» «песочные награды», тем самым особо подчеркивая важность выслуги лет и особую принадлежность сотрудника к конкретному органу (подразделению) в структуре МВД России. Иными словами, наличие ведомственных наград не может прямым образом свидетельствовать об уровне профессиональной подготовки кандидата в резерв кадров и о его мотивации к карьерному и личностному росту, желании внести в правоохранительную систему свой личный вклад. На наш взгляд, это избыточное требование.

Новоназначенный руководитель сталкивается с рядом объективных трудностей, включая и вопросы адаптации в новом коллективе, организации эффективной работы и установления информационных связей. Сотрудник, не прошедший соответствующую психологическую подготовку в рамках обучения кадрового резерва, может оказаться менее подготовленным к выполнению управленческих функций по сравнению с теми, кто получил соответствующую подготовку.

Назначение сотрудника на руководящие должности из числа лиц, находящихся в кадровом резерве, свидетельствует об эффективности реализации кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации. По сути, это признание руководством высокого уровня профессиональной подготовки кандидата на руководящую должность, выражающий определенный «кредит доверия» его будущей деятельности.

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования работы с кадровым резервом в системе МВД России.

Для этого необходимо создать условия, обеспечивающие уверенность сотрудника в том, что включение в кадровый резерв приведет к достижению желаемых профессиональных результатов.

Имеется острая необходимость закрепления в нормативных правовых актах МВД России механизма первоочередного назначения на руководящие должности сотрудников, находящихся в кадровом резерве. Данный подход может стать значительным стимулом для сотрудников, которые на текущий момент не рассматривают возможность постановки в кадровый резерв. Институт кадрового резерва играет ключевую роль в выполнении важнейших задач – создает объективную возможность своевременного назначения подготовленных сотрудников на вакантные руководящие должности.

Список источников

1. Галанин О.А. Организация работы с резервом для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации в свете требований административной реформы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Галанин О.А. Организация работы с резервом для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации в свете требований административной реформы: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.
3. Колодкин Л.М. Организационные и правовые основы работы с кадрами в органах внутренних дел. М., 1979.
4. Макарова М.Е. Модель профессиональной компетентности руководителя органов внутренних дел. URL: https://lengu.ru/mag/vestnik-leningradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-imeni-a-s-pushkina/archive?ysclid (дата обращения: 15.05.2025).
5. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2024 г.: сб. аналитических и информационных материалов. М., 2025 .

References

1. Galanin, O. A. «Organization of Work with the Reserve for Appointments to Management Positions of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Light of the Requirements of Administrative Reform»: Abstract of PhD in Law Dissertation. Moscow, 2010.
2. Galanin, O. A. «Organization of Work with the Reserve for Appointments to Management Positions of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Light of the Requirements of Administrative Reform»: PhD in Law Dissertation. Moscow, 2010.
3. Kolodkin, L. M. «Organizational and Legal Framework for Working with Personnel in the Internal Affairs Bodies». Moscow, 1979.
4. Makarova, M. E. «Model of Professional Competence of the Head of the Internal Affairs Bodies». URL: https://lengu.ru/mag/vestnik-leningradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-imeni-a-s-pushkina/archive?ysclid (date of access: 15.05.2025).
5. Information on the status of personnel management in the internal affairs agencies of the Russian Federation in 2024: a collection of analytical and informational materials. Moscow, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Благовещенская Мария Александровна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами. Академия управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.*

Сумина Екатерина Анатольевна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами. Академия управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Blagoveshchenskaya Maria Alexandrovna, *PhD in Law, Associate Professor in the Department of Psychology, Pedagogics and Personnel Management. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.*

Sumina Ekaterina Anatolyevna, *PhD in Law, Associate Professor in the Department of Psychology, Pedagogics and Personnel Management. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 26–32.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 26–32.

Научная статья
УДК 342.951

ДОКАЗЫВАНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В АДМИНИСТРАТИВНОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССАХ

Попандопуло Дмитрий Валерьевич
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dmi-wal@yandex.ru

Ковган Екатерина Юрьевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, katerina27-93@mail.ru

Гончарова Юлия Владимировна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, gon.julia2009@yandex.ru

Введение: *в условиях роста значимости административной юрисдикции и расширения круга дел, затрагивающих права и свободы граждан, возрастает необходимость научного осмысления различий и точек соприкосновения в доказательственной деятельности следователя, дознавателя, должностного лица и суда. Сравнительный анализ механизмов доказывания в уголовном и административном процессе позволяет выявить не только теоретические особенности, но и практические проблемы, требующие нормативного и процессуального разрешения.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частно-юридические методы познания. Применялись диалектический метод, системный анализ, сравнительно-правовой, формально-логический и формально-юридический методы, а также метод правовой интерпретации. В качестве эмпирической базы использовались положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуального кодекса РФФ, Кодекса административного судопроизводства РФ, а также постановления и определения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, решения судов общей юрисдикции.*

Результаты исследования: *в ходе проведенного анализа установлено, что несмотря на наличие общих принципов доказывания в административном и уголовном процессах (презумпция невиновности, допустимость, относимость и достоверность доказательств) степень их реализации существенно различается. Сравнительный подход позволил выделить направления возможной гармонизации, в частности унификацию критериев допустимости доказательств и расширение процессуальных гарантий в административной юрисдикции.*

Выводы и заключения: *несмотря на формальное сходство принципов доказывания в уголовном и административном процессах их реализация на практике существенно отличается. Уголовное судопроизводство обеспечивает более высокий уровень процессуальных гарантий, включая требования к допустимости доказательств, стандарту доказанности и роли суда в их оценке.*

Ключевые слова: *доказательства, доказывание, административный процесс, уголовный процесс, допустимость, стандарты, презумпция невиновности.*

Для цитирования: Попандопуло Д. В., Ковган Е. Ю., Гончарова Ю. В. *Доказывание и доказательства: сравнительный анализ в административном и уголовном процессах / Д. В. Попандопуло, Е. Ю. Ковган, Ю. В. Гончарова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 26–32.*

Original paper

EVIDENCE AND EVIDENCE: COMPARATIVE ANALYSIS IN ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PROCEEDINGS

Popandopulo Dmitry Valerievich
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kovgan Ekaterina Yurievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Goncharova Yulia Vladimirovna
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *with the growing importance of administrative jurisdiction and the expanding range of cases affecting the rights and freedoms of citizens, there is a growing need for a scientific understanding of the differences and points of contact in the evidentiary work of investigators, inquirers, officials, and the court. A comparative analysis of evidentiary mechanisms in criminal and administrative proceedings allows us to identify not only theoretical features but also practical problems requiring regulatory and procedural resolution.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study was formed by both general scientific and specific legal methods. The dialectical method, systems analysis, comparative legal, formal-logical, and formal-legal methods, as well as the method of legal interpretation, were used. The provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, as well as rulings and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and decisions of courts of general jurisdiction served as the empirical basis.*

Results of the study: *the analysis revealed that despite the existence of common principles of evidence in administrative and criminal proceedings (presumption of innocence, admissibility, relevance, and reliability of evidence), the degree of their implementation varies significantly. A comparative approach allowed us to identify areas for potential harmonization, in particular, the unification of criteria for the admissibility of evidence and the expansion of procedural guarantees in administrative jurisdiction.*

Findings and conclusions: *despite the formal similarity of the principles of evidence in criminal and administrative proceedings, their practical implementation differs significantly. Criminal proceedings provide a higher level of procedural guarantees, including requirements for the admissibility of evidence, the standard of proof, and the role of the court in its evaluation.*

Keywords: *evidence, proof, administrative proceedings, criminal proceedings, admissibility, standards, presumption of innocence.*

For citation: Popandopulo D. V., Kovgan E. Yu., Goncharova Y. V. *Evidence and evidence: comparative analysis in administrative and criminal proceedings / D. V. Popandopulo, E. Yu. Kovgan, Y. V. Goncharova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 26–32.*

Доказывание в праве традиционно рассматривается как ключевой элемент любой юрисдикционной процедуры, обеспечивающий установление юридически значимых фактов и вынесение обоснованных и справедливых решений. В российской правовой системе доказывание имеет специфические черты в зависимости от характера и назначения конкретной процессуальной формы. Особенно ярко различия проявляются в административном и уголовном процессах, поскольку эти два вида судопроизводства различаются не только по предмету и субъектному составу, но и по степени формализации, целям, а также по стандартам и объему доказывания.

Актуальность сравнительного анализа доказывания и доказательств в административном и уголовном процессах обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в условиях расширения сферы административной юрисдикции, особенно в контексте рассмотрения дел об административных правонарушениях, наблюдается сближение отдельных элементов этих двух процессуальных форм. Во-вторых, практика

правоприменения выявляет значительные сложности в разграничении полномочий и процедурных стандартов, что может негативно сказываться на защите прав и законных интересов граждан. В-третьих, развитие принципов правовой определенности и состязательности требует от правоприменителя четкого понимания как общих, так и особенных черт доказывания в каждой из указанных процедур.

По мнению В.В. Молчанова, основные правила теории доказательств и доказывания, разработанные специалистами в области общей теории права, в равной степени применимы к сфере административного и уголовного судопроизводства, поскольку отражают принципиальные аспекты, связанные с деятельностью судов по установлению фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела [1].

Так, ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) определяет доказательства как фактические данные, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значения для правильного разрешения дела [2]. В части 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) используется иное определяющее выражение – «любые сведения» [3].

Система доказательств представляет собой совокупность предусмотренных законом средств, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу. Несмотря на кажущуюся общность задач доказательства в уголовном и административном процессе различаются по своему объему, допустимым формам, уровню формализации, а также по процедурам их получения и оценки.

В соответствии с УПК РФ доказательствами признаются любые фактические сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эти сведения устанавливаются посредством: показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключений эксперта, специалиста; вещественных доказательств; протоколов следственных и иных процессуальных действий; иных документов. Таким образом, система доказательств в уголовном процессе носит закрытый характер: перечень допустимых источников ограничен и строго формализован, что направлено на обеспечение объективности и законности процесса доказывания.

В административном процессе понятие доказательств сформулировано в ст. 26.2 КоАП РФ. Согласно этой норме доказательствами по делу об административном правонарушении признаются любые фактические данные, на основании которых устанавливаются наличие или отсутствие события административного правонарушения, вина лица, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Источниками доказательств в административном процессе являются: объяснения лица, в отношении которого ведется производство, потерпевшего, свидетелей; заключения экспертов; заключения специалиста; вещественные доказательства; протоколы и иные документы; показания специальных технических средств, фото- и видеоматериалы. Как видно, перечень источников доказательств в административном процессе несколько шире и менее формализован. Например, допускается использование фото- и видеоматериалов как самостоятельного доказательства.

Обе процессуальные формы предполагают использование объективной информации, подлежащей проверке и оценке с точки зрения следующих критериев: относимость – связь с предметом доказывания; допустимость – получение в рамках закона и установленным способом; достоверность – соответствие действительности; достаточность – совокупность сведений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии обстоятельства.

Эти критерии оценки доказательств универсальны, однако их реализация в уголовном процессе подчинена более жестким стандартам. Например, доказательства, полученные с нарушением требований закона (например, без разрешения суда, с нарушением процессуального порядка), не могут быть использованы (ч. 2 ст. 75 УПК РФ). В административном процессе правило недопустимости доказательств также присутствует, но на практике оно применяется менее строго, особенно на внесудебной стадии.

Также различается подход к заключениям эксперта и специалиста. В уголовном процессе заключение эксперта имеет процессуальную форму, регулируемую ст. 80–207 УПК РФ, и сопровождается определенной процедурой назначения и проведения экспертизы. В административном процессе заключение эксперта менее формализовано, может не требовать судебного назначения и зачастую производится и представляется по инициативе органа, рассматривающего дело и принимающего решение.

Отдельной проблемой является использование технических средств фиксации правонарушений, особенно в административной юрисдикции (например, видеозапись нарушений ПДД, аудиозапись разговора граждан при общении с должностными лицами и др.). Эти доказательства признаются допустимыми при условии, что они получены с соблюдением требований закона. В уголовном процессе видеозапись, полученная не в рамках следственного действия, как правило, требует экспертной оценки и верификации. Таким образом, в административном процессе наблюдается расширенная презумпция допустимости таких доказательств, в то время как в уголовном процессе они рассматриваются критически.

Процесс доказывания представляет собой не просто фиксирование информации, но сложную, поэтапную правовую деятельность, направленную на формирование внутреннего убеждения правоприменителя, основанного на совокупности проверенных и допустимых доказательств. При этом уголовный и административный процессы демонстрируют как общие черты, обусловленные сущностью юрисдикционной деятельности, так и существенные различия, определяемые степенью вмешательства государства в права и свободы личности, тяжестью последствий, уровнем процессуальных гарантий.

И в уголовном, и в административном процессе можно выделить следующие основные стадии доказывания:

– сбор (получение) доказательств – получение информации от лиц посредством применения технических средств, из содержимого документов и других источников;

– закрепление (фиксация, изъятие) доказательств – оформление доказательственной информации в надлежащей процессуальной форме (протоколы, заключения, акты и др.);

– проверка доказательств – оценка подлинности, соответствия реальности, связи с предметом доказывания;

– оценка доказательств – формирование вывода о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих установлению.

Несмотря на совпадение логической структуры доказывания эти этапы реализуются с различной степенью строгости, формализации и участия сторон.

В уголовном процессе доказывание осуществляется в условиях высокой степени формализации и жесткой процессуальной регламентации. Все действия, связанные со сбором и закреплением доказательств, подлежат строгому документированию. Например, допрос, обыск, выемка, очная ставка и иные следственные действия проводятся с обязательным составлением протоколов по установленной форме, в присутствии понятых или с использованием технических средств фиксации (ст. 166–170 УПК РФ). Важную роль играет санкционирование ряда действий судом (например, арест, обыск, запись переговоров и др.), что обеспечивает соблюдение прав личности.

В административном процессе (особенно на стадии производства по делам об административных правонарушениях) формализация ниже. Доказательства могут фиксироваться в виде актов, рапортов, объяснений и иных документов, часто без судебного контроля и без участия защитника. Это особенно характерно для дел, рассматриваемых должностными лицами органов исполнительной власти. В суде же при рассмотрении административных дел в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [4], процесс приближается по уровню процессуальных гарантий к уголовному судопроизводству, но остается менее строго регламентированным.

В уголовном процессе доминирует принцип состязательности. Обвинение и защита выступают как равноправные стороны, каждая из которых реализует свое право на представление доказательств, их исследование и опровержение доводов противоположной стороны (ст. 15 УПК РФ).

В административном процессе состязательность проявляется менее четко. На стадии административного производства, особенно во внесудебном порядке, должностное лицо, возбуждающее и рассматривающее дело, зачастую выполняет функции и «обвинителя», и «судьи», что противоречит принципу разделения процессуальных ролей. Только при рассмотрении дела в суде (например, при оспаривании постановлений по делам об административных правонарушениях) можно говорить об относительно сбалансированной состязательной модели, однако и в этом случае защита лица может быть ограничена из-за отсутствия обязательного участия адвоката и недостаточной правовой осведомленности субъектов административного процесса.

В уголовном процессе действует высокий стандарт доказывания – «вне разумных сомнений». Приговор может быть основан только на достоверных, проверенных и законно полученных доказательствах. Любые

сомнения в виновности трактуются в пользу обвиняемого (ст. 14 УПК РФ). Этот стандарт выполняет не только юридическую, но и правозащитную функцию, гарантируя защиту личности от судебной ошибки.

В административном процессе стандарт доказывания формулируется менее однозначно. Согласно ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ «лицо подлежит административной ответственности лишь за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина», а «неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица». Однако на практике соблюдение этого стандарта далеко не всегда достигается, особенно на стадии внесудебного производства.

Проблема заключается в том, что зачастую должностные лица, возбуждающие дела об административных правонарушениях, одновременно осуществляют сбор и оценку доказательств, что снижает объективность процесса и ослабляет состязательность. Нередки случаи, когда постановления выносятся на основании минимального набора доказательств: рапорта, одного объяснения, фотоматериала – без обеспечения полноценного права на защиту.

В связи с этим особое значение приобретает позиция Верховного Суда РФ, который в ряде решений подчеркивает необходимость строгого соблюдения принципа презумпции невиновности и объективной оценки доказательств. Так, в Постановлении Верховного Суда РФ от 11.12.2024 № 5-АД24-116-К2 указано, что производство по делам об административных правонарушениях должно сопровождаться всесторонним, полным, объективным и своевременным выяснением обстоятельств дела. Установление личности правонарушителя требует доказывания его непосредственной причастности к деянию [5].

Эта правовая позиция служит подтверждением тому, что требования к качеству доказывания в административном процессе постепенно сближаются с уголовно-процессуальными стандартами. Вместе с тем практика свидетельствует о недостаточной реализации указанных подходов на уровне массового правоприменения, особенно в делах о правонарушениях, рассматриваемых должностными лицами административными комиссиями без участия суда.

Таким образом, несмотря на различие в степени формализации и тяжести возможных последствий административный и уголовный процессы сходны в ключевых принципах доказывания. Однако эффективная реализация этих принципов в административной юрисдикции требует дальнейшего институционального и процессуального укрепления правовых гарантий.

Ключевыми признаками доказательств в любом процессуальном виде судопроизводства являются относимость, допустимость и достоверность. Эти характеристики обеспечивают юридическую силу доказательственного материала и влияют на его значение при вынесении решения.

В уголовном процессе понятия данных признаков четко закреплены и подробно регламентированы. В частности, допустимость означает получение доказательства в строгом соответствии с требованиями УПК РФ. Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми (ч. 2 ст. 75 УПК РФ) и исключаются из рассмотрения.

В административном процессе, допустимость также предусмотрена (ст. 26.2 КоАП РФ), однако конкретные последствия нарушения порядка получения доказательств часто остаются неурегулированными. На практике нередко применяются доказательства, допустимость которых вызывает сомнения, например, показания без свидетелей, технические материалы без акта проверки или видеозаписи без установления источника.

Относимость в обоих процессах реализуется схожим образом: доказательства должны подтверждать конкретные обстоятельства, имеющие значение для дела. Однако в уголовном процессе суды строже оценивают логическую связь между доказательством и предметом доказывания.

Достоверность в уголовном процессе устанавливается на основе оценки всего комплекса собранных материалов, тогда как в административном производстве она зачастую подтверждается формальной ссылкой на служебный документ или материалы фотофиксации.

Таким образом, хотя требования допустимости, относимости и достоверности едины для обеих процессуальных форм, их фактическое применение в административной практике менее устойчиво, что обуславливает необходимость дополнительного регулирования и судебного контроля.

Несмотря на внешнее сходство подходов к доказыванию в административном и уголовном процессах действующее законодательство содержит ряд коллизий и пробелов, которые осложняют правоприменительную практику.

Во-первых, в административном процессе отсутствует единообразие в трактовке допустимости доказательств. Например, КоАП РФ не содержит детальной процедуры признания доказательства недопустимым, в отличие от УПК РФ, где закреплен запрет на

использование доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 75 УПК РФ). Это приводит к тому, что одни суды исключают такие доказательства, а другие принимают их без надлежащей проверки источника и способа получения.

Во-вторых, в административной юрисдикции не установлены четкие стандарты допустимого вмешательства в права лица при сборе доказательств. Часто должностные лица сами возбуждают, рассматривают дело и оценивают доказательства, что создает ситуацию конфликта интересов и снижает объективность.

В-третьих, наблюдается несогласованность между КАС РФ и КоАП РФ в части оценки доказательств по их достаточности. В делах, рассматриваемых в суде в порядке административного судопроизводства, применяются иные стандарты оценки, чем в процедурах, регулируемых исключительно КоАП РФ. Это затрудняет защиту прав граждан и приводит к расхождениям в судебной практике.

Наконец, отсутствует универсальный стандарт доказывания в административных делах: понятие «достаточности» доказательств трактуется крайне широко и используется произвольно. В отличие от уголовного процесса, где действует принцип «вне разумных сомнений», в административной практике допустимо вынесение решений при наличии косвенных, односторонне собранных сведений.

Таким образом, названные проблемы требуют как нормативного уточнения, так и систематического подхода к обучению правоприменителей, особенно на уровне органов исполнительной власти, осуществляющих административную юрисдикцию.

Современная правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к сближению требований к доказыванию в уголовном и административном процессах. Это объясняется как ростом значимости административной юрисдикции, так и необходимостью обеспечения единых гарантий прав граждан независимо от процессуальной формы ответственности.

Одним из направлений гармонизации может стать установление единого стандарта допустимости доказательств, закрепляющего недопустимость использования сведений, полученных с нарушением закона, во всех юрисдикциях. Этот подход соответствует правовым позициям Конституционного Суда РФ и практике Европейского суда по правам человека.

Также целесообразно ввести процессуальные фильтры для контроля допустимости доказательств уже на стадии рассмотрения дела – как это реализовано в уголовном процессе (например, в форме ходатайства об исключении доказательства).

Необходима и процессуальная дифференциация в зависимости от степени тяжести административного правонарушения. Для дел, влекущих крупные штрафы, лишение специального права или административный арест, целесообразно устанавливать повышенные стандарты доказывания – вплоть до применения принципа «вне разумных сомнений».

Наконец, значимым направлением является укрепление независимости административных органов, рассматривающих дела: необходимо исключить совмещение функций обвинения и рассмотрения, что негативно влияет на объективность оценки доказательств.

Таким образом, сближение подходов к доказыванию обеспечит не только правовую определенность, но и повысит доверие граждан к административной юстиции как полноценному элементу правосудия.

Сравнительный анализ доказывания в административном и уголовном процессах показывает, что несмотря на общие принципы – такие как презумпция невиновности, допустимость и достоверность доказательств – степень их реализации существенно различается. Уголовный процесс опирается на более строгие стандарты, процессуальные гарантии и судебный контроль, тогда как административное производство зачастую подвержено формализму и односторонности.

Современные вызовы в сфере публичного правопорядка требуют повышения правовой защищенности граждан не только в уголовном, но и в административном процессе. Гармонизация подходов к доказыванию, внедрение единых правовых стандартов и усиление судебного контроля за действиями административных органов – необходимое условие укрепления законности и правовой предсказуемости в правоприменении.

Список источников

1. Филипова О.А., Дербина О.В. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях и уголовном процессе // Закон и право. 2021. № 3.

References

1. Filipova O.A., Derbina O.V. Evidence and Proof in Proceedings on Cases of Administrative Offenses and Criminal Procedure // Law and Right. 2021. № 3.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2024 № 5-АД24-116-К2. URL: https://base.garant.ru/411216783/ (дата обращения: 13.08.2025).

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (Part 1). Art. 1.

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law of 18.12.2001 № 174-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (Part I). Art. 4921.

4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: federal. Law of 08.03.2015 № 21-FL (as amended on 25.12.2023) // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Article 1391.

5. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.12.2024 № 5-AD24-116-K2. URL: https://base.garant.ru/411216783/ (date of access: 13.08.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попандопуло Дмитрий Валерьевич, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права. Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.*

Ковган Екатерина Юрьевна, *преподаватель кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Гончарова Юлия Владимировна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popandopulo Dmitry Valerievich, *PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law. Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Kovgan Ekaterina Yuryevna, *Lecturer at the Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Goncharova Yulia Vladimirovna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 33–39.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 33–39.

Научная статья
УДК 340 + 323

ИНСТИТУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Смоленский Михаил Борисович
Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, rta-sf@mail.ru

Тишкин Дмитрий Николаевич
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, dntishkin@list.ru

Кучерова Екатерина Петровна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, ku4erova034@yandex.ru

Введение: *в статье рассматриваются некоторые законы и механизмы, нацеленные на использование права как разностороннего общественного института, в котором органично соединяются регулятивные, процедурные и управленческие начала, на предотвращение и пресечение неправомерного использования права в его различных формах.*

Материалы и методы: *в статье использованы институциональный, логический, юридический, общенаучный, сравнительно-описательный методы, позволившие более глубоко и системно провести исследование.*

Результаты исследования: *проведен глубокий анализ проблем, связанных с организацией мер усиления действия права в системе управления обществом.*

Выводы и заключения: *рассмотрен вопрос о возможности имплементации в российское законодательство институциональных правовых механизмов и обязанностей субъектов права в вопросах ответственности публичной власти.*

Ключевые слова: *общественные процессы, применение права, правовая система, публичная власть, общественный институт, компенсации вреда.*

Для цитирования: Смоленский М. Б., Тишкин Д. Н., Кучерова Е. П. *Институт ответственности публичной власти: проблемы правового регулирования, коллизии законодательства и доктринальные предложения / М. Б. Смоленский, Д. Н. Тишкин, Е. П. Кучерова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 33–39.*

Original paper

INSTITUTE OF RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION, CONFLICTS OF LEGISLATION AND DOCTRINAL PROPOSALS

Smolensky Mikhail Borisovich
Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation

Tishkin Dmitry Nikolaevich
Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

Kucherova Ekaterina Petrovna
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: *this article examines certain laws and mechanisms aimed at utilizing law as a multifaceted social institution, organically combining regulatory, procedural, and managerial principles, and at preventing and suppressing the unlawful use of law in its various forms.*

Materials and methods: *this article utilizes institutional, logical, legal, general scientific, and comparative-descriptive methods, allowing for a more in-depth and systematic study.*

Results of the study: *an in-depth analysis of the problems associated with organizing measures to strengthen the application of law in the public governance system is provided.*

Findings and conclusions: *the possibility of implementing institutional legal mechanisms and the obligations of legal entities in matters of public authority liability into Russian legislation is considered.*

Keywords: *social processes, application of law, legal system, public authority, public institution, compensation for damages.*

For citation: Smolensky M. B., Tishkin D. N., Kucherova E. P. *Institute of responsibility of public authorities: problems of legal regulation, conflicts of legislation and doctrinal proposals / M. B. Smolensky, D. N. Tishkin, E. P. Kucherova // Philosophiya prava: scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 33–39.*

Современные общественные процессы приобретают все более сложный и многослойный характер, что неминуемо влечет за собой усложнение самих механизмов регулирования. Право в этих условиях утрачивает черты исключительно нормативного инструмента и все чаще осмысливается как самостоятельный механизм управления, воздействующий не только на внешние поведенческие проявления, но и на внутреннюю логику функционирования социальных связей. Его функции уже не сводятся к поддержанию порядка, напротив, оно постепенно трансформируется в структурообразующий элемент системы управления, формирующий каналы взаимодействия между субъектами и задающий вектор их координации.

Речь идет о целостной, логически организованной и внутренне взаимосвязанной системе, где каждая норма вписана в более широкий контекст и выполняет определенную функцию в рамках общей регулятивной конструкции. Подобный подход исключает возможность восприятия права как простой совокупности формализованных предписаний – перед нами живая, развивающаяся структура, в которой сочетаются элементы статичности и подвижности, устойчивости и адаптивности.

Многослойность и интегративный характер правовой системы нередко становятся источником нестабильности. Чем более тесно переплетены ее уровни, тем выше риск возникновения внутренних дисбалансов и противоречий. Ощутимо это проявляется при попытках нормативного оформления и практической реализации институтов публичной ответственности. Подчас становится очевидно, что недостатки не ограничиваются лишь техническими погрешностями правотворчества: куда глубже лежат расхождения между концептуальными схемами регулирования и их фактической реализацией.

Наиболее содержательный и методологически выверенный взгляд на проблему внутренней согласованности правового регулирования предлагает следующая концепция, в которой утверждается, что право не может сводиться лишь к нормативным предписаниям, зафиксированным в законах и подзаконных актах. Оно должно пониматься как разносторонний общественный институт, в котором органично соединяются регулятивные, процедурные и управленческие начала. Многокомпонентная структура предполагает наличие механизмов обратной связи, корректировки действующих норм и их адаптации к происходящим в обществе изменениям. Вытекает важный вывод: эффективное регулирование невозможно без постоянного анализа применяемых норм и своевременного внесения изменений в их содержание и структуру.

Право должно не только устанавливать границы допустимого поведения, но и обладать способностью гибко реагировать на меняющиеся условия, обеспечивая устойчивое согласование интересов различных участников социального взаимодействия. Управленческий элемент в таком подходе приобретает особую значимость: именно через него обеспечивается связь между нормативным замыслом и его реализацией в конкретных условиях. Практика показывает, что наиболее уязвимыми оказываются как раз те элементы системы, где требуется наибольшая гибкость. К числу типичных проблем можно отнести неточность в формулировках, нестыковки между различными уровнями регулирования, а также отсутствие четко очерченных полномочий.

Внимание исследователей уделяется институциональной сфере публичной ответственности, поскольку именно в этой области наиболее отчетливо проявляются структурные сбои. Если механизмы, направленные на регулирование частноправовых отношений, в определенной степени стандартизированы и опираются на устоявшиеся подходы, то в публично-правовой плоскости ситуация принципиально иная. Любые изъяны нормативной базы оборачиваются серьезными затруднениями в правоприменении и фактически препятствуют реализации главного конституционного принципа – ответственности власти перед обществом. Дефицит четких формулировок, размытые правовые категории и фрагментарность механизмов правовой коррекции – все это формирует почву для снижения эффективности правового воздействия и порождает ситуацию правовой неопределенности [1].

В условиях, когда регулятивная система нуждается в постоянной актуализации и согласовании с реальной практикой, особенно остро встает вопрос о наличии единой научной основы, способной интегрировать нормативные, процедурные и прикладные элементы регулирования. В этом контексте концептуальные ориентиры приобретают прикладное значение. Право в его понимании – это не просто система норм, а живая ткань, восприимчивая к изменениям и способная трансформироваться под воздействием внешних факторов. Позиция позволяет выявить структурные напряжения внутри самой системы и определить точки, в которых требуется реформирование как на нормативном, так и на институциональном уровне.

Актуальность изложенного подхода особенно ярко проявляется при оценке правоприменительной практики в области публичной ответственности. Здесь сосредоточены наиболее чувствительные зоны, где несовершенство нормативной базы приобретает конкретные и ощутимые формы. Законодательные конструкции, предполагающие ответственность должностных лиц, зачастую страдают от чрезмерной абстрактности, что затрудняет как правовую квалификацию деяний, так и сам процесс доказывания. Нередки случаи, когда нормы, направленные на возмещение ущерба, причиненного бездействием или неэффективными действиями органов власти, не дают четкого алгоритма правового анализа, поскольку оперируют неопределенными формулировками и не содержат однозначных критериев для установления состава правонарушения.

Показателен тот факт, что в современном законодательстве до сих пор отсутствует единообразный стандарт, позволяющий квалифицированно и беспристрастно установить состав публичного деликта. Неопределенность влечет за собой расхождения в судебной практике, порождая ситуацию, в которой однотипные случаи получают различные трактовки в разных юрисдикциях. Неоднородность восприятия норм подрывает принцип правовой определенности, создает эффект правовой лотереи и в конечном итоге снижает уровень доверия граждан к системе публичного управления.

Серьезным источником дестабилизации остаются и многочисленные правовые коллизии. Столкновения между нормами различных актов – будь то различия в уровнях регулирования или несогласованность во временной перспективе – стали настолько распространенными, что уже воспринимаются не как исключение, а как характерная черта системы. Акцентируется внимание на устойчивом характере таких несостыковок и подчеркивается, что особенно остро они проявляются в правовом регулировании несостоятельности, гражданско-правовых отношений, а также в сфере управления публичными ресурсами.

Реагируя на подобные конфликты, судебные инстанции неизбежно прибегают к принципам разрешения коллизий, например, принципу приоритета специальной нормы над общей или последующей нормы над прежней. Практика применения даже этих, казалось бы, универсальных правил демонстрирует, что окончательный результат далеко не всегда оказывается логичным и предсказуемым. Возникают такие ситуации, когда даже соблюдение формальных критериев не позволяет достичь правовой гармонии – напротив, создается иллюзия формального разрешения, за которым скрываются новые, еще более глубокие противоречия. Подобная нестабильность создает реальную угрозу целостности всей правовой системы и влечет за собой цепную реакцию управленческих сбоев.

Внимания заслуживает проблема разграничения компетенций между уровнями публичной власти. Недостаточная четкость законодательного регулирования в этой сфере приводит к распылению функций между органами, обладающими различным объемом полномочий и разной степенью ресурсообеспеченности. Результатом становится фрагментация управленческих решений, при которой ни один из субъектов не способен в

полной мере нести ответственность за принятые или непринятые действия. В условиях отсутствия четко выстроенной иерархии полномочий границы ответственности размываются, что порождает как юридическую, так и управленческую неопределенность. Итогом подобной дезорганизации становится создание правового вакуума – пространства, в котором конкретные вопросы оказываются вне сферы чьей-либо ответственности и как следствие остаются нерешенными.

Все рассмотренные аспекты указывают на необходимость глубокого переосмысления существующего правового механизма, особенно в тех его частях, где пересекаются интересы государства и общества. Без целостного подхода к построению системы публичной ответственности, основанной на ясности норм, согласованности компетенций и устойчивой обратной связи между правоприменением и правотворчеством, рассчитывать на управленскую эффективность и доверие граждан к институтам власти в долгосрочной перспективе не представляется возможным.

В то же время углубляющаяся сложность социальных и экономических процессов в современном обществе неизбежно порождает рост числа ситуаций, в которых может быть нанесен вред личности или коллективу. В условиях расширяющегося спектра угроз, охватывающих как повседневную, так и профессиональную сферу, стандартные модели гражданско-правовой ответственности, ориентированные на поиск и доказательство вины, все чаще оказываются недостаточными для обеспечения оперативной и справедливой защиты пострадавших. Их универсальность, ранее воспринимаемая как неоспоримое достоинство, утрачивает прежнюю эффективность под натиском вызовов времени, где скорость и доступность возмещения ущерба приобретают решающее значение.

В связи с этим на передний план выходит интерес к иным, нетрадиционным формам компенсации вреда, уже зарекомендовавшим себя в правопорядках ряда зарубежных государств. Разнообразные правовые конструкции, исключающие необходимость установления вины, демонстрируют не только альтернативные пути достижения справедливости, но и способность правовой системы оперативно реагировать на меняющуюся социальную реальность. Проблематика данных механизмов все чаще становится предметом глубокого анализа как в международной, так и в отечественной правовой науке, поскольку ее значение выходит далеко за рамки частного урегулирования – речь идет о формировании новой парадигмы правовой защиты в условиях нарастающих рисков и неопределенности [2].

Предмет дальнейшего рассмотрения составляют именно такие компенсационные модели, получившие развитие в правовых системах Новой Зеландии, стран Скандинавии, Канады и ряда государств континентальной Европы. Их появление продиктовано не только техническими трудностями применения традиционного деликатного подхода, но и более глубинными теоретическими и этическими основаниями, связанными с понятием справедливости, солидарности и социальной ответственности государства. Российская правовая система, стоящая перед задачей модернизации механизмов возмещения вреда, уже сталкивается с необходимостью поиска новых решений, в том числе с учетом накопленного международного опыта.

Понятие альтернативной компенсации вреда включает в себя совокупность юридических и организационных механизмов, обеспечивающих пострадавшему лицу возможность получить возмещение без необходимости проходить сложную процедуру доказывания чьей-либо вины. Модели, существенно отличающиеся от традиционных конструкций гражданско-правовой ответственности, опираются на иные правовые ориентиры – отказ от субъективной оценки поведения причинителя вреда, приоритет страховых гарантий, а также принципы коллективного перераспределения рисков. Их главная цель – оперативное удовлетворение обоснованных требований потерпевших, особенно в тех случаях, где стандартная процедура предъявления иска становится непреодолимым барьером – как с правовой, так и с экономической точки зрения.

Ярким примером успешной реализации такого подхода служит Новая Зеландия, где создана система ACC (Accident Compensation Corporation) – универсальный и централизованный механизм возмещения вреда, охватывающий широкий круг жизненных ситуаций. От производственных травм до врачебных ошибок и последствий транспортных аварий – все подпадает под действие этого фонда. Главной особенностью системы является то, что в ней отсутствует необходимость устанавливать, кто виновен: сама по себе травма или заболевание становится основанием для получения компенсации. Избранный подход, по мнению исследователей, обеспечивает

более высокий уровень доступности и справедливости, позволяя нивелировать различия в социальных и экономических возможностях пострадавших.

Не только в странах Океании, но и в ряде европейских юрисдикций наблюдается устойчивая тенденция к отходу от жесткой конструкции деликатного права в пользу более гибких и гуманных моделей. Например, в Швеции, Финляндии и Дании уже на протяжении нескольких десятилетий функционируют системы коллективного страхования пациентов и потребителей фармацевтической продукции, в которых ключевым элементом выступает принцип ответственности без вины. Развитие этих институтов стало результатом осознания ограниченности классических средств защиты, прежде всего из-за сложности установления причинно-следственной связи между действием и наступившим вредом.

Трудности, связанные с необходимостью судебного доказывания, особенно актуальны в делах, касающихся медицинских вмешательств, производственных аварий и иных ситуаций, где доказательная база априори затруднена либо недоступна. Зачастую затраты на экспертизы, услуги адвокатов и продолжительные процессы не только обременяют пострадавшего, но и делают компенсацию фактически недостижимой. В противоположность этому альтернативные модели опираются на административные процедуры, в рамках которых выработаны четкие критерии оценки ущерба и стандартные протоколы подачи заявления, что позволяет значительно ускорить процесс и сделать его более прозрачным [3].

Скандинавская практика наглядно демонстрирует, как концепция справедливости трансформируется в конкретные правовые механизмы. В Дании, к примеру, действует система компенсации жертвам преступлений, где выплаты осуществляются из публичного фонда, даже если виновный не был установлен или не имеет средств для исполнения обязательства. Подобный подход реализует идею субсидиарной ответственности общества, в рамках которой восстановление нарушенного баланса воспринимается как общественная задача, а не частный спор между сторонами.

В центре теоретических и научно-доктринальных рассуждений о перспективах альтернативной компенсации вреда находится проблема устаревания классической модели деликатного права. Все чаще звучит мнение, что компенсаторная функция, ранее считавшаяся его основополагающей чертой, фактически претерпевает эрозию. Вместо индивидуализированного спора о вине и степени ответственности на первый план выходит институционализированный подход, где основное значение приобретает обеспечение равного доступа к помощи и социальной поддержке. Трансформация не осталась незамеченной в международных правовых документах: в частности, ст. 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах прямо провозглашает право каждого на получение социальной защиты, включая механизмы страхования по инвалидности или утрате трудоспособности.

В теоретической плоскости подобные сдвиги соотносятся с идеями правовой трансплантации. Исследователи, опираясь на богатую эмпирику, приходят к выводу, что успешные правовые модели, зародившиеся в конкретных национальных юрисдикциях, вполне могут быть адаптированы в ином социальном и правовом контексте при соблюдении ряда условий. На этом основании в профессиональной среде все чаще обсуждается возможность переноса таких конструкций, как новозеландская ACC или квебекская SAAQ, в страны с переходными правовыми системами, в том числе и в Россию. Условием выступает не копирование форм, а глубокое осмысление сущности, которую они воплощают: признание уязвимости человека перед системными рисками и стремление к институциональной солидарности.

Российская правовая система пока не располагает цельной моделью компенсации без установления вины, однако в ее рамках уже можно выделить отдельные элементы, на которые может опираться будущая реформа. Одним из таких сегментов является механизм обязательного социального страхования от несчастных случаев и профессиональных заболеваний, закрепленный в Федеральном законе от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»[1]. Здесь прослеживается определенное сходство с зарубежными no-fault-системами, поскольку ключевым условием получения выплат является сам факт производственной травмы, а не доказывание халатности или умысла со стороны работодателя. Аналогично, положения ст.1081 Гражданского кодекса РФ предо-

[1] Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федер. закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/12112505/ (дата обращения: 17.07.2025).

ставляют суду возможность снижать размер компенсации, учитывая имущественное положение причинителя вреда – такой подход, при всей своей ограниченности, уже содержит зачатки социально ориентированного взгляда на возмещение.

Имеющийся зарубежный опыт позволяет предположить, что следующий шаг в этом направлении может быть связан с созданием тематических компенсационных фондов, действующих в чувствительных и высокорисковых сферах. Медицинское обслуживание, экологические угрозы, защита жертв преступлений, инновационные и потенциально опасные технологии – все эти области объективно нуждаются в более гибких и устойчивых механизмах правовой компенсации. Подобные фонды при условии грамотного юридического оформления и соответствующего финансирования способны стать эффективным инструментом в арсенале российской правовой системы.

Уделить внимание стоит модели, действующей на стыке публичного и частного регулирования. Всеобъемлющие компенсационные системы типа новозеландской ACC опираются на отказ от вины как условия компенсации, заменяя собой не только институт деликатных исков, но и часть страхового сектора. Не просто трансформация правовой формы, это фактически новая концепция перераспределения рисков, где государство выступает не как регулятор, а как активный участник процесса, администрирующий универсальный фонд и обеспечивающий его финансовую устойчивость. В провинциях Квебек и Манитоба аналогичные принципы реализуются через структуру государственных учреждений (например, SAAQ или MPI), действующих в сфере дорожных происшествий. Их практика подтверждает: возможен отказ от традиционного судебного пути при сохранении высокого уровня правовой защиты, если компенсационные процедуры оформлены прозрачно и эффективно.

Не менее важны отраслевые механизмы, функционирующие в строго определенных секторах, например в сфере здравоохранения и фармацевтики. Швеция и Финляндия на протяжении десятилетий развивают модели компенсации за медицинские ошибки и побочные эффекты лекарственных средств. Системы, как правило, формируются за счет обязательных взносов самих участников рынка и управляются специальными учреждениями, часто обладающими квазигосударственным статусом. Организационно-правовая форма обеспечивает гибкость в реагировании на запросы пострадавших и одновременно гарантирует устойчивость финансирования. В ЕС к этой логике все чаще прибегают и в области охраны окружающей среды: экологические компенсационные схемы позволяют оперативно реагировать на промышленные аварии и устранить последствия загрязнения, даже если установить конкретного виновного затруднительно или невозможно.

Некоторые государства пошли по пути гибридных моделей, в которых сочетаются черты административной компенсации и судебной защиты. В США действует система threshold, предусматривающая право пострадавшего подать иск в суд лишь при наличии серьезных последствий, например смерти или инвалидности. Решение позволяет, с одной стороны, сократить нагрузку на судебную систему, а с другой – не отказывать в защите в действительно значимых случаях. В отдельных канадских и австралийских юрисдикциях применяется система add-on, при которой административные выплаты не исключают возможности обращения в суд, а сама процедура предусматривает участие посреднических структур – омбудсменов, апелляционных советов, комитетов по рассмотрению жалоб. Такие формы открывают пространство для более тонкой и дифференцированной правовой работы, сохраняя баланс интересов.

Развитие получил и сегмент корпоративного самострахования, особенно в высокорисковых и капиталоемких отраслях – энергетике, производстве, тяжелой промышленности. Крупные компании, сталкивающиеся с трудно страхуемыми рисками, предпочитают создавать собственные компенсационные фонды или объединяться в межкорпоративные пулы, тем самым минимизируя зависимость от колебаний на страховом рынке. Структуры функционируют при обязательном наличии прозрачной отчетности и жесткого регламента нормативного надзора. Их юридическая природа колеблется между договорной конструкцией и публичным обязательством, зачастую закрепляемым на уровне отраслевого соглашения или специального закона. В российской правовой системе примером могут служить нормы, касающиеся обязательного страхования владельцев опасных объектов – прежде всего положения ст. 13.1 Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»[2].

Изучение альтернативных моделей компенсации вреда убеждает в том, что перед нами не просто технические правовые ре-

[2] О промышленной безопасности опасных производственных объектов: федер. закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/11900785/ (дата обращения: 17.07.2025).

шения, а отражение глубинного сдвига в понимании справедливости и социальной ответственности. Разнообразие подходов, от универсальных государственных фондов до гибридных и корпоративных механизмов, показывает, насколько гибкой может быть правовая система, если ее цель не формальное соблюдение процедуры, а реальное восстановление нарушенного баланса. Для российского законодательства это не только вызов, но и возможность переосмыслить действующие механизмы и приблизить их к потребностям живого человека, оказавшегося в уязвимом положении.

Список источников

1. Грибанов В.П. Возмещение вреда в гражданском праве. СПб., 2022.
2. Михеев А.Ю. Проблемы гражданско-правовой ответственности государства. Екатеринбург, 2023.
3. Александров В.И. Гражданское право. Особенная часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021.

References

1. Gribanov V.P. Compensation for Damages in Civil Law. St. Petersburg, 2022.
2. Mikheev A.Yu. Problems of Civil Liability of the State. Yekaterinburg, 2023.
3. Aleksandrov V.I. Civil Law. Special Part. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Михаил Борисович, *доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.*

Тишкин Дмитрий Николаевич, *кандидат политических наук, начальник кафедры тактико-специальной подготовки. Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России. 347360, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.*

Кучерова Екатерина Петровна, *кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры философии. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smolensky Mikhail Borisovich, *Grand PhD in Sociology, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law. Rostov State University of Railway Transport. 2, Rostov Infantry Regiment Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Tishkin Dmitry Nikolaevich, *PhD in Political Sciences, Head of the Department of Tactical and Special Training. Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347360 Russian Federation.*

Kucherova Ekaterina Petrovna, *PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 40–44.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 40–44.

Научная статья
УДК 342.9

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Шкеля Олег Викторович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, oleg_wkelia@mail.ru

Понежина Людмила Юрьевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ponezhina-lyudmila@yandex.ru

Афонина Евгения Григорьевна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, Evgeniy.afonina@mail.ru

Введение: *рассматривая правовые аспекты обеспечения законности и дисциплины в административной деятельности полиции, необходимо понимать, что они в соответствии с федеральным законодательством осуществляют основные правоохранительные функции в рамках всей системы управления государственными делами. При этом эффективность деятельности органов российской полиции напрямую зависит от реализации повышенных требований, предъявляемых к соблюдению законности и дисциплины как основных принципов деятельности государственных служащих, ответственных за реализацию национальной политики.*

Материалы и методы: *в рамках проведенного исследования использовалась вся система всеобщих принципов познания, общенаучных и специальных методов исследования (диалектика, логический, формально-юридический, герменевтический подход, системный метод, функциональный метод).*

Результаты исследования: *в статье приводятся основные способы обеспечения законности в административной деятельности полиции, а также понятие и условия осуществления общественного контроля за административной деятельностью полиции и соблюдения законности органами внутренних дел.*

Выводы и заключения: *сформулированы ключевые категории законности и дисциплины. Проанализирована дефиниция общественного контроля, раскрыта его характеристика, определено, что его последствия носят рекомендательный характер, но сама эта деятельность выступает в качестве механизма обратной связи, исходя из вопроса взаимодействия органов полиции и гражданского общества. Обозначены проблемы общественного контроля как самостоятельного социально-правового института, требующего исследования правовой природы, основных функций и проявлений, определение его места в структуре юридического процесса.*

Ключевые слова: *административная деятельность полиции, общественный контроль за административной деятельностью полиции, субъекты общественного контроля, взаимодействие между субъектами общественного контроля, охрана прав и свобод человека, административно-пресекательные меры, меры процессуального обеспечения.*

Для цитирования: Шкеля О. В., Понежина Л. Ю., Афонина Е. Г. *Общественный контроль как способ обеспечения законности в административной деятельности полиции // О. В. Шкеля, Л. Ю. Понежина, Е. Г. Афонина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 40–44.*

Original paper

PUBLIC CONTROL AS A WAY TO ENSURE LEGALITY IN THE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE POLICE

Shkelya Oleg Viktorovich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Ponezhina Lyudmila Yurievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Afonina Evgeniya Grigorievna
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Introduction: *when considering the legal aspects of ensuring legality and discipline in the administrative activities of the police, it is important to understand that, in accordance with federal law, they perform the primary law enforcement functions within the entire system of public administration. Moreover, the effectiveness of Russian police agencies directly depends on the implementation of increased demands placed on compliance with the law and discipline as fundamental principles of the work of civil servants responsible for implementing national policy.*

Materials and methods: *the study utilized a comprehensive system of general principles of knowledge, as well as general scientific and specialized research methods (dialectics, logical, formal-legal, hermeneutic approaches, systems method, and functional method).*

Results of the study: *the article presents the main methods of ensuring legality in the administrative activities of the police, as well as the concept and conditions for implementing public oversight of the administrative activities of the police and compliance with the law by internal affairs agencies.*

Findings and conclusions: *key categories of legality and discipline are formulated. The definition of public oversight is analyzed, its characteristics are revealed, and it is determined that its consequences are advisory in nature, but this activity itself serves as a feedback mechanism, based on the interaction between police and civil society. The problems of public oversight as an independent socio-legal institution are identified, requiring research into its legal nature, main functions, and manifestations, as well as its place within the structure of the legal process.*

Keywords: *administrative police activity, public oversight of administrative police activity, entities of public oversight, interactions between entities of public oversight, protection of human rights and freedoms, administrative preventive measures, procedural measures.*

For citation: Shkelya O. V., Ponezhina L. Yu., Afonina E. G. *Public control as a way to ensure legality in the administrative activities of the police / O. V. Shkelya, L. Yu. Ponezhina, E. G. Afonina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 40–44.*

В отечественном административном праве категории «законность» и «дисциплина» являются фундаментальными. Их практическая реализация необходима для эффективного функционирования любого государства. Особое значение рассматриваемые категории имеют для правоохранительных органов, которые первоначально создавались для борьбы с правонарушениями.

Являясь основной структурной составляющей органов внутренних дел (далее – ОВД), полиция отвечает за поддержание правопорядка, раскрытие преступлений, пресечение правонарушений, иногда используя для этого непопулярные среди населения меры принуждения, в том числе физическую силу, оружие и специальные средства. Разносторонняя правоприменительная практика полиции формирует у граждан представление о государстве в целом.

Понятия законности и дисциплины в органах внутренних дел глубоко взаимосвязаны и взаимозависимы. В органах внутренних дел законность рассматривается как составная часть служебной дисциплины. К сотрудникам полиции в области соблюдения служебной дисциплины предъявляются серьезные требования, включая соблюдение положений присяги, кодекса этики и служебного поведения, Дисциплинарного устава, должностной инструкции (регламента), правильного ношения форменного обмундирования, выполнения служебного распорядка дня. Но требование соблюдения законности является наиболее важным, т. к. в данном случае могут затрагиваться интересы граждан.

В условиях современного государства особую актуальность приобретает проблема защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Этот вопрос вызывает широкий общественный резонанс и становится предметом многочисленных дискуссий. Деятельность государства и общества в любой сфере так или иначе связана с пра-

вами и свободами человека и гражданина. Конституция РФ ставит во главу угла общечеловеческие ценности, подчеркивая их приоритет над всеми другими ценностями государства и общества.

По мнению Е.В. Киричка, суть контроля заключается в наблюдении, проверке и отслеживании определенных явлений, это процесс проверки и непрерывного мониторинга с целью обеспечения соблюдения положений Конституции РФ, ФКЗ, ФЗ и т. д. Чтобы понять, как работает система контроля и надзора за работой ОВД, нужно рассмотреть ее с точки зрения организационно-правовой сущности [1, стр. 15].

Осуществляемые виды контроля и надзора за деятельностью полиции указаны в гл. 10 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции). Виды государственного контроля определены в ст. 49 и осуществляются Президентом РФ, палатами Федерального собрания РФ, Правительством РФ [2].

Провозгласив себя демократическим и правовым государством, Россия обязалась сформировать систему общественного контроля над правоохранительными органами, соблюдая общепризнанные нормы и принципы. Преобразование системы общественного контроля происходит и сегодня. Условия, в которых оказалась страна, заставили нас переформатироваться и привели к пониманию необходимости в изменении основных взглядов на функционирование правоохранительной системы, осуществление правоохранительной деятельности в пользу модели приоритета удовлетворения запросов гражданского общества в правоохранительной деятельности государственных органов по их переориентации на предоставление сервисно-правовой помощи в сфере защиты прав, свобод, законных интересов граждан вместе с развитием институтов гражданской самоорганизации и контроля [3].

Учеными разных областей науки проблеме административной деятельности полиции как объекта общественного контроля уделялось немало внимания. Среди ученых-юристов, которые занимались исследованием этой проблематики, можно отметить работы А.В. Басова, А.И. Беспалова, М.В. Лошицкого, В.И. Олефира, В.Г. Фатхутдинова. Отдельные аспекты административной деятельности органов полиции РФ изучали В.В. Федоров и В.В. Черней, общественный контроль в этой сфере исследовали А. Школик и А.В. Щербанюк. Все указанные авторы внесли весомый вклад в разработку данной проблематики, учитывая просчеты и положительный опыт, но в процессе реформирования правоохранительных органов и развития гражданского общества появляются новые вызовы, которые требуют своевременного решения.

Реформирование российской системы правоохранительных органов связано с глубинными трансформационными процессами, которые переживает наше государство. Сегодня потенциал общественности и правоохранительных органов, местной власти может стать весомым рычагом повышения эффективности деятельности всех субъектов по обеспечению целей и поддержанию правопорядка в обществе, а координация предоставит взаимоотношениям полиции и общественным формированиям устойчивый целенаправленный характер, что обеспечит оптимальное распределение функций по осуществлению правоохранительной деятельности совместно с единством стратегических и тактических действий.

Полиция как центральный орган исполнительной власти призвана служить обществу, должна обеспечивать охрану прав и свобод человека, противодействовать преступности, поддерживать публичную безопасность и порядок. Среди многих функций, реализацией которых занимается полиция, первоочередное место занимает административная функция, которая и наполняет административную деятельность полиции публично-сервисной направленностью, от чего зависит состояние правопорядка в нашей стране. Сервисно-правовая направленность определяет сущность административной деятельности полиции РФ и состоит в урегулировании с помощью норм права сервисно-правовой деятельности подразделений и должностных лиц полиции, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав и свобод, законных интересов физических и юридических лиц, общественного порядка и безопасности, направленных на противодействие правонарушениям.

В ст. 50 Закона о полиции указан порядок осуществления общественного контроля. Граждане России и общественные объединения могут контролировать работу полиции в случаях, регламентированных законом. Контроль за работой полиции осуществляется Общественной палатой РФ, общественными наблюдательными комиссиями, которые следят за соблюдением прав граждан в местах принудительного содержания, находящихся в ведении МВД России, общественными советами при ОВД. Институт общественного контроля играет ключевую роль и получил четкое правовое оформление после принятия Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Закон закрепил определение, цели, задачи, статус участников, принципы, порядок и формы реализации общественного контроля, а также ответственность за нарушения законодательства в этой области. Субъектами общественного контроля являются Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, а также при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ [4].

В соответствии с Указом Президента РФ от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах» одной из ключевых функций советов является общественный контроль за работой ОВД.

Государственно-властный характер административной деятельности органов полиции постоянно находится под пристальным наблюдением общественности и заключается в осуществлении возложенных на полицию РФ административно-правовых полномочий от имени государства в пределах компетенции, определенной законодательством. Органы полиции, выполняя административные функции, выступают как субъекты управления (представители власти), которым предоставлено право давать обязательные для исполнения предписания, указания и которые могут применять в необходимых случаях принудительные меры воздействия [5]. Административно-предупредительные меры могут применяться в случаях, когда правонарушение еще не совершилось, но есть основания полагать, что оно может совершиться.

Административно-пресекательные меры применяются непосредственно во время совершения правонарушения – полицейский обязан принять меры по его прекращению. Меры процессуального обеспечения применяются в случае неэффективности предупредительных мероприятий, во время административного задержания, доставки, личного досмотра, досмотра вещей, изъятия вещей и документов, – все эти процессуальные действия в обязательном порядке сопровождаются составлением процессуальных документов, конечно, на законном основании.

Самым распространенным административным мероприятием является взыскание, что может быть применено к лицу, уже совершившему правонарушение, с целью его воспитания. Содержательное наполнение этого мероприятия заключается в обеспечении соблюдения законов РФ, уважения к правилам общежития, а основная цель – недопущение совершения правонарушений лицом повторно. Сотрудники полиции в крайних случаях и законно могут применять силу и оружие.

Все вышеперечисленные мероприятия полиция направляет на обеспечение законности и в случае необходимости может подвергаться общественному контролю своей административной деятельностью, попадая в круг общественного любопытства.

Неукоснительное соблюдение законности имеет особое значение в деятельности органов полиции. Различные правоотношения, в которых развивается ее деятельность, неразрывно связанные с воплощением на практике требований законности, составляет правовой стержень правоотношений. Раскрывая значение соблюдения законности, всегда важно учитывать два аспекта этого вопроса: органы внутренних дел в сфере своей деятельности призваны обеспечивать соблюдение законности, а также то, что сотрудники в процессе осуществления своих служебных обязанностей и пределах компетенции вступают в различные правоотношения с гражданами и организациями, которые должны соблюдать законы и иные нормы права.

Основным средством обеспечения законности является контроль. Проблема общественного контроля как самостоятельного социально-правового института требует исследования правовой природы, основных функций и проявлений, определение его места в структуре юридического процесса. На сегодня этот процесс проходит не очень просто, отсутствие регламентации и определенности несколько усложняет и замедляет процессы демократизации общества. Элементы реализации контрольной деятельности со стороны общественности должны быть регламентированы нормативными правовыми актами и реализовываться на их основе и в установленном порядке.

Общественный контроль имеет непосредственную и конечную цель его применения. Непосредственной целью общественного контроля признается предупреждение и пресечение нарушений действующего законодательства по соблюдению прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами. Конечная цель контроля состоит в обеспечении защиты граждан, организаций, общества и государства от возможных негативных последствий, обеспечении их безопасности и законных интересов, прав и свобод субъектов общественных отношений.

Предварительный общественный контроль осуществляется накануне определенного события, текущий проводится непосредственно во время деятельности, заключительный контроль осуществляется после завершения события. Каждый элемент, каждый вид общественного контроля преследует одну цель – обеспечение открытости полиции с целью недопущения ее превращения в «карательный орган». Только открытость органов и осведомленность общественности является залогом демократического развития как самих органов полиции, так и общества в целом.

Общественный контроль за административной деятельностью полиции осуществляется гражданами РФ, объединениями граждан, трудовых коллективов, средствами массовой информации и др. Объектом выступает административная деятельность ОВД, которая направлена на защиту прав и свобод граждан, юридических лиц и их законных интересов.

Общими условиями осуществления общественного контроля за административной деятельностью полиции признаются:

1. Формирование субъектов общественного контроля в полном соответствии с законодательством с определением их правового статуса.

2. Проведение общественного контроля осуществляется на основе действующего законодательства с соответствующим определением его направлений, форм и предельных границ.

3. Взаимодействие между субъектами общественного контроля и контролирующими органами и организациями происходит в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, административная деятельность органов полиции как объекта общественного контроля заключается в ее осуществлении на законных основаниях. Общественный контроль выступает в качестве

гарантии, его последствия носят рекомендательный характер, но сама эта деятельность и выступает в качестве механизма обратной связи, исходя из вопроса взаимодействия органов полиции и гражданского общества.

Повышение эффективности общественного контроля за деятельностью органов полиции требует внедрения и наличия комплекса мероприятий организационно-правового и иного порядка, в частности:

– дальнейшего создания и совершенствования нормативно-правовых основ административной деятельности как объекта общественного контроля;

– обеспечения общедоступности общественного контроля;

– защиты граждан от преследования со стороны органов полиции в связи с проведением ими общественного контроля;

– совершенствования форм реализации общественного контроля и др.

Эти первоочередные меры позволят оптимизировать контрольную деятельность общественности в современном правовом государстве.

Список источников

1. Киричёк Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015.

2. О полиции: федер. закон от 7.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. Шакалов И.И. Имидж российских органов внутренних дел в 2012 г.: предварительные итоги реформы (по результатам комплексного изучения общественного мнения) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3(105).

4. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон: федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. Административная деятельность органов внутренних дел. URL: https://studwood.ru/1470058/pravo/administrativnaya_deyatelnost_organov_vnutrennih_del (дата обращения: 12.05.2025).

References

1. Kirichek E.V. Organizational and legal mechanism for ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of interaction between the police and civil society institutions in the Russian Federation: dis. … Grand PhD in Law. Moscow, 2015.

2. On the police: federal law of 7.02.2011 № 3-FL. Accessed from the legal system «Garant».

3. Shakalov I.I. Image of Russian internal affairs agencies in 2012: preliminary results of the reform (based on the results of a comprehensive study of public opinion) // Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2012. № 3(105).

4. On the fundamentals of public control in the Russian Federation: Federal law: federal law of 21.07.2014 № 212-FL. Accessed from the legal system «Garant».

5. Administrative activities of internal affairs agencies. URL: https://studwood.ru/1470058/pravo/administrativnaya_deyatelnost_organov_vnutrennih_del (date of access: 12.05.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шкеля Олег Викторович, *заместитель начальника кафедры безопасности дорожного движения. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

Понежина Людмила Юрьевна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Афонина Евгения Григорьевна, *кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shkelya Oleg Viktorovich, *Deputy Head of the Department of Traffic Safety. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Ponezhina Lyudmila Yurievna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Afonina Evgeniya Grigorievna, *Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Oryol 302027 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 45–52.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 45–52.

Научная статья
УДК 343.9

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Юрченкова Валентина Николаевна
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
yurchenkovav@bk.ru

Введение: *в современных условиях вызовы и угрозы национальной безопасности предопределили необходимость научно-прикладного осмысления современного состояния и тенденций взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации (СМИ). Обеспечение информационной безопасности в условиях глобальной цифровизации требует формирования в том числе оптимальной модели взаимодействия со СМИ. Признавая различие моделей указанного взаимодействия, актуальным представляется изучение зарубежного опыта правового регулирования и организации взаимодействия правоохранительных структур со СМИ.*

Материалы и методы: *в ходе проведения исследования применялись общие, общенаучные и частнонаучные методы научного познания, такие как объективность, системность, индукция, дедукция, проведен анализ российского законодательства, научных трудов ряда исследователей, заявленной проблематики.*

Результаты исследования: *в научной статье представлены модели взаимодействия правоохранительных структур со СМИ, сформировавшиеся в том числе в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (СНГ), государствах-членах Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также государствах-членах Организации Объединенных Наций (ООН). В процессе исследования обобщены и проанализированы существующие зарубежные модели организационно-правового механизма взаимодействия правоохранительных органов со СМИ, определены направления его возможного внедрения в отечественную модель взаимодействия.*

Выводы и заключения: *изучение зарубежного опыта взаимодействия правоохранительных органов со СМИ в государствах-участниках СНГ, государствах-членах ОДКБ, государствах-членах ООН позволило оценить возможность его адаптации к отечественной модели взаимодействия вышеуказанных субъектов и выработать рекомендаций по совершенствованию правотворчества в этой сфере, правоприменительной практики и организации деятельности. В настоящей научной статье тезисно представлены авторские предложения, направленные на выработку рекомендаций по оптимизации указанного взаимодействия, максимально удовлетворяющего потребностям противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности страны.*

Ключевые слова: *зарубежный опыт, СНГ, ОДКБ, ООН, взаимодействие органов внутренних дел, средства массовой информации, СМИ, национальная безопасность, информационная безопасность.*

Для цитирования: Юрченкова В. Н. *Взаимодействие правоохранительных структур со средствами массовой информации в системе обеспечения информационной безопасности: зарубежный опыт / В. Н. Юрченкова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 45–52.*

Original paper

INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND THE MASS MEDIA IN THE INFORMATION SECURITY SYSTEM: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Yurchenkova Valentina Nikolaevna
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: *in today's environment, challenges and threats to national security have necessitated a scientific and applied understanding of the current state and trends of interaction between law enforcement agencies and the media. Ensuring information security in the context of global digitalization requires, among other things, the development of an optimal model for interaction with the media. Recognizing the differences in models for this interaction, studying international experience in legal regulation and organizing interactions between law enforcement agencies and the media is relevant.*

Materials and methods: *the study utilized general, general, and specific scientific methods of scientific inquiry, such as objectivity, systematicity, induction, and deduction. An analysis of Russian legislation, the scientific works of several researchers, and the stated problematic was conducted.*

Results of the study: *This scientific article presents models of interaction between law enforcement agencies and the media, including those developed in the Commonwealth of Independent States (CIS), the Collective Security Treaty Organization (CSTO), and the United Nations (UN). The study summarizes and analyzes existing international models of organizational and legal mechanisms for interaction between law enforcement agencies and the media, identifying areas for their potential implementation in the domestic model.*

Findings and conclusions: *a study of international experience in law enforcement interaction with the media in the CIS, CSTO, and UN member states allowed us to assess the feasibility of adapting it to the domestic model of interaction between the above-mentioned entities and to develop recommendations for improving lawmaking in this area, law enforcement practices, and the organization of activities. This scientific article presents the author's proposals aimed at developing recommendations for optimizing this interaction, which best meets the needs of countering challenges and threats to the country's national security.*

Keywords: *international experience, CIS, CSTO, UN, interaction between law enforcement agencies, mass media, media outlets, national security, information security.*

For citation: Yurchenkova V. N. *Interaction between law enforcement agencies and the mass media in the information security system: international experience / V. N. Yurchenkova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 45–52.*

Поддержание необходимого уровня всех видов национальной безопасности, стабильного развития и жизнедеятельности государства, его народа, своевременные профилактика и противодействие вызовам и угрозам национальной безопасности, обеспечение координации деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества по защите национальных интересов России и обеспечению безопасности личности и государства – это первостепенные задачи, направленные на защищенность интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, обеспечивающие устойчивое развитие страны.

Сложившаяся геополитическая ситуация, четвертая промышленная революция, в рамках которой поэтапно осуществляется тотальная цифровизация общественных отношений и в целом жизнедеятельности общества[1], формирует новую деятельностную модель для правоохранительных систем различных государств.

Решение задач профилактики и противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности в стратегии любого государства обеспечивается в том числе путем формирования и развития отвечающих современным потребностям цифровизации моделей взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества, включающими средства массовой информации (далее – СМИ).

Ключевые международные организации, созданные в целях эффективного многостороннего взаимодействия (государства-участники Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и государства-члены Организации Объединенных Наций (далее – ООН), выработали различные модели указанного взаимодействия. Данные модели характеризуются спецификой с учетом: во-первых, сложившейся системы правового регулирования взаимодействия, имеющей многоуровневую иерархию; во-вторых, сформированных основополагающих начал (принципов), выявленных закономерностей, условий и факторов взаимодействия; в-третьих, сформированных организационно-правовых форм и отдельных направлений взаимодействия; в-четвертых, организационно-правового механизма функционирования и компетенции правоохранительных органов; институтов гражданского общества, участвующих в реализации национальной политики; в-пятых, сложившихся видов, форм и особенностей взаимодействия с национальными органами публичной власти; а также иных специфических особенностей [1].

Принимая во внимание вышеуказанное, в ходе исследования был осуществлен анализ моделей взаимодействия правоохранительных органов, включая органы внутренних дел (далее – ОВД) со СМИ, как в национальной, так и в зарубежной правоприменительной практике.

В течение последних лет отечественные и зарубежные исследователи [2, с. 52–62; 3; 4, с. 24–39] большое внимание уделяют компаративному анализу правового регулирования, сложившейся практики имеющихся сложностей и проблем взаимодействия ОВД со СМИ[2]. Зачастую указанные исследования не учитывают роль взаимодействия ОВД со СМИ в системе обеспечения инфор-

[1] Цифровая экономика Российской Федерации: программа от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: https: //government.ru/docs/all/112831 (дата обращения: 10.07.2025). Это Дорожная карта по цифровизации в основных секторах государственной и общественной жизни с учетом воздействия на правоохранительную деятельность.

[2] В г. Москве 1 ноября 2023 г. состоялся Медиафорум представителей СМИ государств-участников СНГ «Развитие медиа в меняющемся мире».

мационной безопасности. Интерес в связи с этим представляет аналитический обзор на тему «Сравнительный анализ правового регулирования информационно-телекоммуникационного пространства стран СНГ: зарубежные практики» [5], в котором авторы предприняли попытку решения следующих актуальных задач: изучение современного состояния правового регулирования информационно-телекоммуникационного пространства в зарубежных практиках государств-участников СНГ; анализ правового регулирования и оценка проблемных вопросов правового регулирования информационно-телекоммуникационного пространства в зарубежных практиках государств-участников СНГ.

Однако несмотря на определенную степень научной разработанности в большей своей части имеющиеся работы касаются вопросов правового регулирования и форм деятельности СМИ в зарубежных правовых системах, а также вопросов правового регулирования указанного взаимодействия.

Данные исследования не раскрывают особенностей организации указанного взаимодействия в сложившихся практиках различных государств и моделей организационно-правового механизма взаимодействия правоохранительных структур со СМИ, в том числе в системе обеспечения информационной безопасности.

Тем не менее познание особенностей взаимодействия ОВД со СМИ в государствах-участниках СНГ, государствах-членах ОДКБ и государствах-членах ООН служит целям повышения эффективности организационно-правового механизма взаимодействия ОВД со СМИ посредством выявления оптимальных моделей взаимодействия и возможностей их имплементации в отечественную систему обеспечения информационной безопасности.

Следует обратить внимание, что за время реформ, которые характерны для всех государств постсоветского пространства, законодательное оформление получили многие новеллы. Вслед за формированием международных стандартов в сфере взаимодействия государственных органов и иных организаций со СМИ были всесторонне изучены пробелы и противоречия в национальных правовых системах, регулирующих публично-правовые отношения в этой сфере. Традиционно в процессе взаимодействия его субъекты имеют четко регламентированные функции, особенности реализации которых закреплены многоуровневой правовой системой, включающей нормы конституции, нормативные правовые акты международного, национального законодательства, локальные правовые актов и др.

С учетом новой геополитической ситуации и цифровой трансформации общественных отношений, вызовов и угроз национальной безопасности, в том числе и в сфере информационной безопасности государства-участники СНГ и государства-члены ОДКБ на протяжении последних десятилетий формируют новую систему коллективной безопасности. Принимая на стратегическом уровне комплексные меры для противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности, данные государства за счет консолидации совместных усилий последовательно формировали и продолжают формировать концептуальные основы международной информационной безопасности [6, с. 176–182].

Так, на уровне СНГ в 2013 г. утверждено Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности[3], в 2019 г. Решением Совета глав правительств СНГ была утверждена Стратегия обеспечения информационной безопасности государств-участников СНГ от 25 октября 2019 г.[4]

На уровне государств-членов ОДКБ в 2016 г. была утверждена Стратегия коллективной безопасности ОДКБ до 2025 г. и Соглашение о сотрудничестве государств-членов ОДКБ в области обеспечения информационной безопасности [7, с. 37–40].

В связи с этим государства-члены ОДКБ в качестве первостепенных задач ставят: 1) формирование организационно-правового механизма взаимодействия со СМИ; 2) эффективную информационную деятельность с задействованием различных информационных каналов и форм, призванную координировать и продвигать выверенную информацию, повышать уровень национального самосознания граждан; обеспечивать противодействие вызовам и угрозам коллективной безопасности; 3) расширение направлений и форм взаимодействия со СМИ; 4) отбор и подготовку кадрового резерва, способного занимать лидирующие позиции, обладающего выработанными умениями и навыками в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и цифровизации.

На уровне ООН 15 мая 2023 г. Россия в соавторстве с Белоруссией, КНДР, Никарагуа и Сирией в качестве официального документа 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН внесли концепцию Конвенции Организации

[3] Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. (вступило в силу для Российской Федерации 4 июня 2015 г.). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201506040007 (дата обращения: 10.07.2025).

[4] Стратегия обеспечения информационной безопасности государств-участников СНГ: Решение Совета глав правительств СНГ о Стратегии обеспечения информационной безопасности государств-участников СНГ от 25 октября 2019 г. URL: https://www.intermedia.ru/uploads/72b6a0.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

Объединенных Наций об обеспечении международной информационной безопасности (МИБ)[5].

Модели организационно-правового механизма взаимодействия правоохранительных органов со СМИ имеют многоуровневую и многоаспектную структуру, включая институциональный механизм и его структурные элементы [8, с. 41–44; 9, с. 126; 10, с. 25–30]: 1) институциональные единицы (субъекты взаимодействия); 2) направления и формы взаимодействия как способ организации совместной деятельности субъектов; 3) систему организации взаимосвязей и взаимодействий между ними; 4) алгоритм взаимодействия между субъектами взаимодействия; 5) механизм правового регулирования и организационный механизм.

Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что процессы, происходящие в глобальном информационном пространстве, оказывают непосредственное воздействие на модели организационно-правового механизма взаимодействия правоохранительных органов со СМИ, сложившиеся в зарубежных практиках ряда государств-участников СНГ, государств-членов ОДКБ, государств-членов ООН и основывающиеся на различных концепциях, что позволяет говорить о наличии как схожих, так и специфических особенностей. Традиционно модели организационно-правового механизма взаимодействия со СМИ закреплены на федеральном уровне и носят централизованный, унифицированный характер.

Так, организация взаимодействия Министерства внутренних Республики Беларусь со СМИ предусмотрена Указом Президента Республики Беларусь от 6.02.2009 № 65 «О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации»[6]. Указ с учетом уровней определяет перечень государственных органов и организаций, включая и МВД Республики Беларусь, в организационно-штатной структуре которых имеется должность пресс-секретаря или руководителя структурного подразделения, ответственного за взаимодействие со СМИ.

В соответствии с Указом основными задачами лица, ответственного за работу со СМИ, являются: обеспечение взаимодействия; предоставление СМИ официальных сведений о деятельности государственного органа, за исключением относящихся к государственным секретам, коммерческой или иной охраняемой законом тайне; координация деятельности; подготовка и проведение информационных мероприятий по формированию положительного имиджа государственного органа; участие в информационных кампаниях в рамках проводимой в стране государственной информационной политики; организация освещения в СМИ вопросов, входящих в компетенцию государственного органа; подготовка рекомендаций по вопросам взаимодействия со СМИ; оперативное реагирование на события в мировом и (или) национальном информационных пространствах, относящиеся к деятельности государственного органа; и др[7].

Специфика модели организации взаимодействия ОВД Республики Беларусь со СМИ помимо унифицированного характера основывается на концепции социального партнерства [10, с. 25–30; 11, с. 95–106; 12, с. 28–32], сущность которой заключается в следующем: достижение вовлеченности СМИ в целенаправленную деятельность по обеспечению национальной безопасности, противодействию правонарушениям; обеспечение общественного порядка и общественной безопасности; достижение взаимовыгодных отношений с общественностью, со СМИ, основывающихся на активном сотрудничестве и повышении степени доверия граждан.

С учетом уровней организационно-статного построения в МВД Республики Беларусь функционируют подразделения[8] информации и общественных связей, пресс-служба и предусмотрена должность пресс-секретаря. Основные задачи: организация информационного обеспечения деятельности МВД Республики Беларусь, а также его структурных подразделений, осуществляемая в том числе посредством взаимодействие со СМИ [13, с. 57–62; 14, с. 431]; непрерывное совершенствование и укрепление связей с общественностью; формирование в общественном сознании положительного имиджа сотрудников ОВД и военнослужащих внутренних войск.

Модель организации взаимодействия полиции Республики Армения и СМИ также основывается на концепции социального партнерства[9]. В соответствии с данным принципом правительственные СМИ являются

[5] О концепции конвенции ООН по международной информационной безопасности. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1870609 (дата обращения: 10.07.2025). Соавторы: Республика Беларусь, Боливарианская Республика Венесуэла, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Никарагуа, Сирийская Арабская Республика.

[6] О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации: указ Президента Республики Беларусь от 6 февраля 2009 г. № 65 (ред. от 14.03.2024). URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30900065 (дата обращения: 10.07.2025).

[7] Там же.

[8] Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.

[9] Ʉʃɦɛł ɾ. R. «ʔɦɕɞʃ»: ɯɧɰɤʏɨʏɐɕɹ ɬɜɻɣɣ ł ɨɛɳɬɬɜɟɧɧɧɨɬɬɬɶɸ [dɥɣɤɬɨɨɧɧɵɣ ɻɬɭɬ]. URL: http://sage-reference.com/publicrelations/Article_n208.html (Ƭɘɬɘ ɨɛɪɘɳɳɕɹ 25.03.2020) (дата обращения: 10.07.2025).

партнерами в вопросах противодействия правонарушениям и преступлениям, а осуществляемая ими деятельность общественно значима и защищена законом Республики Армения[10]. В Инструкции, утвержденной приказом начальника полиции Республики Армения «О взаимодействии сотрудников полиции со средствами массовой информации»[11] закреплен организационный механизм указанного взаимодействия.

На протяжении нескольких лет в Министерстве внутренних дел Республики Армения осуществляется реформа полиции, цель которой «преобразование полиции, способной противостоять современным вызовам, специализированной и технически оснащенной, вежливой и достойной уважения, что свойственно демократической правовой системе»[12].

В рамках усовершенствования модели организации взаимодействия полиции Республики Армения и СМИ активно внедряются инновационные подходы, первоочередное внимание уделяется повышению профессиональной компетенции субъектов рассматриваемого взаимодействия.

В рамках исследуемой тематики интересен опыт Республики Таджикистан [2; 3]. На государственном уровне в последнее десятилетие принят ряд стратегических документов в целях формирования новой системы законодательства, регламентирующей основные направления деятельности милиции, среди которых: Программа реформы милиции на 2021–2025 гг. утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1.06.2021 № 211, одной из целей которой является создание концепции информационной системы и развитие существующей системы в органах милиции с учетом обеспечения информационной безопасности. При этом ведущая роль в указанной системе отведена СМИ.

Правовая основа и организация деятельности СМИ в Республике Таджикистан имеет разноформатный характер, сводящийся к наличию формальных и неформальных правил.

В Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан СМИ относятся к числу основных объектов национальной безопасности, в частности такого ее вида, как информационная безопасность[13]. Это напрямую констатировал в 2019 г. Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон отметив, что «руководители средств массовой информации должны быть надежным щитом национальных интересов, культурных и исторических ценностей, достижений периода независимости страны…»[14].

Следует обратить внимание, что в соответствии с планом мероприятий по реализации Программы реформы милиции на 2021–2025 гг. предусмотрена разработка проекта Концепции развития информатизации и единой информационно-коммуникационной системы органов внутренних дел в соответствии с требованиями цифровой экономики.

В последнее десятилетие во многих государствах наблюдается тенденция трансформации как системы органов государственной власти [5; 15, с. 140–148], так и моделей взаимодействия государственных органов, в том числе осуществляющих правоохранительную деятельность, и иных государственных организаций со СМИ. Так, реформирование правоохранительных органов Республики Узбекистан, начатое в 2017 г., также идет по пути взаимодействия с институтами гражданского общества и СМИ [2, с. 58], а введение рейтинговой системы, мониторинга и управления действиями сотрудников правоохранительных органов позволили, согласно рейтингу Law and Order Index, повысить уровень доверия граждан к правоохранительным органам[15].

Статья 8 Закона Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» регламентирует, что ОВД осуществляют свою деятельность во взаимодействии с государственными органами, органами самоуправления граждан, другими организациями и гражданами, а также со СМИ. В этой части стратегические документы дальнейшего развития Республики Узбекистан определяют в качестве элементов модернизации государственного и общественного развития реализацию механизмов общественного контроля, усиление роли институтов гражданского общества и СМИ, которые на законодательном уровне определены в качестве одного из субъектов, осуществляющих общественный контроль [2, с. 59–60].

[10] О массовой информации: закон Республики Армения от 14 января 2004 года № ЗР-14 (в ред. 18.06.2022). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7113&ysclid=ma9gv9qsf1683302032 (дата обращения: 10.07.2025).

[11] О взаимодействии сотрудников полиции со средствами массовой информации: приказ начальника полиции Республики Армения от 18.03.2011 № 535-А.

[12] Полиция в авангарде обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью. Поздравление Министра внутренних дел Армении. URL: https://armenpress.am/ru/article/1108826 (дата обращения: 10.07.2025).

[13] О Программе обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан: постановление Правительства Республики Таджикистан от 30.06.2004 № 290 (ред. от 01.07.2011 №337). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8265(дата обращения: 10.07.2025).

[14] Встреча Лидера нации Э. Рахмона с представителями государственных средств массовой информации. URL: https://khovar.tj/rus/2019/02/vstrecha-lidera-natsii-emomali-rahmona-s-predstavitelyami-gosudarstvennyh-sredstvmassovoj-informatsii/ (дата обращения: 10.07.2025).

[15] Реформы полиции в Узбекистане повысили безопасность и доверие к правоохранительным органам. URL: https://central.asia-news. com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/11/19/feature-01 (дата обращения: 10.07.2025).

Модель организационно-правового механизма взаимодействия ОВД Республики Казахстан со СМИ также регламентирована на федеральном уровне и носит централизованный, унифицированный характер. Закон Республики Казахстан от 23.07.1999 № 451-I «О средствах массовой информации»[16] регламентирует право уполномоченного органа самостоятельно определять порядок взаимодействия со СМИ и разрабатывать инструкции и типовые положения о взаимодействии.

Приказ Министра информации и коммуникаций Республики Казахстан утверждает типовое положение об уполномоченном лице (подразделении) по взаимодействию со СМИ[17].

В 2020 г. было создано самостоятельное структурное подразделение центрального аппарата МВД Республики Казахстан – Департамент идеологической и имиджевой работы МВД Республики Казахстан (далее – Департамент) взамен пресс-службы МВД Республики Казахстан[18]. Департамент осуществляет единую государственную политику в области идеологии в системе ОВД Республики Казахстан, развития и пропаганды языковой политики, обеспечения внутренних и внешних коммуникаций, направленных на получение и распространение информации о деятельности ОВД, формирование единого информационного пространства ведомства, являясь уполномоченным подразделением по вопросам доступа к информации, осуществляющего мониторинг, координацию и контроль в сфере доступа к информации внутри государственного органа.

Опыт Республики Казахстан в трансформации правоохранительной деятельности в эпоху цифровых преобразований [16, с. 119–128; 17, с. 162–167] позволяет констатировать, что в нынешних условиях целенаправленное высокотехнологичное взаимодействие правоохранительных органов со СМИ выступает одним из основных средств противодействия деструктивному информационному воздействию на государства.

Важно осознавать, что повышение эффективности взаимодействия с институтами гражданского общества, включающими СМИ, актуализирует потребность в изучении международного опыта правового регулирования и организации указанного взаимодействия и направлено на формирование положительных правоприменительных тенденций, обеспечивающих:

– профессиональную подготовку кадрового состава, включая руководителей подразделений информации и общественных связей территориальных органов МВД России, а также Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – УОС МВД России)[19] [1];

– разработку образовательных программ дополнительной профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников и руководителей подразделений информации и общественных связей, в компетенцию которых входит регулирование основных управленческих функций в рамках организации деятельности подразделений информации и общественных связей территориальных органов МВД России, оказание им научно-методической помощи, с учетом инновационного практико-ориентированного подхода;

– стабильность кадрового состава специальных подразделений информации и общественных связей, в том числе путем формирования и сохранения преемственности и передачи профессионального опыта в служебных коллективах;

– повышение количества опытных сотрудников в подразделениях информации и общественных связей;

– создание, апробацию и внедрение новых технологий, научной продукции прикладного и фундаментального характера, а также научно-технической продукции, направленной на оптимизацию взаимодействия правоохранительных структур с институтами гражданского общества, включающими средствами массовой информации;

– изучение международного опыта организации взаимодействия правоохранительных структур со СМИ и направленности его внедрения в национальную модель взаимодействия рассматриваемых субъектов; и др.

В перспективе эти процессы могут послужить основой для построения эффективной модели организации взаимодействия правоохранительных структур со СМИ.

[16] О средствах массовой информации: закон Республики Казахстан от 23.07.1999 № 451-I. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016550 (дата обращения: 10.07.2025).

[17] Об утверждении типового положения об уполномоченном лице (подразделении) по взаимодействию со средствами массовой информации: приказ Министра информации и коммуникаций Республики Казахстан от 23.02.2018 № 50. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016550 (дата обращения: 10.07.2025).

[18] Об утверждении Положения о Департаменте идеологической и имиджевой работы Министерства внутренних дел Республики Казахстан: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 22.12.2020 № 866. URL: https://tsnik.kz/normativno-pravovye-akty/83956/26.11.2020 (дата обращения: 10.07.2025).

[19] Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел РФ: приказ МВД России от 20.12.2024 № 905. Доступ из справ. правовой системы «СтрасЮрист».

Список источников

1. Развитие информационно-коммуникационного сотрудничества на пространстве ОДКБ. М., 2019.

2. Пестов Р. А. Историко-правовой анализ взаимодействия средств массовой информации с органами внутренних дел в странах СНГ и России / Р. А. Пестов, Е. Е. Новичкова, Д. В. Копыл // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2(29).

3. Шарифзода Ф.Р., Амрудинзода М.А. Организационные и правовые основы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации в сфере противодействия преступности в Республике Таджикистан. Душанбе, 2018.

4. Сморгунов Л.В. Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Беларуси и Казахстана // Управленческое консультирование. 2020. № 12.

5. Сравнительный анализ правового регулирования информационно-телекоммуникационного пространства стран СНГ: зарубежные практики: аналитический обзор / О.В. Филимонов, Э.В. Намруева, М.С. Лащенов [и др.]. М., 2021.

6. Агапов П.В., Ефремова М.А. Международно-правовые основы обеспечения информационной безопасности участников Содружества Независимых Государств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31).

7. Рекомендации круглого стола на тему «Развитие информационно-коммуникационного сотрудничества на пространстве ОДКБ» // Развитие информационно-коммуникационного сотрудничества на пространстве ОДКБ. М., 2019.

8. Власова С.А. К вопросу о типологии и механизмах социального взаимодействия // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14(1).

9. Коротина Н. Ю. Механизм институционального регулирования отношений экономического федерализма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3.

10. Ильянова О.И. Механизмы регулирования социального взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8.

11. Майоров В.И., Севрюгин В.Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35.

References

1. Development of Information and Communication Cooperation in the CSTO Space. Moscow, 2019.

2. Pestov, R. A. Historical and Legal Analysis of the Interaction of the Mass Media with the Internal Affairs Bodies in the CIS Countries and Russia / R. A. Pestov, E. E. Novichkova, D. V. Kopyl // Law and Order: History, Theory, Practice. 2021. № 2(29).

3. Sharifzoda, F. R., Amrudinzoda, M. A. Organizational and Legal Framework for the Interaction of the Internal Affairs Bodies with the Mass Media in Combating Crime in the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2018.

4. Smorgunov, L. V. Public Internet Governance Institutions: A Comparative Analysis of Russia, Belarus, and Kazakhstan // Management Consulting. 2020. № 12.

5. Comparative Analysis of Legal Regulation of the Information and Telecommunication Space of the CIS Countries: Foreign Practices: Analytical Review / O.V. Filimonov, E.V. Namrueva, M.S. Lashchenov [et al.]. Moscow, 2021.

6. Agapov P.V., Efremova M.A. International Legal Framework for Ensuring Information Security of the Commonwealth of Independent States Member States // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. № 1(31).

7. Recommendations of the Round Table on «Development of Information and Communication Cooperation in the CSTO Space» // Development of Information and Communication Cooperation in the CSTO Space. Moscow, 2019.

8. Vlasova S.A. On the Typology and Mechanisms of Social Interaction // Bulletin of the Buryat State University. 2014. № 14(1).

9. Korotina N. Yu. Mechanism of institutional regulation of relations of economic federalism // State and municipal administration. Scientific notes. 2021. № 3.

10. Ilyanova O.I. Mechanisms for regulating social interaction of internal affairs bodies with the media // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 8.

11. Mayorov V.I., Sevryugin V.E. Combating crime based on modern concepts of interaction between police and society: the experience of foreign countries and Russia // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. Issue 35.

12. Andreev N.A., Korobov V.B. Social partnership in law enforcement // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1(33).

12. Андреев Н.А., Коробов В.Б. Социальное партнерство в правоохранительной сфере // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33).

13. Мисун Е.Н. Коммуникационная политика органов внутренних дел Республики Беларусь: перспективы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. № 3.

14. Мисун Е.Н. Информационное сопровождение деятельности органов внутренних дел в контексте взаимодействия со средствами массовой информации // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: международная научно-практ. конф. (10 февраля 2017 г.). Минск, 2017.

15. Можаева И.П. Реализация принципов научной организации деятельности сотрудников правоохранительных органов в рамках электронного формата уголовного судопроизводства // Философия права. 2021. № 4(99).

16. Айдаркожин М.А., Муканов М.Р., Болысбек М.А. Особенности взаимодействия госорганов со СМИ в Казахстане и России // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2023. № 3(144).

17. Можаева И.П., Шульгин Е.П. О понимании доказательств в правоохранительной деятельности в эпоху цифровых преобразований // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4(103).

13. Misun E.N. Communication Policy of the Internal Affairs Bodies of the Republic of Belarus: Development Prospects // Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology. 2017. № 3.

14. Misun E.N. Information Support for the Activities of Internal Affairs Bodies in the Context of Interaction with the Mass Media // Problems of Combating Crime and Training Personnel for Law Enforcement Agencies: International Scientific and Practical Conf. (February 10, 2017). Minsk, 2017.

15. Mozhaeva I.P. Implementation of the Principles of Scientific Organization of the Activities of Law Enforcement Officers within the Framework of the Electronic Format of Criminal Proceedings // Philosophy of Law. 2021. № 4(99).

16. Aidarkozhin M.A., Mukanov M.R., Bolysbek M.A. Features of Interaction between Government Agencies and the Mass Media in Kazakhstan and Russia // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology. 2023. № 3(144).

17. Mozhaeva I.P., Shulgin E.P. On understanding evidence in law enforcement activities in the era of digital transformation // Jurist-Pravoved. 2022. № 4(103).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрченкова Валентина Николаевна, *старший инспектор отделения информации и общественных связей. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurchenkova Valentina Nikolaevna, *Senior Inspector of the Information and Public Relations Department. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 53–60.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 53–60.

Научная статья
УДК 347.9: 004

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вэй Дэпэн
Шэньянский педагогический университет, Шэньян, Китай,
1161961567@qq.com

Введение: *в настоящее время в Китае создана цифровая судебная система с «умными судами» в качестве ее ядра, а законодательство и судебная практика Китая вступили в цифровую эпоху. Китайские суды активно применяют цифровые технологии для совершенствования системы судопроизводства в народных судах, повышения эффективности рассмотрения судьями сложных дел, а прокуратура Китая с их помощью осуществляет эффективный надзор за законностью их рассмотрения. В свою очередь, применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве Китая оказывает огромное влияние как на правовую теорию, так и на судебную культуру гражданского судопроизводства, а также видоизменяет всю судебную систему, подстраивая ее под нужды эффективного рассмотрения судебных дел (в первую очередь – гражданских) в онлайн-судопроизводстве.*

Материалы и методы: *при написании работы использованы официальные статистические данные, научные статьи и информационные сообщения, опубликованные в СМИ КНР, применены как общенаучные методы познания (анализ синтез) так и частнонаучные методы исследования: историко-правовой, сравнительно-правовой, юридико-догматический.*

Результаты исследования: *автором сформулированы теоретические и практические проблемы, связанные с использованием описанных в статье цифровых технологий в судопроизводстве КНР.*

Выводы и заключения: *настоящая статья освещает основные направления использования цифровых технологий в судопроизводстве по гражданским делам Китайской Народной Республики. Автор дает свою оценку потенциала использования описанных им цифровых технологий для развития как традиционных правовых концепций, так и правовой системы КНР в целом.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, умные суды, китайские гражданские судопроизводства, онлайн-судебные разбирательства, цифровая судебная платформа, умные системы надзора, дилеммы применения цифровых технологий.*

Для цитирования: Вэй Д. *Применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве Китайской Народной Республики / Д. Вэй // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 53–60.*

Original paper

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGY IN CIVIL PROCEEDINGS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Wei Depeng
Shenyang Pedagogical University, Shenyang, China

Introduction: *China has now established a digital judicial system with «smart courts» at its core, and China's legislation and judicial practice have entered the digital age. Chinese courts are actively using digital technologies to improve the judicial system in people's courts, increasing the efficiency of judges' handling of complex cases, and the Chinese Prosecutor's Office, with their help, effectively oversees the legality of their proceedings. In turn, the use of digital technologies in civil proceedings in China is having a profound impact on both legal theory and judicial culture, and is transforming the entire judicial system, adapting it to the needs of efficient legal proceedings (primarily civil cases) in online proceedings.*

Materials and methods: *this paper utilizes official statistical data, research articles, and news reports published in Chinese media. It utilizes both general scientific research methods (analysis and synthesis) and specific scientific research methods: historical-legal, comparative legal, and legal-dogmatic.*

Results of the study: *the author formulates theoretical and practical problems associated with the use of the digital technologies described in the article in Chinese legal proceedings.*

Findings and conclusions: *this article highlights the main areas of digital technology use in civil legal proceedings in the People's Republic of China. The author assesses the potential of these digital technologies for the development of both traditional legal concepts and the Chinese legal system as a whole.*

Keywords: *digital technologies, smart courts, Chinese civil proceedings, online litigation, digital judicial platform, smart supervision systems, dilemmas in the use of digital technologies.*

For citation: Wei D. *Application of digital technology in civil proceedings in the People's Republic of China / D. Wei // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 53–60.*

Цифровые технологии привели к реформе гражданского судопроизводства, которая обеспечила огромный прогресс в информатизации и интеллектуализации китайских судов. Применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве Китая пронизывает все стадии гражданского судопроизводства, начиная от подачи заявлений о возбуждении дела, подготовки к рассмотрению дела в судебном заседании и проведения судебных заседаний и заканчивая надзором за законностью постановленных судебных решений, их исполнением, организацией хранения дел и т. д. Можно утверждать, что на сегодняшний момент законодательство о гражданском судопроизводстве Китайской Народной Республики (далее – КНР) и уже внедренные в деятельность судов цифровые технологии позволяют рассмотреть в режиме онлайн практически любой гражданско-правовой спор, а процесс рассмотрения судебных дел приобрел по-настоящему публичный характер, что, безусловно, повышает эффективность судебной деятельности и во многом способствует разрешению коллизии между относительно малым количеством судей и большим количеством судебных споров.

Характеризуя применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве КНР, можно выделить следующие направления их использования:

1. Проведение онлайн судебных заседаний, что изменило традиционный «театральный» формат рассмотрения дел в искусственных архитектурных помещениях и сделало его «депространственным» [1, с. 342–356]. Стороны дела могут участвовать во всех судебных разбирательствах без необходимости личного присутствия в суде, что позволяет сократить их судебные издержки и время рассмотрения дела.

2. Визуализация судебного процесса. Весь процесс гражданского судопроизводства, с момента подачи иска в суд и до момента получения решения, можно проконтролировать с помощью интеллектуальной платформы суда, позволяющей не только просматривать информацию, но и загружать в нее необходимые для рассмотрения дела материалы. Прямые онлайн-трансляции судебных заседаний и публикация решений позволяют сторонам и другим лицам более наглядно ознакомиться с ходом судебного процесса на разных его этапах.

3. Преобразование всех судебных документов в электронные данные, что упрощает ознакомление с ними всех субъектов по делу, а их общение между собой и судом отныне не требует передачи и хранения большого количества бумажных документов. После оптимизации эти электронные данные становятся материалом судебной платформы (Smart Court SoS), которые составляют источник для ее последующей деятельности по моделированию итоговых судебных актов при последующем рассмотрении судом иных аналогичных споров. Кроме того, электронная модель уведомления постепенно заменяет традиционную курьерскую службу доставки, т. к. дает возможность суду отправлять судебные документы на электронную почту сторон и их телефонные номера (в т. ч. через СМС) и эффективно контролировать их доставку, т. к. нажатие стороной на ссылку уведомления рассматривается как подтверждение его получения и завершение обслуживания судебного уведомления.

Цифровые технологии применяются также для распознавания аудиозаписей судебных заседаний и их перевода из голосовой формы в текст, проверки достоверности данных, маркировки информации, сопоставления и связывания информации, для целей статистического учета и других аспектов ведения работы по рассмотрению судебных споров. В практике гражданского судопроизводства предоставленные участниками процесса данные по делу сначала проверяются с помощью интеллектуальной идентификации, затем анализируются по ключевым элементам для выявления типа спора, под-

бора норм права и разъяснений Верховного народного суда Китая, подлежащих применению при его рассмотрении, и, наконец, для быстрого прогнозирования результатов рассмотрения данного дела на основе уже введенных в цифровую платформу суда судебных решений, ранее принятых по аналогичным спорам этим или иным судом.

В феврале 2016 г. Верховный народный суд Китая выпустил Пятилетний план развития информатизации народных судов (2016–2020 гг.) (人民法院信息化建设五年发展规划 (2016–2020), в котором официально были обозначены требования к строительству цифровых судов. В июле 2016 г. строительство цифровых судов было включено в Основы национальной стратегии развития информатизации (国家信息化发展战略纲要), в которой предложена концепция строительства «умных судов», целью которой является повышение уровня цифровизации всех аспектов судопроизводства, начиная от процесса подачи и принятия заявления, рассмотрения дела, исполнения решения и надзора за его законностью для обеспечения честности и справедливости в отправлении правосудия путем создания условий для контроля над ним со стороны общественности.

На практике наиболее важная ценность цифровой платформы суда (Smart Court SoS), название которой на русский язык условно можно перевести как «система умный суд», заключается в ее способности предвидеть возможные юридические сложности в рассмотрении дела, прогнозировать результат его рассмотрения, помогать судье в анализе подлежащих применению норм права, подбирать аналогичные дела того же типа, а также составлять проект решения по делу или корректировать вынесенное судьей решение в соответствии с разъяснениями Верховного народного суда Китая.

Вопреки широко распространенному в сети Интернет мнению, текущая роль «системы умного суда» по-прежнему ограничивается оказанием помощи судьям в принятии судебных решений и контролем за единообразием в толковании примененных ими законов, а не в непосредственном принятии судебных решений от имени судей.

Согласно ст. 117 Правил надзора за гражданским судопроизводством со стороны Народной прокуратуры (人民检察院民事诉讼监督规则) Народная прокуратура может вносить в суд предложения о прокурорском надзоре в случае, если народный суд непоследовательно применяет закон по аналогичным вопросам гражданского судопроизводства, а также, если в деле допущены ошибки в применении закона и процессуальные нарушения[1]. Внедрение цифровых технологий в процесс судопроизводства по гражданским делам породило новые способы надзора со стороны Народной прокуратуры за законностью их рассмотрения.

Так, в деятельность органов прокуратуры различных провинций КНР внедряются цифровые надзорные платформы на основе искусственного интеллекта и передовых технологий больших данных, которые способны проанализировать соблюдение законности при рассмотрении дел путем сопоставления и анализа итогов разрешения большого массива аналогичных споров, рассмотренных судами определенной провинции или судами КНР.

Например, в 2018 г. прокуратуры городов в провинции Чжэцзян приняли к использованию Интеллектуальную систему надзора за документами гражданских судебных решений, которая, используя цифровые методы сравнения итогов разрешения дел одного типа и анализа процессуального поведения судей при их рассмотрении, строит «человеко-машинные модели», позволяющие с высокой степенью достоверности оценить законность принятых решений и обоснованность поданных на них в прокуратуру жалоб.

По итогам применения указанной платформы в 2020 г. прокуратура Чжэцзяна пришла к выводу об обоснованности 32,7 % поступивших от населения жалоб на ненадлежащий судебный надзор за принятыми судебными решениями[2].

Наиболее широко интеллектуальная система надзора за документами гражданского судопроизводства применяется по таким категориям дел, как споры по кредитам и займам, возмещение ущерба от ДТП, раздел имущества супругов, т. к. именно по этим категориям, как показывает практика, идентификация и анализ большого количества документов программными средствами указанной платформы осуществляются с высокой эффективностью и точностью. Несомненно, такая ситуация снижает нагрузку на прокуроров при проведении проверок и обеспечивает максимальную эффективность надзорных процедур прокуратуры.

С 1 августа 2021 г. вступили в силу Правила онлайн-судопроизводства Народного суда (人民法院在线诉讼规则)[3], которые ознаменовали собой формирование целостного свода правил судебного разбирательства в режиме онлайн и дали толчок к развитию и популяризации этого вида судопроизводства. Сегодня суд – это не только традиционный «физический суд», который проходит в зданиях, в присутствии лиц, участвующих в

[1] Правила надзора за гражданским судопроизводством со стороны народной прокуратуры (人民检察院民事诉讼监督规则). URL: https://mp.weixin.qq.com/s/dHd3xq_ovpXa4ACKSSO3hg (дата обращения: 16.03.2025)
[2] URL: https://mp.weixin.qq.com/s/1G3oWUu1Z946xGvn4rDViQ (дата обращения: 16.03.2025).
[3] Правила онлайн-судебных разбирательств Народного суда (人民法院在线诉讼规则). URL: http://gongbao.court.gov.cn/Details/ac5f36e345967c22e0a2ac4fbeb0a6.html (дата обращения: 18.03.2025).

деле, но и виртуальные суды, которые проходят в режиме онлайн.

Когда онлайн-суд проводит слушания по делу, сторонам необходимо отсканировать связанные с делом письменные материалы в PDF-формат и загрузить их в систему; обмен доказательствами и проверка доказательств также осуществляются в режиме онлайн.

В случае представления сторонами цифровых доказательств их подлинность проверяется с использованием блокчейн-технологии. Если у сторон возникают серьезные разногласия по поводу достоверности какого-либо доказательства, суд должен организовать для сторон возможность их проверки и подтверждения иными средствами (например, путем проведения экспертизы), после чего гражданское судопроизводство может быть продолжено в режиме онлайн.

Если свидетелю необходимо явиться в суд для дачи показаний, то в соответствии с последними поправками к Гражданскому процессуальному кодексу Китайской Народной Республики (中华人民共和国民事诉讼法) свидетелю разрешается давать показания посредством письменных показаний, видео-конференц-связи или аудиовизуальных материалов[4]. Эта часть правил судопроизводства постоянно пересматривается и дополняется в целях совершенствования средств доказывания, обеспечения объективности результатов рассмотрения дел и максимально быстрого и правильного их разрешения.

Чтобы действия сторон в онлайн-процессе соответствовали требованиям процессуального законодательства на каждой его стадии, к которым относятся: подача искового заявления, предоставление доказательств, слушание дела, вынесение решения, вручение процессуальных документов, – суды провинций Китая разрабатывают для своих юрисдикций соответствующие стандартные руководства, которые детализируют действия истца и ответчика.

Например, интернет-суд Гуанчжоу разработал и опубликовал Руководство по полному процессу судебного разбирательства в интернет-суде Гуанчжоу (广州互联网法院诉讼全流程操作手册)[5] и Руководство по предоставлению электронных доказательств в интернет-суде Гуанчжоу (广州互联网法院 电子证据举证操作指引)[6]; суд Ханчжоу опубликовал Правила процедуры судебного разбирательства на платформе интернет-суда Ханчжоу (杭州互联网法院诉讼平台审理规程)[7]. Подобная стандартизация проведения слушаний и поведения сторон в судебном процессе способствует более научному и обоснованному рассмотрению дел в режиме онлайн.

Эффективное рассмотрение дел в режиме онлайн невозможно без реформирования ранее действовавших норм о порядке извещения участвующих в деле лиц о времени и месте судебных заседаний. Статьей 87 Закона «О гражданском судопроизводстве Китайской Народной Республики» (аналог ГПК РФ) и ст. 135 и 136 Толкований Верховного народного суда по применению закона о гражданском судопроизводстве Китайской Народной Республики (аналог Постановления Пленума Верховного Суда РФ) введен электронный порядок вручения судебных документов, согласно которому они могут передаваться адресату факсимильной связью, по электронной почте или по СМС. Правда, возможность применения указанного порядка доставки документов зависит от воли сторон. При наличии их согласия на получение документов подобным способом они считаются полученными адресатом при наличии в электронной системе отметки об успешной его доставке.

Помимо вышеупомянутых правовых документов, применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве регламентируется и иными нормативными актами, такими, как Закон об электронной подписи (电子签名法), а также разъяснениями Верховного народного суда Китая «Несколько положений Верховного народного суда о доказательствах в гражданском судопроизводстве» (最高人民法院关于民事诉讼证据的若干规定) и Положением о некоторых вопросах судебного разбирательства дел в интернет-судах (关于互联网法院审理案件若干问题的规定).

В своей совокупности указанные акты создают достаточно полную и детализированную систему процессуальных правил онлайн-судопроизводства.

26 декабря 2024 г. Верховный народный суд опубликовал План шестой пятилетней реформы народных судов (2024–2028 гг.) (人民法院第六个五年改革纲要2024–2028年)[8], в котором ясно и недвусмысленно запре-

[4] Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (中华人民共和国民事诉讼法). URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202401/P020240108541839745616.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

[5] Руководство по полному процессу судебного разбирательства в интернет-суде Гуанчжоу (广州互联网法院诉讼全流程操作手册) . URL: https://www.doc88.com/p-19739728860469.html (дата обращения: 19.03.2025).

[6] Руководство по предоставлению электронных доказательств в интернет-суде Гуанчжоу» (广州互联网法院电子证据举证操作指引). URL: https://weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404671867855438332 (дата обращения: 19.03.2025).

[7] Правила процедуры судебного разбирательства на платформе интернет-суда Ханчжоу (杭州互联网法院诉讼平台审理规程) . URL: http://www.iprdaily.cn/article/index/17043.html (дата обращения: 19.03.2025).

[8] План шестой пятилетней реформы народных судов (2024–2028 гг.) (人民法院第六个五年改革纲要2024—2028年). URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1819473331492326977&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 20.03.2025).

тил судам ограничивать допуск общественности в судебные заседания и регламентировал основания для проведения слушаний в закрытом режиме с тем, чтобы большинство судебных разбирательств проводилось в открытом режиме.

Открытость гражданского судопроизвдства в Китае обеспечивается открытостью подачи заявлений в суд, открытостью судебных слушаний, судебных решений и их исполнения, а также имеет своей целью повышение авторитета судебной власти, признание гражданами ценности закона и обеспечение справедливого и стабильного развития общества.

Из указанных выше элементов, обеспечивающих открытость как гражданского судопроизводства, так и судебной системы КНР в целом, наиболее важной считается открытость судебных слушаний. Она обеспечивается тем, что обычные судебные слушания в китайских судах транслируются в прямом эфире через специальный интернет-сайт «Китайский публичный сайт судебных слушаний онлайн» (中国庭审公开网)[9]. Любой гражданин может найти соответствующий суд и посмотреть интересующее его дело после регистрации и входа на сайт, при этом дело можно искать по номеру, фамилии судьи, типу дела и дате слушания.

Судебные разбирательства в режиме онлайн открыты для общественности на протяжении всего процесса: суд заранее сообщает информацию о деле до начала слушаний, ведет прямую трансляцию работы судьи во время слушаний, другие люди могут присутствовать при процессе слушаний в режиме онлайн, а после слушаний будет доступна прямая видеозапись слушаний, которую любой гражданин может просматривать неоднократно.

В соответствии со ст. 137 Закона о гражданском судопроизводстве Китайской Народной Республики не будут слушаться публично только дела, связанные с государственной тайной, тайной личной жизни и некоторые иные, перечень которых исчерпывающим образом указан в законе. Правда, если дело связано с разводом или коммерческой тайной, то суд по заявлению сторон о проведении закрытого слушания, также может рассмотреть его в закрытом режиме.

В 2000 г. Верховный народный суд Китая издал Положение о публичном управлении судебными документами (裁判文书公开管理办法)[10], которое возложило обязанность на промежуточные народные суды (intermediate people's court 中级人民法院) и высшие народные суды (A high people's court 高级人民法 院) в Пекине, Шанхае и некоторых других городах «избирательно» публиковать судебные документы для общественности.

Китайская система публикации судебных документов начала строиться во всех регионах страны, когда в 2010 г. Верховный народный суд издал Правила публикации народными судами судебных документов в Интернете (关于人民法院在互联网公布裁判文书的规定)[11]. С тех пор в 2013 и 2016 гг. Верховный народный суд КНР вносил изменения в объем и исключения из публикации судебных документов, которые привели к большей ясности и детализации.

Начиная с 2018 г. Верховный народный суд КНР, интернет-суд Ханчжоу, интернет-суд Гуанчжоу и интернет-суд Пекина приступили к освоению новых моделей онлайн-судопроизводства по гражданским делам. В 2021 г. Верховный народный суд издал Правила онлайн-судебных разбирательств Народного суда (人民法院在线诉讼规则), в которых предусмотрены два режима онлайн-судебных разбирательств: «асинхронное судебное разбирательство» (非同步审理) и «асинхронное судебное слушание» (非同步庭审)[12]. Асинхронное судебное разбирательство обычно применяется в тех случаях, когда нескольким сторонам неудобно участвовать во всем судебном процессе в централизованном месте или когда судебные ресурсы Народного суда ограничены. Народный суд вынесет всестороннее определение, исходя из потребностей сторон и фактов дела. Право принятия решения по данному методу принадлежит Народному суду. Асинхронное судебное слушание – это особая форма судебного слушания в определенных обстоятельствах. Одновременное участие сторон в судебном слушании действительно трудно и может быть применено только на основе заявления сторон и с согласия всех сторон.

Данные режимы, по своей сути, являются формой упрощенного судопроизводства, в котором рассматриваются дела с небольшой суммой иска при условии, что правоотношения понятны, а их обстоятельства не оспариваются сторонами. При этом суд может

[9] Китайский публичный сайт судебных слушаний онлайн (中国庭审公开网). URL: http://tingshen.court.gov.cn/ (дата обращения: 20.03.2025).

[10] Положение о публичном управлении судебными документами» (裁判文书公开管理办法). URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%9C%80%E9%AB%98%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E8%A3%81%E5%88%A4%E6%96%87%E4%B9%A6%E5%85%AC%E5%B8%83%E7%AE%A1%E7%90%86%E5%8A%9E%E6%B3%95/18573211 (дата обращения: 20.03.2025).

[11] Правила публикации народными судами судебных документов в Интернете (关于人民法院在互联网公布裁判文书的规定). URL:http://gongbao.court.gov.cn/Details/415f49dd8baaa04b479d57af9616ef.html (дата обращения: 20.03.2025).

[12] Правила онлайн-судебных разбирательств Народного суда (人民法院在线诉讼规则). URL: http://gongbao.court.gov.cn/Details/ac5f36e345967c22e0a2ac4fbeb0a6.html (дата обращения: 21.03.2025).

рассматривать дела и проводить слушания в асинхронном режиме, только если обе стороны выразили согласие с таким порядком рассмотрения дела.

Суть «асинхронного» режима заключается в том, что в процессе рассмотрения гражданского дела стороны и судьи путем видео-конференц-связи подключаются к судебной цифровой платформе, на которой оно рассматривается, не одномоментно (синхронно), а в разное время (т. е. асинхронно). В результате судья через судебную цифровую платформу общается вначале с одной стороной, а потом с другой стороной.

Чтобы в подобном режиме рассмотрения гражданского дела обеспечить непрерывность судебного разбирательства, суммарная продолжительность судебного заседания по его рассмотрению в цифровой системе от момента начала и до завершающих реплик сторон обычно не превышает 48 часов.

При асинхронном судебном разбирательстве все процессуальные действия как самого суда, так и иных его участников, совершенные на протяжении всего процесса, записываются в цифровую платформу. Туда же в режиме реального времени загружаются все касающиеся судебного разбирательства вопросы и предложения судьи, адресованные участникам процесса, а потому заинтересованные стороны смогут своевременно получать информацию о ходе судебного разбирательства и отвечать на заданные им судом вопросы.

Помимо всего хода судебного процесса на цифровой платформе сохраняются все материалы, представленные его участниками, что обеспечивает возможность последующей проверки законности процессуальных действий судьи и принятых им решений и должно способствовать росту доверия населения к этой форме судебного разбирательства. Однако при всей гибкости и удобстве такой формы судебного разбирательства она нарушает принцип непосредственности в гражданском судопроизводстве, что может дать вышестоящему суду основания поставить под сомнение законность и легитимность принятых по итогам таких процедур решений и отменить их.

Тем не менее асинхронное судебное разбирательство уже существует на практике как полноценная форма судопроизводства. Статья 20 Правил онлайн-судопроизводства в народном суде предусматривает, что асинхронное разбирательство не ограничивается такими процессуальными действиями, как посредничество, обмен доказательствами и проведение допросов, и включает в себя заседания по фактическому слушанию дела.

Исходя из этого и в соответствии со ст. 16 Гражданского процессуального кодекса КНР, мы можем сделать вывод о том, что асинхронное судебное разбирательство, несмотря на несоблюдение им принципа непосредственности, все же является легитимной формой судебного разбирательства онлайн, а потому его результаты имеют такую же юридическую силу, как и судебные решения, принятые по итогам классического («театрального») рассмотрения дела в здании суда.

По нашему мнению, модель асинхронного онлайн-судопроизводства вносит положительные новшества в традиционную модель судебного разбирательства, т. к. устраняет столкновение сторон лицом к лицу, что в случае наличия между ними неприязненных или откровенно враждебных отношений позволяет избежать ненужной эмоциональной окраски, зачастую усложняющей правильное разрешение спора между ними.

Полагаем, что несмотря на уже отмеченные проблемы применения указанной модели она из-за своей гибкости, удобства и полной прозрачности для контроля вышестоящих инстанций имеет большой потенциал [2, с. 97–104], в связи с чем требует как своей детальной научной проработки, так и совершенствования своего нормативного регулирования с тем, чтобы в процессуальном законе она заняла место обычной судебной процедуры, а вынесенный по результатам ееиспользования судебный акт не мог быть отменен вышестоящей инстанцией только по причине несоблюдения принципа непосредственности рассмотрения дела.

Широкое внедрение в судопроизводство по гражданским делам цифровой платформы «Умный суд» (Smart Court SoS) не снимает ряда теоретических и практических проблем, связанных с ее использованием. Например, как мы рассмотрели ранее, одной из наиболее важных в практическом плане функций указанной платформы является прогнозирование результата рассмотрения конкретного дела на основе анализа ранее уже рассмотренных другими судами аналогичных дел.

В практическом плане это сводится к тому, что если судья, рассматривающий дело, не согласен с вариантом его разрешения, предложенным указанной платформой, он должен письменно обосновать это несогласие. Получается, что судье проще согласиться с решением, предложенным платформой, т. к. в противном случае ему придется выполнить двойную работу: мотивировать собственное решение по спору и аргументировать отклонение решения, предложенным «Умным судом», что может быть в высшей степени затруднительно в условиях большого количества дел и объективной нехватки времени на отписку принятых по ним решений.

Между тем носителем судебной власти является именно судья, а не платформа «Умный суд», и его назначение на данную должность свидетельствует о признании государ-

ством его квалификации и наделении его «кредитом доверия» в осуществлении судебной власти, которые указанная платформа умалять не может.

В связи с этим полагаем, что судью следует освободить от обязанности отдельно мотивировать свое несогласие с вариантом разрешения дела, предложенным цифровой платформой «Умный суд», а в рамках последней следует разработать отдельные алгоритмы анализа подобных решений, учитывающие индивидуальные особенности обстоятельств рассматриваемого спора и подтверждающие их доказательства, результаты которого могут являться основанием для более пристального внимания к проверке законности принятого решения судом вышестоящей инстанции или народной прокуратурой.

Разные провинции используют разные платформы цифровых судебных разбирательств, при этом отсутствует единое управление ими и эффективная консолидация в единой базе данных имеющейся в них судебной информации.

Например, в Пекине цифровая платформа называется «Пекинский облачный суд» (北京云法庭), в Шанхае – «Связь Шанхайских судебных дел» (案沪通), в Гуанчжоу – «AOL Цифровой центр обслуживания судебных процессов» (AOL 电子诉讼服务中心), также как и в провинции Цзянси суды используют платформу под названием «Е-Платформа» (平台).

Когда местные органы власти в Китае создавали свои собственные судебные цифровые платформы на основе государственных тендеров с различными компаниями в сфере цифровых технологий, вряд ли кто-то задумывался о необходимости передачи накопленных в них данных в общую базу для использования судами всей страны. Как и следовало ожидать, это привело к появлению барьеров в передаче данных, образованию «островов данных», отсутствию согласования практики рассмотрения дел между судами различных уровней, что во многом снижает эффективность цифрового правосудия в масштабах страны, на которое, очевидно, рассчитывало центральное правительство.

В режиме онлайн-судебного разбирательства теряется ощущение торжественности судопроизводства и несколько нивелируется преклонение перед законом участвующих в деле лиц. В рамках традиционной модели судебного разбирательства дела стороны участвуют в судебных действиях в публичном зале суда, при этом люди чувствуют торжественность закона и лично интегрируются в этикет судебного судопроизводства. Однако в рамках онлайн-судебного разбирательства сторонам обычно не нужно лично присутствовать в суде, людям необходимо лишь через мобильный телефон или компьютерный экран терминала участвовать в «цифровом виртуальном судопроизводстве», поскольку сторонам не приходится находиться в закрытом зале суда, у них может не быть реального ощущения серьезности и торжественности процесса правосудия.

Несмотря на некоторые проблемы в применении цифровых технологий в гражданском судопроизводстве КНР, мы не можем отрицать положительную роль применения цифровых технологий в процессе гражданского судопроизводства в Китае и достигнутые результаты. По нашему мнению, на основе единого планирования центрального правительства, а также благодаря постоянной реструктуризации и реформе Верховного народного суда, Министерства юстиции и местных судов эти проблемы цифровых применений будут эффективно решены в ближайшем будущем.

В целом применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве КНР направлено на более эффективное разрешение социальных конфликтов и создание удобной судебной среды для граждан. С целью обеспечения качественного функционирования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве КНР законодательный орган на основе обобщения опыта активно пересматривает соответствующие правовые положения, которые не соответствуют текущей ситуации в обществе. На уровне цифровых технологий применения каждый суд постоянно совершенствует и оптимизирует интеллектуальную прикладную модель деятельности и данные судебной платформы. Полагаем, что дальнейшее применение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве КНР имеет большой потенциал, даст развитие традиционным правовым концепциям и правовой системе КНР в целом и будет способствовать упрощению доступа к правосудию для огромного населения Китая.

Список источников

1. Жэнь Х. Инновации гражданского правосудия в условиях новой технологии умных судов // Шанхайские юридические исследования. 2020. № 4(02).

2. Дай Ш. Обзор цифровой практики и системной реконструкции управления источниками судебных разбирательств: с точки зрения

References

1. Ren H. Innovations in Civil Justice under New Smart Court Technology // Shanghai Legal Studies. 2020. № 4(02).

2. Dai S. Review of Digital Practice and Systemic Reconstruction of Litigation Source Management: From the Perspective of Social Judicial Protection // Shanghai Legal Studies. 2022. № 3.

социальной судебной защиты // Шанхайские юридические исследования. 2022. № 3.

3. Чжан В. Онлайн-судебные разбирательства: институциональное построение и правовая теория – размышления, сосредоточенные на процедуре гражданского судопроизводства // Современная юриспруденция. 2022. № 3.

4. Чэнь Ц., Чэнь С. Переосмысление модели асинхронного судебного разбирательства в цифровую эпоху – с точки зрения практики реформирования асинхронного судебного разбирательства в шанхайских судах // Цифровое верховенство права. 2024 № 6.

5. Цзоу Ш., Лю И. Применение судебного искусственного интеллекта в построении цифровой судебной экологии // Цифровое верховенство права. 2025. № 1.

6. Яо Ц. Исследование цифровой реформы исполнения в народных судах // Цифровое верховенство права. 2024. № 6.

7. Лэй Л. Теоретическое размышление о цифровом правосудии: значение, проблемы и надзор // Юридический журнал Университета SJTU. 2024. № 6.

3. Zhang W. Online Litigation: Institutional Construction and Legal Theory – Reflections Focused on Civil Litigation Procedure // Modern Jurisprudence. 2022. № 3.

4. Chen Q., Chen S. Rethinking the Asynchronous Litigation Model in the Digital Age – From the Perspective of the Practice of Reforming Asynchronous Litigation in Shanghai Courts // Digital Rule of Law. 2024, № 6.

5. Zou S., Liu Y. Application of Judicial Artificial Intelligence in Building a Digital Judicial Ecology // Digital Rule of Law. 2025. № 1.

6. Yao Q. Research on Digital Enforcement Reform in People's Courts // Digital Rule of Law. 2024. № 6.

7. Lei L. Theoretical Reflection on Digital Justice: Significance, Problems, and Supervision // Law Journal of SJTU University. 2024. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вэй Дэпэн, *преподаватель юридического факультета. Шэньянский педагогический университет. Китай, г. Шэньян, Северная улица Хуанхэ, 253.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wei Depeng, *lecturer in the Faculty of Law. Shenyang Normal University. 253, North Yellow River St., Shenyang, China.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 61–66.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 61–66.

Научная статья
УДК 347

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Золин Иван Юрьевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация, olzolin2016@yandex.ru

Введение: *настоящее исследование посвящено историко-правовому анализу становления и развития института гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в отечественном законодательстве о несостоятельности (банкротстве). Автор уделяет внимание анализу предпосылок и содержания ключевых нормативных преобразований, а также практике применения соответствующих правовых норм на отдельных этапах современного периода развития отечественного законодательства о несостоятельности (банкротстве).*

Материалы и методы: *методологической основой настоящего исследования послужили общенаучные методы познания, такие как синтез, анализ, индукция и дедукция, а также частнонаучные методы: историко-правовой, технико-юридический метод и др.*

Результаты исследования: *дана авторская периодизация развития института ответственности арбитражного управляющего за причиненные им убытки в деле о банкротстве и подробная характеристика данного института на первых двух этапах его становления; выявлены ключевые недостатки и противоречия, характерные для данного института в соответствующий период.*

Выводы и заключения: *исторически первым подходом к законодательному регулированию гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего стало отрицание необходимости закрепления специального основания такой ответственности. В результате реформирования законодательства о несостоятельности (банкротстве) в 1998 г. возникла специальная норма об обязанности арбитражного управляющего возместить убытки, причиненные должнику и его кредиторам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации. Необходимость обеспечения согласованности указанной нормы с иными правовыми институтами, как и единообразное ее применение, оказались серьезным вызовом для молодого правопорядка, о чем подробнее повествуется в статье.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, убытки, деликт, нарушение законодательства, обязанности, вина.*

Для цитирования: Золин И. Ю. *Генезис российского законодательства о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Часть первая / И. Ю. Золин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 61–66.*

Original paper

THE GENESIS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE CIVIL LIABILITY OF THE INSOLVENCY PRACTITIONER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS. PART ONE

Zolin Ivan Yurievich
Ural Law Institute of the Misistry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: *this study provides a historical and legal analysis of the formation and development of the institution of civil liability of insolvency practitioners in domestic insolvency (bankruptcy) legislation. The author focuses on the prerequisites and content of key regulatory reforms, as well as the practical application of relevant legal norms at specific stages of the modern development of domestic insolvency (bankruptcy) legislation.*

Materials and methods: *the methodological basis of this study is provided by general scientific methods of inquiry, such as synthesis, analysis, induction and deduction, as well as specific scientific methods: historical-legal, technical-legal, etc.*

Results of the study: *the author provides a periodization of the development of the institution of insolvency practitioner liability for damages caused by them in bankruptcy proceedings and a detailed description of this institution in the first two stages of its development. Key shortcomings and contradictions characteristic of this institution during the relevant period are identified.*

Findings and conclusions: *historically, the first approach to legislative regulation of the civil liability of insolvency practitioners was to deny the need to establish a specific basis for such liability. As a result of the reform of insolvency (bankruptcy) legislation in 1998, a special provision was created regarding the insolvency practitioner's obligation to compensate the debtor and their creditors for damages caused by violations of Russian Federation law. The need to ensure consistency of this provision with other legal institutions, as well as its uniform application, proved to be a serious challenge for the young legal system, as discussed in more detail in the article.*

Keywords: *insolvency practitioner, damages, tort, violation of law, obligations, fault.*

For citation: Zolin I. Yu. *The genesis of Russian legislation on the civil liability of the insolvency practitioner in bankruptcy proceedings. Part one / I.Yu. Zolin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 61–66.*

На этом фоне стремительного развития института несостоятельности (банкротства) в отечественной правовой доктрине проблема гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве (далее – арбитражный управляющий) остается обделенной вниманием исследователей. В научной литературе отмечается, что долгое время судебная практика испытывала затруднения при реализации механизма гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего [1, с. 96], однако в последнее время положение начало постепенно меняться. Так, в 2021 г. арбитражными судами первой инстанции удовлетворено 218 требований о взыскании убытков с арбитражных управляющих, в 2022-м – 260, в 2023 г. – 262. В 2024 г. количество удовлетворенных требований выросло на 21,75 % по сравнению с предыдущим периодом и составило 319 случаев. Общее количество споров о взыскании убытков с арбитражных управляющих, рассмотренных по существу арбитражными судами первой инстанции, в 2024 г. составило 749, что на 7 % больше, чем в 2023 г.(700 дел), на 3 % больше, чем в 2022 г. (727 дел) и на 18 % больше, чем за 2021 г. (630 дел) [2].

По меньшей мере приведенные статистические данные указывают на то, что споры о взыскании убытков с арбитражных управляющих все чаще становятся предметом рассмотрения арбитражных судов. В данных условиях актуальность приобретают историко-правовые исследования, позволяющие, с одной стороны, выявить тенденции развития конкретного правового института в отечественной правовой системе, с другой – заложить основу для дальнейшего совершенствования нормативного материала.

По нашему мнению, процесс эволюции отечественного законодательства о гражданско-правовой ответственности управляющего в деле о банкротстве можно разделить на следующие этапы:

1) Этап отсутствия в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) специальной нормы об ответственности управляющего в деле о банкротстве за убытки, который охватывается периодом действия Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (далее – Закон 1992 г.) (1).

2) Этап зарождения специального законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, связанный с периодом действия Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 1998 г.) (2).

3) Этап развития нормативной основы гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего начинается с принятием Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и завершается внесением значительных изменений в его текст Федеральным законом от 30.12.2008 № 296-ФЗ (3).

4) Этап комплексного преобразования института ответственности арбитражного управляющего за убытки охватывает период с момента принятия Федерального закона от 30.12.2008 г. № 296-ФЗ по настоящее время (4).

Представленная периодизация послужит основой для изложения результатов настоящего исследования. С учетом значительного объема исследуемого материала и высокой значимости полученных выводов в контексте необходимости выявления исторических закономерностей развития соответствующего института автором принято решение представить результаты исследования в формате серии научных публикаций в трех частях.

В настоящей статье, открывающей данную серию, предпринимается попытка сформулировать авторскую периодизацию

развития законодательства об ответственности управляющего в деле о банкротстве, охарактеризовать первые два этапа его становления и определить первоначальный законодательный подход к определению основания ответственности управляющего за причиненные убытки.

Вторая часть исследования будет посвящена анализу законодательных новелл, связанных с реформированием законодательства о банкротстве в 2002 г., и их влиянию на развитие института ответственности арбитражного управляющего за причиненные им убытки.

Третья часть фокусируется на последующих этапах нормативных преобразований, которые заложили основу современного подхода к регулированию исследуемого института, и будет содержать обобщающие выводы относительно закономерностей его эволюции в российской правовой системе.

(1) Отсутствие специальных норм об ответственности управляющего в деле о банкротстве за причиненные им убытки

Закон 1992 г. различал два вида управляющих в деле о банкротстве в зависимости от применяемых к должнику процедур: для проведения реорганизационной процедуры внешнего наблюдения назначался арбитражный управляющий, в конкурсном производстве действовал конкурсный управляющий.

Законодательство того периода не содержало специальных норм об ответственности арбитражного (конкурсного) управляющего. Нормы раздела VI Закона 1992 г. предусматривали лишь общее основание юридической ответственности для должника, кредиторов и иных лиц за неправомерные, т. е. умышленные, некомпетентные или небрежные действия, совершенные до открытия или в процессе конкурсного производства, наносящие ущерб должнику или кредиторам.

Согласно ст. 47 Закона 1992 г. любое лицо считается совершившим неправомерное действие, если оно, зная о наступившей или предстоящей несостоятельности (банкротстве) предприятия, умышленно способствует сокрытию всего или части его имущества. Статья 48 Закона 1992 г. содержала бланкетную норму об ответственности за такие действия в соответствии с законодательными актами Российской Федерации.

Анализ положений Закона 1992 г. позволяет заключить, что регулирование ответственности управляющего было чрезмерно узким. За границей основания ответственности оставался широкий круг вредоносных деяний, такие как присвоение управляющим имущества должника, неосторожное бездействие по обеспечению сохранности такого имущества, повлекшее его утрату, и т. д.

Существует мнение, что в рассматриваемый период в отсутствие специальных положений о возмещении причиненных неправомерным поведением арбитражного (конкурсного) управляющего убытков защита потерпевших могла быть осуществлена с использованием общих положений об обязательствах вследствие причинения вреда. В Постановлении ЕСПЧ от 3. апреля 2012 г. по делу «Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба № 54522/00) Большая Палата Европейского Суда по правам человека согласилась с мнением властей РФ о том, что несмотря на отсутствие «конкретных правовых норм, устанавливающих личную ответственность конкурсного управляющего за неправомерные действия, или последовательной прецедентной практики по этому вопросу» у потерпевшего кредитора существовала по крайней мере «теоретическая возможность предъявления к конкурсному управляющему иска» со ссылкой на общие положения российского деликтного права (гл. 59 Гражданского кодекса РФ («Обязательства вследствие причинения вреда»).

Достоверно подтвердить обоснованность указанной гипотезы затруднительно, поскольку данный вопрос, по всей видимости, в принципе не исследовался в ни судебной практике[1], ни в научной литературе того периода. Кроме того, вызывает сомнение квалификация такой ответственности в качестве деликтной, однако данная проблема требует самостоятельного исследования. Представляется возможным также рассматривать в качестве правового основания иска в данной ситуации положения ст. 15 ч. 1 Гражданского кодекса РФ, вступившей в силу с 1 января 1995 г.

Вместе с тем очевидно, что в описанной ситуации защита нарушенных конкурсным управляющим прав заявителя оказалась значительно затруднена отсутствием специальных норм о гражданско-правовой ответственности управляющего в деле о банкротстве.

(2) Зарождение специального законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего

(A) Правовые основы статуса арбитражного управляющего в Законе 1998 г.

В Законе 1998 г. понятие «арбитражный управляющий» стало родовым по отношению к трем видам управляющих в деле о банкротстве: временному, внешнему и конкурсному управляющему. Введена обязательная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя и лицензирование, а также обязательная регистрация как минимум в одном арбитражном суде, по назначению которого управляющий обязуется исполнять свои обязанности. Уточнены требования к

[1] В результате исследования открытых справочно-правовых систем и электронных баз судебных актов автору не удалось обнаружить ни одного судебного акта, принятого по делам, связанным с рассмотрением соответствующего требования.

кандидатуре арбитражного управляющего и правила о его вознаграждении. Важным нововведением стало закрепление норм о правах и обязанностях управляющего, включая общий стандарт профессионального поведения в п. 3 ст. 20 Закона 1998 г. – обязанность действовать добросовестно и разумно с учетом интересов должника и его кредиторов.

(Б) Ответственность арбитражного управляющего

В Законе 1998 г. впервые появилась отдельная статья, содержащая нормы о юридической ответственности арбитражного управляющего, предоставив должнику и его кредиторам право на возмещение убытков, причиненных действиями (бездействием) арбитражного управляющего, нарушающими законодательство РФ (п. 3 ст. 21 Закона 1998 г.). Наряду с этим причинение убытков вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) управляющим своих обязанностей служило основанием для отзыва лицензии (п. 1), тогда как само по себе неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей – независимо от наступления убытков – могло повлечь его отстранение арбитражным судом (п. 2).

(В) Субъектный состав потерпевших

В первую очередь Закон 1998 г. ограничивал круг субъектов, имеющих право требовать взыскания убытков с арбитражного управляющего двумя категориями лиц: должник и его кредиторы. За его пределами оказалось значительное количество участников дела о банкротстве: учредители (участники) должника, органы управления должника, участники (победители) торгов и др. Так, ФАС Северо-Западного округа в постановлении от 31.08.2008 по делу № А56–39270/2006 выразил позицию о том, что акционер должника не может предъявить требование о взыскании убытков с конкурсного управляющего по причине того, что он не относится к лицам, указанным в п. 3 ст. 21 Закона 1998 г. В постановлении от 13.09.2005 по делу № А05-1414/05-21 ФАС Северо-Западного округа подчеркнул, что п. 3 ст. 21 Закона 1998 г. предоставляет право предъявлять соответствующее требование только должнику и его кредиторам, т. е. лицам, требования которых определены в установленном порядке. На этом основании суд признал неправильным вывод о том, что контрагент должника по договору купли-продажи, заключенному в период конкурсного производства конкурсным управляющим, имеет право предъявлять требования о взыскании с последнего убытков, причиненных продажей имущества при наличии на него прав третьего лица.

(Г) Нарушение законодательства РФ как условие ответственности арбитражного управляющего за убытки, причиненные должнику и его кредиторам

Ответственность арбитражного управляющего за убытки связывается с совершением действий (бездействия), нарушающих законодательство РФ. Анализируя п. 3 ст. 21 Закона 1998 г., В.В. Голубев и Т.П. Прудникова отмечают, что «в данном случае речь идет об убытках, возникших в результате нарушения законодательства Российской Федерации, а не только в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим обязанностей, возложенных на него в соответствии с Законом о банкротстве[2], например, осуществление без лицензии должником под руководством арбитражного управляющего деятельности, требующей обязательного лицензирования» [3, с. 86]. Данная позиция находит свое подтверждение и в судебной практике того периода. Так, по мнению ФАС Центрального округа, убытки подлежат возмещению и в том случае, если они возникли в результате нарушения законодательства РФ, а не только в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим обязанностей, возложенных на него в соответствии с Законом 1998 г. (Постановление ФАС Центрального округа от 10.11.2008 по делу № А14-1155/200123/13б).

Анализ данной нормы позволяет выявить неопределенность в части возможности возложения на арбитражного управляющего ответственности за формально правомерное поведение, которое тем не менее причинило имущественный вред должнику и его кредиторам, например, множественные обращения с заведомо бесперспективными требованиями об оспаривании сделок должника, приводящие к сокращению конкурсной массы в связи с увеличением расходов по делу, принятие мер по взысканию дебиторской задолженности при фактической пассивности в судебном разбирательстве (неявка в судебные заседания, уклонение от обязанности по выполнению бремени доказывания и т. д.) и др.

По нашему мнению, вполне допустимо находить основания для расширительного толкования данной нормы с учетом положения п. 3 ст. 20 Закона 1998 г. Таким образом, формально правомерное, но неразумное и недобросовестное поведение арбитражного управляющего вопреки интересам должника и его кредиторов и причинившее им убытки, образует нарушение законодательного требования п. 3 ст. 20 Закона 1998 г. и влечет взыскание таких убытков.

Однако судебная практика в ряде случаев шла по другому пути. ФАС Поволжского округа в постановлении от 01.06.2006 по делу №А12-21959/05-С53 посчитал необоснованным требование о взыскании убытков с арбитражного управляющего, поскольку в основание иска положены обстоятельства,

[2] Имеется в виду, очевидно, Закон 1998 г., действовавший на момент опубликования исследования.

связанные с необоснованностью и неразумностью расходов конкурсного управляющего на оплату услуг привлеченных им лиц, а не с их незаконностью. По мнению суда, ссылка истца на п. 3 ст. 20 Закона 1998 г., предусматривающую обязанность арбитражного управляющего действовать разумно и добросовестно с учетом интересов должника и его кредиторов, не является основанием для удовлетворения иска о взыскании убытков, т. к.законодатель определил, что основанием для взыскания убытков является незаконность действий арбитражного управляющего, а не неразумность и недобросовестность.

(Д) Вина

В соответствии с п. 1 ст. 19 Закона 1998 г. арбитражным управляющим может быть назначено арбитражным судом физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя. Долгое время данное положение было предметом научных дискуссий. Применительно к институту гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего указанная норма легла в основу представления о строгой ответственности управляющего за убытки, причиненные должнику и его кредиторам. Поскольку аналогичный подход к определению статуса арбитражного управляющего сохранился в Законе 2002 г., считаем разумным также опираться на теоретические разработки, относящиеся к соответствующему историческому периоду.

По мнению М.В. Телюкиной, Закон 1998 г. не придает принципиального значения вине в составе ответственности арбитражного управляющего, «т. к. индивидуальный предприниматель (каковым является (в большинстве случаев) арбитражный управляющий) отвечает независимо от вины [4]. Аналогичное представление автор высказывал применительно к положениям Закона 2002 г. [5]. В пользу строгой ответственности арбитражного управляющего высказывались также Е.В. Мурашкина [6, с. 78], Ю.В. Тай [7, с. 138], Э.Н. Ренов [8] и др.

В свою очередь, Е.Г. Дорохина отмечает, что Закон 2002 г. «устанавливает ответственность арбитражного управляющего только за виновные действия, определяя их как неисполнение обязанностей арбитражного управляющего» [9, с. 43]. А.В Юхнин, отрицая предпринимательский характер деятельности арбитражного управляющего, отмечает, что п. 3 ст. 401 ГК РФ устанавливает «ответственность без вины» за ненадлежащее исполнение обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности, но не в связи с регистрацией кого-либо в качестве субъекта предпринимательской деятельности [10, с. 113].

В судебной практике не был выработан единообразный подход к решению данного вопроса. С одной стороны, встречаются судебные акты, где суды отвергают концепцию безвиновной ответственности. Так, ФАС Северо-Западного округа в постановлении от 31.03.2008 по делу № А56-39270/2006 отклонил довод подателя жалобы о том, что арбитражный управляющий несет ответственность не в результате виновных действий, а только на началах риска. Постановлением от 12.02.2009 по делу № А72–1866/08 ФАС Поволжского округа направил на новое рассмотрение дело о взыскании убытков с арбитражного управляющего по причине того, что при разрешении спора не были исследованы обстоятельства, имеющие значение для установления наличия или отсутствия вины, а также размера убытков.

С другой стороны, в ряде случаев арбитражные суды не указывают вину ответчика в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию по делу о взыскании убытков с арбитражного управляющего (Постановление ФАС Поволжского округа от 28.08.2007 по делу № А57–7465/05, Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 12.03.2003 №А33-11883/02-С1-Ф02-548/03-С2).

Закон 1992 г. не содержал специальных правил об ответственности управляющего в деле о банкротстве за причиненные им убытки, в связи с чем основание для возложения на такого управляющего обязанности по их возмещению предлагалось находить в общих положениях гражданского законодательства об обязательствах вследствие причинения вреда. Вместе с тем практическое применение соответствующих норм применительно к спорам о взыскании убытков с арбитражного управляющего в отечественной судебной практике того периода не имеет примеров (1).

Специальная норма о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, впервые сформулированная в Законе 1998 г., представляла собой элемент механизма защиты исключительно должника и его кредиторов (2 (В). Иным лицам норма п. 3 ст. 21 Закона 1998 г. не предоставляла каких-либо средств правовой защиты.

Обязанность управляющего возместить убытки возникала при условии нарушения соответствующими действиями законодательства РФ, а не только при неисполнении (ненадлежащем исполнении) возложенных на него обязанностей (2 (Г). Практическое значение разграничения между любым нарушением законодательства РФ и действиями вопреки обязанностям как условий ответственности управляющего за причиненные убытки заключается в том, повлечет ли конкретный случай причинения убытков исключительно возникновение обязанности по возмещению или приведет к отстранению арбитражного управляющего от процедуры и отзыву лицензии (в сущности, лишению права заниматься арбитражным управлением в будущем).

Наконец, в рассматриваемый период исторического развития вопрос о содержании вины в структуре основания ответственности по п. 3 ст. 21 Закона 1998 г. остался открытым (2 (Д).

Список источников

1. Свириденко О.М. Правовое регулирование ответственность арбитражного управляющего // Lex russica. 2018. № 8.

2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8892 (дата обращения: 03.04.2025).

3. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / В.В. Витрянский, Н.А. Васильева, В.В. Голубев [и др.] / под общ. ред. В.В. Витрянского. М., 1998.

4. Телюкина М.В. Временный управляющий. Его статус и полномочия // Законодательство и экономика. 1999. № 9.

5. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Мурашкина Е.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

7. Тай Ю.В. Правовые проблемы арбитражного управления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

8. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М., 2003.

9. Дорохина Е.Г. Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве организации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

10. Юхнин А.В. Правовые проблемы организации деятельности арбитражных управляющих: дис. … канд. юрид. наук.М., 2005.

References

1. Sviridenko, O.M. «Legal Regulation of the Liability of an Insolvency Practitioner» // Lex Russica. 2018. № 8.

2. Judicial Statistics Data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8892 (date of access: 03.04.2025).

3. Article-by-Article Commentary to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» / V.V. Vitryansky, N.A. Vasilyeva, V.V. Golubev [et al.] / edited by V.V. Vitryansky. Moscow, 1998.

4. Telyukina, M.V. Interim Practitioner. His Status and Powers // Legislation and Economics. 1999. № 9.

5. Telyukina, M.V. Commentary on the Federal Law of 26.10.2002 № 127-FL «On Insolvency (Bankruptcy)» (article-by-article). Access from the legal system «ConsultantPlus».

6. Murashkina E.V. Civil liability of an insolvency administrator: diss. … PhD in Law. Moscow, 2008.

7. Tai Yu.V. Legal problems of insolvency management: diss. … PhD in Law. Moscow, 2006.

8. Scientific and practical commentary (article-by-article) to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» / edited by V.V. Vitryansky. Moscow, 2003.

9. Dorokhina E.G. Legal status of an insolvency administrator in a bankruptcy case of an organization: diss. … PhD in Law. Moscow, 2004.

10. Yukhnin A.V. Legal issues of organizing the activities of arbitration managers: diss. … PhD in Law. Moscow, 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золин Иван Юрьевич, *адъюнкт адъюнктуры. Уральский юридический институт МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zolin Ivan Yurievich, *adjunct. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 67–72.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 67–72.

Научная статья
УДК 347.132

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ КРЕДИТНЫХ ДОГОВОРОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Маслюкова Карина Вячеславовна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, karina160384m@gmail.com

Введение: *на сегодняшний день с учетом высокой скорости развития технологий искусственного интеллекта особую актуальность приобретает вопрос о гражданско-правовой защите прав граждан, имеющих доступ к личному кабинету на портале Госуслуг, от преступных посягательств со стороны телефонных мошенников.*

Материалы и методы: *методологическую основу настоящей статьи составляют как общенаучные (исторический метод и методы диалектического анализа, синтеза, дедукции, индукции и описания), так и частнонаучные (формально-юридический метод, метод толкования норм права и правового прогнозирования) методы.*

Результаты исследования: *анализ, проведенный в рамках настоящего исследования, показал активный интерес как законодателя, так и Банка России в противодействии совершению кредитных договоров, заключенных в результате телефонного мошенничества.*

Выводы и заключения: *автор приходит к выводу о необходимости обратить внимание судов на важность учета факта возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ и факта признания гражданина потерпевшим по уголовному делу в качестве обстоятельства, имеющего существенное значение для правильного разрешения дела по существу.*

Ключевые слова: *недействительность сделки, обман, телефонное мошенничество, кредитный договор, дистанционное предоставление услуг, должная осмотрительность.*

Для цитирования: Маслюкова К. В. *К вопросу о признании недействительными кредитных договоров, заключенных в результате телефонного мошенничества / К. В. Маслюкова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 67–72.*

Original paper

ON THE ISSUE OF INVALIDATION OF CREDIT AGREEMENTS CONCLUDED AS A RESULT OF TELEPHONE FRAUD

Maslyukova Karina Vyacheslavovna
Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *given the rapid development of artificial intelligence technologies, the issue of civil protection of the rights of citizens with access to their personal accounts on the State Services portal from criminal attacks by telephone scammers has become particularly relevant.*

Materials and methods: *the methodological basis of this article consists of both general scientific methods (historical method and methods of dialectical analysis, synthesis, deduction, induction, and description) and specific scientific methods (formal legal method, method of interpreting legal norms, and legal forecasting).*

Results of the study: *the analysis conducted as part of this study demonstrated the active interest of both legislators and the Bank of Russia in combating loan agreements concluded as a result of telephone fraud.*

Findings and conclusions: *the author concludes that it is necessary to draw the attention of the courts to the importance of taking into account the fact of initiating a criminal case under Article Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and the recognition of a citizen as a victim in a criminal case are circumstances that are essential for the proper resolution of the case on its merits.*

Keywords: *invalidity of a transaction, fraud, telephone fraud, loan agreement, remote provision of services, due diligence.*

For citation: Maslyukova K. V. *On the issue of invalidation of credit agreements concluded as a result of telephone fraud / K. V. Maslyukova // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 67–72.*

Одним из наиболее распространенных видов мошенничества является телефонное мошенничество, посредством которого недобросовестные лица получают несанкционированный доступ на Госуслугах в личный кабинет гражданина, а в последующем заключают от его имени кредитные договоры либо осуществляют перевод или снятие уже имеющихся у гражданина денежных накоплений.

При этом способы получения несанкционированного доступа к личным кабинетам граждан на Госуслугах постоянно расширяются. Так, недобросовестные лица, представляясь, например, сотрудниками органов публичной власти, банков и иных кредитных организаций, представителями операторов сотовой связи, а также родственниками или друзьями, в том числе с помощью технологий искусственного интеллекта, пытаются получить от граждан коды из СМС-сообщений под самыми различными предлогами, среди которых может быть необходимость продления срока договора об оказании услуг связи, надобность внесения изменений в налоговую декларацию о доходах физического лица, необходимость обеспечения защиты вклада путем перевода денежных средств на специальный «безопасный» счет в Центральный Банк Российской Федерации (далее – Банк России) и др.

Также в последнее время участились случаи распространения в мессенджерах и по электронной почте гиперссылок различного содержания, при переходе гражданами по которым недобросовестные лица также приобретают доступ к личному кабинету на Госуслугах и, как следствие, наносится имущественный ущерб потерпевшим. Аналогичный ущерб может наноситься и в результате установки нелицензионных приложений на технические устройства граждан, а также при заражении соответствующих устройств иным вредоносным программным обеспечением. Как отмечено Генпрокуратурой России, «количество подобных преступлений ежегодно растет. В 2024 г. оно увеличилось на 15 % (со 110 до 130 тыс.)» [1].

С учетом вышеизложенного особый интерес представляет вопрос о признании недействительным кредитного договора, совершенного в связи с телефонным мошенничеством, а также предусмотренные законом меры по противодействию хищения денежных средств в результате телефонного мошенничества. С цивилистической точки зрения кредитный договор, заключенный в связи с телефонным мошенничеством, может быть аннулирован, если он был совершен в результате введения в заблуждение (обмана) лица, обращающегося с соответствующими исковыми требованиями.

В целях правоприменения ст. 179 ГК РФ [2] под обманом понимается не только злоупотребление доверием, но и намеренное утаивание информации о фактах, которые должны были быть раскрыты при проявлении должной осмотрительности и добросовестности, ожидаемой в условиях нормального гражданского оборота.

Как следует из абз. 5 п. 99 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.06.2015 № 25 [3], в законе не предусмотрено, что оспаривание сделки должно быть связано с уголовным делом, возбужденным по факту мошенничества. Однако обстоятельства, как подтверждающие недействительность сделки, так и факт мошенничества, могут быть установлены в соответствии с общими правилами сбора доказательств.

Действия недобросовестных лиц, совершаемые при телефонном мошенничестве, одновременно образуют самостоятельный состав преступления по ст. 159 УК РФ [4], ввиду того, что они связаны с незаконным получением права на имущество путем введения в заблуждение, в связи с чем потерпевший не лишен возможности обратиться в правоохранительные органы с соответствующим заявлением.

По смыслу абз. 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 № 48 [5] обман применительно к ст. 159 УК РФ представляется в качестве намеренного ложного информирования, сокрытия правды либо в направленных виновных действиях, целью которых является введение в заблуждение.

В случае возбуждения уголовного дела по факту заключения кредитного договора в

результате телефонного мошенничества, как обращают внимание П.С. Яни и М.А. Филатова, в процессе расследования должны быть установлены реальные обстоятельства дела на основе условий соглашения, которое привело к передаче денежных средств пострадавшим, даже с учетом введения пострадавшего в заблуждение [6, с. 14].

Однако из актуальной судебной практики следует, что возбуждение уголовного дела по факту телефонного мошенничества далеко не всегда может оказать влияние на признание соответствующего кредитного договора недействительным.

Так, в приведенном М.Л. Пятовым, В.В. Ковалевым и Т.Г. Татаренко примере в ходе судебного процесса было выявлено, что заявитель собственноручно поставил подпись под кредитным договором, используя электронную подпись, которая является эквивалентом собственноручной. Причиной такого решения стало то, что заявитель был введен в заблуждение злоумышленниками и подписал договор без каких-либо нарушений законодательства. Следовательно, по мнению суда, действия банка, совершенные в интересах мошенников, сделали подписанный потерпевшим договор законным и действительным. Уголовное дело не было рассмотрено судом как основание для другой оценки произошедшего [7, с. 345].

Между тем в настоящее время наблюдается тенденция изменения судами общей юрисдикции подхода к рассмотрению гражданских дел о признании недействительными кредитных договоров, заключенных в связи с телефонным мошенничеством.

Изменение подхода к рассмотрению анализируемой категории гражданских дел, полагаем, произошло в связи с принятием Конституционным судом РФ определения «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 179 Гражданского кодекса РФ» от 13.10.2022 № 2669-О [8]. В частности, судом в ходе анализа случаев телефонного мошенничества было отмечено, что в большинстве ситуаций пострадавшие оспаривают сделки, утверждая, что они были совершены под влиянием обмана со стороны третьих лиц. При рассмотрении таких споров необходимо тщательно изучить, насколько добросовестно и осмотрительно действовали банки. В частности, если клиент оформляет кредит дистанционно, то банк должен принять дополнительные меры предосторожности. Одним из таких обстоятельств является подача клиентом заявки на получение кредита и немедленное распоряжение о перечислении кредитных средств в пользу третьего лица.

Аналогичный подход к рассмотрению вопроса о сделках, совершенных в результате телефонного мошенничества, нашел отражение и в последующей практике Верховного Суда РФ. По смыслу определений Верховного Суда от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 [9] и от 23.05.2023 № 85-КГ23-1-К1 [10] в случае если банк незамедлительно переводит средства третьему лицу, это не означает, что они были предоставлены заемщику. Упрощенный порядок предоставления потребительского кредита и распоряжения кредитными средствами противоречит обязательным условиям договора, которые подробно описаны в законодательстве о потребительском кредите, что фактически сводит на нет все гарантии прав потребителя финансовых услуг, установленные в том числе и законодательством о защите прав потребителей. Например, составление договора в письменной форме с индивидуальными условиями в виде таблицы по установленной форме Банка России, указание полной стоимости кредита, отметки о согласии с условиями договора и т. п. не имеют смысла, если банк фактически предоставляет потребительский кредит, отправляя потенциальному заемщику СМС-сообщение с информацией о возможности получить кредит, введя цифровой код.

Актуальная судебная практика судов общей юрисдикции исходит из того, что именно кредитная фирма обязана обеспечивать безопасность дистанционного предоставления услуг, в том числе проявлять должную бдительность, учитывать особенности операции и предпринимать необходимые меры предосторожности, чтобы быть уверенным в том, что все действия осуществляются по инициативе клиента, а не в результате мошеннических действий, совершаемых в том числе по телефону.

С учетом имеющейся проблемы на федеральном уровне в течение 2023–2025 гг. активно предпринимаются действия по нормативному закреплению дополнительных мер в сфере борьбы с телефонным мошенничеством. Так, на основании Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О национальной платежной системе”» от 24.07.2023 № 369-ФЗ [11] внесены изменения в определение операции, совершtнной без добровольного согласия клиента. Теперь под такой операцией понимается денежный перевод, который клиент финансовой орга-

низации совершил в результате обмана или злоупотребления доверием. Совместно с вступлением в силу вышеуказанного закона с 25 июля 2024 г. банковские и иные кредитные организации стали направлять отчеты о совершении мошеннических операций по новой форме, обусловленной изменениями действующего законодательства.

По мнению М.Г. Фентти, в законодательстве предпринята попытка упростить процедуру возврата банками денежных средств физическим лицам в случае, если банк осуществил списание средств без соблюдения требований о проведении мер по предотвращению несанкционированных переводов без согласия клиента. Если банк получил от Банка России информацию из базы данных и после этого выполнил распоряжение клиента о переводе денег, электронных средств или использовании сервиса быстрых платежей, а также о проведении операции с использованием платежных карт, которая может быть признана подозрительной, то банк должен вернуть клиенту сумму перевода или операции в течение 30 дней после получения соответствующего заявления [12, с. 41].

Как следует из сведений, изложенных Банком России в Обзоре за 2024 г. [13], в результате действий, предпринятых Центральным банком РФ, удалось повысить эффективность и ускорить процесс коммуникации между регулятором, финансовыми учреждениями и правоохранительными органами в области обмена данными о мошенниках. Правоохранительные органы предоставляют информацию о случаях хищений и попытках несанкционированных переводов средств в базу данных Центрального банка, даже если пострадавшие не сообщают о происшествии в свою финансовую организацию. Это позволяет регулятору получать информацию о реквизитах злоумышленников и обновлять свою базу данных.

Также на основании Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)”» от 26.02.2024 № 31-ФЗ [14] с 1 марта 2025 г. граждане могут обезопасить себя от телефонного мошенничества посредством установления самозапрета на кредиты, который означает, что в их кредитной истории будет отметка о запрете на оформление потребительских кредитов.

Полагаем, что установка самозапрета на кредиты является достаточно эффективной мерой в противодействии заключению кредитных договоров в результате телефонного мошенничества, поскольку в таком случае даже при предоставлении несанкционированного доступа к личному кабинету гражданина на Госуслугах у злоумышленников отсутствует возможность оформления кредита на потерпевшего в течение двух рабочих дней, на протяжении которых гражданин имеет возможность самостоятельно восстановить доступ к личному кабинету на Госуслугах, изменив пароль и заблокировав доступ к нему недобросовестных лиц.

Также приказом Банка России «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27.09.2018 № ОД-2525» от 27.06.2024 № ОД-1027 [15] обновлен перечень признаков, свидетельствующих о возможном осуществлении мошеннических действий в отношении гражданина при оформлении кредита или займа.

В настоящее время к таковым признакам Банк России относит, в частности, совпадение информации о получателе денежных средств или о параметрах устройства, при помощи которого осуществляется оформление кредита, с информацией, содержащейся в специальной базе данных Банка России, несоответствие проводимой операции операциям, обычно совершаемым клиентом, наличие информации в отношении получателя денежных средств о возбуждении уголовного дела в связи с осуществлением перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и т. д.

Соответственно, игнорирование вышеперечисленных признаков со стороны банка или иной кредитной организации свидетельствует о необеспечении безопасности дистанционного предоставления услуг, непринятии во внимание характера операции и необходимых и достаточных мер предосторожности, чтобы убедиться в том, что совершаемые операции в действительности совершаются клиентом и в соответствии с его волеизъявлением, а не в результате телефонного мошенничества, что может служить достаточным аргументом для признания кредитного договора, заключенного в результате мошеннических действий, недействительным в судебном порядке и возложения гражданско-правовой ответственности на соответствующий банк или иную кредитную организацию.

Кроме того, в настоящее время принят Федеральный закон «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, соверша-

емым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.04.2025 № 41-ФЗ [16], в соответствии с которым, в частности, во время телефонного разговора гражданина будет запрещено направление ему СМС-сообщений с Госуслуг, и, соответственно, гражданин не сможет сообщить недобросовестным лицам код доступа к личному кабинету Госуслуг в режиме онлайн. Соответствующий пароль поступит гражданину только лишь по завершении разговора, когда мошенники уже не имеют возможности эмоционально воздействовать на гражданина, а он сам имеет возможность осознать правовую природу совершаемых им действий.

Среди нововведений, предусмотренных вышеуказанным законом, следует отметить также возложение на кредитные организации обязанности по выявлению признаков выдачи денег через банкоматы без добровольного согласия клиента до того, как клиент получит наличные, а также запрет на заключение договора между гражданином и микрофинансовой организацией без идентификации по биометрии.

На основании всего вышеизложенного полагаем возможным сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов противодействия хищению денежных средств посредством заключения кредитных договоров в результате телефонного мошенничества.

Несмотря на то, что как законодателем, так и Банком России активно предпринимаются меры по совершенствованию механизмов противодействия телефонному мошенничеству, к сожалению, с учетом опережающего развития информационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта, принятых на сегодняшний день мер явно недостаточно.

В связи с этим полагаем возможным обратить внимание судов первой инстанции при рассмотрении гражданских дел о признании недействительными кредитных договоров, заключенных в результате телефонного мошенничества, и вынесении решения по делу, на необходимость учета факта возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ и факта признания гражданина, обращающегося с соответствующим исковым заявлением, потерпевшим по указанному уголовному делу, в качестве обстоятельства, важного для правильного разрешения дела по существу, что может быть документально оформлено, например, в рамках соответствующих разъяснений, закрепленных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Прокурорами направлены в суды иски о взыскании 1,5 млрд рублей с владельцев банковских карт, куда первично поступали похищенные у людей деньги. URL: // https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=100723474 (дата обращения: 13.04.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
6. Яни П.С., Филатова М.А. Мошенничество и сделка // Российская юстиция. 2018. № 3.

References

1. Prosecutors have filed lawsuits to recover 1.5 billion rubles from bank card holders, where the stolen money was initially deposited. URL: // https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=100723474 (date of access: 13.04.2025).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 № 51-FL (as amended on 08.08.2024) // Coll. Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
3. On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, № 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.
4. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996, № 63-FL (as amended on February 28, 2025) // Coll. Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Article 2954.
5. On Judicial Practice in Cases of Fraud, Misappropriation, and Embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017, № 48 (as amended on December 15, 2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.
6. Yani P.S., Filatova M.A. Fraud and Transactions // Russian Justice. 2018. № 3.

7. Пятов М.Л., Ковалев В.В., Татаренко Т.Г. Правовое содержание мошенничества в сфере потребительского кредитования. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2024. № 2.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 179 Гражданского кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 2669-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.05.2023 № 85-КГ23-1-К1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе»: федер. закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5795.

12. Фентти М.Г. Правовые механизмы противодействия хищению денежных средств с банковских счетов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 6.

13. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2024 г. URL: // https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 13.04.2025).

14. О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе): федер. закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1306.

15. Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27.09.2018 № ОД-2525: приказ Центрального Банка РФ от 27.06.2024 № ОД-1027. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»

16. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Pyatov M.L., Kovalev V.V., Tatarenko T.G. Legal Content of Fraud in Consumer Lending. Part One // Bulletin of the St. Petersburg State University. Law. 2024. № 2.

8. On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Ksenia Andreevna Yushkova Regarding the Violation of Her Constitutional Rights under Clause 2 of Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 13, 2022 № 2669-O. Access from the legal system «ConsultantPlus».

9. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 2023, № 5-KG22-121-K2. Access from the legal system «ConsultantPlus».

10. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 23, 2023, № 85-KG23-1-K1. Access from the legal system «ConsultantPlus».

11. On Amendments to the Federal Law "On the National Payment System": Federal Law dated July 24, 2023, № 369-FL // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2023. № 31 (Part III). Article 5795.

12. Fentti M.G. Legal Mechanisms for Combating the Theft of Funds from Bank Accounts // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. № 6.

13. Review of Transactions Conducted without the Voluntary Consent of Clients of Financial Institutions for 2024. URL: // https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (date of access: 13.04.2025).

14. On Amendments to the Federal Law «On Credit Histories» and the Federal Law «On Consumer Credit (Loan)»: federal law of 26.02.2024 № 31-FL // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2024. № 10. Art. 1306.

15. On establishing signs of funds transfer without the client's voluntary consent and canceling Bank of Russia Order № OD-2525 of 27.09.2018: Order of the Central Bank of the Russian Federation № OD-1027 of 27.06.2024. Access from the legal system «ConsultantPlus».

16. On the creation of a state information system to combat offenses committed using information and communication technologies, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law № 41-FL of 01.04.2025. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслюкова Карина Вячеславовна, *преподаватель кафедры иностранных языков. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslyukova Karina Vyacheslavovna, *lecturer at the Department of Foreign Languages. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 73–80.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 73–80.

Научная статья
УДК 347.4: 347.5

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Рыбалка Елена Александровна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, alena-61-rus@mail.ru

Казанцева Екатерина Валентиновна
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Российская Федерация, kv_kazantseva@mail.ru

Введение: *ОВД как юридическое лицо вступает в гражданские правоотношения, в том числе в обязательственные правоотношения, в качестве единого (самостоятельного) субъекта гражданского права. Проведенный анализ научных трудов позволяет отметить отсутствие комплексного изучения обязательственных правоотношений с участием ОВД, в том числе их систематизации.*

Материалы и методы: *в основу научного исследования заложены нормы гражданского законодательства и специальные нормы, регулирующие деятельность органов внутренних дел, в том числе научные публикации, посвященные отдельным аспектам темы исследования. Основу исследования составляют научный метод (метод классификации), метод научного познания и описания (анализ текстов законодательных и подзаконных актов) обязательственных правоотношений с участием органов внутренних дел, также использовались такие методы, как формально-юридический, синтез, дедукция.*

Результаты исследования: *впервые осуществлено детальное исследование обязательственных правоотношений с участием органов внутренних дел и приведена полная классификация обязательственных правоотношений, что позволит теоретикам и практикам упорядочить имеющиеся знания и применять их как в деятельности органов внутренних дел, так и в деятельности правоохранительных органов в целом, ввиду их схожести.*

Выводы и заключения: *научная новизна исследования характеризуется предоставлением классификации обязательственных правоотношений с участием органов внутренних дел в широком аспекте, их деление в зависимости от: 1) формы деяний участников обязательств; 2) характера деяний участников обязательств; 3) объема обязательств; 4) субъекта обязательств; 5) основания возникновения. И в узком аспекте, в зависимости от волеизъявления участников, выделяют два вида обязательственных правоотношений: первый направлен на передачу имущества, выполнение работ, предоставление услуг; второй – деликтные обязательства (вред, причиненный правомерными или неправомерными действиями).*

Ключевые слова: *деликт, договор, классификация, контракт, обязательство, органы внутренних дел, правоотношения, соглашение.*

Для цитирования: Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. *Классификация обязательственных правоотношений с участием органов внутренних дел (теоретический аспект) / Е. А. Рыбалка, Е. В. Казанцева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 73–80.*

Original paper

CLASSIFICATION OF BINDING LEGAL RELATIONS INVOLVING LAW ENFORCEMENT AGENCIES (THEORETICAL ASPECT)

Rybalka Elena Alexandrovna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kazantseva Ekaterina Valentinovna
Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Simferopol, Russian Federation

Introduction: *Internal Affairs Bodies, as a legal entity, enter into civil legal relations, including contractual relations, as a single (independent) subject of civil law. An analysis of scientific works reveals a lack of comprehensive study of contractual relations involving internal affairs bodies, including their systematization.*

Materials and methods: *the scientific research is based on civil law norms and special regulations governing the activities of internal affairs bodies, including scientific publications devoted to specific aspects of the research topic. The research is based on the scientific method (classification method), the method of scientific cognition and description (analysis of legislative and bylaw texts) of contractual relations involving internal affairs bodies. Methods such as formal legal reasoning, synthesis, and deduction were also used.*

Results of the study: *this is the first detailed study of contractual legal relationships involving internal affairs agencies, and a complete classification of contractual legal relationships has been provided. This will allow theorists and practitioners to organize existing knowledge and apply it to both internal affairs agencies and law enforcement agencies in general, given their similarities.*

Findings and conclusions: *the scientific novelty of this study is characterized by the provision of a broad classification of contractual legal relationships involving internal affairs agencies, dividing them according to: 1) the form of the parties' actions; 2) the nature of the parties' actions; 3) the scope of the obligations; 4) the subject of the obligations; 5) the basis for their occurrence. In a narrower context, depending on the will of the parties, two types of contractual legal relationships are distinguished: the first is aimed at the transfer of property, performance of work, and provision of services; the second is tortious obligations (harm caused by lawful or unlawful actions).*

Keywords: *tort, contract, classification, agreement, obligation, internal affairs bodies, legal relations, agreement.*

For citation: Rybalka E.A., Kazantseva E. V. *Classification of binding legal relations involving law enforcement agencies (theoretical aspect) / E. A. Rybalka, E. V. Kazantseva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 73–80.*

Категория «органы внутренних дел» (далее – ОВД) как составная часть правоохранительных органов применяется во многих нормативных правовых актах, однако легальное определение дефиниции отсутствует. Не вдаваясь в полемику, отметим, что компетенция ОВД определена в законодательных актах, их анализ с учетом тематики нашего исследования позволяет отметить, что ОВД является субъектом правоотношений. Согласно общепринятой классификации выделяют три группы субъектов правоотношений: физические лица, юридические лица, публично-правовые образования.

В Указе Президента РФ от 21.12.2016 № 699[1], закреплено, что ОВД – федеральный орган исполнительной власти (п. 1), является юридическим лицом (п. 22), следовательно, ОВД – это организация:

– для которой характерно организационное единство (определено Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699);

– имеющая обособленное имущество, за ОВД имущество закрепляется на праве оперативного управления (за казенными учреждениями) (п. 14) или хозяйственного ведения (за унитарными предприятиями) (распоряжение Правительства РФ от 10.11.2011 № 1971-р), земельные участки – на праве постоянного бессрочного пользования. Указанные права являются видами ограниченных вещных прав. При этом правовое положение субъектов права оперативного управления и права хозяйственного ведения определяется комплексом нормативных правовых актов (ГК РФ, Бюджетный кодекс РФ и др.), на них также распространяются нормы об ограничении правомочия распоряжения и возможности осуществления деятельности, приносящей доход, все это закрепляется в учредительных документах юридических лиц системы МВД России [1, с. 82–85];

– от своего имени приобретает и осуществляет гражданские права (пп. 4 п. 14 Указа Президента РФ от 21.12.2016 № 699);

– несет самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам. Иными словами, гражданско-правовая ответственность ОВД обладает определенными особенностями, обусловленными наличием у них специального правового статуса (например, ответственность за вред, причиненный сотрудниками ОВД при выполнении ими служебных обязанностей).

Следовательно, наличие признаков юридического лица позволяет ОВД вступать в гражданские правоотношения, в том числе в обязательственные правоотношения, в качестве единого (самостоятельного) субъекта гражданского права. Проведенный анализ научных трудов позволяет отметить отсутствие комплексного изучения обязательственных правоотношений с участием ОВД, в том числе их систематизации. Единичные исследования посвящены только некоторым практическим аспектам, например, подрядные работы, поставка. Целью исследования является комплексное изучение обязательственных правоотношений с участием ОВД, с использованием в основе научного исследования метода классификации, что позволит систематизировать обязательства в надлежащем и удобном (для теоретиков и практиков) их представлении и использовании.

Обязательство (обязательственные правоотношения или обязательственное право), как известно, это один из древних институтов гражданского права, который является неотъемлемой частью нашего общества.

Слово «обязательство» происходит от латинского термина obligatio, появляется в источниках римского права (в конце III столетия до н. э.) впервые как институт, закре-

[1] Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 15.05.2025). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

плено в Законах XII. Как писали римские ученые, сущность обязательства состоит не в том, чтобы сделать нашим какой-нибудь предмет, а чтобы связать перед нами другого в том отношении, чтобы он нам что-нибудь дал, сделал или предоставил.

О рецепции (заимствовании) римского права в законодательстве многих стран современного мира, в том числе и Россией, ученые постоянно дискутируют. По нашему мнению, одной из основных причин отсутствия единства по данному вопросу является факт отсутствия сохранившихся источников римского права. А об их принятии, содержании и применении обществу известно только благодаря трудам (запискам) древних ученых, которые жили в те времена, а также лекциям по источникам римского права, которые проводили глоссы и постглоссы Болонского университета в конце XI в.

Несомненно, что в каждой научной теории, взгляде есть «зерно» истины, по нашему мнению, многие институты, понятия древности закреплены в современном законодательстве России, но с учетом реалий современного общества. Сегодня обязательственным правоотношениям присуще наличие юридической связи между участниками общества, следовательно, в его [обязательстве] лежит юридический факт, т. е. общее или специальное конкретное обстоятельство, являющееся важным средством правового воздействия на поведение участников правоотношений.

Легальное определение обязательства законодатель закрепил в ст. 307 Гражданского кодекса РФ.

Анализ закрепленной дефиниции и трудов ученых в данном направлении позволяет отметить следующие признаки: 1) обязательства – это, прежде всего, правоотношения, регулируемые нормами общего права (Гражданского кодекса РФ) и специального (например, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ[2], Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ[3], Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ[4] и т. д.; 2) участников всегда минимум два, при этом допускается их множество. Следует отметить, что в обязательствах из участия ОВД всегда только два субъекта правоотношений; 3) обязательство может быть как в форме действия, так и в форме бездействия; 4) для обязательств характерны только правомерные действия.

В основе любой классификации, как систематизации какого-либо института, действия, события и т. п., лежат критерии, необходимые субъекту для решения поставленных задач.

Принимая во внимание сферу нашего исследования, среди множества обязательств можно выделить следующую классификацию видов обязательств в сфере деятельности ОВД.

I. В зависимости от формы деяний участников обязательств выделяем:

1.1. Активные обязательства или обязательства из действий.

Указанная разновидность является самой используемой субъектами правоотношений. Для нее характерна активная деятельность контрагента, которая может состоять в различных формах, например, объявлениях «ФКОУ ВО …. университет МВД России объявляет об открытии конкурса на проведение работ по строительству объекта в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ» или «ФГУП “Паспортно-визовый сервис” …. МВД РФ объявляет тендер на “оказание услуг по адаптации ……”»[5] и т. д.

1.2. Пассивные обязательства или обязательства из бездействий.

Суть указанных обязательств заключается в том, что после их заключения должник обязан воздержаться от каких-либо действий, направленных на неисполнения обязательства. Указанных обязательств в деятельности ОВД немного. Так, например, обязательства о неразглашении сотрудником ОВД служебной информации, ставшей ему известной при выполнении служебных обязанностей, например, при заключении контракта (ч. 2 ст. 23 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ[6]). Еще одним распространенным примером является создание в образовательных организациях системы МВД России различных научных объектов, которые являются собственностью ОВД, и без их [ОВД] разрешения использование любым субъектом правоотношений в личных целях запрещено, это право является абсолютным.

II. В зависимости от характера деяний участников обязательств:

2.1. Регулятивные обязательства направлены на удовлетворение поставленной перед субъектом правомерной цели и практически всегда связаны с правомерными действиями. Например, действия ОВД с банковскими организациями по открытию счетов, необходимых для осуществления деятельности ОВД. Или согласование государственных медицинских учреждений с ОВД по оказанию некоторых медицинских услуг сотрудникам ОВД и т. д.

2.2. Охранительные обязательства возникают в двух направлениях: первое – это при выполнении служебных обязанности, например, ОВД обеспечивает сохранность найденной вещи или вещи, изъятой из обо-

[2] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[3] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[4] О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[5] ЕИС Закупки. URL: https://www.bicotender.ru/it-kompiutery-sviaz/okazanie-uslug-po-adaptacii-i-soprovozdeniiu-ekzempliarov-sistem-konsultantplius-i-inyx-g-moskva-tender295784531.html (дата обращения: 12.06.2025).

[6] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.06.2025).

рота (обязательство из хранения в силу закона); и второе – это обязательства, возникшие из неправомерных действий, например, возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями сотрудников ОВД или правомерными действиями, но повлекшие превышение пределов крайней необходимости.

III. В зависимости от объема обязательств, выделяем:

3.1. Основные обязательства. В них закреплены существенные условия, такие как субъекты, предмет и другие в зависимости от типа (вида) обязательства. Например, МВД России заключило государственный контракт от 09.01.2024 № 106 с коммерческой организацией (акционерным обществом «СОГАЗ») (страховщик определен на контрактной основе, в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ[7]) по страховым выплатам, связанным с индицентами, произошедшими с сотрудникам ОВД[8].

3.2. Дополнительные (акцессорные) обязательства. Их особенностью является неотъемлемость от основного обязательства и «фрагментарный» характер, регулирующий условия исполнения обязательства. Несмотря на то, что они могут быть заключены в любой момент действия основного обязательства, прекращаются только с прекращением основного обязательства. Например, в дополнение к указанному выше примеру заключение контракта о принятии на службу физического лица будет акцессорным обязательством по отношению к страховым выплатам.

Еще одним примером является заключение дополнительного (акцессорного) соглашения в письменной форме с действующим сотрудником ОВД, который направлен на обучение в образовательную организацию системы МВД РФ (требования предусмотрены в п. 12 ст. 73 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ[9], заключается дополнительное соглашение).

IV. В зависимости от субъекта исполнения обязательства:

4.1. Исходные обязательства. Характеризуются неизменностью субъекта его исполнения, с момента его заключения.

4.2. Регрессные обязательства.

Несмотря на достаточно используемое понятие в законодательстве определение отсутствует. Дефиниция «регресс» произошло от латинского слова regressus – возвратное, обратное движение, следовательно, регрессное обязательство возникает только между должником, который исполнил обязательство за третье лицо, и только на основании правового документа, определенного законодателем.

Регрессное обязательство в деятельности ОВД имеет свои особенности.

Во-первых, указанные обязательства предусмотрены в ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 30.11.2011 № 342.

Во-вторых, порядок реализации права на регресс определен Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее – БК РФ). МВД России как главный распорядитель средств федерального бюджета выступает в суде от имени Российской Федерации по искам о взыскании денежных средств в порядке регресса (в соответствии с пп. 3.2 ст. 158 БК РФ).

В-третьих, регресс возникает только на основании судебного решения, которому предшествует иск органа исполнительной власти в сфере ОВД. В соответствии с пп. 12.9 приказа МВД России от 27.12.2018 № 888[10] на руководителей (начальников) органов, организаций и подразделений системы МВД России возложена обязанность принимать меры по взысканию с подчиненных сотрудников ОВД возмещенного Российской Федерацией вреда (в порядке регресса), причиненного их незаконными действиями (бездействием).

V. В зависимости от основания возникновения обязательств.

Прежде чем приступить к выделению подвидов оснований возникновения обязательств, присущих в деятельности ОВД, считаем необходимым раскрыть вопрос, как законодатель закрепляет основания возникновения обязательств в общем. Итак, как следует из анализа п. 2 ст. 307 Гражданского кодекса РФ, к основаниям возникновения обязательства законодатель относит:

– договор;

– любые сделки;

– обязательства, возникающие вследствие причинения вреда;

– обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения;

– иные основания, указанные в Гражданском кодексе РФ. Можно отнести основания возникновения гражданских прав и обязанностей (ст. 8 Гражданского кодекса РФ). Следует отметить, что законодатель допускает, что основания возникновения гражданских прав и обязанностей и, следовательно, обязательств могут возникать как в случаях, закрепленных законодателем, так и из правомерных активных действий субъектов правоотношений (допустимо только для физических и юридических лиц), которые не предусмотрены законодательством.

Несомненно, ведя речь об основаниях возникновения обязательств, следует иметь в виду, что они [основания] предопределяют правовой характер появления обязательств, в том числе изменение и прекращение.

Таким образом, принимая во внимание, что обязательство всегда являются двухсто-

[7] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[8] Для личного состава МВД России. URL: https://www.sogaz.ru/info/emvd_personal_sostav_rassha/ (дата обращения: 12.06.2025).

[9] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Там же.

[10] Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России: приказ МВД России от 27.12.2018 г. № 888. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ронними или многосторонними, в деятельности ОВД, в зависимости от основания возникновения обязательств, можно выделить четыре основания:

5.1. Обязательства, возникающие из актов ОВД (акты публичных органов).

ОВД, являясь органом публичной власти, функционирует через призму норм Основного закона и направлен на «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Отметим, что основная задача ОВД в контексте публично-властных полномочий заключается в необходимости обеспечить и защитить права и свободы человека и гражданина, поскольку именно народ является носителем власти в стране [2, с. 129].

Акт публичного органа – это документ, имеющий официальные реквизиты, подписан специально уполномоченным лицом и направлен на регулирование правоотношений в пределах социально-служебных целей.

Несмотря на значимость темы, законодательное закрепление дефиниции «акт публичного органа» отсутствует. Проведя анализ научных трудов, с учетом тематики нашего исследования, можем выделить следующие признаки акта публичного органа, как основания возникновения обязательства с участием ОВД:

Акты всегда приняты в пределах компетенции МВД России и носят официальный характер.

По нашему мнению, акты ОВД, на основании которых могут возникнуть обязательства, издаются только Центральным аппаратом МВД России, например, приказ МВД России от 29.12.2022 № 1113 «О создании Луганского филиала Воронежского института МВД России»[11] или приказ МВД России от 16.01.2023 № 10 «Об утверждении Устава федерального государственного унитарного предприятия «Паспортно-визовый сервис» Министерства внутренних дел Российской Федерации»[12]. Таким образом, непосредственно актом ОВД создается самостоятельный субъект правоотношений (предприятия, учреждения, филиалы и т. д.) или ликвидируется.

Они [акты] направлены на осуществление публичной функции, в рамках исследования – это на регулирование правоотношений в пределах социально-служебных целей. Например, цель создания и функционирования образовательных организаций системы МВД России – обеспечить потребность в высококвалифицированных специалистах или оказание содействия субъектам правоотношений (приказ МВД России от 16.01.2023 № 10).

Данные акты создают гражданские права и обязанности участников правоотношений, одним из которых всегда является ОВД. Например, предоставляется право заключать договора и(или) государственные контракты, возлагается обязанность по обеспечению исполнения, взятого на себя обязательства выступать истцом и ответчиком в суде (п. 23 приказа МВД России от 25.01.2023 № 90[13]), открывать лицевые счета (п. 24 приказа МВД России от 25.01.2023 № 90), отвечать по своим обязательствам (п. 23–25 приказа МВД России от 25.01.2023 № 90).

При реализации акта публичного органа правоотношения, связывающие ОВД с другими субъектами, нельзя передать третьим лицам.

Таким образом, по нашему мнению, публичный акт в сфере деятельности ОВД является основополагающим в механизме реализации гражданских прав и обязанностей с участием ОВД как субъекта правоотношений.

5.2. Возникновение обязательств из судебных решений.

В законодательстве России отсутствует перечень судебных актов. Ученые, занимающиеся исследованиями в сфере судебной деятельности, приводят множество классификаций. Не вдаваясь в полемику дискуссий об их классификации, принимая во внимание тематику нашего исследования, выделим одну из них [классификаций]. В зависимости от итогов судебного процесса выделяют такие судебные акты: решение, приговор, постановление, определение.

Изучая научные труды, посвященные анализу судебных решений как юридических фактов, следует отметить, несколько его особенностей: во-первых, большинство ученых рассматривают судебные решения или в контексте изучения всех оснований возникновения гражданских прав и обязанностей или с «преобладанием процессуальных способов и методов его [судебного решения] научного описания [3, с. 242]. Во-вторых, судебные решения как процессуальный судебный документ предусмотрены в главах трех процессуальных кодексов (гл. 16 ГПК РФ[14], гл. 15 КАС РФ[15], гл. 20 АПК РФ[16]), следовательно, судебное решение принимается только судом первой инстанции. В-третьих, судебное решение всегда принимается в пределах требований, заявленных истцом. Допускается выход за пределы заявленного требования только в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами (п. 5 ППВС РФ от

[11] О создании Луганского филиала Воронежского института МВД России: приказ от 29.12.2022 № 1113. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Об утверждении Устава федерального государственного унитарного предприятия «Паспортно-визовый сервис» Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16.01.2023 № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] Об утверждении Положения о Луганском филиале Воронежского института МВД России: приказ от 25.01.2023 № 90. URL: https://лф.ви.мвд.рф/institute/учредительные-документы (дата обращения: 10.06.2025).

[14] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[15] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[16] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

19.12.2003 № 23)[17]. В-четвертых, судебные решения направлены на достижение определенного гражданско-правового результата в виде установления гражданских прав и обязанностей субъектов [2, с. 261].

На основании изложенного выше и принимая во внимания тот факт, что ОВД предоставлено право быть истцом и ответчиком в суд, можем сделать вывод, что ОВД является участником обязательства, возникающего только из решения суда. Следует обратить внимание, что обязательственные правоотношения с участием ОВД, возникающие из судебного решения, возможны только при условии выхода на пределы договорных правоотношений. Например, взыскание через суд убытков, причиненных ненадлежащим исполнением договора поставки для нужд ОВД.

Также распространенным является решение суда о признании вещи бесхозяйным имуществом, находящимся на хранении в ОВД, и передаче ее в собственность государству[18]. Суть таких категорий дел состоит в том, что ОВД является хранителем и обеспечивает хранение движимых найденных вещей или вещей, являющихся предметом происшествия или правонарушения. В последующем по истечении установленного законодателем периода времени в ОВД на основании судебного решения возникает обязанность передать вещь государству. Еще одним из распространенных видов обязательств, возникающих из решений суда с участием ОВД, являются пенсионные споры. Когда, например, решением суда установлено требование по перерасчету назначенной пенсии за выслугу лет и возмещение причиненных убытков[19].

Иные же правоотношения, к примеру, решение суда об указании определенному ОВД провести процедуру о снятии с регистрационного учета гражданина, несут в себе требования по выполнению определенной административной процедуры.

5.3. Обязательства, возникающие из деликтов (включает в себя два подвида: причинение вреда другому лицу и неосновательное обогащение).

Деликт от латинского delictum – «проступок, правонарушение», в гражданском законодательстве является одним из распространенных видов имущественного вреда. Обязанность лица возместить вред, причиненный правонарушением, предусмотрена как в международным, так и в национальном законодательстве. Гражданское законодательство закрепляет обязанность лица, причинившего вред, возместить его в полном объеме (п. 1 ст. 1064 ГК РФ)[20].

Действующее гражданское законодательство содержит две группы специальных деликтов, предусматривающих ответственность за вред, причиненный сотрудниками ОВД, при исполнении ими служебных обязанностей: к первой группе относится вред, причиненный правомерными действиями сотрудников ОВД, и включает ст. 1068 ГК РФ; ко второй группе – вред, причиненный неправомерными действиями, которая включает ст. 1069 ГК РФ и ст. 1070 ГК РФ [4, с. 35–39]. Например, удовлетворенные иски о возмещении вреда, причиненного в связи с изъятием имущества, по искам в сфере миграции, в связи с ненадлежащим содержанием граждан в ИВС и т. д.

К деликтным обязательствам с участием ОВД следует отнести и возмещение морального вреда, причиненного сотрудниками ОВД. Анализ гражданского законодательства, законодательства регулирующего деятельность ОВД, а также судебной практики о возмещении морального вреда позволяет отметить, что моральный вред возмещается при наличии общих условий ответственности за причиненный вред, а именно: 1) наличие такого вреда; 2) противоправность деяния; 3) наличие причинной связи между вредом и противоправным деяниям; 4) вина является критерием определения размера компенсации морального вреда [5, с. 32]. Например, решением Благовещенского городского суда Амурской области от 6 мая 2024 г. (№ 2-54/2024) в пользу Ш. взыскана компенсация материального ущерба в размере 10,9 млн рублей, компенсация морального вреда – 2 млн рублей, а также утраченный заработок в размере 105 тыс. рублей ежемесячно[21]. Или приговором Свободненского городского суда Амурской области от 5 октября 2021 г. осужденный Е. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК. Установлено, что старший инспектор ДПС Е. 23 апреля 2016 г. при задержании автомобиля «Тойота» под управлением гражданина Ш. без видимой причины произвел выстрел в водителя Ш. после остановки автомобиля, когда водитель попытался выйти для дачи объяснений. В результате незаконных действий старшего инспектора Е. при применении табельного оружия гражданину Ш. причинен тяжкий вред здоровью в виде повреждения спинного мозга и перелома грудного отдела позвоночника, повлекший длительное лечение, утрату трудоспособности и установление инвалидности[22].

5.4. Обязательства, возникающие из договоров. Несмотря на то, что данное основание

[17] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Решение Акбулакского районного суда от 22.06.2021 о признании имущества бесхозяйным № 2- 312 (2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] Решение Московского городского суда от 18.11.2024 (дело № 2-1859/2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[21] Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 06.05.2024 г. (дело № 2-54/2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[22] Приговор Свободненского городского суда Амурской области от 05.10.2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

рассматривается последним, оно, по нашему мнению, является основополагающим.

«Договор» как термин (понятие) известен обществу очень давно. По мнению ученых, первое упоминание договора, как мирного соглашения, относится к 1296 г. до нашей эры (мирный договор между Рамзесом II и хеттским царем Хаттушашем II). Следовательно, первичное упоминание договора следует рассматривать как взаимовыгодное сотрудничество двух стран.

Начиная с Древнего периода договор – как «регулятор» имущественных отношений – находит свое первичное закрепление (отображение) в Законах Манну и Законах Хаммурапи, например, договор (vyavahara), заключенный пьяным, безумным … ребенком, … а также неуполномоченным, - недействителен (ст. 163).

В современном обществе понятие «договор» характеризуется различными значениями и функциями, что привело к множественности высказываний и толкований данной дефиниции. По нашему мнению, наиболее используемыми являются три основных значения.

Это его понимание:

– как юридический факт, то есть договором называется, двух- или многосторонняя сделка, порождающая обязательственное правоотношение;

– обязательственное правоотношение, возникающее из договора;

– документ, в котором фиксируется юридический факт.

Законодатель дал четкое закрепление понятия: «договор – это соглашение двух или более лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» (ст. 420 Гражданского кодекса РФ).

Следует отметить, что дефиниции «договор», «контракт», «соглашение» законодателем используются по-разному. К примеру, в трудовом законодательстве используется понятие «контракт», «договор», «трудовой договор», в гражданском законодательстве – «договор», в административном законодательстве – «соглашение» и т. д.

В Федеральном законе от 30.11.2011 № 342 законодатель использует понятия «контракт», «соглашение», «договор». При этом понятие «договор» законодателем в указанном законе употребляется более 30 раз, но в контексте «международных договоров» и «трудового договора». Например, «Контракт о прохождении службы…» ст. 21 Федерального закона № 342, в том числе раскрывается его определение, а «соглашение» использовано как межведомственное (ст. 12). В Федеральном законе от 19.07.2011 № 247-ФЗ, законодателем использовано понятие «контракт» шесть раз, а «договор» – 28 раз[23].

По нашему мнению, в деятельности ОВД законодатель использует понятия в зависимости от правоотношений. Так, в сфере служебных правоотношений используется термин «контракт» (например, «…в связи с нарушением контракта…»), а в правоотношениях из обеспечения гарантий – договор (например, «не является нанимателем … по договору социального найма...»).

Однако в законодательстве используются его синонимы – «контракт», «соглашение» и т. д. Анализ словарей и толкователей русского языка позволяет утверждать, что дефиниции «договор», «контракт» и «соглашение» – это синонимы, которые содержат в себе идентичную смысловую нагрузку. Разность законодателя в их использовании, по нашему мнению, вносит дисбаланс в правоотношения субъектов в той или ной сфере деятельности.

На участие ОВД в договорных обязательствах влияет их правосубъектность, которая определяется их сущностью как государственно-властных органов управления. Так, основной гражданско-правовой принцип свободы договора будет реализовываться не в общем порядке, а с учетом особенностей правового статуса ОВД, с изъятиями, отклонениями от установленных правил. Поскольку в таких правовых отношениях присутствуют элементы как диспозитивного метода влияния на правоотношения, присущие гражданскому праву, так и властных методов воздействия, обусловленных правовым статусом ОВД – государственного органа власти, функционирующего в правоохранительной сфере, появляются правовые отношения, не имеющие чистую гражданско-правовую природу. В данных отношениях участвует особый субъект, из-за которого появляются элементы, чуждые методу гражданского права – ведомственное регулирование, процедура вступления в договорные обязательства, императивный характер правовых норм.

Указанная нами выше классификация обязательств с участием ОВД является обширной.

Взяв за основу волевой критерий, выделим классификации обязательств с участием ОВД. В узком понимании, в зависимости от добровольности заключения обязательства с участием ОВД, выделяют договорные обязательства и обязательства, возникающие из деликтов.

К первому виду относятся договора, направленные на: 1) передачу имущества (например, найм жилого помещения, аренда зданий и сооружений, поставка для нужд ОВД и т. д.); 2) выполнение работ (например, выполнение ОВД научных разработок, подрядные работы для нужд ОВД и т. д.); предоставление услуг (например, пересылка почтовых и телеграфных отправлений, пользование городской и междугородней телефонной связью, хранение найденных или изъятых вещей, международные соглашения о совместной деятельности и т. д.).

Ко второму виду следует отнести обязательства, возникающие из деликтов, т. е. помимо наши воли. И, как отмечено нами выше, это вред, причиненный правомерны-

[23] О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.06.2025).

ми действиями (ст. 1068 Гражданского кодекса РФ) или неправомерными (ст. 1069 и ст. 1071 Гражданского кодекса РФ).

Таким образом, подведя итог, отметим, что в деятельности ОВД довольно широкий спектр обязательственных правоотношений с их участием.

В широком аспекте выделяют следующие обязательственные правоотношения: 1) в зависимости от формы деяний участников обязательств: а) активные обязательства или обязательства из действий; б) пассивные обязательства или обязательства из бездействий; 2) в зависимости от характера деяний участников обязательств: а) регулятивные обязательства; б) охранительные обязательства; 3) в зависимости от объема обязательств: а) основные обязательства; б) дополнительные (акцессорные) обязательства; 4) в зависимости от субъекта обязательств: а) исходные обязательства; б) регрессные обязательства; 5) в зависимости от основания возникновения: а) обязательства их актов ОВД; б) из судебных решений; в) из деликтов; г) из договоров.

В узком аспекте, в зависимости от волеизъявления участников, выделяют два вида обязательственных правоотношений: первый направлен на передачу имущества, выполнение работ, предоставление услуг; второй – деликтные обязательства (вред, причиненный правомерными или неправомерными действиями).

Приведенная нами классификация позволит теоретикам и практикам упорядочить имеющие знания и применять их как в деятельности органов внутренних дел, так и в деятельности правоохранительных органов в целом, ввиду их схожести.

Список источников

1. Смердина Ю.С. Оперативное управление и хозяйственное ведение в системе МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2.

2. Яблонский И.В., Кочкин А.А. О возможности определения полномочий и функций территориальных органов внутренних дел как органов публичной власти // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4 (62).

3. Голубцов В.Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52.

4. Казанцева Е.В. К вопросу о возмещении вреда органами внутренних дел // Второй конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием (23–24 марта 2020 г.). Н. Новгород, 2020.

5. Казанцева Е.В. К вопросу о возмещении морального вреда, причиненного сотрудниками органов внутренних дел // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практ. конф. (29 мая 2020 г.). Краснодар, 2020.

References

1. Smerdina Yu.S. Operational Management and Economic Management in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2.

2. Yablonsky I.V., Kochkin A.A. On the Possibility of Defining the Powers and Functions of Territorial Internal Affairs Bodies as Public Authorities // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (62).

3. Golubtsov V.G. Court Decision as a Legal Fact in Civil Law: Doctrinal Discourse and the Problem of Legal Formulations // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2021. № 52.

4. Kazantseva E.V. On the Issue of Compensation for Damage by Internal Affairs Bodies // Second Congress of Civil Law Law Enforcement Agencies: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conf. with International Participation (March 23–24, 2020). Nizhny Novgorod, 2020.

5. Kazantseva E.V. On the Issue of Compensation for Moral Damages Caused by Employees of Internal Affairs Agencies // Current Issues of Law and Law Enforcement: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (May 29, 2020). Krasnodar, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыбалка Елена Александровна, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Казанцева Екатерина Валентиновна, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. академика Х.Х. Стевена, 14.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rybalka Elena Alexandrovna, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Kazantseva Ekaterina Valentinovna, *PhD in Law, Senior lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines. Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Kh. Stevena St., Simferopol 295053 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 81–87.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 81–87.

Научная статья
УДК 343.98

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Бондаренко Роман Александрович
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
r.bond@mail.ru

Стрельцов Вадим Вадимович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
vvslexx@gmail.com

Кочкин Антон Андреевич
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
kochkin@a-kochkin.ru

Введение: *криминалистическая характеристика преступления играет важную роль в профилактике преступления и его раскрытии. Особое место в ней занимает способ совершения преступления. Определение дефиниции способа совершения преступления как элемента криминалистической характеристики в сфере незаконного получения кредита позволит в дальнейшем в следственной практике обеспечить эффективное раскрытие данной категории преступления в рамках проверки сообщения о преступлении и расследования в целях установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.*

Материалы и методы: *настоящее исследование базируется на контент-анализе трудов отечественных ученых-криминалистов, которые изучали элементы криминалистической характеристики преступления, в частности способ совершения преступления. К основным методам, которые использовались в статье, можно отнести правовой анализ актуального российского законодательства, контент-анализ научной криминалистической литературы, описание и анализ конкретных ситуаций. Указанные методы применялись с учетом авторской методики определения структуры способа совершения преступления В.В. Новика и А.Г. Харатишвили.*

Результаты исследования: *в ходе проведения исследования представилось возможным уточнить ключевые особенности способа совершения преступления как элемента криминалистической характеристики незаконного получения кредита, а также выделить основные способы совершения данного преступления, к которым можно отнести: 1) предоставление заведомо ложных сведений о состоянии ИП или юридического лица, 2) подкуп лица, выдающего кредит, и 3) получение кредита в обход установленной процедуры.*

Выводы и заключения: *анализ основных способов незаконного получения кредита, ответственность за совершение которого установлена ст. 176 УК РФ, позволяет выявить основные обстоятельства совершения преступления, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, а также детализировать тактику производства следственных действий, выполнение которых позволит в процессуальном порядке зафиксировать результат предварительного следствия по данному составу преступного деяния.*

Ключевые слова: *незаконное получение кредита, криминалистическая характеристика, криминалистика, следователь, преступление, кредитование, банк, способы незаконного получения кредита.*

Для цитирования: Бондаренко Р. А., Стрельцов В. В., Кочкин А. А. *Основные способы незаконного получения кредита как элемент криминалистической характеристики / Р. А. Бондаренко, В. В. Стрельцов, А. А. Кочкин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 81–87.*

Original paper

THE MAIN WAYS OF ILLEGALLY OBTAINING A LOAN AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS

Bondarenko Roman Alexandrovich
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Streltsov Vadim Vadimovich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Kochkin Anton Andreevich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the criminalistic characteristics of a crime play an important role in crime prevention and detection. A special place in it is occupied by the method of committing a crime. Determining the definition of the method of committing a crime as an element of criminalistic characteristics in the field of illegal loan obtaining will further ensure effective detection of this category of crime in investigative practice as part of the verification of the crime report and investigation in order to establish the circumstances specified in Article 73 of the Criminal Procedure Code.*

Materials and methods: *the present study is based on a content analysis of the works of Russian criminologists who studied the elements of the criminalistic characteristics of the crime, in particular, the method of committing the crime. The main methods used in the article include legal analysis of current Russian legislation, content analysis of scientific forensic literature, description and analysis of specific situations. These methods were applied taking into account the author's methodology for determining the structure of the method of committing a crime by V.V. Novik and A. G. Kharatishvili.*

Results of the study: *in the course of the study, it was possible to clarify the key features of the method of committing a crime as an element of the criminalistic characteristics of illegally obtaining a loan, as well as to identify the main ways of committing this crime, which include 1) providing deliberately false information about the status of an individual entrepreneur or a legal entity, 2) bribing the person issuing the loan, and 3) obtaining a loan in bypassing the established procedure.*

Findings and conclusions: *the analysis of the main methods of illegally obtaining a loan, the responsibility for which is established by Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation, makes it possible to identify the main circumstances of the crime provided for by the criminal procedure law, as well as to detail the tactics of investigative actions, the implementation of which will allow to record the result of the preliminary investigation into this criminal act in a procedural manner.*

Keywords: *illegal loan receipt, forensic characteristics, criminalistics, investigator, crime, lending, bank, methods of illegal loan receipt.*

For citation: Bondarenko R. A., Streltsov V. V., Kochkin A. A. *The main ways of illegally obtaining a loan as an element of criminalistic characteristics / R. A. Bondarenko, V. V. Streltsov, A. A. Kochkin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 81–87.*

Способы незаконного получения кредита выступают ядром криминалистической характеристики [1, с. 146–148; 2. с. 6–10; 3, с. 122–128]. Это связано с тем, что данный элемент раскрывает внешнюю сторону совершенного общественно опасного деяния [4, с. 39–45]. То есть показывает, как и каким образом было осуществлено незаконное получение денежных средств путем заключения соглашения на получение кредита [5, с. 45–51].

Если вспомнить требования положений уголовно-процессуального закона [6], можно убедиться, что законодатель прямо указывает на то, чтобы следователь в процессе предварительного следствия установил способ совершения конкретного преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Это указывает на необходимость в детальном рассмотрении возможных действий злоумышленников, способствующих получению льгот или денежных средств незаконным путем в сфере кредитования.

Прежде чем перейти к рассмотрению и описанию конкретных способов незаконного получения кредита, следует обратить вни-

мание на то, как криминалистическая наука понимает способ совершения преступления в качестве элемента криминалистической характеристики [7, с. 120–127].

Данный вопрос является принципиально важным. Это помогает следователю ясно понять весь алгоритм действий подозреваемого (обвиняемого) лица, направленный на реализацию преступного умысла. А описание особенностей отдельных способов совершения преступлений с позиции криминалистики позволяет предположить, какие следы могут остаться на месте совершения незаконного получения кредита. Второй тезис особенно актуален для следственной практики, потому что создает возможность сотруднику следственного подразделения своевременно установить обстоятельства совершения преступления и сформировать доказательственную базу.

Что касается способа совершения преступления как элемента криминалистической характеристики преступления, отметим, что в юридической литературе встречается несколько, на наш взгляд, интересных подходов к определению указанной дефиниции.

В связи с этим считаем целесообразным сослаться на мнение В.В. Новика и А.Г. Харатишвили, которые считают, что при рассмотрении вопроса о способе совершения преступления с точки зрения криминалистики желательно дифференцировать способ на несколько этапов. Они пишут, что «структуру деяния (способа) практически все криминалисты представляют в виде комплекса действий, которые делятся на следующие группы: подготовительные по совершению (исполнению), посткриминальные и по сокрытию» [8, с. 111].

По нашему мнению, эту модель описания способов совершения преступления можно с легкостью применять для анализа способов незаконного получения кредита, но с некоторыми оговорками. Дело в том, что В.В. Новик и А.Г. Харатишвили детально не раскрывают значение посткриминальных действий, под которыми следует понимать последствия совершенного преступного деяния, затрагивающие интересы потерпевшей стороны и зависящие от интересов злоумышленника (например, материальное обогащение, вернее группа действий, направленных на реализацию полученных денежных средств после получения кредита).

Важно отметить, что в данном случае состав преступления (будь то формальный, материальный или усеченный) не имеет принципиального значения для криминалистической характеристики. Кроме того, на наш взгляд, в своем труде указанные авторы упускают из виду группу действий, направленных непосредственно на достижение преступного результата, что, в свою очередь, выступает частью способа совершения преступления. Вероятно, что последний аспект способа совершения преступления стоит учитывать в первую очередь при определении указанной дефиниции в качестве элемента криминалистической характеристики.

Л.А. Савина, например, не говорит о конкретных компонентах, которые включает в себя способ совершения преступления как таковой. Однако в своем исследовании обращает внимание на важность рассмотрения данного элемента криминалистической характеристики преступления: «В числе наиболее важных элементов криминалистической характеристики преступления фигурирует способ совершения преступления, поскольку он как определенная форма преступного поведения субъекта существует во всех случаях совершения преступления, независимо от формы вины. Способ преступления выполняет роль источника информации как о преступном событии в целом, так и об отдельных его составляющих. При расследовании преступлений способ совершения преступления является одним из определяющих факторов организации расследования» [9, с. 37].

Подчеркнем, что изучение способов совершения преступления против собственности и в экономической деятельности является залогом своевременного раскрытия указанных преступных деяний [10, с. 164–171; 11, с. 56–61]. Особенно это касается незаконного получения кредита и смежных составов (например, мошенничества) [12]. По нашему мнению, методологически значимым является подход, в частности В.В. Новика и А.Г. Харатишвили, который целесообразно использовать с учетом наших замечаний в целях раскрытия способов незаконного получения кредита.

Одним из самых распространенных способов совершения преступления в сфере кредитования выступает предоставление заведомо ложных сведений о состоянии ИП или иного юридического лица [13, с. 56–59]. Подготовительный этап включает в себя фальсификацию документов (бухгалтерских документов, договоров, учредительных документов и т. д.) путем внесения изменений в эти документы руководителем организации или другим сотрудником. Данное действие может осуществляться за счет привлечения

к этой «работе» нескольких сотрудников, имеющих определенные познания в этой области (например, сотрудников бухгалтерии). Кроме того, могут создаваться новые документы, по сути, ложные, которые не соответствуют действительному положению определенной организации. Это является разновидностью фальсификации, однако в данном случае документ дублируется с изменениями, необходимыми для получения кредита незаконным путем. Непосредственная группа действий, раскрывающая сущность способа незаконного получения кредита в данном случае, связана с фактическим получением денежных средств наличными или зачислением на банковскую карту (счет) после предоставления ложных документов.

К посткриминальной группе действий здесь будут отнесены такие, которые связаны с реализацией полученных денежных средств, а в случае если речь идет о получении льготных условий по кредиту, то действия будут направлены сначала на получение кредита, затем на их реализацию. Банк или иная организация, выдавшая кредит (когда будет известно о факте получения кредита незаконным путем), должны принять все действия, направленные на получение денежных средств обратно на счет организации.

Действия, направленные на сокрытие преступления, представляют в данном случае последующую фальсификацию всего кластера документов, которые могут иметь прямое или косвенное отношение к незаконному получению кредита (льготных условий получения кредита). Например, подготовка документов, согласно которым лицо признается банкротом и, соответственно, не может в дальнейшем выплачивать проценты по кредиту (не возвращать ранее полученный кредит), хотя в действительности имеет место обратное [14, с. 63–68; 15].

Другим немалоизвестным способом совершения преступления в сфере кредитования является подкуп лица, отвечающего за выдачу кредита. Таким лицом может быть сотрудник (директор, руководитель) организации, предоставляющей кредиты ИП и иным юридическим лицам. Сюда могут относиться и те лица, которые проходят службу в государственных учреждениях, отвечающие за распределение средств на выдачу целевых кредитов.

Подготовительный этап в данном случае будет включать переговоры с лицом, отвечающим за выдачу средств по кредиту или предоставление льготных условий кредитования, аккумуляцию денежных средств для реализации преступного умысла. Фактически здесь можем наблюдать несколько преступных действий: подкуп и незаконное получение кредита, что отягчает ответственность злоумышленника и одновременно подвергает ответственности сотрудника кредитной организации. Как было сказано выше, непосредственным действием является получение денежных средств по кредиту или льгот. В данном случае факт подкупа переносится на подготовительный этап незаконного получения кредита.

Посткриминальные действия дублируют ранее рассмотренный нами способ получения кредита как в отношении злоумышленника, так и в отношении сотрудников организации, однако здесь стоит пояснить, что в данном случае лицо (сотрудник), получившее вознаграждение, будет намереваться реализовать денежные средства или начнет эксплуатировать определенное имущество, полученное от злоумышленника.

Сокрытие в данном случае включает в себя два вектора развития событий. Во-первых, действия, направленные непосредственно на сокрытие факта дачи и получения вознаграждения, чтобы была возможность нивелировать (сделать видимость отсутствия) всяческие связи между человеком, ответственным за выдачу кредита или льгот на получение кредита, и лицом, которое получило денежные средства по кредиту преступным путем. Во-вторых, действия и одного, и второго лица будут направлены на то, чтобы продолжить фальсификацию документов по кредиту.

Здесь следует учесть, что несмотря на дачу денежного вознаграждения (предоставления или оказания услуг) злоумышленником могут быть представлены фиктивные документы о состоянии юридического лица. Кроме того, действия сотрудника банковской организации могут включать в себя решения, касающиеся изменения документов банка, регламентирующие порядок и условия получения кредита. Например, если банк предоставляет для ИП кредит с пониженной процентной ставкой, а на этих же условиях кредит получает, например, публичное акционерное общество, то это будет нарушением условия получения кредита (однако все зависит от конкретной кредитной организации и условий, прописанных в кредитном договоре).

Третьим распространенным способом незаконного получения кредита выступает нарушение условий (процедуры) получения кредита. Нарушение процедуры получения

кредита имеет гораздо большую вариативность, а не ограничивается нарушением условий кредитования определенной организации, связанной с участием «кредитной акции», проводимой той или иной организацией, уполномоченной на выдачу кредита или предоставление льготных условий кредитования.

Подготовительный этап включает получение знаний не только относительно сущности и природы кредита с позиции гражданского законодательства и законодательства, регулирующего банковскую деятельность. Важно учитывать здесь познания, так сказать, «внутреннего механизма», т. е. следует узнать следующую информацию:

– как и каким образом определенная кредитная организация выдает кредит или предоставляет льготы по кредиту;

– какие при этом заключаются договоры и какие включают компоненты (реквизиты);

– какие документы необходимо подавать на получение кредита и какого рода информация должна быть отражена в этих документах;

– как происходит учет и анализ предоставляемых лицом документов;

– возможна ли верификация конкретного документа;

– какие могут задаваться вопросы в момент получения кредита;

– каков порядок получения кредита на конкурсной основе.

Кроме того, именно на этом этапе в зависимости от ситуации может осуществляться передача вознаграждения лицу (из числа сотрудников кредитной организации), которое поможет обойти процедуру получения кредита или облегчить ее для того, чтобы лицо смогло реализовать свой преступный умысел. Непосредственные действия остаются теми же, что в ранее описанных способах.

Посткриминальная ситуация может включать реорганизацию, усложнение способа получения кредита для определенной категории лиц и организации, совершенствование локальных нормативных правовых актов, регулирующих этот вопрос, привлечение к ответственности сотрудников, причастных к совершению данного преступления. Со своей стороны злоумышленник принимает все действия по реализации кредитных средств.

Действия по сокрытию незаконного получения кредита могут быть самыми разными – от фальсификации договора с помощью сотрудника кредитной организации и сокрытия информации о даче вознаграждения сотрудника банка, ответственного за выдачу кредитных средств, до фальсификации личных данных.

В заключение необходимо сказать, что в рамках данной статьи с учетом методологии, предложенной В.В. Новик и А.Г. Харатишвили, рассмотрены наиболее релевантные и часто встречаемые способы совершения преступлений в сфере кредитования. Стоит заметить, что способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступления раскрывает не только непосредственные действия, предпринятые для реализации преступного умысла, а также подготовку, т. е. подготовительные действия злоумышленника, и последующее сокрытие факта совершенного преступления.

В ходе реализации методологического подхода определены также и те действия, которые совершают как сотрудники банка, так и лица, получившее кредит незаконным путем, после реализации основного кластера действий, включающих фактическое получение (передачу) денег по кредитному договору.

Подводя итог, можно констатировать, что криминалистическая характеристика преступлений позволяет получить весь необходимый объем данных для определения версий, плана расследования, порядка производства отдельных следственных действий при расследовании незаконного получения кредита, порядка принятия процессуальных решений – всего того, что необходимо для получения доказательств, предусмотренных положениями УПК РФ. Таким образом, криминалистическая характеристика выступает в качестве остова, на основании которого происходит организация всего предварительного следствия, где особое место занимает анализ способа совершения преступления (незаконного получения кредита).

В дальнейшем считаем целесообразным продолжить изучение методики незаконного получения кредита и проанализировать тактику производства следственных действий, в ходе которых следователь при расследовании преступлений в сфере кредитования получает наибольший объем необходимых доказательств [16].

Список источников

1. Прошин В.М. Прикладное значение криминалистической характеристики преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2.
2. Неймарк М. Криминалистическая характеристика преступлений: терминологический аспект / М. Неймарк, О. Беспечный // Юрислингвистика. 2023. № 30(41).
3. Князьков А.С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304.
4. Мартынов А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений: проблема структурированности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2.
5. Бессонов А.А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6(45).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqx4bTiv-aP4Y3p1vyZAr3vt9y_o-qf8-i_0rjQudax2wL9ofLXqM65w7XN8o7wn-O747D9l_2J86LwlUS_3qXYtO6l3Ljs8oLwjeO64owR5rit (дата обращения: 03.06.2025).
7. Кубякин Е.О. К вопросу об основных элементах незаконного получения кредита / Е.О. Кубякин, А.А. Кочкин, Я.А. Шараева // Философия права. 2025. № 1(112).
8. Новик В.В. Способ совершения преступления как важнейший элемент криминалистической характеристики контрабанды наркотиков / В.В. Новик, А.Г. Харатишвили // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 2.
9. Савина Л.А. Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 322. 1 Уголовного кодекса РФ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 2.
10. Пахомов С.В. Закономерности отражения криминалистически значимой информации в документах финансово-хозяйственной деятельности агропромышленных организаций / С.В. Пахомов, Н.С. Зиновьева // Философия права. 2024. № 3(110).
11. Марочкин Н.А. Отдельные элементы криминалистической характеристики нецелевого расходования бюджетных средств / Н.А. Марочкин, Т.Е. Лешина // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 1-2.

References

1. Proshin V.M. Applied Significance of Forensic Characteristics of Crimes // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2023. № 2.
2. Neimark M. Forensic Characteristics of Crimes: Terminological Aspect / M. Neimark, O. Bespechny // Jurislinguistics. 2023. № 30(41).
3. Knyazkov A.S. On the Criteria of Significance of Forensic Characteristics of Crimes // Bulletin of Tomsk State University. 2007. № 304.
4. Martynov A.N. Forensic Characteristics of Crimes: The Problem of Structuring // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2014. № 2.
5. Bessonov A.A. On the Essence of Forensic Characteristics of Crimes // Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2014. № 6(45).
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation:federallawof18.12.2001№174-FL.URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aL-npN5Pvp_qlYqx4bTiv-aP4Y3p1vyZAr3vt9y_o-qf8-i_0rjQudax2wL9ofLXqM65-w7XN8o7wn-O747D9l_2J86LwlUS_3qXYtO6l3Ljs8oLwjeO64owR5rit (date of access: 03.06.2025).
7. Kubyakin E.O. On the Main Elements of Illegal Obtaining of a Loan / E.O. Kubyakin, A.A. Kochkin, Ya.A. Sharaeva // Philosophy of Law. 2025. № 1 (112).
8. Novik V.V. The Method of Committing a Crime as the Most Important Element of Forensic Characteristics of Drug Smuggling / V.V. Novik, A.G. Kharatishvili // Problems of Economics and Legal Practice. 2007. № 2.
9. Savina L.A. The Method of Committing a Crime as an Element of Forensic Characteristics of the Crime Provided for by Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2.
10. Pakhomov S.V. Patterns of Reflection of Forensically Significant Information in Documents of Financial and Economic Activities of Agro-Industrial Organizations / S.V. Pakhomov, N.S. Zinovieva // Philosophy of Law. 2024. № 3 (110).
11. Marochkin N.A. Individual Elements of the Forensic Characteristics of Misappropriation of Budget Funds / N.A. Marochkin, T.E. Leshina // Problems of Economics and Legal Practice. 2006. № 1-2.
12. Bodunova K.G. General Issues of the Forensic Characteristics of Fraud Related to Subsidy Payments in the Sphere of Small and Medium-Sized Entrepreneurship // Police Activity. 2021. № 6.

12. Бодунова К.Г. Общие вопросы криминалистической характеристики мошенничества, связанного с выплатами в форме субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства // Полицейская деятельность. 2021. № 6.

13. Булычев Е.Н. Особенности уголовной ответственности за незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) и ее соответствие конституционному принципу равной защиты всех форм собственности // Евразийская адвокатура. 2018. № 6(37).

14. Пахомов С.В. Особенности установления криминалистически значимых обстоятельств при расследовании криминальных банкротств в агропромышленном комплексе // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2023. № 2.

15. Стельмах Е.Н. Криминалистическая характеристика злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности: современные тенденции и методы расследования. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-zlostnogo-ukloneniya-ot-pogasheniya-kreditorskoy-zadolzhennosti-sovremennye-tendentsii-i-metody (дата обращения: 03.06.2025).

16. Дзюба А.О. Меры совершенствования методики расследования мошенничества в сфере кредитования // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5.

13. Bulychev E.N. Features of Criminal Liability for the Illegal Obtaining of a Loan (Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation) and Its Compliance with the Constitutional Principle of Equal Protection of All Forms of Ownership // Eurasian Advocacy. 2018. № 6 (37).

14. Pakhomov S.V. Peculiarities of Establishing Forensically Significant Circumstances in Investigating Criminal Bankruptcies in the Agro-Industrial Complex // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. № 2.

15. Stelmakh E.N. Forensic Characteristics of Malicious Evasion of Accounts Payable Repayment: Current Trends and Investigative Methods. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-zlostnogo-uk-loneniya-ot-pogasheniya-kreditorskoy-zadolzhennosti-sovremennye-tendentsii-i-metody (date of access: 03.06.2025).

16. Dzyuba A.O. Measures to Improve the Methodology for Investigating Fraud in the Sphere of Lending // Gaps in Russian Legislation. 2023. № 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Роман Александрович, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.*

Стрельцов Вадим Вадимович, *кандидат социологических наук, преподаватель кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

Кочкин Антон Андреевич, *преподаватель кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondarenko Roman Alexandrovich, *PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 125993 Moscow Russian Federation.*

Streltsov Vadim Vadimovich, *PhD in Sociology, Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Kochkin Anton Andreevich, *lecturer at the Department of Theory and History of Law and the State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 88–95.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 88–95.

Научная статья
УДК 343.573

ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ И ИХ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гранина Наталья Феодосьевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация, grannf2012@mail.ru

Введение: *в статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с наличием пробелов и противоречий в нормативном регулировании уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольной продукции, а также ее розничную продажу несовершеннолетним.*

Материалы и методы: *в ходе проведения исследования использована совокупность общенаучных и юридических методов познания. Материалами исследования послужили уголовно-правовые нормы, предусматривающие юридическую ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним и вовлечение их в употребление алкоголя, научные публикации по указанной тематике.*

Результаты исследования: *основываясь на анализе нормативно-правовой базы, практики применения административного и уголовного законодательства, выявлены проблемы и коллизии, которые требуют необходимости совершенствования уголовного законодательства в сфере реализации алкоголя подросткам и вовлечения их в употребление спиртного.*

Выводы и заключения: *по мнению автора, в целях повышения эффективности профилактики алкоголизации несовершеннолетних, снижения уровня их криминальной активности необходимо принятие дополнительных мер по предупреждению незаконной деятельности лиц, вовлекающих детей в употребление алкоголя и допускающих им ее реализацию, предложены пути по совершенствованию действующего законодательства в указанной области.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, вовлечение несовершеннолетнего, употребление спиртных напитков, антиобщественные действия, розничная продажа алкоголя, алкогольная продукция, уголовная ответственность.*

Для цитирования: Гранина Н. Ф. *Пробелы и противоречия в законодательстве об ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним и их вовлечение в его употребление (на примере Свердловской области) / Н. Ф. Гранина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 88–95.*

Original paper

GAPS AND CONTRADICTIONS IN THE LEGISLATION ON LIABILITY FOR THE SALE OF ALCOHOL TO MINORS AND THEIR INVOLVEMENT IN ITS USE (A CASE STUDY OF THE SVERDLOVSK REGION)

Granina Natalia Feodosievna
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: *this article examines current issues related to gaps and inconsistencies in the legal framework governing criminal liability for engaging minors in alcohol consumption, as well as the retail sale of alcohol to minors.*

Materials and methods: *the study utilized a combination of general scientific and legal research methods. The research materials include criminal law provisions stipulating legal liability for selling alcohol to minors and engaging them in alcohol consumption, as well as scientific publications on the topic.*

Results of the study: *based on an analysis of the legal framework and the application of administrative and criminal law, problems and conflicts were identified that require improvements to criminal legislation regarding the sale of alcohol to adolescents and engaging them in alcohol consumption.*

Findings and conclusions: *in the author's opinion, in order to increase the effectiveness of preventing underage alcohol abuse and reducing their criminal activity, additional measures are needed to prevent the illegal activities of individuals who involve children in alcohol consumption and allow them to engage in such activities. Ways to improve current legislation in this area are proposed.*

Keywords: *minor, involvement of minors, alcohol consumption, antisocial behavior, retail sale of alcohol, alcoholic beverages, criminal liability.*

For citation: Granina N. F. *Gaps and contradictions in the legislation on liability for the sale of alcohol to minors and their involvement in its use (a case study of the Sverdlovsk region) / N. F. Granina // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 88–95.*

Употребление алкоголя несовершеннолетними ставит под угрозу не только их здоровье, но и повышает уровень криминальной активности несовершеннолетних, поскольку спиртное воздействует на подростковый организм. Подросток в состоянии алкогольного опьянения теряет над собой контроль при внешних раздражителях, становится легковозбудимым, агрессивным, склонным к асоциальным и немотивированным поступкам. Проблема алкоголизации несовершеннолетних, несмотря на многолетние усилия государства и общества, не теряет своей остроты и продолжает оставаться одним из наиболее серьезных вызовов для современной России. Ее негативные последствия, охватывающие как здоровье и благополучие подрастающего поколения, так и социальные, экономические и демографические процессы, обусловливают насущную актуальность поиска и реализации более эффективных мер противодействия.

Особая роль в этом комплексе мер отводится правовому регулированию, которое устанавливает четкие запреты и действенные санкции за деяния, способствующие приобщению несовершеннолетних к употреблению алкогольной продукции. Законодательство Российской Федерации предусматривает административную и уголовную ответственность за подобные деяния. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики и научных исследований, существующая система правовых норм далека от совершенства и содержит ряд пробелов и недостатков, которые заметно снижают ее превентивный потенциал.

Вопросы совершенствования законодательства в данной сфере неоднократно становились предметом внимания представителей научного сообщества, поскольку эффективность уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 151 и 151.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), во многом зависит от четких законодательных формулировок и отсутствия противоречий с нормами административного права.

Так, проблемы квалификации и применения мер ответственности за розничную продажу алкоголя несовершеннолетним рассматривались в трудах А.Н. Супруна, который в своей научной работе подчеркивал важность и необходимость реализации предложенного комплекса мер, направленного на углубление дифференциации уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, что позволит решить проблему системности уголовно-правовых норм в данной сфере посредством квалифицирующих и привилегированных признаков [1, с. 96].

На сложности, связанные с институтом административной преюдиции в контексте ст. 151.1 УК РФ, указывали в своих научных работах А.И. Бадретдинов [2, с. 127–131], а также Р.Л. Габдрахманов, М.В. Денисенко и В.Н. Кужиков [3, с. 37–41], отмечая, что существующий механизм не всегда позволяет адекватно реагировать на факты повторного совершения правонарушения.

Критический анализ законодательства, касающегося вовлечения несовершеннолетних в употребление спиртных напитков, проводился Т.А. Огарь [4, с. 505–510], Ю.В. Соколом [5, с. 200–205], В.А. Горностаевой [6, с. 47–49] и др., которые обращали внимание на трудности доказывания систематичности, поскольку отсутствует единообразный подход в понимании термина «систематичность», а также иных квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ.

По нашему мнению, несмотря на рассмотренные пробелы в законодательстве указанных и других исследователей ряд аспектов требует дальнейшего углубленного изучения и выработки конкретных предложений по оптимизации законодательства.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу двух ключевых, на наш взгляд, проблемных вопросов: во-первых, это правовая коллизия и правоприменительные парадоксы, возникающие при реализации института административной преюдиции

в случаях повторной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, и, во-вторых, это спорные критерии состава преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетних в употребление алкоголя. Целью данной работы является не только выявление и всесторонний анализ указанных правовых проблем и их влияния на эффективность правового регулирования, но и разработка научно обоснованных предложений по их законодательному разрешению. Достижение поставленной цели предполагает решение задач по углубленному изучению каждой из обозначенных проблем с привлечением широкого круга научных источников, материалов судебной практики, а также формулирование конкретных, аргументированных рекомендаций по совершенствованию норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и УК РФ.

Одним из наиболее значимых и вызывающих серьезные правоприменительные затруднения, на наш взгляд, является механизм реализации административной преюдиции при квалификации повторной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Данный вопрос имеет не только теоретическое, но и первостепенное практическое значение, поскольку от его корректного разрешения напрямую зависит эффективность профилактических мер на одно из наиболее распространенных общественно опасных деяний, способствующих алкоголизации подрастающего поколения. Законодатель, стремясь усилить ответственность за подобные правонарушения и преступления, предусмотрел многоступенчатую систему санкций, включающую как административную ответственность за первичную розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции (ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ), так и уголовную ответственность по ст. 151.1 УК РФ за аналогичное деяние, совершенное неоднократно.

Институт административной преюдиции, положенный в основу конструкции ст. 151.1 УК РФ, предполагает, что уголовная ответственность за деяние, по своей объективной стороне совпадающее с административным правонарушением, наступает лишь при условии, что лицо ранее уже было привлечено к административной ответственности за совершение такого же правонарушения и при этом не истек срок, в течение которого оно считается подвергнутым административному наказанию. В соответствии с примечанием к указанной статье неоднократной признается продажа алкогольной продукции несовершеннолетнему, если она совершена лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым данному наказанию. Статья 4.6 КоАП РФ устанавливает, что этот период начинается со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и длится до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Полагаем, что именно эта, на первый взгляд, логичная и юридически выверенная, конструкция на практике порождает существенную правовую коллизию, которая фактически создает возможность для ухода от уголовной ответственности лиц, сознательно нарушающих закон.

Суть проблемы заключается в том, что в реальной правоприменительной деятельности возникают ситуации, когда лицо, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ за первый факт продажи алкоголя несовершеннолетнему, совершает повторную продажу алкоголя тому же или другому подростку до момента рассмотрения дела об административном правонарушении уполномоченным лицом или органом либо вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания за это первое правонарушение. Временной разрыв между установлением первого правонарушения, проведением административного расследования (если оно требуется), рассмотрением дела судом или уполномоченным органом и вступлением постановления в законную силу может составлять от нескольких дней до нескольких недель, а иногда и месяцев (при обжаловании постановления). В подобной ситуации, несмотря на фактическую повторность антиобщественного поведения и его повышенную общественную опасность, формальные основания для привлечения виновного лица к уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ отсутствуют, поскольку на момент совершения второго (и последующих) деяния оно юридически еще не является лицом, «подвергнутым административному наказанию» в строгом соответствии ст. 4.6 КоАП РФ. А значит, такие действия даже при многократном повторении до вступления в силу первого постановления будут каждый раз квалифицироваться лишь как новое административное правонарушение по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ.

В Свердловской области сложилась практика, что дела об административных правонарушениях по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, как правило, для рассмотрения и принятия решения направляются в суд (согласно сведениям ГУ МВД России по Свердловской области, в суд направляется около 70 % таких дел, в Роспотребнадзор – 20 %, органами внутренних дел рассматриваются 10 %). В связи с этим с момента составления протокола об административном правонарушении до рассмотрения судом и вступлением его решения в законную силу проходит не один месяц.

Согласно статистическим данным, ежегодно в Свердловской области дважды к административной ответственности привлекалось пять–девять физических и должностных лиц, допускающих продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (2020 г. – шесть, 2021 г. – восемь, 2022 г. – девять, 2023 г. – девять, 2024 г. – пять)[1].

Такое положение дел, по нашему убеждению, не только грубо нарушает фундаментальные принципы справедливости и неотвратимости наказания, но и значительно снижает превентивный потенциал уголовной ответственности.

Так, согласно статистическим данным, в Свердловской области снижается число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ за продажу несовершеннолетним алкоголя (2020 г. – 24, 2021 г. – 30, 2022 г. – 12, 2023 г. – 10, 2024 г. – 7)[2].

Лицо, осознающее этот пробел в законодательстве, может продолжать свою противоправную деятельность, будучи уверенным, что до вступления в силу первого постановления ему не грозит уголовное преследование, каким бы количеством эпизодов продажи алкоголя несовершеннолетним ни характеризовалось его поведение.

Подобная ситуация фактически дискредитирует саму идею административной преюдиции как эффективного инструмента уголовной политики, направленного на предупреждение рецидива и усиление ответственности за систематическое нарушение закона.

Опасения высказывает К.В. Дядюн [7, с. 150–158] в своей работе, посвященной проблеме административной преюдиции, которая заключается в том, что на практике имеются случаи, когда лицо, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2.1 ст.14.16 КоАП РФ, до вынесения и вступления в законную силу постановления по делу вновь совершает аналогичное правонарушение. В результате чего отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 151.1 УК РФ. Мы полностью разделяем эту позицию и считаем, что данная коллизия требует законодательного разрешения.

Возможен случай, когда лицо осуществило продажу алкоголя несовершеннолетнему и в отношении продавца составлен протокол об административном правонарушении, например, 10 июня. Этот же продавец осуществляет продажу спиртного подростку 22 июня. Однозначно, что решение по первому протоколу еще не вступило в законную силу, а может быть, даже еще и не рассмотрен сам протокол и постановление по делу не вынесено уполномоченным лицом. Соответственно, продавец вновь привлекается к административной ответственности и избегает при этом уголовной. Но если рассмотреть случай, что этот же продавец допустил продажу алкогольной продукции 10 августа, то при вступлении в законную силу постановления по делу о первом административном правонарушении он будет привлечен к уголовной ответственности.

В научной литературе предлагаются различные пути устранения этой проблемы. Некоторые авторы, как например В.О. Сытников [8, с. 150–158], указывают на то, что временной разрыв между совершением первого административного правонарушения и вступлением в законную силу постановления о назначении наказания за него может быть значительным, что позволяет правонарушителю продолжать свою противоправную деятельность, не опасаясь уголовного преследования, и предлагают сосредоточиться на сокращении процессуальных сроков по административным делам данной категории. По нашему мнению, простое сокращение сроков не способно кардинально решить проблему, т. к. всегда будет существовать определенный промежуток времени, обусловленный объективной необходимостью соблюдения процессуальных гарантий прав лица, привлекаемого к ответственности.

Полагаем, что более действенным решением стало бы внесение изменений непосредственно в уголовное законодательство, а именно в примечание к ст. 151.1 УК РФ. Целесообразно рассмотреть возможность формулировки, согласно которой неоднократность будет признаваться не только в случае совершения деяния лицом, уже подвергнутым административному наказанию (т. е. после вступления постановления в законную силу), но и в случае, если новое деяние совершено лицом, в отношении которого ранее уже официально установлен факт совершения аналогичного административного правонарушения (например, с момента составления уполномоченным должностным лицом протокола об административном правонарушении по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ), и при условии, что в последующем постановление о назначении административного наказания за это первое правонарушение вступит в законную силу и не будет отменено в установленном порядке. Это означало бы, что если лицо, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении за первую продажу, до вступления постановления в силу совершает вторую продажу, и затем первое постановление вступает в силу, то вторая продажа уже могла бы рассматриваться как основание для уголовного преследования.

[1] Статистические данные ГУ МВД России по Свердловской области по делам об административных правонарушениях за 2020–2024 гг.

[2] Данные статистической отчетности ГУ МВД России по Свердловской области за 2020–2024 гг.

Безусловно, такой подход требует крайне взвешенной юридической оценки на предмет его соответствия основополагающим принципам уголовного права и процесса, в частности, принципу презумпции невиновности (ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 1.5 КоАП РФ), согласно которому лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (или постановлением по делу об административном правонарушении). Однако, по нашему мнению, предлагаемая конструкция не нарушает данный принцип, поскольку окончательная квалификация второго деяния как преступления будет возможна лишь после того, как первое административное правонарушение будет юридически подтверждено вступившим в законную силу постановлением. До этого момента действия лица по второму эпизоду могут расследоваться, но окончательное процессуальное решение о наличии состава преступления будет приниматься с учетом юридической судьбы первого правонарушения. Считаем, что такая модель позволит более эффективно реагировать на поведение лиц, систематически нарушающих запрет на продажу алкоголя несовершеннолетним, и устранит существующую проблему в законодательстве, не создавая при этом угрозы для прав и свобод граждан.

Не менее серьезные и требующие глубокого научного осмысления и безотлагательного законодательного вмешательства проблемы, по нашему мнению, связаны с юридической конструкцией составов вовлечения несовершеннолетнего в употребление алкогольной продукции. Ответственность за подобные деяния предусмотрена как КоАП РФ (ст. 6.10 КоАП РФ), так и УК РФ (ст. 151 УК РФ). Данные нормы выполняют важнейшую социально-охранительную функцию, будучи направленными на защиту физического, психического и нравственного развития несовершеннолетних от деструктивного влияния со стороны взрослых лиц, склоняющих их к антиобщественному поведению и употреблению продукции, способной нанести непоправимый вред молодому организму. Однако, как свидетельствует анализ позиций ученых-юристов и правоприменительной практики, существующие законодательные формулировки содержат ряд существенных дефектов, которые серьезно затрудняют их применение и снижают общую эффективность правового противодействия вовлечению подростков в употребление спиртного.

Полагаем, что основной массив проблем здесь концентрируется вокруг использования законодателем оценочных категорий, отсутствия четких формулировок ключевых понятий и наличия неоднозначных критериев, что неизбежно ведет к трудностям в доказывании и создает риск как необоснованного привлечения к ответственности, так и, напротив, ухода от нее лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Особую обеспокоенность и многочисленные дискуссии в научной среде вызывает конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, в частности, использование такого обязательного признака объективной стороны, как «систематическое употребление» алкогольной и спиртосодержащей продукции, в которое вовлекается несовершеннолетний. Действующее уголовное законодательство, к сожалению, не содержит понятия «систематичность». В теории уголовного права и в правоприменительной (в том числе судебной) практике под систематичностью, как правило, понимают совершение однородных действий более двух раз в течение непродолжительного периода времени (обычно в течение одного года).

Однако, как справедливо отмечают Т.А. Огарь [4] и Ю.В. Сокол [5] в своих работах, посвященных типичным недостаткам при выявлении и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, отсутствие законодательно закрепленного понятия систематичности применительно к составам вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий порождает неоднозначное его толкование и, как следствие, ошибки в квалификации. Автор статьи полностью разделяет данную точку зрения и считает, что такая правовая неопределенность является серьезным недостатком законодательства, который может имеет негативные последствия.

Во-первых, отсутствие четкого законодательного определения «систематичности» создает благодатную почву для субъективизма и широкого усмотрения правоприменителя на всех стадиях уголовного процесса – от возбуждения уголовного дела до вынесения приговора. В одних случаях два эпизода вовлечения могут быть признаны недостаточными для констатации систематичности и, как следствие, для привлечения к уголовной ответственности, даже если они имели место с коротким интервалом и привели к формированию у подростка начальной стадии алкогольной зависимости или к иным тяжким последствиям для его здоровья или социального функционирования. В других ситуациях правоприменитель, основываясь на своем внутреннем убеждении и совокупности иных обстоятельств дела, может посчитать и два эпизода достаточными, что не гарантирует устойчивости такого решения в вышестоящих инстанциях. Такая вариативность в толковании ключевого признака состава преступления, по нашему мнению, не способствует ни обеспечению принципа

законности, ни формированию единообразной и предсказуемой правоприменительной практики.

Во-вторых, оценочный характер признака «систематичность» объективно затрудняет процесс доказывания по уголовным делам данной категории. Следователю и дознавателю приходится собирать доказательства не только самих фактов вовлечения, но и их повторность определенной периодичности и взаимосвязи, что не всегда представляется возможным, особенно если потерпевший несовершеннолетний запуган, находится в зависимости от вовлекающего его лица или не склонен давать подробные показания. Как результат, многие потенциально уголовно наказуемые деяния могут оставаться нераскрытыми или переквалифицироваться на менее тяжкие составы либо вовсе трансформироваться в административные правонарушения. Полагаем, что формальный подход, основанный на условном «правиле трех раз», который часто применяется на практике, не всегда отражает реальную степень общественной опасности содеянного и может приводить к необоснованному освобождению от уголовной ответственности лиц, чьи действия, пусть и не достигшие этого условного порога, носят явно выраженный деструктивный характер.

Другим проблемным аспектом, вытекающим из формулировки ст. 151 УК РФ («вовлечение несовершеннолетнего» в единственном числе), является, на наш взгляд, ее потенциально ограничительное толкование, при котором для квалификации деяния как преступления требуется доказать систематическое вовлечение одного и того же конкретного подростка. Хотя прямого указания на это в законе нет, сама формулировка и акцент на «систематическом употреблении» конкретным несовершеннолетним могут на практике приводить к тому, что правоохранительные органы будут ориентироваться на доказывание системы противоправных действий именно в отношении одного потерпевшего.

Однако мы убеждены, что такая интерпретация не соответствует ни духу закона, ни целям защиты всех несовершеннолетних от преступных посягательств. Представим себе ситуацию, когда взрослое лицо целенаправленно и последовательно вовлекает в употребление алкоголя несовершеннолетних (например, группу подростков из одной компании, детей из неблагополучных семей, проживающих в одном микрорайоне), не доводя свои действия до формальной «системы» ни с одним из них по отдельности (например, угостив каждого по одному-два раза), но при этом его поведение в целом свидетельствует о стойкой антиобщественной направленности, цинизме и представляет повышенную общественную опасность в силу множественности потерпевших и разрушительного воздействия на неокрепшую психику нескольких подростков. При узком толковании ст. 151 УК РФ, требующем доказывания систематичности в отношении каждого отдельного несовершеннолетнего, такие действия могут остаться за рамками уголовно-правового воздействия или быть квалифицированы лишь как совокупность административных правонарушений, что, по нашему мнению, является абсолютно недопустимым пробелом и не отражает реальной степени общественной опасности подобного поведения.

Для устранения указанных существенных недостатков законодательной конструкции и повышения эффективности правового противодействия вовлечению несовершеннолетних в употребление алкоголя считаем необходимым предпринять следующее. Во-первых, по нашему мнению, назрела острая необходимость законодательно закрепить понятие «систематическое употребление» путем внесения соответствующего примечания к ст. 151 УК РФ. В этом примечании должно быть четко определено не только минимальное количество эпизодов (например, «два и более раза» вместо традиционных трех, что позволило бы снизить порог уголовной ответственности и охватить большее число опасных деяний), но и иные объективные критерии, указывающие на устойчивый и целенаправленный характер действий виновного (например, их продолжительность во времени, связь с формированием у потерпевшего привыкания или зависимости, использование специальных методов склонения).

Во-вторых, в качестве альтернативы или дополнения к легализации понятия «систематичность» заслуживает серьезного обсуждения вопрос о полной или частичной замене данного оценочного признака на иные, более конкретные и объективные критерии, отражающие степень общественной опасности деяния. Например, можно было бы дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести наступивших для несовершеннолетнего последствий (причинение вреда здоровью, формирование алкогольной зависимости, совершение подростком антиобщественных деяний в состоянии опьянения), от возраста потерпевшего (устанавливая повышенную ответственность за вовлечение малолетних), от использования особых циничных или насильственных методов вовлечения. Такой подход позволил бы отойти от формального подсчета эпизодов и сосредоточиться на реальном вреде, причиняемом действиями виновного.

В-третьих, мы убеждены в необходимости однозначного уточнения диспозиции ст. 151 УК РФ таким образом, чтобы она недвусмысленно охватывала случаи систематического вовлечения не только одного,

но и нескольких несовершеннолетних, если это является проявлением единого продолжаемого умысла или устойчивой преступной линии поведения виновного. Возможно, следует прямо указать на ответственность за «вовлечение несовершеннолетнего (несовершеннолетних)». Такая корректировка позволит более эффективно противодействовать лицам, которые превращают спаивание подростков в своего рода «промысел» или систематически воздействуют на группы несовершеннолетних.

Таким образом, подводя итог проведенному в настоящей статье комплексному анализу актуальных проблем правового регулирования ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним и их вовлечение в ее употребление, приходим к выводу о наличии существенных пробелов, коллизий и дефектов в действующем российском законодательстве. Выявленные и изученные недостатки, в частности парадоксальная ситуация, возникающая при реализации механизма административной преюдиции в контексте повторной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и серьезные изъяны законодательной конструкции составов вовлечения несовершеннолетних в употребление алкоголя, связанные с оценочными признаками и нечеткостью формулировок, по нашему убеждению, оказывают значительное негативное влияние на эффективность всей системы правовой защиты подрастающего поколения от алкогольной угрозы. Существующие правовые неопределенности, отсутствие четкой юридической нормы и внутренние противоречия не только создают объективные предпосылки для уклонения виновных лиц от заслуженной и справедливой ответственности, но и существенно затрудняют повседневную деятельность правоохранительных органов и судов, порождая разнобой в правоприменительной практике и снижая общий превентивный потенциал соответствующих правовых норм.

Считаем, что сложившаяся ситуация требует принятия решительных мер со стороны законодателя, направленных на кардинальное совершенствование как административного, так и уголовного законодательства в рассматриваемой сфере. Предложенные в настоящей работе законодательные изменения, в частности, касающиеся реформирования механизма административной преюдиции при квалификации повторной продажи алкоголя несовершеннолетним, направленные на устранение «временной ловушки», позволяющей уходить от уголовной ответственности, а также предложения по легализации понятия «систематичность» применительно к составам вовлечения либо его замене на более четкие и объективные критерии, наряду с необходимостью расширения и уточнения круга деяний, подпадающих под уголовно-правовой запрет при вовлечении нескольких несовершеннолетних, по нашему мнению, являются практически значимыми к устранению выявленных пробелов и противоречий в законодательстве. Реализация этих предложений, полагаем, способствовала бы повышению как карательного, так и, что особенно важно, превентивного потенциала, обеспечивая более надежную защиту несовершеннолетних от пагубного воздействия алкоголя.

Важно подчеркнуть, что предложенные нами изменения не являются исчерпывающими и представляют собой лишь одно из возможных направлений совершенствования законодательства. Проблема алкоголизации несовершеннолетних многогранна, и ее решение требует дальнейших научных исследований, направленных на выявление и анализ иных проблемных аспектов правового регулирования, изучение зарубежного опыта, а также разработку новых, инновационных подходов к профилактике и противодействию этому опасному социальному явлению. Надеемся, что представленные в настоящей статье анализ и предложения будут способствовать активизации научной дискуссии по данным вопросам и послужат основой для дальнейшей работы законодателя по созданию действительно эффективной и комплексной системы правовой защиты несовершеннолетних от алкогольной угрозы, обеспечивающей их здоровое и безопасное развитие. Именно в этом, по нашему мнению, заключается одна из приоритетных задач современного правового государства, заботящегося о своем будущем.

Список источников

1. Супрун А.Н. Квалифицирующие и привилегирующие признаки розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: постановка проблемы и пути решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1(31).

2. Бадретдинов А.И. О некоторых вопросах правоприменения ст. 151.1 Уголовного

References

1. Suprun A.N. Qualifying and Privileging Features of the Retail Sale of Alcoholic Beverages to Minors: Problem Statement and Solutions // Crime Investigation: Problems and Solutions. 2021. № 1(31).

2. Badretdinov A.I. On Certain Issues of Law Enforcement of Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Education. Science. Scientific Personnel. 2024. № 4.

кодекса РФ // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4.

3. Габдрахманов Р.Л., Денисенко М.В., Кужиков В.Н. К вопросу об административной преюдиции в уголовном праве на примере преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Евразийская адвокатура. 2020. № 3(46).

4. Огарь Т.А. Систематичность как критерий увеличения степени общественной опасности деяния принуждения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по материалам Международной научно-практ. конф. СПб., 2022.

5. Сокол Ю.В. Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2011. № 1(33).

6. Горностаева В.А. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 Уголовного кодекса РФ): материалы Всероссийской научно-практ. конф. Череповец, 2017.

7. Дядюн К.В. Установление уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: анализ целесообразности // Lex russica. 2020. № 10. Т. 73.

8. Сытников В.О. Правовые проблемы конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6.

3. Gabdrakhmanov R.L., Denisenko M.V., Kuzhikov V.N. On the Issue of Administrative Prejudice in Criminal Law Using the Example of a Crime Under Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Eurasian Advocacy. 2020. № 3(46).

4. Ogar' T.A. Systematicity as a Criterion for Increasing the Degree of Social Danger of an Act of Coercion // Current Issues of Administrative and Administrative-Procedural Law: Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific-Practical Conf. St. Petersburg, 2022.

5. Sokol Yu.V. Typical Shortcomings in the Detection, Disclosure, and Investigation of the Involvement of Minors in Antisocial Acts // Society and Law. 2011. № 1(33).

6. Gornostaeva V.A. Certain Issues of Qualifying the Involvement of Minors in Antisocial Acts (Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation): Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conf. Cherepovets, 2017.

7. Dyadyun K.V. Establishing Criminal Liability for the Retail Sale of Alcoholic Beverages to Minors: Analysis of Expediency // Lex Russica. 2020. № 10. Vol. 73.

8. Sytnikov V.O. Legal Problems of the Construction of the Objective Side of the Crime Provided for by Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Gaps in Russian Legislation. 2013. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гранина Наталья Феодосьевна, *старший преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Уральский юридический институт МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Granina Natalia Feodosievna, *senior lecturer at the Department of Information Support for Law Enforcement Agencies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 66, Korepina St., Ekaterinburg 620057 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 96–102.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 96–102.

Научная статья
УДК 343.97: 340.114.5

ПРАВОСОЗНАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Долгополов Александр Александрович
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, aadolgopolov1@mail.ru

Ильяшенко Алексей Николаевич
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, ailyashenko@mail.ru

Белоконь Анна Викторовна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, avbelokon1@mail.ru

Введение: *в статье исследуется роль и место правосознания в механизме преступного поведения личности. Анализируются проблемы, связанные с установлением взаимосвязи личности преступника, правосознания и его преступного поведения, предлагаются пути их решения.*

Материалы и методы: *методологическую основу статьи составил всеобщий диалектический метод. Применены общенаучные исследовательские методы: сравнительный, системно-структурный, теоретические методы – анализ, синтез, абстрагирование.*

Результаты исследования: *в ходе исследования авторы с использованием инструментария теоретических исследований осуществили анализ понятий сознание, правосознание, механизм преступного поведения. В процессе исследования установлено, что правосознание личности является одним из ключевых факторов механизма преступного поведения и требует интенсивного воздействия как со стороны государства, так и со стороны общества.*

Выводы и заключения: *в результате исследования роли правосознания в механизме преступного поведения личности, анализа подходов к этой проблеме в отечественной криминологической науке предлагается и обосновывается авторская дефиниция понятий правосознание, механизм преступного поведения. Установлена роль правового регулирования общественных отношений в формировании позитивного правосознания личности, исключающего преступное поведение человека.*

Ключевые слова: *криминологические особенности личности, механизм преступного поведения, правосознание, причины преступного поведения, условия преступного поведения.*

Для цитирования: Долгополов А. А., Ильяшенко А. Н., Белоконь А. В. *Правосознание в механизме преступного поведения: криминологический аспект / А. А. Долгополов, А. Н. Ильяшенко, А. В. Белоконь // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 96–102.*

Original paper

LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Dolgopolov Alexander Alexandrovich
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Ilyashenko Alexey Nikolaevich
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Belokon Anna Viktorovna
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *this article examines the role and place of legal consciousness in the mechanism of criminal behavior. It analyzes the problems associated with establishing the relationship between the criminal's personality, legal consciousness, and their criminal behavior, and proposes solutions.*

Materials and methods: *the article's methodological basis is a general dialectical method. General scientific research methods were applied, including comparative, systemic-structural, and theoretical methods—analysis, synthesis, and abstraction.*

Results of the study: *using theoretical research tools, the authors analyzed the concepts of consciousness, legal consciousness, and the mechanism of criminal behavior. The study established that legal consciousness is a key factor in the mechanism of criminal behavior and requires intensive intervention from both the state and society.*

Findings and conclusions: *based on the study of the role of legal consciousness in the mechanism of criminal behavior and the analysis of approaches to this problem in Russian criminological science, the authors propose and substantiate their definitions of the concepts of legal consciousness and the mechanism of criminal behavior. The role of legal regulation of social relations in the formation of a positive legal consciousness, which precludes criminal behavior, has been established.*

Keywords: *criminological personality traits, mechanisms of criminal behavior, legal consciousness, causes of criminal behavior, conditions of criminal behavior.*

For citation: Dolgopolov A. A., Ilyashenko A. N., Belokon A. V. *Legal consciousness in the mechanism of criminal behavior: criminological aspect / A. A. Dolgopolov, A. N. Ilyashenko, A. V. Belokon // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 96–102.*

Сознание является одним из ключевых понятий философии, психологии социологии, представляет собой одну из фундаментальных дефиниций психики человека, позволяет личности познавать окружающий мир, иметь собственное впечатления от всего потока поступающей информации, делать соответствующие выводы и, как результат взаимодействия с внешним миром, осуществлять свои поступки, иными словами, совершать действие или бездействие. «Сознание представляет собой внутренний мир чувств, мысли, идей и других духовных феноменов, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств» [7, с. 966]. Наибольший интерес с точки зрения правосознания представляют собой закономерности взаимодействия личного самосознания с обществом в результате социального общения.

Дифференциация этапов формирования сознания позволяет определить тот период, в процессе которого происходит преобразование сознания в самосознание. В связи с этим Г.В.Ф. Гегель пишет, что «сознание в своем развитии проходит определенные этапы: а) чувственное сознание как непосредственное. Отношение на этой ступени к предмету выражено в форме простой достоверности; б) воспринимающее сознание – видение субъективности существенного бытия объективного; в) рассудочное сознание – является развитием одной из существенных черт воспринимающего сознания, а именно поиска необходимой связи вещей [8, с. 232]. Основываясь на взглядах Г.В.Ф. Гегеля на самосознание, можно полагать, что самосознание личности зарождается в тот период жизни человека, когда его рассудок становится способным осознавать законы, закономерности как внешнего мира, так и общественных отношений, что происходит, как мы думаем, в весьма раннем возрасте. А значит, в этот период в сознании закладываются базовые постулаты по оценке поступающей информации по следующей шкале: а) позволительно; б) желательно; в) необходимо; г) безразлично; д) возможно; е) нежелательно; ж) недопустимо; з) исключено, а также вырабатываются основные взгляды на такие основные понятия для общества, как «что есть хорошо», а «что есть плохо». Из этого следует вывод о том, что самосознание человека формируется прежде всего в результате влияния семьи, школы, окружающего социума.

Усвоенные в детстве поведенческие постулаты полагают основу формирования самосознания. Ю.М. Антонян пишет о том, что «если мать, отец или заменяющие их лица не выполняют возложенные на них функции, у ребенка появляется ощущение своей незащищенности, неуверенности, беспокойства. Ф.М. Достоевский устами одного из Карамазовых сказал, что «…ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Если много набрать таких воспоминаний с собой в жизни, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить нам в спасение» [2, с. 107, 108].

Таким образом, дефицит внимания со стороны родителей, педагогов порождает

вакуум в общении, что влечет за собой аномальные процессы в формировании личности и, как следствие, в поведении. Иными словами, психологические параметры, образующие самосознание, заложенные в детстве в процессе воспитания, весьма затруднительно подвергаются изменению или даже корректировке. Поэтому для общества весьма важным является фактор того, что правосознание человека формируется с раннего детства и процесс его становления должен являться приоритетной задачей государства и общества.

В структуре правосознания самосознание является одним из основных элементов, поскольку именно от уровня и направленности самосознания во многом зависит уровень оценки правовых явлений, событий, юридических фактов. К элементам структуры правосознания следует отнести также уровень восприятия индивидуумом общественно значимых норм поведения, которые включают в себя правовые нормы, принципы права. Немаловажное значение для формирования структуры правосознания имеет такой элемент, как индивидуальные ориентиры, ценности, взгляды личности, на верховенство права в обществе, отношение к государству, наличие желания укрепить, приумножить его силу и влияние в обществе. Человек, негативно относящийся к государственному строительству, естественно, не будет сторонником неукоснительного соблюдения правовых норм. В структуру правосознания следует включить также психологические, в том числе волевые качества человека, которые определяют поведение личности, ее взаимоотношения в обществе, способность личности к саморегуляции. Представление личности о праве, ее стремление к соблюдению правовых норм также является элементом структуры правосознания.

Для индивидуального правосознания весьма приоритетно отношение самого общества к принципиальному соблюдению правовых норм. Здесь необходимо выделить два аспекта: официально провозглашаемая позиция государства в отношении законопослушного поведения, а также реальное поведение членов общества, связанное с соблюдением правовых норм, в особенности высокопоставленными должностными лицами, являющимися, как правило, примером, ориентиром поведения для остальных граждан. Пример чиновников, официально призывающих граждан к соблюдению законов, а затем становящихся объектом уголовного преследования, весьма негативно влияет на правовое сознание людей, которых призывают соблюдать правовые нормы, способствует появлению негативного коммуникационного фона, который, безусловно, оказывает весьма значительное воздействие на самосознание людей.

Развитие современного общества имеет свои особенности, которые накладывают свой отпечаток на развитие личностных качеств людей. «Современными идеологами достаточно четко сформулированы его основные идеи, связанные главным образом с принципиальным отрицанием прежних ценностей и заполнением освободившихся нишей ценностями нового порядка, как правило, в прежней модели относящихся к категории девиаций. Вполне естественно, что при реализации такого подхода в первую очередь оказывается воздействие на психику человека, что в равной степени относятся к тому, кто совершает преступления» [4, с. 341].

Выясняя роль правосознания в механизме преступного поведения, следует, на наш взгляд, обратить внимание на феномен преступного поведения индивидуума, который по всем формальным признакам должен иметь высокий уровень правового сознания. Здесь представляют интерес причины, влияющие на искажение правосознания человека. В результате такого искажения правосознания поведение становится преступным, что влечет за собой уголовное преследование лица. В целом законопослушную личность, имеющую исчерпывающее представление о системе правовых норм, регулирующих определенные общественные отношения, обладающую знаниями об уголовной ответственности за преступное поведение, имеющую необходимые волевые качества отказаться от совершения уголовно наказуемых деяний, невозможно переформатировать без достаточно веских на то причин. К таким причинам можно отнести: низкий морально-психологический уровень, являющийся основным условием, влияющим на решимость совершать преступления; преобладание в индивидууме таких низменных качеств человека, как ненависть, агрессивность, лживость, эгоизм, лицемерие, завистливость, жадность, а также некоторые биологические и психологические особенности личности. Такие негативные психологические качества человека являются основой для деформации самосознания. Совокупность в полном объеме либо некоторых вышеназванных черт личности вызывает деградацию субъекта, что наряду с уве-

ренностью в своей полной безнаказанности приводит его к совершению преступления.

Решение личности прибегнуть к совершению преступления для достижения поставленных целей, которые она не в состоянии достигнуть общепринятым законным путем, начинает постепенно искажать ее самосознание. Кроме этого, такого рода люди предпринимают усилия для реализации преступных замыслов, к поиску и привлечению к своей преступной деятельности других членов общества, расширяя при этом круг воздействия преступной психологии. Искаженное самосознание человека, имеющего преступные замыслы, в процессе совершения преступлений, в том числе латентных, которые остались непресеченными либо нераскрытыми и нерасследованными, начинает формировать соответствующий образ жизни, психология преступного поведения становится преобладающей в формировании целей и мотивации поступков. Все вышеназванные негативные факторы, формирующие сознание личности, безусловно, оказывают непосредственное отрицательное воздействие на уровень правосознания как человека, так и социума.

О роли индивидуальных качеств лица, совершающего преступления, в научных работах идет весьма активная дискуссия. Так, по мнению Е.С Жигарева, «нет особых, признаков, отличающих преступников от лиц, не совершающих преступления [9, с. 312]. С ним не согласен профессор А.Н. Варыгин, который пишет, что «духовно-нравственная структура любой личности, в том числе личности преступника, добро и зло в нем также формируются под воздействием социальных условий и обстоятельств» [5]. Профессор В.Н. Фадеев полагает, что «корни преступности кроются в самой дуально-диалектической природе человека, как социально-биологического существа» [15, с. 236].

В связи с этим Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов утверждают, что «преступление есть следствие реализации криминальных особенностей личности, которая взаимодействуют с ситуативными факторами» [3, с. 13]. Этот важный тезис о значении свойств личности в формирования преступного поведения подтверждается простым рассуждением: многие люди живут в одинаково сложных жизненных условиях, но не все становятся на преступный путь реализации своих личных потребностей.

Изложенное дает основания полагать, что криминогенные особенности личности, оказывающие негативное воздействие на правосознание, формируются на протяжении всей жизни индивидуума, начиная от раннего детства, когда формируется его сознание, вплоть до момента полной деформации правосознания. Причины такого процесса, происходящего в человеке, весьма разноплановые. К ним можно отнести такие, как: неадекватное восприятие значимых для общества ценностей; связанное с личностными качествами поведенческое восприятие только той модели жизни общества, которая отвечает только его субъективным взглядом; отторжение реальных отношений в социуме; недоверие к правовым институтам; восприятие целесообразности поступков выше, чем морально-психологические критерии поведения; отрицание правоохранительной системы и судебных органов как единственного механизма решения социальных и бытовых конфликтов; отсутствие интереса к политическим процессом в государстве и ряд других.

Деформация правосознания людей оказывает крайне отрицательное воздействие на государственное правовое позитивное развитие страны и влечет за собой негативные изменения во взглядах на социальные проблемы, порождает поступки, противоречащие основным правовым, религиозным, моральным нормам.

Следует отметить, что правосознание характеризует не только поведение, в том числе и преступное, отдельно взятой личности, но и общество в целом. Отмечая роль правосознания в социуме, нельзя не обратить внимания на то, что правосознание является одним из элементов в структуре механизма правого регулирования, т. е. является неотъемлемой частью процесса правового воздействия на поведение людей. Действительно, нормативные правовые акты не имеют никаких шансов оказать праворегулирующее воздействие на общественные отношения без позитивного их восприятия и исполнение субъектами правоотношений.

Об этом весьма неоспоримо утверждает Д.А. Керимов, основываясь на позиции П. Сорокина, который считает, что «судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим вы не создадите из нее прекрасное общество. Легко понять отсюда, что для исторических судеб любого общества далеко не безразличным являются, какие качественные элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период

времени» [14, с. 84]. Д.А. Керимов обращает внимание на то, что сознание обретает объективно закономерное, наиболее полное систематизированное универсальное значение. Тем самым знания становится условием осуществления научно обоснованного управления обществом, эффективного регулирования соответствующих общественных отношений» [10, с. 378]. И не учитывать этого в механизме правового регулирования не представляется возможным.

Классический подход к понятию «механизм правового регулирования», в котором «выделяются три основных звена: 1) юридические нормы; 2) правые отношения, субъективные права и юридические обязанности; 3) акты реализации прав и обязанностей, в соответствии с которыми наступает запрограммированный в позитивном праве результат в жизни общества» [1, с. 256, 266], не исключает развитие этого правового феномена. С.С. Алексеев в этой же работе полагает, что «при характеристике среды правового регулирования может быть выявлен ряд плоскостей, следов социальной действительности. Наиболее верное значение имеет степень активности социального поведения на том или ином участке жизни общества» [1, с. 282], которая напрямую зависит от уровня правосознания.

Также убедительно об этом пишет Т.Н. Радько, полагая, что «правосознание имеет нормативное значение для участников общественных отношений, т. е. оно выступает в качестве регулятора их поведения; правосознание влияет на право и юридическую действительность с позиции правовой идеологи и правовой психологии, что приводит к изменению права и правовой действительности» [13, с. 624]. Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что «регулятивная функция означает, что хотя правосознание, в отличие от права, и не осуществляет непосредственное правовое регулирование общественных отношений (в смысле установления каких-либо запретов, предписаний, дозволений, определение юридических прав и обязанностей субъектов, санкций за правонарушения и т. д.), оно тем не менее способно оказывать эффективное общенормативное воздействие на поведение людей, определять их ориентиры, цели, установки. Регулирующая роль правосознания относительна, однако она достаточно велика и полезна, особенно в плане духовного, морального, культурного, влияния на индивидуума» [11, с. 240].

Игнорирование правосознания как одного из элемента правового регулирования может приводить к тому, что правовые нормы будут восприниматься личностью не как руководство к исполнению, а как чуждый элемент, что в свою очередь может стать катализатором в механизме преступного поведения. Немаловажное значение имеет правосознание в процессе правотворчества и реализации правовых норм. Весьма ярко это отмечает А.Б. Венгеров: «индивидуальное правосознание должностного лица, казалось бы, должно быть всегда ориентировано на исполнение закона, на активное продвижение правовых требований в жизнь. Но, увы, среди должностных лиц (многих чиновников) широко распространены эмоциональные представления о законе, который, по их мнению, что столб: свалить нельзя, а обойти можно» [6, с. 565].

Праворегулирующая сущность правосознания выражается в том, что оно, по сути, является «локомотивом» процесса правового регулирования. Оно активно действует в правотворчестве, воплощаясь в нормативных правовых актах, принимаемых соответствующими должностными лицами на основе своего правосознания. Является определяющим фактором в процессе реализации правовых норм, их толковании. Выступает основным мотивом в восприятии юридических актов, их исполнении либо отторжении. Таким образом, правосознание имеет исключительно важное значение в регулировании общественных отношений и предопределяет поведение людей. Следовательно, правосознание, являясь неотъемлемой частью личности человека, играет решающую роль в его правореализующей и правотворческой деятельности. Чем ниже уровень правосознания, тем выше вероятность отклонения в поведении индивидуума в сторону преступного.

Исходя из изложенного, можно дать следующее определение правосознанию: это личная форма сознания, обуславливающая действия человека, основанная на восприятии им правовой действительности, ориентирующая личность на соответствующий уровень законопослушного поведения, основанное на самосознании личности, индивидуальной психологии, уровне правовой культуры человека, а также его отношении к нормативному правовому регулированию общественных отношений.

Исследуя «понятие преступное поведение», следует, на наш взгляд, дифференцировать смысловые точки зрения на этот феномен. Как мы полагаем, можно выделить две основные позиции по этому вопросу. Первая – рассмотрение

преступного поведения с уголовно-правовой точки зрения, а вторая – с криминологической. Уголовно-правовой взгляд на преступное поведение обусловлен прежде всего элементами состава преступления и ограничен субъективной и объективной сторонами преступления. Криминологический подход к этому явлению гораздо шире. Теоретические исследования понятия «преступное поведение» позволяют раскрыть сущность этого криминологического феномена, его взаимосвязь с личностью преступника, что неуклонно нас приводит к понятию «правосознание» как решающего фактора, свойства личности, влияющего на выбор поведения преступного либо правомерного. Таким образом, можно полагать, что сущность преступного поведения тесно связана с уровнем правосознания личности.

Поведение в классической философии есть «присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное внешней (двигательной) и внутренней (психологической) активностью» [7, с. 793], т. е. психологические процессы и физиологическая активность, характеризующие поведение человека, неотделимы друг от друга. Механизм с философской точки зрения есть «последовательность состояний, процессов, определяющих собой какое-нибудь действие, явление» [12, с. 354].

Само преступное поведение можно охарактеризовать как совокупность противоправных действий, основанных на правосознании человека, его морально-психологическом состоянии и обуславливающих потребности, интересы личности, обоснованных жизненными целями и выбором средств для их достижения. Следовательно, преступное поведение есть синтез двух жизненных процессов человека – прежде всего внутреннего (субъективного), который формируется как результат воздействия правосознания и является причиной совершения преступления, а также внешнего (объективного), создающего условия для преступного поведения, – и представляет собой физическое, материальное отражение правосознания. Однако субъективные факторы в механизме преступного поведения личности являются наиболее приоритетными. Именно внутреннее состояние личности преступника, формирующее его правосознание, становится основополагающим обстоятельством, движущей силой в выборе непосредственно преступного поведения для достижения поставленных перед собой целей или удовлетворении своих потребностей.

Личность преступника и его правосознание имеют прямую взаимосвязь. Поэтому механизм преступного поведения с криминологической точки зрения есть последовательность процессов в жизнедеятельности индивидуума, результатом которых является акт совершения преступления, где, как правило, внутриличностные процессы выступают в качестве причин совершения преступления, а внешние обстоятельства выступают в качестве условий совершения конкретных общественно опасных деяний.

Таким образом, правосознание является центральным звеном в генезисе механизма преступного поведения, значение которого трудно переоценить, в связи с тем, что оно как элемент составляет также структуру механизма правового регулирования. Это обстоятельство требует разработки парадигмы формирования правосознания личности как основы противодействия преступному поведению, так и преступности в целом.

Список источников

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву поиски и решения. М., 2002.
2. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001.
3. Антонян Ю.М, Эминов В.Е. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование М., 2014.
4. Бавсун М.В., Стебенева Е.В. Трансформация личности преступности в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминалистический журнал. 2023. № 4. Т. 17.
5. Варыгин А.Н. Личность современного преступника изменения, изучение и понимание // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2. Т. 14.

References

1. Alekseev S.S. The Ascent to Law: Searches and Solutions. Moscow, 2002.
2. Antonyan Yu.M. Violence. Man. Society. Moscow, 2001.
3. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. The Personality of a Criminal: A Criminological and Psychological Study. Moscow, 2014.
4. Bavsun M.V., Stebeneva E.V. Transformation of the Personality of Criminality in Post-Industrial Society // All-Russian Criminalistic Journal. 2023. № 4. Vol. 17.
5. Varygin A.N. The Personality of a Modern Criminal: Changes, Study, and Understanding // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2. Vol. 14.

6. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009.
7. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2001.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М., 1997.
9. Жигарев Е.С. Акценты криминологии. М., 2017.
10. Киримов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2009.
11. Матузов М.И., Малько А.В. Теория государства и права М., 2014.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
13. Радько Т.П. Теория государства и права. М., 2011.
14. Сорокин П.А. О русской нации. Россия и Америка. М., 1992.
15. Фадеев В.Н. Корни преступности и сущность преступника // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2.

6. Vengerov A.B. Theory of State and Law. Moscow, 2009.
7. World Encyclopedia: Philosophy / chief scientific editor and compiler A.A. Gritsanov. Moscow, 2001.
8. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Philosophy of Spirit. Moscow, 1997.
9. Zhigarev E.S. Accents of Criminology. Moscow, 2017.
10. Kirimov D.A. Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law. Moscow, 2009.
11. Matuzov M.I., Malko A.V. Theory of State and Law. Moscow, 2014.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, 1998.
13. Radko T.P. Theory of State and Law. Moscow, 2011.
14. Sorokin P.A. On the Russian Nation. Russia and America. Moscow, 1992.
15. Fadeev V.N. The Roots of Crime and the Essence of a Criminal // Bulletin of Economic Security. 2017. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долгополов Александр Александрович, *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*
Ильяшенко Алексей Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*
Белоконь Анна Викторовна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных дисциплин. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABAUT THE AUTHORS

Dolgopolov Alexander Alexandrovich, *Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Department. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinin St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*
Ilyashenko Alexey Nikolaevich, *Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Criminal Law Department. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinin St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*
Belokon Anna Viktorovna, *PhD in Law, Associate Professor of the Specialized Disciplines Department. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 103–106.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 103–106.

Научная статья
УДК 343.2/7

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА НЕЗАКОННУЮ ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ

Зеленская Дарья Дмитриевна
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, zelenskayadd@mail.ru

Введение: *в статье в лаконичной форме рассмотрены отдельные вопросы, влияющие на незаконную трудовую миграцию, ее виды. Рассмотрено понятие незаконной миграции, классификация незаконных трудовых мигрантов в зависимости от способа проникновения и проживания на территории Российской Федерации.*

Материалы и методы: *при помощи нескольких научных методов был проведен анализ такого явления, как незаконная миграция.*

Результаты исследования: *исследованы вопросы целевого назначения трудовой миграции, существующие подходы к их реализации в практической деятельности. Обосновано предложение о необходимости упорядочения въезда трудовых мигрантов в Россию, изменения возможных вариантов решения учета незаконных мигрантов, организации контроля за проживанием, перемещением и работой трудовых мигрантов. Изложены основные факторы, влияющие на незаконную трудовую миграцию: учет мигрантов, контроль за организацией трудовой деятельности и проживанием мигрантов, перемещением, поведением и нарушениями трудового миграционного регламента.*

Выводы и заключения: *внесено предложение о дополнении административного законодательства, направленного на нейтрализацию и предупреждение нарушений миграционного режима и предупреждение незаконной трудовой миграции.*

Ключевые слова: *миграция, незаконная трудовая миграция, цели миграции, нейтрализация причин незаконной миграции.*

Для цитирования: Зеленская Д. Д. *Об организационных и уголовно-правовых факторах, влияющих на незаконную трудовую миграцию / Д. Д. Зеленская // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 103–106.*

Original paper

ON ORGANIZATIONAL AND CRIMINAL-LAW FACTORS AFFECTING ILLEGAL LABOR MIGRATION

Zelenskaya Daria Dmitrievna
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *this article briefly examines individual issues affecting illegal labor migration and its types. It examines the concept of illegal migration and classifies illegal labor migrants based on their method of entry and residence in the Russian Federation.*

Materials and methods: *using several scientific methods, the phenomenon of illegal migration was analyzed.*

Results of the study: *the targeted purposes of labor migration and existing approaches to their practical implementation were examined. A proposal is made to streamline the entry of labor migrants into Russia, modify possible solutions for registering illegal migrants, and organize monitoring of the residence, movement, and work of labor migrants. The article outlines the main factors influencing illegal labor migration: migrant registration, monitoring of the organization of labor activities and residence of migrants, movement, behavior, and violations of labor migration regulations.*

Findings and conclusions: *A proposal has been made to amend administrative legislation aimed at neutralizing and preventing violations of migration regulations and preventing illegal labor migration.*

Keywords: *migration, illegal labor migration, migration goals, neutralizing the causes of illegal migration.*

For citation: Zelenskaya D. D. *On organizational and criminal-law factors affecting illegal labor migration / D. D. Zelenskaya // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 103–106.*

Незаконная миграция в последние годы получила широкое распространение. Нейтрализация этого противоправного явления приобрела характер государственной задачи. Отсутствие достоверных данных о численности находящихся в России мигрантов и о количестве незаконных мигрантов влияет на качество миграционных процессов и наступающих, а тем более грядущих последствий этого сложного социального явления. Отсутствие полной и объективной информации о масштабах и содержании незаконной миграции отрицательно влияет на результативность нейтрализации негативных последствий.

Принятие в 2024–2025 гг. мер государственного характера, внимание к проблемам миграции высших органов государственной власти и лично президента страны В.В. Путина имеет большое социальное и уголовно-правовое значение. Задача науки, в том числе уголовно-правовой, процессуальной и криминалистики, заключается в активизации исследования теоретических основ миграционного процесса, выработке научно-практических рекомендаций по оптимизации миграционного законодательства, выявлению негативных факторов, влияющих на незаконную миграцию и нейтрализацию социально-негативных последствий.

Для научно-практического исследования теоретических основ незаконной миграции и выработки научно-практических рекомендаций по противодействию и нейтрализации организации незаконной миграции и других преступлений, совершаемых с ней, прежде всего необходимо определить факторы, влияющие на содержание миграции, как явления вообще и незаконной миграции, и сопряженных с нею преступлений,

Миграция состоит в перемещении (пересечении) населения в пределах одной страны или нескольких стран [1, с. 317]. В процессе миграции принято выделять въезд, перемещение, проживание, транзитный проезд и выезд за пределы территории страны. С юридической точки зрения миграция представляет собой совокупность правоотношений, возникающих при перемещении людей [2, с. 160]. Известный специалист уголовного права В.А. Коробеев под миграцией понимает совокупность общественных отношений, складывающихся в ходе действий органов власти, общественных организаций и физических лиц, направленных на перемещение, переселение лиц в пространстве [3, с. 32]. Причины перемещения населения разнообразны. Большей частью это характеристика в месте жительства и в месте (стране) перемещения. Выделяют различные виды миграции: трудовая, бытовая, социальная, криминальная и др.

В настоящей статье рассмотрена трудовая миграция. Под ней понимается перемещение граждан одной страны в другую с целью улучшения материальных, экономических условий жизни. В нашей стране население бывших республик Средней Азии, чаще Таджикистана, Киргизии и др., нуждается в заработке в России. Ввиду отсутствия визового режима для въезда в Россию из этих стран осуществляется массовая миграция для временного, а чаще постоянного проживания на территории России. Часть людей перемещается организованно, с участием государственных органов нашей страны. Это касается в первую очередь специалистов для использования в российской экономике. Основная масса – а это миллионы людей – перемещается, а затем и проживает незаконно.

Незаконная миграция – это перемещение граждан иностранного государства или лиц без гражданства с нарушением российского миграционного законодательства. Нарушения начинаются с въезда в страну. Но большая часть трудовых мигрантов въезжает в Россию законно, с соблюдением предусмотренных законодательством процедур, а в дальнейшем, после истечения срока пребывания или до того, продолжает жить как незаконные мигранты [4, с. 257].

Самым распространенным является законное или незаконное проникновение (въезд) в нашу страну с целью занятия трудовой деятельностью лиц из бывших союзных республик или иных содружественных государств граждан этих стран, а затем проживание после окончания контракта без оформления разрешения или с использованием фиктивных или утративших силу документов [5, с. 329; с. 56–57].

В зависимости от способов проникновения на территорию России, перемещения и проживания предложена классификация незаконных мигрантов. Принято выделять:

а) мигрантов, нелегально, с нарушением существующего порядка приехавших в нашу страну;

б) мигрантов, проникших в Россию и проживающих по поддельным документам;

в) мигрантов, находящихся на территории РФ на законном основании, но осуществляющих трудовую деятельность вне направления миграционных властей (другой регион, другая трудовая деятельность и т. д.);

г) мигрантов, находящихся в стране на законном основании, но после окончания установленного срока пребывания проживающих на территории страны, осуществляя незаконную трудовую деятельность.

Количество незаконных трудовых мигрантов, по разным данным, значительно [6, с. 18–19; с. 57], что наносит вред не только экономике, но и отрицательно влияет на социально-экономическую обстановку, способствуя преступности и влияя на другие негативные процессы.

Незаконная миграция прямо влияет на:

– образование и пополнение рынка нелегальной рабочей силы;

– развитие теневого сектора экономики;

– отток денежных средств из России в страны постоянного проживания мигрантов;

– перегруженность социально-экономической инфраструктуры, конкуренцию с коренным населением за рабочие места;

– рост социальной напряженности, националистических и экстремистских настроений;

– появление и упрочение этнических диаспор.

Для исследования сущности незаконной миграции необходимо знать цель миграции и условия реализации миграционного процесса: перемещение, проживание, место работы, условия жизни и другие элементы соблюдения миграционного законодательства. Для реализации законного миграционного процесса указанные элементы выступают в ранге условий, соблюдение которых обеспечивает законность пребывания мигрантов.

В качестве условий выступают процессы организации трудовой миграции: учет въезжающих организованно, для трудовой деятельности; учет и контроль за проживанием, работой, соблюдением мигрантами миграционного законодательства; выявление административных нарушений и принимаемые меры; выселение за грубые нарушения миграционного законодательства.

Применительно к трудовой миграции основная ее цель заключается в законной трудовой деятельности в сфере экономики страны. В общем, речь идет о реализации в этой деятельности интересов российского государства, нашего народа, законных прав мигрантов и соблюдение идентичности русского народа как государствообразующего. Сложность состоит в практическом сочетании всех названных элементов целей трудовой миграции. В изложенных подходах к пониманию целей миграции соприкасаются интересы бизнеса и части населения, осуществляющего труд нелегалов – мигрантов, государства, заинтересованного в производительном труде мигрантов.

Указанные интересы должны сочетаться с соблюдением существующей демографической ситуации (особенно в отдельных районах, куда устремляется масса незаконных мигрантов). Например, высказано мнение о необходимости миграции в России до пяти миллионов для развития экономики страны [7]. Но соблюдение национальной идентичности народа нашей страны выражается, прежде всего, и в национальной структуре народа России, а это имеет государствообразующее значение. Предлагаемое нами соответствует п. 11 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [8]. Поэтому важно и обязательно находить варианты сочетания интересов экономического развития с мнением коренного населения. Очевидно, что необходим контроль за численностью въезда мигрантов в нашу страну с организацией использования мигрантов в определенных задачах, в определенном месте и в определенный срок. Задача сложная, но ее необходимо решать.

Учет законных мигрантов, в том числе массовой трудовой миграции, предполагает визовый порядок их въезда в Россию. Виза для трудовых мигрантов должна быть упрощенной. Это сложный и затратный процесс, но он обязателен. Задача – в разработке оптимального способа его реализации.

Цель въезда трудового мигранта в Россию должна быть указана в соответствующем договоре еще при въезде в страну. Необходимо определить род деятельности, место и время работы. Договор должен быть срочным, с указанием мер при возможных нарушениях миграционного законодательства, включая выселение из страны.

Трудовая миграция имеет цель активной трудовой деятельности мигрантов. Она не предполагает приезд семей. Участия семьи влечет для нашего государства создание определенных условий для ее быта: квартира, поликлиника, школа и др. Участие семьи отвлекает мигранта от основной цели – производительного труда, пусть даже и малоквалифицированного.

Для организации трудовой миграции возможно функционирование общественных или государственных организаций для ведения агитационной работы среди населения, намеревающегося мигрировать в Россию. Таким путем возможен подбор будущих мигрантов и определенный предварительный отсев непригодных для работы физически (состояние здоровья) или по другим причинам. Это часть работы по организации трудовой миграции, которая в сегодняшних условиях должна проводиться. Предлагаемые и иные меры по упорядочению трудовой миграции будут способствовать ее целенаправленному, экономическому значению, улучшению отношений с местным коренным населением, борьбе с правонарушениями и преступностью.

Очевидно, необходимо дальнейшее совершенствование миграционного контроля за проживанием работой и перемещением трудовых мигрантов в современных условиях. Принимаемые меры законодательного и организационно-административного характера можно только одобрить. Необходимо выявить:

– мигрантов, проникших с нарушением на территорию России и проживающих без соответствующих документов;

– мигрантов, проникших по поддельным документам;

– мигрантов, находящихся на территории страны, но после срока истечения незаконно проживающих на территории России;

– мигрантов, находящихся на территории страны с иной, нежели указанная в документах, целью. Таким путем можно выявить субъектов криминальной миграции.

Рассмотрение изложенных отдельных вопросов незаконной миграции показывает актуальность изучения организационных и уголовно-правовых факторов, влияющих на незаконную миграцию, способствующих нейтрализации и сокращению данного противоправного явления и устранению ее в обозримом будущем. В числе указанных факторов можно выделить систему миграции по конкретизации целей незаконной трудовой миграции. Цели организации данной миграции должны соответствовать интересам российского государства и народа России и способствовать национальной идентичности русского народа.

Для обеспечения миграционных правоотношений существует миграционный контроль – государственная система мер административно-правового характера, состоящих в ограничении при перемещении, проникновении мигранта на территорию России. Нарушение мигрантом трудового миграционного контроля или миграционного режима является незаконной миграцией.

Совершенствование системы организационно-правовых мер по миграционному контролю влечет административно-правовые меры, о которых говорилось ранее. Принятые в 2024-2025 гг. уголовно-правовые меры об уголовной ответственности за нарушение некоторых из них являются вторым направлением объемной работы по оптимизации миграционного контроля и миграционного режима. Их реализация будет влиять на устранение незаконной трудовой миграции в Россию. Полагаем, что учет изложенных обстоятельств, влияющих на незаконную миграцию, будет способствовать ее нейтрализации.

Список источников

1. Словарь иностранных слов. М., 1990.
2. Юдина Т.Н. Миграция: словарь иностранных терминов: учебное пособие. М., 2007.
3. Коробеев В.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.
4. Гринько С.Д. Криминологические проблемы противодействия незаконной миграции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12.
5. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект). М., 2013; Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации / под ред. Р.В. Жубрина, О.А. Евлановой. М., 2021.
6. Зеленская Д.Д. Организация незаконной миграции. М., 2024; Бирюков С.Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.
7. Советская Россия. 2021. 28 сентября. № 119.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

References

1. Dictionary of Foreign Words. Moscow, 1990.
2. Yudina T.N. Migration: Dictionary of Foreign Terms: Textbook. Moscow, 2007.
3. Korobeev V.A. Constitutional and Legal Foundations of the Migration Policy of the Russian Federation: diss. ... PhD in Law. Moscow, 2008.
4. Grinko S.D. Criminological Problems of Combating Illegal Migration // Law and State: Theory and Practice. 2019. № 12.
5. Nikitenko I.V. Migration Security of Russia (Criminological Aspect). Moscow, 2013; Problems of Combating Illegal Migration in the Russian Federation / edited by R.V. Zhubrin, O.A. Evlanova. Moscow, 2021.
6. Zelenskaya D.D. Organization of Illegal Migration. Moscow, 2024; Biryukov S.Yu. Characteristics of Investigating the Organization of Illegal Migration: diss. … PhD in Law. Volgograd, 2008.
7. Sovetskaya Rossiya. 2021. September 28. № 119.
8. Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. № 52. Article 7477.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зеленская Дарья Дмитриевна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zelenskaya Daria Dmitrievna, *PhD in Law, Associate Professor of the Criminal Law Department. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinina St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 107–112.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 107–112.

Научная статья
УДК 343.27

БЕЗДОМНОСТЬ И ЕЕ КРИМИНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Зубова Марина Валерьевна
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, fishka13@bk.ru

Введение: *в статье отражена связь бездомности и права на жилище, исследовались понятие бездомности в целом и вопросы различных преступлений, характерных для лиц без определенного места жительства (бездомных), в частности.*

Материалы и методы: *при подготовке статьи использовались статистические материалы (в том числе представленные судами), справочно-энциклопедическая информация, посвященная вопросу понятия и причин увеличения бездомности, а также научные публикации, посвященные проблематике преступлений, совершаемых бездомными или лицами без определенного места жительства. Методологическая основа статьи сводится к общенаучным (сравнительному, описательному, логическому и др.) и частнонаучным (статистическому, формально-юридическому, прогностическому и др.) методам исследования.*

Результаты исследования: *определено понятие, а на основе широких толкований бездомности выделены ее характерные признаки. Выявлены факторы и трудности, вызвавшие рост бездомности, снижение которых позволит уменьшить количество преступлений, совершаемых бездомными и лицами без определенного места жительства как следствие снижения бездомности.*

Выводы и заключения: *предложены некоторые направления и пути по снижению количества лиц без определенного места жительства и бездомности в общем.*

Ключевые слова: *право на жилище, лица без определенного места жительства, бездомность, преступления, связанные с бездомностью, преступления, связанные с лицами без определенного места жительства.*

Для цитирования: Зубова М. В. *Бездомность и ее криминальные составляющие / М. В. Зубова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 107–112.*

Original paper

HOMELESSNESS AND ITS CRIMINAL COMPONENTS

Zubova Marina Valerievna
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: *this article explores the relationship between homelessness and housing rights, examining the concept of homelessness in general and various crimes specific to homeless individuals.*

Materials and methods: *this article was prepared using statistical data (including court submissions), reference and encyclopedic information on the concept and causes of increasing homelessness, and scientific publications on crimes committed by homeless individuals and individuals without a fixed abode. The article's methodological framework utilizes general scientific (comparative, descriptive, logical, etc.) and specific scientific (statistical, formal-legal, prognostic, etc.) research methods.*

Results of the study: *the concept of homelessness is defined, and its characteristic features are identified based on broad interpretations. The factors and challenges that have contributed to the increase in homelessness are identified, and their reduction will reduce the number of crimes committed by homeless individuals and individuals without a fixed abode as a consequence of reducing homelessness.*

Findings and conclusions: *several directions and paths for reducing the number of homeless people and homelessness in general are proposed.*

Keywords: *housing rights, homeless people, homelessness, crimes related to homelessness, crimes related to homelessness.*

For citation: Zubova M. V. *Homelessness and its criminal components / M. V. Zubova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 107–112.*

Право на жилище является одним из основных конституционных прав человека, которое закреплено в ст. 40 Конституции РФ[1]. Нарушения этого конституционного права в определенных случаях приводят к утрате человеком жилья, а при отсутствии возможности для защиты этого права[2] [1, с. 32] человек вынужден быть бездомным, иными словами, лицом без определенного места жительства. По мнению О.А. Ковалевой, бездомность знаменует собой крайний уровень неадекватного проживания, низкий уровень реализации права на жилища [2].

Число людей, которые оказались на улице, выросло во время пандемии и после начала военных действий в Украине[3]. Одной из частых причин бездомности в период с 2020 по 2024 г. стала потеря возможности снимать жилье[4]. До кризисов, в 2015-2019 гг., такой частой причиной бездомности был переезд в другой город[5]. Так, можно сделать вывод о прямой взаимосвязи трудностей в реализации права на жилище и бездомности.

Ситуация стала особенно критической для уязвимых групп населения, таких как семьи с детьми, пожилые люди и люди с ограниченными возможностями. Эти категории граждан часто оказываются в наиболее тяжелом положении, т. к. их возможности для получения стабильного дохода и доступа к социальной поддержке ограничены. В результате многие из них оказались вынуждены покинуть свои дома и искать временное убежище в приютах (ночлежках) или на улицах и в заброшенном аварийном жилье.

Кроме того, социальные службы и благотворительные организации столкнулись с тем, что возникла дополнительная нагрузка при уже перегруженной системе поддержки бездомных. Меры по решению данного вопроса требуют комплексного подхода, включающего как улучшение экономической ситуации, так и развитие программ социальной поддержки.

Для наилучшего понимания рассматриваемого вопроса определим понятие и некоторые признаки бездомности. Так, например, словарь-справочник по социальной работе [3] определяет «бездомность» как отсутствие дома/убежища или проживание в обстановке, полностью не отвечающей социальным и личным потребностям[6]. Согласно Оксфордской иллюстрированной энциклопедии «Народы и культуры» [4] бездомность – это (homelessness), отсутствие жилья[7].

Кроме того, отсутствию постоянного жилья сопутствуют такие трудности, как безработица (проблемы с трудоустройством), спасение от различного рода конфликтов (вынужденные беженцы), проблемы со здоровьем, связанные с проживанием на улице, а также инвалидность, вызванная умственными или физическими недостатками, как указано в толкованиях бездомности. Выделенные «трудности» во главе с отсутствием постоянного жилья можно отнести к основным признакам бездомности.

Таким образом, на основании приведенных определений и выделенных признаков бездомность можно охарактеризовать как отсутствие у лица постоянного жилья и постоянного места работы (проблемы с трудоустройством), проблемы со здоровьем (в том числе инвалидность, вызванная умственными или физическими недостатками) и спасение от различного рода конфликтов (вынужденные беженцы). В свою очередь, лица без определенного места жительства (бездомные) наиболее подвержены вовлечению в различного рода преступления как одна из незащищенных категорий граждан.

Отметим, что различия таких категорий, как лица без определенного места жительства и бездомные, вопрос для отдельного исследования.

Далее следует обратиться непосредственно к так называемым криминальным состав-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.07.2025).

[2] Под конституционной защитой права человека на жилище понимается возможность гражданина на защиту своих прав на жилище.

[3] 626 человек указали, что стали бездомными в 2020 г., в 2021 – 960 человек, в 2022-м – 1 377, в 2023 г. – 822.

[4] Ее упоминают 41 % людей, которые стали бездомными в этот промежуток времени.

[5] Отметили 46 %, а невозможность снимать жилье среди причин бездомности тогда указали только 17 %.

[6] Кроме того, словарь раскрывает бездомность как отсутствие постоянного жилья тесно связано с другими социальными проблемами. Страдает обучение детей, если и удается найти школу, готовую их принять, им трудно к ней приспособиться. Здоровье семьи в целом также находится под угрозой из-за неустойчивого морального состояния и нежелания врачей работать с непостоянными пациентами. Сильна связь бездомности с хронической безработицей. Эти дополнительные трудности отчасти являются следствием ограниченного доступа к социальным услугам.

[7] Во всех странах обречены на бездомность в основном те, кто имеет низкий, нестабильный доход, вынужден спасаться от войны или социальных конфликтов (беженцы), искать работу (миграция), страдать от расовой дискриминации или инвалидности, вызванной умственными или физическими недостатками. способен получить соответствующий уход, и создание временных приютов. По оценке ООН, в мире насчитывается свыше миллиарда бездомных людей.

ляющим бездомности. Для преступлений, совершенных лицами без определенного места жительства, характерны нарушения социальной идентификации и адаптации, десоциализированность. У лиц без определенного места жительства отмечается примитивность потребностей, импульсивное стремление к реализации желаний и потребностей, не сдерживаемое механизмами самоконтроля, связанные, вероятно, с отсутствием социализации и трудностями, выявленными выше, как признаки бездомности.

Выраженность отклонений от социальной нормы может быть различной, и исходя из устойчивости преступной установки, основываясь на этом, С.Ю. Андреева выделяет следующие типы личности преступника без определенного места жительства:

«– бездомные лица с устойчивой преступной ориентацией личности;

– ситуативные преступники, в целом ведущие себя положительно или нейтрально и совершающие преступление под воздействием внешних обстоятельств;

– промежуточный тип, стоящий на грани социально приемлемого» [5].

Кроме того, отсутствие постоянного жилья и окружения приводит к утрате социальных связей и поддержки, что в свою очередь может способствовать формированию девиантного поведения. Лица без определенного места жительства испытывают трудности в поиске работы, получении образования и доступе к медицинским услугам, что еще больше снижает их уровень жизни и повышает вероятность совершения правонарушений. Однако в зависимости от приведенных типов личности (бездомные лица с устойчивой преступной ориентацией личности) они не предпринимают попыток к поиску работы и получению образования, становясь все более асоциальными.

Лица без определенного места жительства часто сталкиваются с предвзятостью со стороны общества, что создает замкнутый круг. Их проблемы в адаптации могут способствовать формированию негативного имиджа и дальнейшему отторжению со стороны окружающих. Это зачастую приводит к безысходности и дальнейшему углублению в криминальную среду, где они могут находить временное признание и поддержку, но в то же время становятся еще более маргинальными.

Важно отметить, что для решения данной проблемы необходим комплексный подход, включая программы социальной реабилитации, психотерапию, а также создание условий для трудоустройства и жилья. Одним из ключевых аспектов является работа с общественным мнением и преодоление стереотипов о бездомных, что позволит повысить уровень их социальной интеграции и снизить уровень преступности.

Необходимо обратить внимание, что при общем уменьшении абсолютных количественных показателей о лицах без определенного места жительства, привлеченных к уголовной ответственности, динамика рецидива данной категории лиц возрастает. Такие выводы можно сделать на основании статистических сведений, приведенных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ[8].

Также следует отметить, что структура преступности среди лиц без определенного места жительства демонстрирует преобладание корыстных и корыстно-насильственных преступлений в общем числе правонарушений, совершаемых бездомными или лицами без определенного места жительства.

В большинстве случаев это связано с отсутствием у них средств к существованию. В условиях острого дефицита ресурсов такие лица часто оказываются в ситуации, когда преступление воспринимается как единственный способ удовлетворить базовые потребности, такие как пища, одежда и жилье.

С.Ю. Андреевой были выделены «основные виды преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства, которые распределились в следующей очередности» [5]:

– преступления в сфере экономики[9];

– преступления против личности[10];

– преступления против общественной безопасности и общественного порядка[11];

[8] Статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Форма № 11. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.07.2025).

[9] 63 % от всех изученных преступлений, среди которых преобладают такие деяния, как кража, мошенничество, грабеж, разбой.

[10] 20,4 % – среди них наибольшее количество занимают следующие преступления: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью.

[11] 13,3 % – наибольшую часть из них составляют деяния, связанные с незаконными действиями и нарушениями правил обращения с наркотическими средствами и оборотом наркотических средств и психотропных веществ, незаконным оборотом оружия.

– преступления против государственной власти[12].

Кроме того, высокий уровень социальной изоляции и отсутствие поддержки со стороны общества и государственных структур усугубляют ситуацию. Бездомные люди нередко становятся жертвами насилия и эксплуатации, что также может приводить их к совершению правонарушений в качестве защитной реакции или попытки выживания. Психологические факторы, такие как стресс, депрессия и отсутствие надежды на улучшение жизненных условий, могут также способствовать увеличению преступности в данной группе.

Отсутствие доступа к программам реабилитации и социальной помощи делает их уязвимыми и ограничивает возможности для выхода из замкнутого круга преступности.

Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, включающий как меры социальной поддержки, так и программы по трудоустройству, медицинскому обслуживанию и психосоциальной реабилитации. Только так можно создать условия для снижения уровня преступности среди лиц без определенного места жительства и помочь им вернуться в общество.

Наблюдается тенденция к увеличению доли преступлений, требующих более высокого уровня криминальной подготовки и планирования. Это свидетельствует о необходимости разработки специализированных мер по профилактике и пресечению преступности среди данной категории населения.

Кроме того, отмечается вовлечение лиц без определенного места жительства в преступления, связанные с попрошайничеством и наркотиками, в частности, в распространение и транспортировку наркотических средств. Это обусловлено их уязвимым положением и желанием заработать средства к существованию, что делает их легкой мишенью для криминальных элементов.

Согласно выводам А.К. Теохарова, «организованное попрошайничество – это негативное социальное явление, представляющее собой организованную преступную деятельность, которая направлена на извлечение прибыли от занятия попрошайничеством другими лицами» [6].

Анализ приведенного определения позволяет сделать следующий вывод. Установление административной ответственности касается организации попрошайничества только совершеннолетних лиц. Следовательно, действия по организации попрошайничества среди несовершеннолетних не подпадают под данную ответственность. Вероятно, законодательное ограничение круга лиц связано с наличием уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную деятельность (ст. 151 Уголовного кодекса Российской Федерации[13] (далее – УК РФ).

Однако согласно п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» «под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий»[14].

Таким образом, действия по организации попрошайничества с участием несовершеннолетних не квалифицируются как преступление по ст. 151 УК РФ.

Важно отметить, что привлечение к попрошайничеству всегда продиктовано корыстными мотивами. Подчеркивание мотива совершения данного правонарушения представляется избыточным, поскольку в данном контексте происходит слияние мотива и цели организации попрошайничества.

Однако чтобы вменить корысть, ее нужно доказать. О.С. Капинус пишет, что «доля приговоров и кассационных определений, отмененных или измененных из-за неустановления или неверной оценки мотива и цели преступления, составляет 14 % общего числа отмененных или измененных судебных решений по уголовным делам» [7].

[12] 3,3 % от всех изученных преступлений, из которых преобладают преступления, связанные с дачей взятки, подделкой, изготовлением или сбытом поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков; посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа; применение насилия в отношении представителя власти; оскорбление представителя власти.

[13] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.08.2025).

[14] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 02.08.2025).

Так, можно утверждать, что законодательное определение состава преступления, связанного с вовлечением в попрошайничество, должно быть максимально четким. Исключение излишних уточнений, таких как подчеркивание корыстного мотива, позволит избежать неясностей в толковании закона и сосредоточить внимание на наиболее существенных признаках данного деяния.

Далее рассмотрим возможные меры по противодействию преступности среди бездомных и лиц без определенного места жительства, а кроме того, меры, которые могли бы привести к снижению бездомности.

В рамках системы социальной защиты и органов внутренних дел необходимо создать унифицированную базу данных о гражданах, нуждающихся в социальной помощи и профилактическом наблюдении. В эту базу следует включить информацию о лицах, потерявших социальные связи и жилье, страдающих от алкогольной или наркотической зависимости, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, а также о принятых в отношении них мерах.

Важно улучшить методы диагностики физического и психического здоровья лиц без определенного места жительства и провести детальный анализ влияния психофизиологических особенностей на их поведение. В профилактической работе необходимо учитывать виктимологический аспект, уделяя особое внимание группам риска.

Следует разработать комплексную программу для бездомных с алкогольной и наркотической зависимостью, предусматривающую экстренную медицинскую помощь, детоксикацию, стационарное и амбулаторное лечение, а также восстановление трудовых навыков. Программа должна быть гибкой и учитывать возможность многократного повторения циклов лечения, включая при необходимости принудительное лечение.

В целях предотвращения насильственных преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства, приоритет следует отдавать превентивным мерам. Необходимо организовать оперативное наблюдение за местами скопления асоциальных элементов, в том числе бездомных, и выявлять группы, формирующиеся на антиобщественной основе.

Для повышения эффективности профилактической работы необходимо усовершенствовать взаимодействие между социальными службами, органами внутренних дел и медицинскими учреждениями. Это предполагает обмен информацией о выявленных лицах, нуждающихся в помощи, а также координацию действий по оказанию им поддержки и проведению профилактических мероприятий. Важно разработать четкие алгоритмы реагирования на различные ситуации, связанные с бездомностью и асоциальным поведением, чтобы обеспечить своевременное и адресное предоставление помощи.

Существенным элементом профилактики является создание системы социальной реабилитации, направленной на восстановление социальных связей, трудоустройство и возвращение лиц без определенного места жительства к нормальной жизни. Эта система должна включать в себя предоставление временного жилья, организацию профессионального обучения, оказание юридической и психологической помощи. Особое внимание следует уделять адаптации бывших бездомных к жизни в обществе, чтобы предотвратить их возвращение к прежнему образу жизни.

Важно проводить регулярный мониторинг эффективности принимаемых мер, анализировать причины бездомности и асоциального поведения, а также разрабатывать новые подходы к профилактике и социальной реабилитации. Необходимо учитывать опыт других стран в решении проблемы бездомности и адаптировать лучшие практики к российским условиям.

Для обеспечения прозрачности и контроля за деятельностью социальных служб и органов внутренних дел следует создать систему общественного контроля, которая позволит представителям общественности участвовать в разработке и реализации программ помощи лицам без определенного места жительства. Это повысит доверие к работе социальных служб и органов внутренних дел и обеспечит более эффективное решение проблемы бездомности.

В заключение следует подвести следующие итоги:

– в данном исследовании рассмотрены понятия бездомности и выделены некоторые ее признаки, такие как отсутствие постоянного жилья, безработица, спасение от различного рода конфликтов, проблемы со здоровьем, а также инвалидность;

– на основании рассмотренных вопросов выделены некоторые варианты решения по снижению бездомности и количества лиц без определенного места жительства, например, создать единую базу данных о гражданах, нуждающихся в социальной помощи, вести профилактическую работу (с особым вниманием группам риска), разработать комплексную программу для бездомных с алкогольной и наркотической зависимостью.

Список источников

1. Смирнова И.А. Конституционная защита прав человека и гражданина на жилище в Российской Федерации. // Конституционные основы защиты прав и законных интересов человека и гражданина: сб. материалов Всероссийской научно-практ. конф. М., 2019.

2. Ковалева О.А. Соотношение содержаний российского принципа равенства жилищных прав граждан и международного принципа достаточности жилого помещения. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.07.2025).

3. Словарь-справочник по социальной работе. URL://https://social_work.academic.ru/62/%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=mdqbzz73s7972039586 (дата обращения: 22.07.2025).

4. Народы и культуры. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. URL://https://people_and_cultures.academic.ru/140/%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=mdqduymux5720307125 (дата обращения: 22.07.2025).

5. Андреева С.Ю. Преступность лиц без определенного места жительства в России: основные тенденции и проблемы предупреждения. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.07.2025).

6. Теохаров А.К. Организованное попрошайничество: история, понятие и признаки. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.07.2025).

7. Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. URL://https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.07.2025).

References

1. Smirnova, I.A. Constitutional Protection of Human and Citizen Rights to Housing in the Russian Federation // Constitutional Foundations for the Protection of Human and Citizen Rights and Legitimate Interests: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conf. Moscow, 2019.

2. Kovaleva, O.A. The Correlation of the Contents of the Russian Principle of Equal Housing Rights of Citizens and the International Principle of Adequacy of Housing. URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 25.07.2025).

3. Social Work Dictionary and Reference Book. URL: https://social_work.academic.ru/62/%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=mdqbzz73s7972039586 (date of access: 22.07.2025).

4. Peoples and Cultures. The Oxford Illustrated Encyclopedia. URL: https://people_and_cultures.academic.ru/140/%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=mdqduymux5720307125 (date of access: 22.07.2025).

5. Andreeva S. Yu. Crime among homeless persons in Russia: Main trends and problems of prevention. URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 29.07.2025).

6. Teokharov A.K. Organized begging: history, concept, and characteristics. URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 29.07.2025).

7. Kapinus O.S. Murders: motives and goals. URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 29.07.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зубова Марина Валерьевна, *кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10. ORCID: 0009-0003-8217-3756*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zubova Marina Valerievna, *PhD in Law, Senior Researcher of the sector of the Criminal Law, Criminal procedure and Criminology. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 113–119.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 113–119.

Научная статья
УДК 343.98, 343.57:004

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Миронов Герман Юрьевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, german2009@bk.ru

Кутузов Алексей Владимирович
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация, kutuzovlist@yandex.ru

Введение: *актуальность данного исследования обусловлена необходимостью активизации работы по предотвращению распространения наркомании с использованием новейших средств и методов, соответствующих современным преступным вызовам. Бесконтактный способ совершения преступлений данной категории обуславливает необходимость интеграции достижений технического прогресса в правоохранительную деятельность в общем и криминалистическую науку в частности. Невзирая на это имеется объективная потребность в комплексном подходе к решению данной проблематики благодаря модернизации теоретического и нормативного базиса на основе передового практического опыта органов исполнительной власти по противодействию наркотической преступности.*

Материалы и методы: *в ходе исследования применялся диалектический метод, методы анализа, синтеза, аналогии (общенаучные). Частнонаучными методами явились системный метод, сравнительного правоведения, нормативно-логический, структурно-функциональный.*

Результаты исследования: *в статье рассмотрены проблемы выявления и расследований преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием новейших технологий. Обозначена роль цифровизации в механизме совершения преступления. Охарактеризованы способы совершения преступлений данной категории и очерчены отдельные возможности сети Интернет по повышению результативности раскрытия и расследований преступления рассматриваемой категории.*

Выводы и заключения: *в настоящее время имеется необходимость привлечения экспертов к оперативно-розыскным мероприятиям и следственным действиям, направленным на поиск электронной информации, и надлежащим образом документировать операции, проводимые с использованием средств видео- и фотофиксации. Потенциальным решением проблемы видится создание специальной службы именно для сбора информации о функционировании наркотрафика в Интернете.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, наркотические средства, предупреждение преступлений, противодействие преступности, цифровые технологии, сеть Интернет.*

Для цитирования: Миронов Г. Ю., Кутузов А. В. *Особенности противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в цифровом пространстве / Г. Ю. Миронов, А. В. Кутузов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 113–119.*

Original paper

FEATURES OF COUNTERING CRIME IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING IN THE DIGITAL SPACE

Mironov German Yuryevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kutuzov Alexey Vladimirovich
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: *the relevance of this study stems from the need to intensify efforts to prevent the spread of drug addiction using the latest tools and methods that meet modern criminal challenges. The non-contact nature of these crimes necessitates integrating technological advances into law enforcement in general and forensic science in particular. Despite this, there is an objective need for a comprehensive approach to addressing this issue by modernizing the theoretical and regulatory framework based on the best practices of executive authorities in combating drug-related crime.*

Materials and methods: *the study utilized the dialectical method, analysis, synthesis, and analogy (general scientific methods). Specific scientific methods included the systems method, comparative law, normative-logical, and structural-functional methods.*

Results of the study: *the article examines the challenges of identifying and investigating drug trafficking crimes using the latest technologies. The role of digitalization in the crime mechanism is highlighted. The methods used to commit crimes in this category are characterized and specific internet capabilities for improving the effectiveness of solving and investigating these crimes are outlined.*

Findings and conclusions: *there is currently a need to involve experts in operational and investigative activities aimed at searching for electronic information, and to properly document operations conducted using video and photographic recording. A potential solution to this problem is the creation of a dedicated service specifically for collecting information on drug trafficking activities online.*

Keywords: *information security, narcotics, crime prevention, crime control, digital technologies, internet.*

For citation: Mironov G. Yu., Kutuzov A. V. *Features of countering crime in the field of drug trafficking in the digital space / G. Yu. Mironov, A. V. Kutuzov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 113–119.*

На сегодняшний день преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) занимают особое место в структуре преступности. Рассматриваемые противоправные деяния укоренились в обществе, а негативный эффект очевиден для подавляющего числа граждан в нашем государстве и за рубежом. В 2020 г. Президентом России В. Путиным был подписан Указ «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.», определяющий основы государственной политики в вопросе противодействия данному деструктивному явлению. Принятие указанного организационно-распорядительного документа свидетельствует о стремлении государства ликвидировать не только наркотическую преступность, но и создать действенные условия и механизмы для уменьшения количества лиц, больных наркоманией.

К сожалению, наркомания как социальное явление стала неотъемлемой частью человеческого существования, а в ряде обществ к ней сложились «примирительные» отношения. Анализ факторов преступности, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, позволил сделать вывод о том, что виктимизация является провоцирующим фактором преступной деятельности, связанной с наркотиками. Виктимизация относится к тенденции человека стать жертвой преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, при определенных обстоятельствах. Лицо может быть потерпевшим или участником преступного посягательства в силу своих моральных, психологических, социальных качеств (доверчивость, зависть, служебное или общественное положение).

Неотъемлемой частью состава преступления, связанного с наркотиками, является мотив совершения преступления и само употребление наркотических средств [1, с. 87]. Мотивы указанной категории преступления могут быть совершенно разные: низкоуровневые (корысть, месть); среднего характера (жалость, сочувствие, желание помочь другим), органическая мотивация, которая проявляется у зависимого человека, нуждающегося в приеме наркотиков. Перечисленные факторы злоупотребления психоактивными веществами имеют решающее значение, поскольку в их основе лежат глубинные социальные механизмы, подталкивающие человека к участию в наркопреступлениях и потреблении наркотиков.

В современной сложной международной ситуации и на фоне диверсификации логистических маршрутов и цепочек грузоперевозок наблюдается тенденция к увеличению нелегальных наркотиков. Например, попытки контрабанды марокканского каннабиса из стран еврозоны. Героин, изъятый при незаконном обороте в нашей стране, зачастую поступает из Афганистана и провозится контрабандой через страны Средней Азии. Кокаин поставляется напрямую морским путем из стран Латинской Америки или транзитом через некоторые европейские страны.

В 2024 г. таможенными и другими правоохранительными органами изъято более 23,7 тонн незаконно ввезенных наркотиков,

в 2023-м – 36,6 тонны, в 2022 г. – 20,5 тонны. Стоит отметить, что в последние годы наметилась тенденция к замене традиционных лекарств растительного происхождения синтетическими препаратами. Безусловно, приведенные цифры свидетельствуют об активизации государственных органов в противодействии данной преступности и применении более эффективных методов борьбы. Особое внимание обращает тот факт, что с 2020 г. доля «синтетических наркотиков» в общем объеме изъятых наркотиков постепенно увеличивалась: в 2021 г. – 29,5 %; в 2022-м – 31,3 %; в 2023 г. – 48,9 %. В 2024 г. их доля составила более половины, или 52 %.

Не вызывает сомнений утверждение о том, что главной особенностью наркопреступлений последних лет является цифровизация. При совершении преступлений, связанных с наркотиками, сегодня широко используются информационные и коммуникационные технологии, в первую очередь для конспирации. Иногда участники даже не знают друг друга, поскольку наиболее распространен «бесконтактный» способ продажи. Сегодня почти половина всех преступлений в сфере НОН совершается онлайн. Так, в 2024 г. из 177,7 тыс. зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, 82,7 тыс. (46,5 %) были совершены с использованием цифровых технологий.

В своей незаконной деятельности участники наркоторговли используют Darknet [2, с. 76]. Долгое время виртуальный оборот наркотиков в основном базировался на онлайн-платформе Hydra. Потребовалось более пяти лет упорной работы, чтобы положить конец своей преступной деятельности. Однако после ее ликвидации в начале 2022 г. другие онлайн-площадки показали рост трафика. Переход преступной деятельности в сферу информационных технологий требует от правоохранительных служб постоянного совершенствования и развития своих средств и методов борьбы с преступностью в сфере НОН. Что касается оплаты, то она производится через бесконтактную электронную платежную систему. Подобные ситуации приводят к «обезличиванию» лиц, причастных к наркоторговле, а также затрудняют выявление организаторов.

В то же время правоохранительные органы обладают достаточным потенциалом для борьбы с самыми сложными преступлениями. Независимо от того, насколько развита система распространения наркотиков и насколько изощренны методы, используемые преступниками, рано или поздно правоохранительные органы узнают об их деятельности.

Российское антинаркотическое законодательство продолжает совершенствоваться: созданы институты побуждения наркозависимых к лечению и реабилитации, созданы функциональные механизмы блокировки нелегальных информационных сайтов, действуют уголовные административные и законодательные нормы, курс на совершенствование.

В 2024 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 1 и 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», целью которого является создание комплексного правового механизма борьбы с пропагандой наркотиков, включая законодательную кодификацию его концепций и ужесточение наказания за преступления, связанные с пропагандой наркотиков, совершенные несколько раз в течение года. Закон предусматривает не административную ответственность за подобные действия, а уголовную ответственность. Важно отметить, что государством предпринимаются постоянные шаги по выявлению новых психоактивных и наркотических веществ, появляющихся на черном рынке, и разрабатываются меры контроля для их борьбы. В нашей стране создана достаточно взвешенная и эффективная система контроля за оборотом этих препаратов, реализуемая совместно Минздравом, Роспотребнадзором и Министерством внутренних дел. При этом также выявляются и пресекаются незаконные действия в этой сфере. В большинстве преступлений эти преступления совершаются организованно.

Конечно, главная задача – пресечь организованную наркопреступность, выявить и перекрыть маршруты поставок наркотиков, ликвидировать подпольное производство наркотиков, уничтожить экономическую основу наркоторговли. Люди активно сопротивляются антинаркотической пропаганде в Интернете.

В частности, в 2024 г. благодаря совместной работе с Роскомнадзором в Единый реестр запрещенной информации были внесены более 80 тыс. сайтов, содержащих информацию о фармацевтическом распространении, и их отдельные страницы. В сотрудничестве с государственными органами всех уровней и институтами гражданского общества постоянно реализуется ряд мер в области предотвращения незаконного оборота и потребления наркотиков, ориентированных главным образом на несовершеннолетних и молодежь.

Более того, либерализация и легализация наркотиков, введенная и поощряемая некоторыми западными странами, а также введение сомнительных альтернативных терапевтических вариантов в национальные стандарты лечения продолжают пытаться дестабилизировать международную систему контроля над наркотиками. В этом контексте позиция России в международных делах остается неизменной, что не позволяет внести изменения в действующую глобальную систему контроля над наркотиками и может привести к увеличению их незаконного оборота и потребления. Однако такая позиция соответствует принципам соответствующих антинаркотических конвенций и направлена на защиту жизни и здоровья российского народа.

Вариативность средств интернет-коммуникации, информационно-телекоммуникационных технологий и мобильной связи позволяет формировать все более сложные преступные схемы незаконного распространения наркотиков, характеризующаяся хорошо спланированными действиями участников. Наиболее характерными для них являются:

– дистанционный (удаленный) характер преступных действий, улучшение методов конспирации за счет активного использования технологий сквозного шифрования, IP-телефонии и переадресации, ссылок на ресурсы и интернет-формы;

– использование криптовалют, электронных кошельков, а также иных анонимных цифровых финансовых активов, отслеживание которых требует значительных усилий не только правоохранительных органов, но и финансовых служб банков и государства [3, с. 79];

– большая часть преступлений носит трансграничный характер, когда субъект, объект и потерпевший находятся в разных субъектах страны и за ее пределами. Принимая во внимание сложившуюся геополитическую обстановку, злоумышленники активно пользуются этим;

– интеллектуальный характер противоправной деятельности наркоторговцев, криминальный «профессионализм» в части применения знаний и навыков в области информационных технологий, который в ряде случаев опережает возможности правоохранительных органов – от организационно-правовых до технических;

– нерегулярность и разнообразие способов совершения таких преступных деяний при постоянном обновлении орудий и средств, используемых в преступных целях;

– организация торговли наркотическими веществами в автоматизированном режиме путем объединения относительно мелких участников (применительно к масштабу преступных организаций и сообществ) в мощные криминальные структуры, реализация сложных сценариев со множеством субъектов;

– отсутствие свидетелей преступления в качестве лиц, непосредственно обладающих информацией о совершении преступления и способных идентифицировать преступника.

Техническая последовательность стадии бесконтактной активности, осуществляемой дистанционным способом, следующая. Покупатель регистрируется на сайте «магазина» на интернет-сайте «призраке», выбирает товар и оплачивает с помощью анонимных цифровых средств платежа. После подтверждения оплаты сбытчик отправляет покупателю географические GPS-координаты и описание местоположения тайника с наркотиками, а также предоставляет веб-ссылку на фотографию предмета или области, где он найдет наркотическое средство [4, с. 128].

Следует выделить важные особенности типичного «магазина»:

– многолетняя преступная деятельность членов группы, их сплоченность и организованность;

– изолирование конструктивных элементов по функциональному признаку;

– устойчивые связи и четкое распределение криминальных ролей;

– соблюдение правил преступного сообщества.

Представляется, что дальнейшее изучение характера механизмов незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и средств дальней связи должно помочь осмыслить деятельность правоохранительных органов в сфере поиска, выявления и установления личности.

Как правило, все номера мобильных телефонов, используемых в системе сбыта наркотиков, проходят через лиц, предоставляющих украденные (утерянные) паспорта или не владеющих информацией о поведении преступной группы и ее участников, лидеров, исполнителей.

Внедрение технологических достижений механизм совершения в преступления в сфере НОН обуславливает изменения в криминальных механизмах и других элементах криминалистического профиля. Поэтому эффективность применяемых следственных и оперативно-розыскных методов полностью зависит от знания многофакторной информа-

ционной системы относительно способа совершения преступления, личности виновного, криминальной ситуации по отношению к потерпевшему, механизма образования следов.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что использование информационных технологий для подготовки сбыта наркотиков заключается в поиске потенциальных покупателей путем публикации информации о сбыте наркотиков в сети Интернет, что способствует предотвращению распространения информации о преступной деятельности и обезличиванию лиц, причастных к преступлениям. Считаем необходимым подчеркнуть, что при обнаружении, изъятии и исследовании цифровых следов преступлений нельзя забывать о традиционных для криминалистики следах. Наркокурьеры используют средства маскировки, наиболее характерными являются очки и капюшоны, что значительно затрудняет идентификацию лиц с помощью камер наблюдения [5, с. 186–187]. К сожалению, невзирая на постоянное совершенствование средств фото- и видеофиксации, внедрение новейших аппаратно-программных комплексов в мегаполисах, отождествление личности зачастую упирается в специфику их функционирования (например, построение модели лица на основе точек и полигонов). Безусловно, данную проблему возможно решить с помощью соответствующих нейросетей, однако это требует дополнительного изучения и осмысления в рамках отдельного исследования.

Данные обстоятельства существенно усложняют доказывание по таким уголовным делам. Потенциальное же использование технологии блокчейна для борьбы с наркопреступностью выглядит многообещающим [6, с. 168–169]. Одним из направлений использований блокчейна в противодействии рассматриваемой преступности является мониторинг и анализ транзакций криптовалюты, в первую очередь с использованием биткойнов. Нет сомнений в том, что развитие данной технологий будет происходить достаточно динамично и будет способствовать решению следующих основных задач:

– анализ и мониторинг движения виртуальных финансовых активов;

– поддерживание определенных блоков, которые имеют виртуальные активы и могут быть связаны с незаконной деятельностью;

– составление профилей участников сделок и оценка их роли в экономической деятельности. В то же время основной задачей системы остается установление профилей конкретных лиц (бенефициаров), подозреваемых в преступной деятельности, владельцев блокчейн-адресов (кошельков).

Правоохранительные органы используют новейшие информационные и цифровые технологии для реализации оперативно-тактических гарантий национальной безопасности в сфере НОН с использованием современных средств и методов сбора, анализа и хранения информации, что позволяет эффективно предотвращать, пресекать, выявлять и расследовать преступления. Чаще всего цифровым следом преступления является переписка курьера с организатором, которая помогает определить, как он получил деньги. Как правило, результатом анализа этих следов является информация об используемом номере мобильного телефона в конкретном мессенджере, зачастую без возможности идентификации правонарушителя. Также важно получить информацию о способах перевода денежных средств для оплаты услуг преступников. В ряде случаев запись и анализ этой информации могут указывать на конкретных участников преступной группы. При этом денежные средства часто переводятся на криптовалютные кошельки, через которые последующие транзакции сложно отследить.

В ряде случаев информацию возможно изъять техническими средствами, что требует участия специалиста, обладающего необходимыми познаниями. В связи с этим особое значение имеет своевременное и качественное производство компьютерных и технических экспертиз. Так, на этапе, когда продавец или покупатель находится под арестом, необходимо в кратчайшие сроки получить доступ к электронным документам, личным сайтам, мессенджерам и другим ресурсам, т. к. цифровые следы могут быть стерты третьими лицами или подельниками удаленно довольно быстро и не всегда могут быть восстановлены [7, с. 150].

Специальное программное обеспечение является незаменимым инструментом правоохранительных органов в получении цифровых следов с компьютеров, планшетов, смартфонов и других электронных устройств. Наиболее часто используется программа «Мобильный криминалист», которую можно использовать, даже если устройство заблокировано. Также существует программа UFED, которая используется даже при физическом повреждении смартфона или компьютера. Правильное использование программных продуктов позволяет достигнуть оптимальных результатов при удалении цифровых следов с устройств. Важным элементом также является уточнение используемого покупателем интернет-провайдера, поскольку сделанные к нему запросы могут дать информацию об IP-адресе организатора.

Следует отметить, что в контексте расследований по делам о незаконном обороте наркотиков цифровые следы являются важным и эффективным инструментом в

руках следователей. В то же время существующие методы обработки этих следов должны совершенствоваться с учетом последних достижений науки и техники. Целесообразно привлекать специалистов или экспертов к оперативно-розыскным мероприятиям, направленным на поиск электронной информации, и надлежащим образом документировать операции, проводимые с использованием средств видео- и фотофиксации. Кроме того, считаем целесообразным проработать создание специальной службы именно для сбора информации по противодействию преступности в сети Интернет, в том числе наркотической, для скрытого внедрения в сетевые сообщества для фиксации и сбора информации о подготовке и совершении преступлений.

Важным аспектом использования телекоммуникационных технологий для борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками, является сохранность личной информации. В 2016 г. были приняты законодательные изменения, которые, по сути, требуют от операторов связи и сетевых провайдеров, средств обмена мгновенными сообщениями и владельцев веб-сайтов хранить данные о трафике клиентов в течение шести месяцев. Однако эта норма так и не была реализована должным образом, поскольку организации, предоставляющие услуги онлайн-хранения информации, не смогли выполнить требования в силу технических особенностей функционирования информации в сети Интернет и значительных затрат по ее хранению.

В сегодняшних реалиях необходимо учитывать сложность выявления преступных группировок ввиду их закрытости и сложности получения оперативно-розыскной информации. Информационные и телекоммуникационные системы используются во всех сферах общественной жизни. В связи с этим стоит отметить трансформацию моделей преступности, т. е. от моделей интернет-преступности к моделям транснациональной преступности. Считаем, что превентивные меры должны включать также действия по повышению безопасности информационных систем, в том числе разработку и внедрение отечественного программного обеспечения, что особенно важно в условиях санкций.

Таким образом, рассмотрев проблематику противодействия преступности в сфере НОН в сети Интернет, считаем необходимым обозначить возможные направления повышения эффективности правоохранительных органов. К таковым возможно отнести:

– поиск и сбор информации об условиях совершаемых преступлений, их способах и механизмах. Субъекты оперативно-розыскной деятельности обязаны использовать весь имеющийся технический инструментарий для поиска и сбора информации, представляющей оперативный интерес, а отдельные данные впоследствии использовать в доказывании по делам рассматриваемой категории (при условии соблюдения требований Уголовно-процессуального кодекса). Одним из таких направлений может являться мониторинг сети Интернет с использованием специализированного программного обеспечения. Учитывая перманентно увеличивающийся объем информации, функционирующей в Глобальной сети, поиск отдельных сведений традиционными способами достаточно трудозатратный и малоэффективен;

– использование в следственной деятельности специализированных методик фиксации «цифровых» доказательств в сети Интернет, мобильных терминалах и иных средств, использующихся в противоправной деятельности;

– активное внедрение идентификации лиц, причастных к НОН с помощью систем видеонаблюдения (например, Государственная автоматизированная система «Сфера», Подсистема автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации);

– дальнейшее интегрирование в деятельность оперативных органов методов OSINT в синергии с имеющимся оперативно-розыскным инструментарием.

Приведенные направления не являются исчерпывающими, однако требуют дальнейшей нормативной проработки, теоретического осмысления и последующей имплементации в правоохранительную деятельность.

Список источников

1. Варданян А.В., Айвазова О.В. Оборот наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях системы здравоохранения как объект научного анализа // Философия права. 2012. № 4(53).

2. Минзянова Д.Ф., Фарахиев Д.Ф. Инновационный подход к раскрытию и предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств,

References

1. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Circulation of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances in Healthcare Institutions as an Object of Scientific Analysis // Philosophy of Law. 2012. № 4(53).

2. Minzyanova D.F., Farakhiev D.F. An Innovative Approach to Detecting and Preventing Crimes in the Sphere of Illegal Drug Trafficking Committed in the Internet Space // Scientific

совершаемых в интернет-пространстве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1(13).

3. Кушниренко С.П., Харатишвили А.Г. Оборот криптовалют в механизме совершения преступлений // КриминалистЪ. 2022. № 3(40).

4. Пупцева А.В., Дорошенко О.М. Проблемные вопросы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотиков, совершенного бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3(62).

5. Кутузов А.В. Криминалистическая идентификация с использованием систем распознавания лиц: состояние проблемы и потенциальные пути ее решения // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2(76).

6. Поддубный И.В., Панферов Р.Г. Современные тенденции использования криптовалюты в противоправных целях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98).

7. Дунаева М.С. Данные цифровой переписки как уголовно-процессуальные доказательства: проблемы законодательной регламентации // Advocate's Practice. 2023. № 3.

Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1(13).

3. Kushnirenko S.P., Kharatishvili A.G. Circulation of Cryptocurrency in the Mechanism of Committing Crimes // CriminalistЪ. 2022. № 3(40).

4. Puptseva A.V., Doroshenko O.M. Problematic Issues of Detecting and Investigating Contactless Drug Trafficking // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3(62).

5. Kutuzov A.V. Forensic Identification Using Facial Recognition Systems: The State of the Problem and Potential Solutions // The Rule of Law: Theory and Practice. 2024. № 2(76).

6. Poddubny I.V., Panferov R.G. Current Trends in the Use of Cryptocurrency for Illegal Purposes // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 1(98).

7. Dunaeva M.S. Digital Correspondence Data as Criminal Procedural Evidence: Problems of Legislative Regulation // Advocate's Practice. 2023. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронов Герман Юрьевич, *старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Кутузов Алексей Владимирович, *кандидат юридических наук, доцент кафедры цифровой и традиционной криминалистики. Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. ORCID: 0009-0002-3274-1148*

FORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mironov German Yuryevich, *senior Lecturer at the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Kutuzov Alexey Vladimirovich, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Digital and Traditional Criminalistics. Sevastopol State University. 33, Universitetskaya St., Sevastopol 299053 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 120–127.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 120–127.

Научная статья
УДК 343.14

ПРОЦЕСС ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СВЕДЕНИЯ О ФАКТАХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО УПК РФ

Нуркаева Мелия Каюмовна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Российская Федерация,
melia180955@mail.ru

Введение: *в статье исследуется проблема, связанная с определением момента, с которого сведения о фактах приобретают значение уголовно-процессуальных доказательств. Решение этой проблемы имеет большое практическое и теоретическое значение в связи с нехваткой уголовно-процессуальных ресурсов из-за измененной реальности, а именно цифровизации общества и необходимости повышения эффективности деятельности должностных лиц, осуществляющих доказывание по уголовным делам, по преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий.*

Материалы и методы: *основными источниками исследования явились уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, научная отечественная литература, а также правоприменительная практика. В контексте междисциплинарного изучения использовались общетеоретические и специально-юридические методы, позволившие исследовать проблему определения момента преобразования сведения о фактах в уголовно-процессуальное доказательство в аспектах некоторых межнаучных дисциплин: информационном, системном, управленческом.*

Результаты исследования: *изучая процесс возникновения доказательств по уголовному делу, автор отметил, что имеющиеся различия в определении природы доказательств со стороны ученых, влияющие на их позицию по вопросу о моменте преобразования сведений о факте в доказательства, наложили определенный отпечаток и на представления о доказательствах среди практических работников. Решение теоретических проблем, несомненно, влияет и на законодателя.*

Выводы и заключения: *моментом преобразования сведения о фактах в уголовно-процессуальное доказательство по УПК РФ следует считать момент достижения внутреннего убеждения конкретным субъектом доказывания доброкачественности (в наличии необходимых свойств и условий, предъявленных к доказательствам) сведений о фактах, полученных процессуальными способами.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальные доказательства, факты, информационные сигналы, процессуальная фиксация информации, уголовно-процессуальные решения, субъекты доказывания, внутреннее убеждение.*

Для цитирования: Нуркаева М. К. *Процесс определения момента преобразования сведения о фактах в уголовно-процессуальное доказательство по УПК РФ / М. К. Нуркаева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 120–127.*

Original paper

THE PROCESS OF DETERMINING THE MOMENT WHEN INFORMATION ABOUT FACTS IS TRANSFORMED INTO CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE UNDER THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nurkaeva Melia Kayumovna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Ufa, Russian Federation

Introduction: *this article examines the problem of determining the moment at which factual information becomes evidence in criminal proceedings. Addressing this issue is of great practical and theoretical importance due to the shortage of criminal procedural resources resulting from the changing reality of society, namely, the digitalization of society and the need to improve the*

effectiveness of officials responsible for proving evidence in criminal cases involving crimes committed using digital technologies.

Materials and methods: *the primary sources of the study were the criminal procedural legislation of the Russian Federation, domestic scientific literature, and law enforcement practice. In the context of an interdisciplinary study, general theoretical and specialized legal methods were used, allowing for the study of the problem of determining the moment at which factual information becomes evidence in criminal proceedings from the perspectives of several interdisciplinary disciplines: information, systems, and management.*

Results of the study: *while studying the process of evidence generation in criminal cases, the author noted that existing differences in scholars' definitions of the nature of evidence, which influence their positions on the moment when factual information is transformed into evidence, have also left a certain imprint on practitioners' understanding of evidence. The resolution of theoretical problems undoubtedly influences legislators.*

Findings and conclusions: *the moment when factual information is transformed into criminal procedural evidence under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be considered the moment when the individual proving the validity (in the presence of the necessary properties and conditions imposed on the evidence) of factual information obtained through procedural methods is reached.*

Keywords: *criminal procedural evidence, facts, information signals, procedural recording of information, criminal procedural decisions, subjects of proof, internal conviction.*

For citation: Nurkaeva M. K. *The process of determining the moment when information about facts is transformed into criminal procedural evidence under the code of criminal procedure of the Russian Federation / M. K. Nurkaeva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 120–127.*

В основе определения момента возникновения доказательств различными учеными лежат их взгляды о природе уголовно-процессуальных доказательств. Авторы, отождествляющие доказательства с фактами объективной действительности или с информационными сигналами, вынуждены признать, что доказательства неизбежно возникают с момента совершения преступления [10, с. 23–24; 11, с. 288; 12, с. 8], с чем, конечно же, согласиться нельзя[1]. Действительно, как может человеческое мышление использовать предметы, явления объективной действительности. Ими нельзя оперировать в доказывании: сопоставлять и противопоставлять их, накапливать, формировать из них частые и общие системы, строить умозаключения, выводить новые знания и т. д. [13, с. 42]. В.И. Ленин писал: «Чувственные представления не есть существующие вне нас действительность, а только образ этой действительности» [14, с. 114].

Критикуя указанную позицию, верно замечает В.Я. Дорохов, что мы часто в одном значении употребляем слова «факт» и «сведения о факте», т. к. человек вместе со словом представляет реальный факт. Мы часто мыслим, как бы самими объектами, вернее, их сущностью, «языковность» мысли не замечается нами [15, с. 242]. Таким образом, в качестве фактических данных как элемента мыслительной деятельности человека нельзя признать факты объективной действительности, ими могут быть лишь сведения о фактах.

Другие представители этой точки зрения, понимая, что нельзя использовать в мыслительной деятельности факты объективной реальности, модернизируют само понятие «факт». Это вытекает из неоднородной трактовки термина «факты» [13, с. 40]. В.Д. Арсеньев, например, фактами прошлого, которые не могут наблюдаться непосредственно субъектом доказывания, называет сведения, достоверность которых еще не установлена [16, с. 83]. Или В.Я. Колдин считает, что в качестве таких фактов при судебном исследовании могут использоваться и эмпирические данные, и понятия, и суждения, и вообще любая совокупность сообщений о расследуемом событии [13, с. 44]. Из приведенных примеров видно, что эти авторы фактами называют сведения о фактах. Полагаем, что такое расширение термина «факт» не имеет под собой ни научной, ни практической основы. Это ведет к раздвоению самого понятия «факт»: во-первых, факт в широком смысле, как факты объективной реальности, сведения о них и т. д. и, во-вторых, в узком смысле, только как факты объективной реальности. Если подойти к такому пониманию фактов с логической точки зрения, то налицо тавтология: «фактом являются сведения о факте».

[1] Следует добавить, что только 12 % проанкетированных практических работников поддержали такую позицию.

Исходя из этих соображений, представляется, что не следует сведения о фактах, отражающие реальные факты, смешивать с самими фактами. Авторы, придерживающиеся второй точки зрения в понятии фактических данных, кроме сведений о фактах, устанавливаемых источниками, которые указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, включают также и факты. Так, Ф.Н. Фаткуллин к таким фактам относит имеющие значение для правильного разрешения дела и подтверждающиеся сведениями о фактах установленные из процессуальных источников или непосредственно воспринятые судьями (следователем) факты. [17, с. 118]. При этом такими фактами он называет не искомые факты объективной действительности, а образы, модели, изображения в сознании человека искомых фактов реального мира, полученные на основе доброкачественных сведений по делу [17, с. 106–108].

Полагаем, что позиция Ф.Н. Фаткуллина не совсем точна. Любые знания, которые получает человек через сведения или непосредственно, приобретают форму образа, т. е. знания выступают как субъективный образ объективного мира [18, с. 125]. Такой образ не полностью отражает познаваемый объект в силу неисчерпаемости его свойств, а только отдельные стороны. Образ – это мысленное отражение объективных фактов и называть его фактом, как это делает Ф.Н. Фаткуллин, нам представляется неверным. В этом случае понятие «факт» вновь, как уже указывалось, удваивается. А с позиций логики снова наблюдается тавтология: «фактом является образ факта».

К тому же надо помнить, что не любой образ может быть использован в качестве аргументов (доводов, доказательств). Познавательные образы подразделяются на два вида: во-первых, чувственно-наглядные (образы восприятия и образы представления) и, во-вторых, рациональные (понятийные) [19, с. 21]. Любой процесс мышления подчинен законам логики, где фигурируют не чувственно-наглядные, а рациональные (понятийные) образы в виде отдельных мыслей. А.А. Эйсман правильно указывает, что все исходные доказательства по делу являются высказываниями о фактах и имеют форму единичных суждений [20, с. 17]. В связи с этим рациональные образы, которые применяются в уголовно-процессуальном доказывании, и будут ничем иным как сведениями о фактах. Из всего сказанного можно сделать вывод, что фактическими данными можно признать лишь рациональные образы фактов, которые являются не фактами объективной действительности, а сведениями об этих фактах.

Вторым видом фактов, которые Ф.Н. Фаткуллин относит к числу фактических данных, являются материальные следы содеянного, сохранившиеся как доступные непосредственному восприятию на тех объектах, которые приобщены к делу в качестве вещественных источников доказательств [17, с. 116]. Такие следы на вещественных доказательствах являются фактами, несущими информацию о событии преступления. Вещественные доказательства – это предметы объективной реальности, материальные же следы, оставленные на них, проявляются в определенных свойствах этих предметов. Нельзя использовать в процессе мышления объективные свойства предметов, а можно лишь определенные сведения о них. Воспринятые таким образом сведения, при условии их закрепления в протоколах осмотра вещественного доказательства, проверки и оценки, приобретают значение фактических данных.

Е.Е. Подголин выдвигал такую мысль, что если факты (в качестве элемента структуры доказательств) понимать как предметное значение знаков, т. е. содержащихся в протоколах и других документах буквенных начертаний, обладающих значением (предметным и смысловым), то определение доказательств (фактических данных) как фактов правильно подчеркивает, что письменный текст (система знаков) указывает на объекты действительности, обозначает их, отсылает к ним, в информационном отношении заменяет их [21, с. 65].

Конечно, с позиций семантики знак и факт объективной реальности находятся в соотношении изоморфизма (подобия), но тем не менее они не совпадают и являются различными по своей сущности. Знак является формой существования сведений о фактах, а не самих фактов. Факт существует если даже нет знаков, отражающих этот факт, он является необходимым условием появления знака. Условие не входит в содержание, так и сам факт не может входить в содержание слов, предложений и т. д. Поэтому утверждение Е.Е. Подголина о том, что фактическими данными являются факты, нам представляется необоснованным.

Итак, мы показали неправильность отождествления доказательств и фактов, доказательств и информационных сигналов. Аргументированную критику по этому поводу дал Г.Г. Доспулов [22, с. 71].

Наиболее распространенным и признанным в настоящее время среди российских ученых является взгляд, по которому сведения о фактах автоматически становятся доказательствами при их процессуальном закреплении [4, с. 70–73; 5, с. 98; 8, с. 230; 16, с. 113; 23, с. 47; 24, с. 209][2]. Мы согласны с критикой Г.Г. Доспулова по отношению к такому пониманию. Он пишет, что процессуальная фиксация информации сама по себе не может служить надежным критерием отграничения доказательств от тактической и прочей, не имеющей значения для дела, информации, а создает только юридическую предпосылку для использования ее в качестве доказательств по уголовному делу. В данном случае закрепленные сведения о фактах еще не обладают такими необходимыми требованиями доказательств как относимость и достоверность. Представляется, что авторы, связывающие возникновение доказательств с их процессуальным закреплением, смешивают два вида сведений. Во-первых, это сведения, содержащиеся в протоколах, документах и т. д. и, во-вторых, сведения как доказательства, находящиеся в сознании субъектов доказывания и обладающие свойствами доказательств. Совершенно верно по этому поводу замечает В.Я. Колдин, что доказательства – это не только выделенные, но и осмысленные субъектом доказывания и включенные в соответствующую доказательственную систему [13, с. 39].

Неправильность рассматриваемого взгляда также вытекает из анализа уголовно-процессуального законодательства. Часть первая статьи 74 УПК РФ, определяя доказательства, указывает, что ими являются любые сведения, на основе которых правоприменители в порядке уголовно-процессуального закона устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Простая фиксация сведений в источниках еще не позволяет что-либо устанавливать, следовательно, и называть такие сведения доказательствами еще нельзя. Нередко субъекты доказывания в источниках фиксируют сведения, которые нельзя использовать в доказывании, но можно применять в тактических целях, для выдвижения следственных версий. Например, по делу К. и Т., обвиняемых по ч. 2 п. «а» ст. 158, ч. 1 ст. 150 УК РФ, следователем в протоколе допроса были записаны сообщения свидетеля Р., содержащие предположения о субъектах преступления, которые в последствии подтвердились[3]. Вполне понятно, что такие предположения не могут быть использованы в качестве доказательств, но по мнению же рассматриваемой точки зрения получается, что и такие сведения ими являются.

Нельзя согласиться и с позицией Ф.Н. Фаткуллина, который о процессуально закрепленных сведениях пишет, что если в результате тщательной проверки и оценки их признают недоброкачественными, то их доказательственная роль на этом завершается [17, с. 106]. Непонятно, что могут доказать такие сведения, в чем заключается их доказательственная роль, о которой говорит Ф.Н. Фаткуллин, когда еще не установлена их доброкачественность (свойство доказательств).

Интересную позицию в определении момента появления доказательств высказали ученые, которые связывают возникновение доказательств с принятием определенных решений [22, с. 71; 2, с. 213; 4, с. 71–73]. По их мнению, о доказательствах можно говорить лишь при принятии основного процессуального решения – постановления о привлечении в качестве обвиняемого [22, с. 71; 2, с. 213] или постановления о прекращении уголовного дела [22, с. 71], или при принятии итогового уголовно-процессуального акта в стадии судебного разбирательства [4, с. 71–73]. При этом они отделяют процессы исследования и познания от процесса принятия основного решения [22, с. 73; 2, с. 213; 4, с. 71–73].

Согласно их позициям в процессе познания решается вопрос, может ли информация служить в качестве доказательств по делу, а в ходе принятия основного решения она допускается или не допускается в качестве судебных доказательств [22, с. 73; 2, с. 213; 4, с. 71–73]. Для обоснования своих утверждений они выделяют два вида оценок. Во-первых, предварительная оценка на операционном уровне следственного действия, т. е. в процессе исследования и выяснения обстоятельств дела, когда предварительно решается вопрос об относимости и допустимости сведений в качестве доказательств, но доказательств как таковых на данном этапе нет. Во-вторых, процессуальная оценка во время принятия основного процессуального решения, когда уже скоплен определенный информационный массив, который уже прошел предварительную оценку. По их мнению, именно на уровне процессуальной оценки следователь или суд и оценивает всю

[2] Такого мнения придерживаются и многие практические работники, 42% из всех нами опрошенных признали процессуальное закрепление моментом появления доказательств.
[3] Дело № 1-597/2021 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.

систему доказательственной информации по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, и использует ее в ходе принятия окончательного решения по делу, что и является моментом возникновения доказательств [22, с. 72; 2, с. 213; 4, с. 71–73].

Считаем, что в таком утверждении имеются некоторые неточности. Указанное выделение двух видов оценок полагаем искусственным, поскольку мыслительная и практическая деятельности человека неразрывно связаны между собой, нельзя сначала собирать, предварительно оценивать сведения, а уж потом их оценивать окончательно. По мере получения сведений субъектом доказывания одновременно происходит и их оценка по требованиям ст. 17 УПК РФ. Такая оценка включает в себя как логическую сторону, так и практическую. Неслучайно в процессуальной литературе вместо термина «этапы доказывания» используется термин «элементы доказывания», акцентируя внимание на единовременный процесс – собирание, проверку, оценку сведений [17, с. 9; 25, с. 9; 26, с. 9; 5, с. 93]. Л.М. Карнеева прямо указывает, что практически собирание и проверка доказательств все время сопровождаются их оценкой [27, с. 16]. Если же признать верной вышеуказанную позицию, то не понятно, на основе чего же, если не на основе ст. 17 УПК РФ, т. е. не по внутреннему убеждению субъектов доказывания, производится так называемая «предварительная оценка сведений». По ходу собирания, проверки и оценки сведений о фактах происходит постепенное количественное устранение своего незнания субъектом доказывания. Когда совокупность таких сведений становится достаточной для принятия какого-либо процессуального решения, количество переходит в качество, в результате чего субъектом доказывания выносится решение, и вовсе не обязательно только постановление о привлечении в качестве обвиняемого или постановление о прекращении уголовного дела, или какой-нибудь итоговый уголовно-процессуальный акт стадии судебного разбирательства. И другие процессуальные решения должны основываться на доказательствах. Возникновение доказательств, таким образом, вовсе не связано с принятием какого-либо процессуального решения, а зависит от внутреннего убеждения субъектов доказывания. Если такой субъект на основе тщательной проверки доброкачественности придет к убеждению, то можно сказать, что это сведение стало доказательством[4].

Принятие же процессуальных решений связано не с отдельным доказательством, а с достаточной их совокупностью, т. е. с совокупностью уже проверенных и оцененных сведений. Если субъект доказывания придет к убеждению, что совокупность единичных доказательств достаточна, то это значит, что он пришел к убеждению о необходимости принять какое-то конкретное процессуальное решение. Следовательно, надо различать: во-первых, оценку по внутреннему убеждению процессуально полученных сведений о фактах на их доброкачественность (относимость, достоверность и допустимость) как условие возникновения доказательств и, во-вторых, оценку по внутреннему убеждению совокупности единичных доказательств на достаточность для принятия процессуального решения.

Нельзя согласиться и с таким утверждением сторонников определения момента появления доказательств в связи с принятием определенных уголовно-процессуальных актов, что именно при принятии основного процессуального решения достигается абсолютная истинность сведения о фактах, полученных из процессуальных источников, и создается гомоморфный вывод соответствующий фактическим обстоятельствам дела [22, с. 72–73; 2, с. 213; 4, с. 71–73].

Отрицание того, что при вынесении иных процессуальных решений субъекты доказывания основываются не на доказательствах, влечет за собой не что иное, как незаконность принятия таких решений, с чем, конечно же, согласиться нельзя. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, современный законодатель по сравнению с прошлым, давая определение доказательств, прописал, что любые решения, принимаемые по уголовному делу, и те, которые выносятся при установлении наличия или отсутствия не только обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, должны основываться на доказательствах.

На наш взгляд, гомоморфный вывод[5], модель расследуемого события достигается и до вынесения основного процессуального

[4] Уместно добавить и то, что 46 % всех нами опрошенных практических работников момент проверки и оценки процессуально оформленных сведений признали моментом возникновения доказательств.

[5] Понятие «гомоморфизм» в литературе употребляется как отражение типа «многое в одном», одному элементу в отражении соответствует несколько в действительности. Часто «гомоморфное» отражение трактуется как однозначное с понятием «модель» [28].

решения. Модель преступного события не может полностью отражать все многообразие преступления ни на какой стадии уголовного процесса, в том числе и на этапе принятия основного процессуального решения. Признание же того, что на этой стадии модель отражает уже по существу все признаки состава преступления, указанные в особенной части УК, вовсе не умаляет значение гомоморфного вывода (модели) и до этого. Гомоморфный вывод может появиться в некоторых случаях и до возбуждения уголовного дела, когда событие преступления налицо и вовсе нет никакой необходимости отодвигать его до предъявления обвинения. Так, по делу Х., Т., обвиняемых по ч. 2 п «а» ст. 161 УК РФ, уже до возбуждения дела было известно, кто совершил преступление на основе заявления гражданина С., рапорта сотрудника полиции Д., протокола задержания и других источников[6].

Представляется, что нельзя сводить появление судебных доказательств с их возможностью устанавливать виновность конкретного адресата – обвиняемого [22, с. 85; 2, с. 213; 4, с. 71–73]. Относимость судебных доказательств, согласно ст. 74 УПК РФ, включает в себя более широкое содержание. Доказательствами являются и сведения, используемые для установления наличия или отсутствия обстоятельств, которые не имеют непосредственного отношения к обвиняемому. Об этом свидетельствует и позиция законодателя при определении доказательств в ч. 1 ст. 74 УПК РФ.

Трудно согласиться и с употреблением термина «доказательственная информация». По их мнению, процессуально закрепленная информация до принятия основного процессуального решения является «доказательственной» [22, с. 71; 2, с. 213; 4, с. 71–73]. На наш взгляд, нельзя именовать такую информацию доказательственной, поскольку сам термин «доказательственная» говорит о том, что такая информация должна что-то доказывать, а доказывать она может только тогда, когда является элементом знаний в сознании субъекта доказывания [13, с. 36–37], т. е. является уже воспринятой из источника. Чтобы воспринятая информация использовалась в уголовно-процессуальном доказывании, она должна стать ничем иным как доказательством, а точнее, содержанием доказательства. Поэтому, думается, что вкладывать в понятие «доказательственная информация» какое-то иное понимание не корректно.

По всем вышеуказанным соображениям представляется, что рассмотренная нами точка зрения авторов, связывающая возникновение доказательств с принятием постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого или постановления о прекращении уголовного дела, или итогового решения стадии судебного разбирательства, не состоятельна.

Наша позиция в определении момента возникновения доказательств относится и к последующим субъектам доказывания. Если мы выяснили, что возникновение доказательств связано с внутренним убеждением субъекта доказывания, то это еще не значит, что такие процессуальные доказательства, если они уже возникли, автоматически переходят в сознание последующих субъектов доказывания, оставаясь и для них доказательствами. Тем не менее такого взгляда придерживается абсолютное большинство авторов в своих работах [15, с. 290; 22, с. 78]. Доказательства – это доброкачественные сведения о фактах. Если же признать, что в суде используются доказательства, установленные на предварительном расследовании, то исчезает вообще необходимость проверки и оценки таких сведений, не нужен и сам процесс доказывания в суде. Сведения, признанные доказательствами следователем на стадии предварительного расследования, для суда доказательствами еще не являются, они ими становятся лишь после проверки и оценки по ст. 17 УПК РФ самими судьями, только тогда и возникают доказательства на суде. Уголовно-процессуальное доказательство существует всегда только у конкретного субъекта доказывания. Чтобы кто-то признал сведения о факте доказательством, он прежде всего должен убедиться в его доброкачественности.

В подтверждение этому можно привести слова В.И. Ленина: «Как доискаться истины? Как разобраться среди противоречащих друг другу мнений и рассуждений? Всякий разумный человек понимает, что если идет горячая борьба из-за какого бы то ни было предмета, то для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания» [29, с. 67].

Исходя из приведенных аргументов, можно заключить: моментом преобразования сведения о фактах в уголовно-процессуальное доказательство по УПК РФ следует считать момент достижения внутреннего убеждения конкретным субъектом доказывания доброкачественности (в наличии необходимых свойств и условий, предъявленных к доказательствам) сведений о фактах, полученных процессуальными способами.

[6] Дело № 1-583/2021 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.

Список источников

1. Нуркаева М.К. Возникновение доказательств по УПК РФ // Пятьдесят лет кафедры уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практ. конф., в 2 ч. (27–28 января 2005 г.). Екатеринбург, 2005. Ч. 2.
2. Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.
3. Колдин В.Я. Электронная информация в праве // Вестник Московского унмверситета. Серия 11: Право. 2016. № 2.
4. Стельмах В.Ю. Сущность формирования доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4.
5. Россинский С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 3. Т. 6.
6. Уголовно-процессуальное доказывание: теория, практика, методология / А.Ю. Афанасьев, А.А. Зайцев, С.А. Лубин [и др.]. М., 2021.
7. Лазарева В.А. Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1.
8. Ковтун Н.Н. Доказывание: «уголовно-процессуальное» versus «криминалистическое» (записки на полях одной монографии): рецензия на книгу «Уголовно-процессуальное доказывание: практика, методология» / под. ред. А.Ю. Афанасьева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4(56).
9. Россинский С.Б. Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. № 3. Т. 10.
10. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
12. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.
13. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985.
14. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Полное собр. соч.: в 55 т., 5-е изд. М., 1968. Т. 18.

References

1. Nurkaeva M.K. The emergence of evidence under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Fifty years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SUI): Proc. of the International Scientific and Practical Conf., in 2 parts (January 27-28, 2005). Ekaterinburg, 2005. Part 2.
2. Barabash A.S. The nature of Russian criminal procedure, the goals of criminal procedural activity and their establishment. St. Petersburg, 2005.
3. Kol'din V.Ya. Electronic information in law // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 2016. № 2.
4. Stelmakh V.Yu. The essence of the formation of evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4.
5. Rossinsky S.B. Collection of evidence as the «first» stage of proof in a criminal case // Legal Bulletin of Samara University. 2020. № 3. Vol. 6.
6. Criminal procedural proof: theory, practice, methodology / A.Yu. Afanasyev, A.A. Zaitsev, S.A. Lubin [et al.]. Moscow, 2021.
7. Lazareva V.A. Collection or formation? Continuing the discussion // Judicial power and criminal procedure. 2021. № 1.
8. Kovtun N.N. Proof: «criminal procedural» versus «forensic» (notes in the margins of a monograph): review of the book «Criminal procedural proof: practice, methodology» / ed. A.Yu. Afanasyeva // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(56).
9. Rossinsky S. B. Collection of Evidence vs. Examination of Evidence in the Context of Shafer's Theory of Investigative Actions (on the 100th Anniversary of the Teacher's Birth) // Legal Bulletin of Samara University. 2024. № 3. Vol. 10.
10. Kaz Ts. M. Evidence in Soviet Criminal Procedure. Saratov, 1960.
11. Strogovich M. S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1968. Vol. 1.
12. Belkin R. S. Lenin's Theory of Reflection and Methodological Problems of Soviet Forensic Science. Moscow, 1970.
13. Kol'din V. Ya., Polevoy N. S. Information Processes and Structures in Forensic Science. Moscow, 1985.
14. Lenin, V.I. Materialism and Empiriocriticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy. Complete Works: in 55 volumes, 5th ed. Moscow, 1968. Vol. 18.

15. Теория доказательств в советском уголовном процессе: часть общая / под ред. В. Н. Жогина. М., 1966.
16. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
17. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.
18. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
19. Банин В.А. Предмет доказывания в советском уголовном процессе (гносеологическая и правовая природа). Саратов, 1981.
20. Эйсман. А.А. Логика доказывания. М., 1971.
21. Подголин Е.Е. Понятие доказательств в уголовном судопроизводстве (семиотические аспекты) // Правоведение. Известие вузов. 1978. № 2.
22. Доспулов Г.Г. Оптимизация предварительного следствия. Алма-Ата, 1984.
23. Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959.
24. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е издание / под ред. Н.В. Жогина. М., 1973.
25. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984.
26. Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983.
27. Карнеева Л.М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательствам. М., 1985.
28. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/gomomorfizm-5390b8 (дата обращения: 01.03.2025).
29. Ленин В.И. Спорные вопросы. Открытая партия и марксисты. Полное собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 23.

15. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure: General Part / edited by V.N. Zhogin. Moscow, 1966.
16. Arsenyev, V.D. Issues of the General Theory of Forensic Evidence. Moscow, 1964.
17. Fatkullin, F.N. General Problems of Procedural Proof. Kazan, 1976.
18. Korshunov, A.M. Reflection, Activity, Cognition. Moscow, 1979.
19. Banin, V.A. Subject of Proof in Soviet Criminal Procedure (Epistemological and Legal Nature). Saratov, 1981.
20. Eisman, A.A. The Logic of Proof. Moscow, 1971.
21. Podgolin, E.E. The Concept of Evidence in Criminal Proceedings (Semiotic Aspects) // Jurisprudence. News of Universities. 1978. № 2.
22. Dospulov, G.G. Optimization of Preliminary Investigation. Alma-Ata, 1984.
23. Ulyanova, L.T. Evaluation of Evidence by the Court of First Instance. Moscow, 1959.
24. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure. 2nd edition / edited by N.V. Zhogin. Moscow, 1973.
25. Mikheenko, M.M. Proof in Soviet Criminal Proceedings. Kyiv, 1984.
26. Kuznetsov, N.P. Proof at the Initiation Stage of a Criminal Case. Voronezh, 1983.
27. Karneeva, L.M., Kertes, I. Sources of Evidence under Soviet and Hungarian Legislation. Moscow, 1985.
28. The Great Russian Encyclopedia. Available at: https://bigenc.ru/c/gomomorfizm-5390b8 (date of access: 01.03.2025).
29. Lenin, V.I. Controversial Issues. The Open Party and the Marxists. Complete Collected Works: in 55 volumes. 5th ed. Moscow, 1968. Vol. 23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нуркаева Мелия Каюмовна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Уфимский юридический институт МВД России. 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurkaeva Melia Kayumovna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Muksinov St., Ufa 450103 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 128–131.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 128–131.

Научная статья
УДК 343.9

СУЩНОСТЬ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКАНИЯ ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ

Радеева Юлия Александровна
Управление внутренних дел по Центральному административному округу Главного управления МВД по г. Москве, Москва, Российская Федерация, m89166810785@gmail.com

Введение: *планирование расследования входит в систему организационно-тактических приемов для разрешения проблемно-поисковых следственных ситуаций, когда информация об обстоятельствах преступления ограничена и противоречива. Неэффективное планирование в таких ситуациях может привести к ошибкам, затягиванию сроков расследования и, как следствие, к нарушению прав и законных интересов участников уголовного процесса. Данная статья посвящена анализу сущности планирования расследования и его ключевых этапов в условиях информационной неопределенности.*

Материалы и методы: *в качестве методологической основы исследования использовался всеобщий метод познания, включающий общенаучные (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, систематизация, моделирование) и специальные криминалистические методы (системно-структурный анализ). Изучались материалы научных исследований, отраженные в диссертациях, монографиях, научных статьях и т. д.*

Результаты исследования: *была выявлена сущность планирования расследования в условиях проблемно-поисковой следственной ситуации, заключающаяся в его поэтапном характере и учете динамической и статической структур.*

Выводы и заключения: *были выделены этапы динамической структуры планирования – развернутого во времени процесса накопления и преобразования первичной криминалистически значимой информации и ее последовательного обогащения новой информацией.*

Ключевые слова: *планирование расследования, проблемно-поисковая следственная ситуация, динамическая структура планирования, статическая структура планирования, этапы планирования.*

Для цитирования: Радеева Ю. А. *Сущность планирования расследования в условиях протекания проблемно-поисковой следственной ситуации / Ю. А. Радеева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 128–131.*

Original paper

THE ESSENCE OF INVESTIGATION PLANNING IN THE CONTEXT OF A PROBLEM-SEARCH INVESTIGATIVE SITUATION

Radeeva Yulia Alexandrovna
The Department of Internal Affairs of the Central Administrative District of the Ministry of Internal Affairs of Russia of Moscow, Moscow, Russian Federation

Introduction: *investigation planning is part of a system of organizational and tactical approaches for resolving problematic investigative situations where information about the circumstances of a crime is limited and contradictory. Ineffective planning in such situations can lead to errors, delays in the investigation, and, consequently, to the violation of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. This article analyzes the essence of investigation planning and its key stages under conditions of information uncertainty.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study was a general method of cognition, incorporating general scientific methods (analysis, synthesis, abstraction, generalization, systematization, modeling) and specific forensic methods (systemic-structural analysis). Research materials reflected in dissertations, monographs, scientific articles, etc. were examined.*

Results of the study: *the study revealed the essence of investigation planning in problematic investigative situations, which consists of its phased nature and consideration of dynamic and static structures.*

Findings and conclusions: *the stages of a dynamic planning structure were identified—a time-consuming process of accumulating and transforming primary forensically significant information and gradually enriching it with new information.*

Keywords: *investigation planning, problem-search investigative situation, dynamic planning structure, static planning structure, planning stages.*

For citation: Radeeva Yu. A. *The essence of investigation planning in the context of a problem-search investigative situation / Yu. A. Radeeva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 128–131.*

Анализ исследования криминалистов, связанных с планированием предварительного расследования, свидетельствует о том, что план расследования следует рассматривать в соответствии с анализом двух основных аспектов этого процесса – его динамических и статических структур, где структура рассматривается с позиции способа организации объекта, который обеспечивает связь элементов системы в определенную целостность.

Динамическую структуру планирования расследования в условиях проблемно-поисковых следственных ситуаций следует рассматривать как поэтапный, развернутый во времени процесс накопления и преобразования первичной криминалистически значимой информации и ее последовательное обогащение новой информацией, а статическую – как относительно стабильную связь главных и дополнительных элементов разрабатываемого плана расследования.

Процесс построения таких динамических и статических структур Л.Я. Драпкин характеризовал [1, с. 58] как применение системно-структурного анализа к специфическому объекту, состоящему из двух подсистем – подвижной, многоэтапной, характеризующейся временной последовательностью и взаимодействием этапов процесса планирования (прямая и обратная связь), и сравнительно стабильной, вневременной, определенной специфической формой связей основных элементов готового плана расследования (итоговая модель).

Подобный подход соответствует и нашему пониманию процесса решения задачи – проблемы планирования расследования в условиях проблемно-поисковой следственной ситуации.

Рассматривая планирование в качестве организационно-тактического приема в данном аспекте, следует отметить, что исследование динамических структур должно проходить без учета известных основных уровней системы комплексного планирования, таких, например, как формирования планов следственного действия, тактических операций и пр., и структур статических – планов перечисленных уровней.

Динамическая структура такого планирования связана определенными этапами.

На *первом этапе* она всегда связана с необходимостью установления проблемы, отправного пункта, начала расследования преступления, который позволяет следователю определиться с характером той сложной типовой задачи, которая уже обусловлена известной конкретной криминалистически значимой информацией, чье разрешение возможно в соответствии с разработанными криминалистикой методами и средствами.

Это позволяет следователю определить непосредственные цели расследования, которые представляют собой задачу, данную в определенных условиях, и уточнить цели общего уровня, сформулированные в соответствии с построенными первоначальными следственными версиями и выведенными из них логическими следствиями, направленными на сокращение информационной неопределенности, всегда характерной для проблемно-поисковой следственной ситуации.

На этом этапе происходит *определение проблемы и характера ее информационной неопределенности как содержания рассматриваемой следственной ситуации.*

Следующий, *второй этап* связан с деятельностью следователя, которую можно рассматривать как организационно-упорядочивающую по причине того, что анализ выдвинутых следственных версий и известной криминалистически значимой информации содержат логические следствия, которые повторяются при их выведении из различных версий. Эти вопросы могут иметь отношение к проверке нескольких следственных версий, что способствует оптимизации содержания информационной неопределенности следственной ситуации.

В процессе прохождения второго этапа планирования закономерным следует считать обстановку, в которой наряду с логическими следствиями объективных версий расследования могут появляться вопросы, не связанные с этими версиями и их логическими следствиями. Однако эти вопросы также требуют своего рассмотрения в процессе расследования.

Анализ и упорядочение логических следствий позволяет выявить указанные вопросы, которые непосредственно не вытекают из версий, но все равно требуют к себе внимания следователя для проверки как значимые для расследования, что обязывает последнего отнести их в отдельный раздел плана расследования *(третий этап)*.

Расследование преступления представляет собой деятельность, которая тесным образом связана с ресурсным обеспечением, имеющемся в распоряжении следователя. Поэтому *четвертым этапом* рассматриваемого алгоритма планирования является

необходимость определения и учета средств для проводимой и предполагаемой следственной деятельности. В данном контексте средства следует воспринимать в широком смысле слова как человеческие, материально-технические и информационные ресурсы, временные и иные факторы и условия, которые следует всегда объективно учитывать при оценке ситуации расследования в качестве проблемно-поисковой следственной ситуации.

Пятый этап планирования представляется нам особенно значимым, т. к. на этом этапе реализуется процесс постановки задачи (цели), данной в определенных условиях, т. е. условиях определения проблемы, характера ее информационной неопределенности и деятельности по разрешению этой проблемы в процессе последовательного, в ходе предварительного расследования, исключения этой неопределенности и установления обстоятельств преступления.

Осуществляя планирование, следователь должен соизмерить определенные цели и совокупность средств, обеспечивающих их достижение, что определяет характер организационно-тактических действий, чем формулирует стоящую задачу (достаточно, недостаточно ресурсов).

В самом *общем виде задачи разрешения* проблемно-поисковых следственных ситуаций можно классифицировать на *поисковые* и *доказательственные* задачи. Основанием такого деления являются используемые для их решения методы и средства.

Определенная планированием задача первоначально имеет свое условие, это условие опирается на исходные данные, связанные с обстоятельствами совершенного преступления. Предварительное расследование постоянно сталкивается с ситуациями, когда одной из целей задачи является поиск (установление) того или иного обстоятельства, которое неизвестно в этой задаче, но соответствует ее условию и в свою очередь связывает неизвестное с исходными данными.

Цель задачи на доказательство направлена на установление правильности (ложности) того или иного обстоятельства, его подтверждение (опровержение).

Однако производство предварительного расследования по ряду причин носит ситуационный характер, что указывает на невозможность его подчинения жестким алгоритмам, обуславливающим обязательное поведение следователя, который не вправе отойти от алгоритмических предписаний и должен действовать исключительно в их соответствии.

Также и задачи планирования с учетом ситуационного характера расследования могут быть связаны *воедино поисково-доказательственной целью*. Решение задачи с такой целью имеет определенные сложности в организационно-управленческом отношении, в том числе и невозможность ее решения в рамках определенного расследования. В таких обстоятельствах допустимо, как частный случай, тактическое изменение цели, например, связанное с выделением материалов уголовного дела в отдельное производство и производство по ним самостоятельного расследования.

Следователь, планируя расследование преступления, постоянно должен контролировать ситуацию с той целью, чтобы количество трудностей расследования не переросло в качество, т. е. не сформировалась его организационная неупорядоченность, т. к. это новое качество потребует радикального пересмотра всего процесса планирования и хода расследования. Поэтому правильно сформулированная следователем задача позволяет ему в дальнейшем успешно планировать как отдельные свои действия, так и в целом деятельность по расследованию.

Значение этого этапа для всего процесса планирования расследования заключается в том, что разрешение проблемно-поисковой следственной ситуации оптимизируется планированием через определенную организационно-управленческую ситуацию, которая отражает характер наличных ресурсов (сил, времени и средств) расследования, что позволяет осуществлять дальнейшее планирование.

Решение задач предварительного расследования продолжается на *шестом этапе* планирования, где разрабатываются, на основе анализа и оценки, оптимальные варианты моделей следственных, процессуальных, оперативно-розыскных и иных действий, в соответствии с которыми следователь проводит на основе своих решений подтверждение (опровержение) логических следствий версий и установление вневерсионных обстоятельств.

Те или иные решения следователя опираются не только на результаты планирования расследования, но и на его прогнозирование, в том числе направленное и на возможность получения того или иного результата.

Правильный синтез планирования и прогнозирования в процессе расследования преступления оптимизирует его методы и средства, что соответствует ситуационному подходу расследования и природе тактических рекомендаций.

На *седьмом этапе* планирования следователь производит выбор наиболее оптимальных следственных действий и иных мероприятий, реализация которых позволит сократить затраты сил и средств, а главное – времени расследования, с целью разрешение проблемы и сокращения ее информационной неопределенности, т. к. это основная цель разрешения проблемно-поисковой следственной ситуации. Здесь актуализируются не только организационные, но и тактические соображения.

Реализация этого этапа плана должна предусматривать возможность и целесообразность параллельного проведения вышеприведенных и иных мероприятий с учетом факторов (территориальные, транспортные и пр.), обуславливающих рациональную группировку запланированных действий.

Главным тактико-организационным критерием рассматриваемого этапа должно стать правило «максимальной конкретиза-

ции ресурсов вокруг определенного объекта исследования, поиска и проверки в рамках отдельного эпизода, конкретной следственной версии».

Выбор процессуальных и тактических методов и средств для решения запланированной в расследовании преступления задачи по логике вещей требует определения непосредственных исполнителей этих действий и сроков их исполнения, в том числе и определения продолжительности исполнения. В этом заключается *восьмой этап* планирования расследования. Очевидно, что функционально сроки и исполнители планируемых действий отличаются друг от друга, но отрицать их тесную связь невозможно. Поэтому мы и связали эти положения одним этапом[1].

Данный этап важен для реализации планирования расследования преступления еще и тем, что его реализация позволяет просчитать ресурсы, которые находятся в распоряжении следователя – необходимое число участников расследования, модели организации и проведения следственных действий и пр. Здесь следователь принимает решение и относительно организационной структуры расследования – следственная группа, другие формы взаимодействия в процессе расследования.

Совершенно очевидно, что план предварительного расследования преступления не может иметь одну организационную форму. Это означает, что определенная особенностями расследования всегда существует система планов различных уровней и назначений *(девятый этап)*. Так, следователь может самостоятельно планировать процесс проверки отдельной следственной версии, параллельной проверки нескольких следственных версий, вневерсионные и общеверсионные мероприятия, отдельные следственные действия. Все эти планы составляют единый сводный план расследования преступления, однако сводный план объединяет другие планы не механически, это объединение подчинено системно-деятельностному подходу, основанному на постоянной корректировке этих планов следователем.

Планирование как организационно-тактический прием в ходе проведения предварительного расследования в условиях проблемно-поисковых следственных ситуаций всегда заключается в учете результатов реализации сформированного плана и внесения в него соответствующей корректировки и изменений, что определяет особенности *десятого этапа*.

Приведенная динамичная структура планирования предварительного расследования в условиях проблемно-поисковых следственных ситуаций рассматривается нами как организационно-тактический прием, реализуемый на первоначальном, последующем и заключительном этапе расследования.

По-существу, оптимизируя этапы динамической структуры планирования, ее можно представить в качестве алгоритма элементов следующего содержания: 1) логические версионные следствия и вневерсионные обстоятельства, подлежащие проверке; 2) ресурсы, доступные следователю для проводимого расследования; 3) следственные, процессуальные, оперативно-розыскные, организационно-управленческие и прочие действия и мероприятия, их комплексная или раздельная реализация; 4) тактические способы и средства для реализации следственных, процессуальных, оперативно-розыскных, организационно-управленческих и прочих действий и мероприятий; 5) исполнители и сроки реализации следственных, процессуальных, оперативно-розыскных, организационно-управленческих и прочих действий и мероприятий; 6) результаты реализации элементов плана и их корректировка.

Динамическая и статическая структура планирования способствует созданию материальной формы планирования в его письменной и графической форме.

Список источников

1. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

References

1. Drapkin L.Ya. Fundamentals of the theory of investigative situations. Sverdlovsk, 1987.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радеева Юлия Александровна, *заместитель начальника Следственного управления. Управление внутренних дел по Центральному административному округу Главного управления МВД по г. Москве. 109029, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ср. Калитниковская, 31.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Radeeva Yulia Alexandrovna, *Deputy Head of the Investigative Department. The Department of Internal Affairs of the Central Administrative District of the Ministry of Internal Affairs of Russia of Moscow. 31, Sr. Kalitnikovskaya St., Moscow 109029 Russian Federation.*

[1] В статической структуре планирования сроки и исполнители являются самостоятельными элементами.

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 132–136.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 132–136.

Научная статья
УДК 343.16

СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДОЗНАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Россинский Сергей Борисович
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com

Введение: *в статье рассматриваются сущностные признаки, определяющие доктринальный подход к принципам организации и деятельности отделов, отделений и прочих подразделений дознания органов внутренних дел как структурных подразделений полиции, призванных обеспечивать исполнение возложенных на нее обязанностей уголовно-процессуального характера.*

Материалы и методы: *при подготовке статьи были использованы научные источники, законодательные и подзаконные акты, определяющие организационное построение российской полиции, с одной стороны, и досудебного производства по уголовному делу – с другой. Методологическая основа статьи включает общенаучные и частнонаучные методы, в том числе диалектический метод научного познания, метод системного анализа, формально-логические методы, метод прогнозирования и др.*

Результаты исследования: *сформулирована доктринальная дефиниция принципов организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел – под ними предложено понимать предусмотренные законом либо вытекающие из его смысла концептуальные правовые идеи, которые, объективно отражая закономерности существования и развития российского социума и российской государственности, предопределяют организационно-правовые условия и порядок работы включенных в состав полиции профильных управлений, отделов, отделений, групп дознания, преднамеренно образованных в целях обеспечения реализации уголовно-процессуальных полномочий органа дознания и осуществления некоторых других функций в сфере борьбы с преступностью.*

Выводы и заключения: *определены направления и намечены пути для продолжения научных исследований, посвященных проблемам принципов организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел.*

Ключевые слова: *дознание; орган дознания; органы внутренних дел; отдел дознания; отделение дознания; полиция; принципы работы органа дознания; специализированные подразделения дознания.*

Для цитирования: Россинский С. Б. *Сущность принципов организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел / С. Б. Россинский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 132–136.*

Original paper

ESSENCE OF THE PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF SPECIAL POLICE INVESTIGATION DEPARTMENTS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Rossinsky Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: *this article examines the essential characteristics that define the doctrinal approach to the principles of organization and operation of departments, divisions, and other investigative units of internal affairs agencies as structural subdivisions of the police, designed to ensure the fulfillment of their criminal procedural duties.*

Materials and methods: *in preparing this article, scholarly sources, legislative and regulatory acts defining the organizational structure of the Russian police, on the one hand, and pre-trial criminal proceedings, on the other, were used. The article's methodological framework incorporates general and specific scientific methods, including the dialectical method of scientific cognition, the method of systems analysis, formal logical methods, the forecasting method, etc.*

Results of the study: *a doctrinal definition of the principles of the organization and activities of specialized investigative units of internal affairs bodies has been formulated. These are proposed to be understood as conceptual legal ideas provided for by law or arising from its meaning, which, objectively reflecting the laws of the existence and development of Russian society and Russian statehood, predetermine the organizational and legal conditions and operating procedures of specialized departments, divisions, departments, and investigative groups included in the police force, intentionally formed to ensure the implementation of the criminal procedural powers of the investigative body and the implementation of certain other functions in the fight against crime.*

Findings and conclusions: *Directions have been identified and paths for continuing scientific research on the principles of organization and operation of specialized inquiry units of internal affairs agencies have been outlined.*

Keywords: *inquiry; inquiry agency; internal affairs agencies; inquiry department; inquiry division; police; principles of inquiry agency operation; specialized inquiry units.*

For citation: Rossinsky S. B. *Essence of the principles of organization and activities of special police investigation departments of the internal affairs bodies / S. B. Rossinskiy // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 132–136.*

Как известно, специализированные подразделения дознания органов внутренних дел – это включенные в состав полиции самостоятельные структурные отделы, отделения, иные подразделения, как бы «профильные секции», призванные обеспечивать исполнение возложенных на нее (полицию) обязанностей уголовно-процессуального характера, а также решать некоторые другие «антикриминальные» задачи, в первую очередь связанные с предупреждением, выявлением и раскрытием преступлений. А нормативным фундаментом их организации и деятельности являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), Федеральный закон от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции), иные федеральные законы и различные подзаконные нормативные правовые акты, в первую очередь известный приказ МВД России от 15.06.2020 № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». Ввиду институционального характера таких подразделений, их участия в сфере уголовной юстиции как наделенных государственно-властной компетенций полноценных субъектов правоприменительной практики, их построение, правила реализации уголовно-процессуальных и других полномочий, способы взаимодействия с прочими участниками публичных правоотношений подчинены ряду важнейших постулатов – принципов организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел. Рассмотрению сущности этих принципов и посвящена настоящая статья.

Вообще всякая сфера жизнедеятельности, любая функционирующая, в том числе удовлетворяющая определенные потребности система вне зависимости от своей природы, характера, сложности, иных параметров, всегда опирается на каких-то исходные, концептуальные идеи, обусловленные ее предназначением, а следовательно, и закономерностями ее возникновения, существования и развития. Иногда они именуются аксиомами, иногда – постулатами, иногда – ма́ксимами, иногда – заповедями, иногда – как-то еще. Однако в условиях, требующих использования более научной или официальной терминологии, подобные идеи принято назвать принципами (от лат. principium – основа, начало).

Для построения и функционирования государственного аппарата, организации и деятельности любых входящих в него публичных институций тоже характерны определенные принципы. В том числе собственными принципами располагают судебная система, прокуратура, Следственный комитет РФ, полиция, другие правоохранительные ведомства и даже включенные в их состав специализированные службы.

В связи с этим вряд ли можно признать исключением и систему специализированных подразделений дознания органов внутренних дел. Данным подразделениям тоже присущи свои принципы – некие руководящие идеи, отражающие их функциональное предназначение, особенности организации и деятельности, в первую очередь правоприменительной практики по конкретным уголовным делам. Причем ввиду нахождения таких подразделений в составе полиции свойственные им принципы характеризу-

ются своеобразным дуализмом – являются воплощением интеграции «административности» и «процессуальности», основаны на частичном переплетении полицейских и юрисдикционных начал.

С одной стороны, они отражают известные организационно-управленческие подходы к работе органов исполнительной власти в целом, органов внутренних дел и полиции в частности, тогда как с другой – не могут противоречить общей парадигме российского уголовного процесса, в том числе постепенно сформировавшейся национальной концепции досудебного производства, предполагающей наделение правоохранительных органов полицейского типа, а также их должностных лиц юрисдикционной правосубъектностью, включая способности формирования полноценных, изначально признаваемых допустимыми доказательств, собственной уголовно-правовой оценки (квалификации) установленных обстоятельств, вынесения влекущих юридические последствия правоприменительных актов [1, с. 64]. Другими словами, принципы организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел, будучи производными как от принципов работы полиции, так и от принципов уголовного судопроизводства, предполагают определенную преемственность по отношению и к тем, и к другим – являются результатами адаптации государственной политики в сфере внутренних дел и сфере уголовной юстиции, применительной к специально созданной для реализации дознавательских полномочий «профильной» полицейской службы. А возможность более четкого уразумения и осмысления данных принципов предопределяется должным пониманием их сущностных признаков.

Важнейшим из таких признаков является объективность, под которой обычно понимают согласованность принципа с реальными (объективными) закономерностями возникновения, существования и развития соответствующего сегмента правового регулирования [2, с. 12; 3, с. 19–20]. Другими словами, принципы организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел не могут ставиться в зависимость от доктринального и (или) нормативного волюнтаризма, т. е. обуславливаться не столько подлинными потребностями российского социума в сфере борьбы с преступностью и другими объективными причинами, сколько субъективными желаниями, в некотором смысле даже капризами отдельных представителей юридической общественности. Такие «псевдопринципы», невзирая на вполне возможную внешнюю привлекательность, например, соответствие неким демократическими идеалам, либеральным ценностям и т. п., будут являться абсолютно бессмысленными, по крайней мере, явно не способствующими надлежащей защите охраняемых уголовным законом общественных отношений от криминальных посягательств. Поэтому «работоспособность» любого принципа организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел может определяться лишь исходя из сугубо реалистичных факторов: исторически сложившихся подходов к работе правоохранительных органов и уголовному судопроизводству, реальных потребностей правоприменительной практики [4, с. 21], экономической стабильности государства и уровня благосостояния населения [5, с. 187], природных, географических, демографических и многих других особенностей современной России.

Вместе с тем объективность таких принципов не следует отождествить с консерватизмом и инертностью в самом негативном смысле этих категорий. Иными словами, принципы организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел нельзя увязывать с пассивным соглашательством со всеми присущими российской уголовной юстиции и органам внутренних дел проблемами и недостатками, изначально отказываясь от позитивных прогнозов на будущее, не намереваясь постепенно преодолевать наблюдаемые изъяны, не устанавливая более высоких по сравнению с реально выполнимыми в настоящее время требованиями. Например, несмотря на множество пока еще допускаемых дознавателями и даже их руководителями нарушений законодательства вряд ли разумно отказываться от принципа законности, невзирая на еще достаточно низкий уровень их образованности вряд ли стоит пренебрегать принципом профессионализма и т. д. Напротив, принципы должны предполагать разумный оптимизм, здоровые стремления к совершенствованию организации и деятельности организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел и таким образом предусматривать концептуальную возможность постепенных изменений к лучшему. Однако подобные «благие намерения» все же должны быть выполнимыми, т. е. в целом опять-таки соответствующими объективной реальности – в противном случае любые предпринимаемые для их осуществления меры будут изначально обречены на провал.

Еще один присущий принципам организации и деятельности организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел признак – это их концептуальность. Под такой концептуальностью обычно понимают основополагающий характер принципа и одновременную нуждаемость в конкретизации соответствующих правовых посылов посредством совокупности более частных, как бы «приземленных» положений законов и подзаконных нормативных актов [6, с. 179]. Другими словами, любой принцип организации и деятельности организации

и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел можно охарактеризовать как ключевую идею, краткий тезис, смысловое ядро, как выраженную одним или несколькими словами лаконичную концепцию, – не предполагающую подробной регламентации условий или порядка осуществления каких-либо «дознавательских» правоотношений, тем более детального изложения требований к делопроизводству, документообороту и т. п., а лишь закладывающую необходимый правовой фундамент для развернутой нормативной базы и практической деятельности по заданному направлению, в том числе позволяющую наметить правотворческие ориентиры для дальнейшего развития соответствующих норм и институтов.

Например, принцип законности раскрывается через совокупность всех положений Конституции РФ, Закона о полиции, УПК РФ, иных федеральных законов, а иногда и прочих нормативных актов, определяющих правовую форму работы специализированных подразделений дознания органов внутренних дел, принцип публичности – через нормы, устанавливающие государственно-властные полномочия органов дознания и входящих в их состав должностных лиц, принцип зональности – через территориальную компетенцию, в первую очередь через установленные ст. 152 УПК правила территориальной подследственности и т. д. Тогда как сами по себе положения принципа организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел во многом остаются не более чем «правильными, т. е. без воплощения и подробной конкретизации в более «приземленных» правовых лозунгами», «громкими призывами», непригодными ввиду краткости и обусловленной ей неопределенности к должному соблюдению, исполнению, использованию или применению по назначению.

Правда, подобная опосредованность реализации принципов организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел – через более «приземленные» правовые нормы и институты – вовсе не является тотальной, не предполагающей исключений. Отдельные принципы вполне предрасположены и к так называемому прямому действию, главным образом, к непосредственному соблюдению и исполнению усматриваемых из их смысла запретов и предписаний. Ведь в силу сложившихся в последние годы законотворческих традиций в содержание некоторых легально определенных принципов наряду с подлинно концептуальными идеями включены и другие компоненты (те самые, более «приземленные» нормы), устанавливающие конкретные правила поведения адресатов. В частности, все тот же предусмотренный ст. 6 Закона о полиции принцип законности помимо представленной в ч. 1 данной статьи общей концепции законности «отягощен» несколькими попутными запретами прямого действия, в том числе имеющими непосредственное отношение к дознавательской практике. Такие же нормативные формулировки прямого действия усматриваются и в ст. 7 УПК РФ, вроде бы как раскрывающей суть законности уголовного судопроизводства, и в некоторых других положениях, регламентирующих принципы организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел. К слову, в сфере уголовной юстиции существует еще одна причина, предопределяющая потребность в прямом действии ряда принципов уголовного судопроизводства – их ненадлежащая нормативная конкретизация, обусловленная несовершенством и пробельностью уголовно-процессуального законодательства. Но к работе специализированных подразделений дознания органов внутренних дел эти проблемы не относятся.

И, наконец, последний свойственный принципам организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел признак – это их легальность, т. е. предусмотренность в положениях законодательства. Однако далеко не все подобные принципы предполагают четкую закрепленность в специально предназначенных для них, как правило, одноименных статьях – некоторые всего лишь явствуют из их общего контекста закона, угадываются из совокупности целого ряда положений одного или даже нескольких нормативных актов.

Иначе говоря, легальность принципов может воплощаться в «писанной» и «неписанной» формах. «Писанные» принципы организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел прямо закреплены в качестве таковых (названы принципами) в специально посвященных им статьях Закона о полиции, УПК РФ, тогда как «неписанные» – только вытекают из смысла Конституции РФ и федеральных законов, прежде всего тех же Закона о полиции и УПК РФ, а нормативные намеки на их существование рассредоточены по нескольким или даже множеству законодательных положений.

Таким образом, на основании всего изложенного под принципами организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел надлежит понимать предусмотренные законом либо вытекающие из его смысла концептуальные правовые идеи, которые, объективно отражая закономерности существования и развития российского социума и российской государственности, предопределяют организационно-правовые условия и порядок работы включенных в состав полиции профильных управлений, отделов, отделений, групп дознания, преднамеренно образованных в целях обеспечения реализации уголовно-процессуальных полномочий органа дознания и осуществления некоторых

других функций в сфере борьбы с преступностью. А значение таких принципов сводится к созданию надлежащего правового фундамента для построения эффективной, прочной, отвечающей своему предназначению и содержанию государственной политики в области борьбы с преступностью системы специализированных подразделений дознания органов внутренних дел.

Ввиду отсутствия четко установленного нормативного перечня принципов организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел они представляются явно не предрасположенными к безупречной «инвентаризации» – итоги любого подобного подсчета изначально обречены на спорность, неоднозначность и дискуссионность. Тем не менее идентификация наиболее очевидных из данных принципов вполне возможна! Исходя из результатов системного анализа положений Конституции РФ, Закона о полиции, УПК РФ, ряда других законодательных и подзаконных актов, принципами организации и деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел надлежит считать: законность, публичность, легитимность, профессионализм, беспристрастность, сочетание единоличности, тандемности и коллегиальности, зональность. К более подробному рассмотрению этих принципов автор настоящей статьи намерен вернуться в ближайшем будущем.

Список источников

1. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4.

2. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971.

3. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М., 2007.

4. Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? // Российский судья. 2009. № 9.

5. Редкоус В.М. К вопросу о формировании концепции ответственного государственного управления в российской федерации и роль органов внутренних дел в ее реализации // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2025. № 7.

6. Смолькова И.В. Понятие принципа уголовного судопроизводства // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: материалы IV Международной научно-практ. конф. М., 2016.

References

1. Rossinsky, S.B. «The Russian System of Pre-Trial Proceedings as a Synthesis of Various Types of Criminal Procedure» // State and Law. 2023. № 4.

2. Dobrovolskaya, T.N. Principles of Soviet Criminal Procedure (Theoretical and Practical Issues). Moscow, 1971.

3. Gazetdinov, N.I. «Implementation of the Principles of Criminal Procedure». Moscow, 2007.

4. Rossinsky, S.B. «Is Preliminary Judicial Review of Investigative Actions in a Home Necessary? » // Russian Judge. 2009. № 9.

5. Redkous, V.M. «On the Formation of the Concept of Responsible Public Administration in the Russian Federation and the Role of Internal Affairs Agencies in Its Implementation» // Police and Society: Problems and Prospects of Interaction. 2025. № 7.

6. Smolkova, I.V. The concept of the principle of criminal proceedings // Principles of criminal proceedings and their implementation in criminal proceed-ings: materials of the IV International scientific and practical. conf. Moscow, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich, *Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 137–143.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 137–143.

Научная статья
УДК 343.98

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА, ПОВЛЕКШИХ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ИЛИ СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

Рыжкова Анна Андреевна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация,
an.ryzh@bk.ru

Введение: *сфера жилищно-коммунального хозяйства характеризуется высокой степенью криминализации и латентности преступлений. В настоящей статье рассматривается детерминанта преступлений, совершенных в данном секторе экономики, а также раскрывается их криминалистическая сущность.*

Материалы и методы: *в процессе исследования автором применялся комплекс общепризнанных методов научного познания, включающий в себя системно-структурный, формально-логический, индуктивный, дедуктивный и аналитический методы. Основой для исследования послужили материалы следственной и судебной практики, статистические сведения МВД, нормативные правовые акты, регулирующие деятельность сферы ЖКХ, а также ранее проведенные исследования ученых-криминалистов, размещенные в открытых источниках.*

Результаты исследования: *анализ сущности и содержания рассматриваемых деяний позволил выделить две функциональные группы субъектов данных преступлений, обстоятельства, способствующие возникновению аварийных ситуаций на объектах коммунальной инфраструктуры, вследствие которых может быть причинен вред здоровью или смерть человеку, систематизировать законодательные, нормативные правовые акты и технические стандарты, устанавливающие правоотношения в изучаемом секторе экономики, а также сформулировать предложения в межведомственный приказ, регламентирующий единый порядок учета преступлений.*

Выводы и заключения: *сформулированные на основании проведенного исследования предложения способствуют формированию единого практико-ориентированного подхода к пониманию сущности и содержания преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, а также совершенствованию подходов к ведению единого статистического учета соответствующих деяний.*

Ключевые слова: *сфера жилищно-коммунального хозяйства, преступление, вред здоровью или смерть человека, ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, жилищный фонд, инженерные коммуникаций.*

Для цитирования: Рыжкова А. А. *Сущность и содержание преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, повлекших причинение вреда здоровью или смерть человека / А. А. Рыжкова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 137–143.*

Original paper

THE ESSENCE AND CONTENT OF CRIMES IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES THAT CAUSED HARM TO HEALTH OR DEATH OF A PERSON

Ryzhkova Anna Andreevna
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: *the housing and utilities sector is characterized by a high degree of criminalization and latency of crimes. This article examines the determinants of crimes committed in this economic sector and reveals their forensic nature.*

Materials and methods: *during the research, the author employed a range of generally accepted scientific methods, including system-structural, formal-logical, inductive, deductive, and analytical approaches. The study was based on investigative and judicial practice, statistical data from the Ministry of Internal Affairs, regulatory legal acts governing the activities of the housing and utilities sector, as well as previous research by forensic scientists available in open sources.*

Results of the study: *an analysis of the nature and content of the crimes under consideration allowed us to identify two functional groups of perpetrators of these crimes, identify circumstances that contribute to emergency situations at public utility infrastructure facilities that may result in bodily harm or death, systematize legislative, regulatory, and technical standards establishing legal relations in the economic sector under study, and formulate proposals for an interdepartmental order regulating a unified procedure for recording crimes.*

Findings and conclusions: *the proposals formulated based on the conducted research contribute to the development of a unified, practice-oriented approach to understanding the nature and content of crimes in the housing and utilities sector that result in serious bodily harm or death, as well as to improving approaches to maintaining unified statistical records of such crimes.*

Keywords: *housing and utilities, crime, bodily harm or death, improper performance of official duties, housing stock, utilities.*

For citation: Ryzhkova A. A. *The essence and content of crimes in the sphere of housing and communal services that caused harm to health or death of a person / A. A. Ryzhkova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 137–143.*

Противоправные деяния в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) неоднократно выступали объектом исследования фундаментальных и прикладных криминалистических научных работ, поскольку данный сектор экономики характеризуется высокой степенью криминализации и латентности преступлений. Большинство исследователей, изучавших данную сферу общественных отношений, основываясь на официальных статистических данных, отмечают стабильную тенденцию роста преступлений в сфере ЖХК, негативно сказывающихся на экономической безопасности Российской Федерации [1, с. 1–5; 2, с. 475–484; 3, с. 126–136]. Как правило, основное внимание авторов было направлено на изучение вопросов выявления, раскрытия и расследования таких уголовно-наказуемых деяний, как: нецелевое расходование или хищение бюджетных денежных средств [4, с. 88–93; 5, с. 39–46], взяточничество, коммерческий подкуп [6, с. 26–29], преднамеренное банкротство и уклонение от уплаты налогов [7, с. 137–142].

Между тем в связи с увеличением числа выявленных фактов преступной деятельности в рассматриваемой сфере растет и число последствий данных правонарушений. Изучение сущности и содержания данных противоправных деяний позволяет констатировать, что в основном они становятся следствием отсутствия должного текущего и капитального ремонта инженерных сетей и общедомового имущества, высокой степени изношенности коммуникаций, увеличения объема устаревающего и аварийного жилого фонда[1]. Кроме того, к числу причин наступления неблагоприятных последствий может быть отнесено недобросовестное отношение к выполнению непосредственных должностных обязанностей лиц, на которых возложены административно-хозяйственные функции в ресурсоснабжающих предприятиях и организациях, осуществляющих обслуживание объектов инфраструктуры ЖКХ. Данные действия существенно повышают риск возникновения и развития аварийных ситуаций, последствиями которых может стать причинение вреда жизни или здоровью человека.

Все чаще в средствах массовой информации появляются сообщения о гибели людей либо получении ими тяжких телесных повреждений в результате коммунальных аварий[2], повреждений инженерных коммуникаций, возникших вследствие недобросовестного выполнения профилактических, а также текущих ремонтных работ[3]. Результаты анализа статистических данных ФКУ «ГИАЦ МВД России» в части сведений о состоянии преступности и результатах расследования преступлений позволяют констатировать ежегодное увеличение количества лиц, погибших или получивших тяжкий вред здоровью в результате совершения

[1]В России резко вырастет объем устаревающего жилья. Что это значит. URL: https://realty.rbc.ru/news/650d30fb9a7947a57708783d / (дата обращения: 18.03.2025).

[2]Пенсионер из Волжского заживо сварился из-за коммунальной аварии. URL: https://obzor.io/2021/01/04/pensioner-iz-volzhskogo-zazhivo-svarilsya-iz-za-kommunalnoj-avarii-69782 (дата обращения: 18.03.2025); Диспетчера «Теплосети» признали виновным в смерти студентов, обварившихся в кипятке. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2574760/ (дата обращения: 18.03.2025); В Ростове после коммунальной аварии в коллекторе обнаружили тела двух мужчин. URL: https://bloknot-rostov.ru/news/v-rostove-posle-kommunalnoy-avarii-v-kollektore-ob-1825479 / (дата обращения: 18.03.2025).

[3]В Волгоградской области прокуратура направила в суд уголовное дело по факту гибели несовершеннолетнего от отравления угарным газом. URL:https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_34/mass-media/news?item=92363105 (дата обращения: 18.03.2025). Из-за подписанного астраханцем актом семь человек отравились угарным газом. URL: https://a24.press/news/criminal/2023-07-11/iz-za-podpisannogo-astrahantsem-akta-sem-chelovek-otravilis-ugarnym-gazom-136461/ (дата обращения: 18.03.2025).

преступлений в сфере ЖКХ. Так, в 2023 г. зарегистрировано 3 357 преступлений, повлекших смерть семи человек, причинение тяжкого вреда здоровью 10 пострадавшим. В 2024 г. зарегистрировано 3 364 преступления, повлекших смерть 17 человек, причинение вреда здоровью 31 пострадавшему[4].

Несмотря на относительно небольшое количество лиц, жизни и здоровью которых причинен вред, в результате совершения изучаемых криминальных деяний считаем целесообразным подчеркнуть, что каждое подобное преступление вызывает широкий общественный резонанс, что обуславливает актуальность исследования данных противоправных деянии.

Детальное изучение порядка формирования ФКУ «ГИАЦ МВД России» статистической отчетности, отражающей данные относительно количества лиц, признанных в установленном порядке потерпевшими, в результате совершения преступлений в сфере ЖКХ, позволило установить, что не всегда фактическое количество пострадавших соответствует официальным данным, отражаемым в ежемесячных и годовых отчетах.

Так, к преступлениям в сфере ЖКХ, в том числе в результате совершения которых причинен вред здоровью человеку, в соответствии с приказом Генеральной прокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»[5] (далее – приказ «О едином учете преступлений») относятся деяния, предусмотренные только ст. 159, 159.4, 160, 165, 171, 172, 174, 174.1, 195, 196, 197, 201, 204, 215.1, 215.2, 216, 238, 285, 285.1, 285.2, 286, 289, 290, 291, 291.1, 292, 293, 330 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Между тем согласно данным, полученным в ходе изучения следственной практики, должностные деяния сотрудников, выполняющих административно-хозяйственные функции в сфере ЖКХ, повлекшие смерть человека или причинение тяжкого вреда здоровью, могут быть квалифицированы по ст. 109 УК РФ и ст. 118 УК РФ[6]. Отсутствие единообразия правоприменительной практики в следственных подразделениях в ряде случаев обусловлены проблемой конкуренции указанных уголовно-правовых норм со ст. 238 УК РФ[7] [7]. Таким образом, фактическое количество погибших, а также лиц, которым причинен вред здоровью в результате совершения правонарушений в сфере ЖКХ, несколько выше данных, нашедших отражение в соответствующих разделах официальной статистики ФКУ «ГИАЦ МВД России».

Полагаем, что основной причиной несовершенства применяемого ФКУ «ГИАЦ МВД России» подхода к учету количества пострадавших (погибших) по рассматриваемым преступлениям является недостаточное понимание сотрудниками правоохранительных органов криминалистической сущности обозначенных противоправных деяний. При этом считаем, что следствием данной проблемы является отсутствие системного подхода к использованию тактических и методических аспектов криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда жизни или здоровью человека.

Проводя анализ криминалистической сущности преступлений в сфере ЖКХ, в первую очередь считаем целесообразным отметить, что в настоящее время нет единого нормативного и научного подхода к дефиниции данного сектора экономики. В отсутствии общепринятого понятия ЖКХ законодатель и ученые, раскрывая особенности соответствующих общественных отношений, преимущественно ограничиваются построением условных границ данной деятельности посредством перечисления конкретных услуг и работ. Так, буквальное юридическое толкование понятия «государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства», содержащегося в Федеральном законе от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»[8], позволяет констатировать, что к сфере ЖКХ относятся услуги по управлению общедомовым имуществом, поставке коммунальных ресурсов, а также работы по содержанию коммунальной и инженерной инфраструктур.

Обобщая содержание законодательных и нормативных правовых актов, регламентирующих различные аспекты рассматриваемой отрасли экономики, следует констатировать, что большинство авторов относят к сфере ЖКХ: производство и поставку потребителям коммунальных ресурсов (холодной и горячей воды, газа, электрической и тепловой энергии), удаление и очистку сточных вод, управление и осуществление контроля над техническим состоянием жилищного фонда, выполнение работ, связанных с эксплуатацией, текущим и капитальным ремонтом жилищного фонда, инженерных коммуникаций, благоустройством территорий, вывозом твердых бытовых отходов, с дезинфекцией и т. д. [8; 9, с. 39–46].

[4] Статистика ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books (дата обращения: 20.03.2025)

[5] Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Приговор Саратовского областного суда (Саратовская область) по уголовному делу № 22-3040/2016 от 22.09.2016. URL: https://actofact.ru/case-64OS0000-22-3040-2016-2016-08-26-2-1/?ysclid=mb05ltkhei76265110 (дата обращения: 20.03.2025)

[7] Очистка крыши жилого дома от снега, наледи и сосулек - обязанность управляющей компании (Прокуратура Манского района). URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/activity/legal-education/explain?item=92034968/ (дата обращения: 20.03.2025)

[8] О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: федер. закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализируя научные представления относительно обозначенного сектора экономики, считаем, что наиболее оптимальное понимание совокупности социально-экономических отношений, в рамках которых могут быть совершены рассматриваемые преступления, представлено в работе А.П. Корнеева. В частности, к сфере ЖКХ им отнесена деятельность уполномоченных организаций, направленная на содержание, эксплуатацию и ремонт жилищного фонда, инфраструктуры многоквартирных домов, инженерных сетей общего пользования, а также ресурсоснабжение, осуществляемые в том числе путем реализации концессионных соглашений [8, с. 367].

При изучении научных подходов к дефиниции преступлений в сфере ЖКХ нами было выделено две позиции. В первом случае авторы, ссылаясь на широкий спектр преступлений в анализируемом секторе экономики, рассматривают данные уголовно наказуемые деяния сквозь призму криминалистической или уголовно-правовой характеристики [10, с. 63–69; 11]. Второй подход направлен на формирование достаточно обобщенного представления о преступлениях в сфере ЖКХ [12, с. 30; 13, с. 86]. В связи с этим с целью построения всестороннего понимания преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью или жизни человека, имеется целесообразность более детального изучения их сущности и содержания.

Исследование сущности рассматриваемых преступлений через призму обозначенного подхода к пониманию сферы ЖКХ позволило установить, что данные уголовно наказуемые деяния, совершенные лицами, выполняющими административно-хозяйственные или административно-технические функции (например, руководителями (директорами) управляющей компании (организации, предприятия) или главными инженерами управляющей компании (организации, предприятия), чаще всего являются следствием:

– отсутствия должной организации функционирования и взаимодействия участков, служб и других структурных подразделений управляющей компании, ремонтно-эксплуатационного или ресурсоснабжающего предприятия;

– недостаточного, некорректного и (или) неполноценного эксплуатационного контроля и мониторинга технического состояния строительных конструкций, инженерных сетей;

– недостаточного контроля за соблюдением норм и правил в области промышленной безопасности;

– нецелевого распоряжения финансовыми ресурсами организации.

Вместе с тем совершение преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью или смерть человека, лицами, на которых возложены функции по непосредственному обслуживанию объектов коммунальной инфраструктуры (например, начальниками участков и смен, дежурными, работниками), чаще всего является следствием:

– отсутствия должного непосредственного контроля за ходом выполнения конкретных ремонтных работ;

– несоблюдения правил безопасности при выполнении ремонтных работ;

– нарушения правил, норм, инструкций осуществления ремонтных или профилактических работ.

Более детальное изучение сущности и содержания преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью или смерть человека, позволило установить, что рассматриваемые уголовно наказуемые деяния могут совершаться как в форме действия, так и бездействия. При этом возникновение аварийных ситуаций, влекущих за собой причинение телесных повреждений или смерть потерпевших, чаще всего обусловлено следующими обстоятельствами:

– пренебрежение обязанностями по контролю и надзором за состоянием и своевременным обслуживанием объектов коммунальной инфраструктуры, например, несистематичность плановых и внеплановых проверок, мониторинга состояния строительных конструкций, направленных, в том числе на установление возможных причин возникновения дефектов и деформации строительных конструкций и инженерных сетей;

– сокрытие результатов проверок технического состояния объектов коммунальной инфраструктуры путем фальсификации актов проверок состояний инженерных коммуникаций, сооружений или оборудования, игнорирование выявленных нарушений и т. п.;

– инициирование распоряжений о минимизации затрат на выполнение работ по ремонту и обслуживанию коммунальной инфраструктуры путем сокращения расходов на применяемые средства, например, на строительные материалы и изделия или проведения работ в нарушение строительных норм и правил, норм технической эксплуатации жилого фонда;

– принятие решений о проведении работ по ремонту и обслуживанию объектов коммунальной инфраструктуры, противоречащих правилам безопасности труда, например, допуск к работе неподготовленных (непроинструктированных) лиц, без защитных средств, без страховочных систем, с использованием неисправленного оборудования;

– неудовлетворительный контроль безопасного производства проводимых работ, например, выраженный в виде отсутствия указаний о применении защитных конструкций и ограждений;

– неправомерная выдача документов, подтверждающих (свидетельствующих) удовлетворительное техническое состояние коммунальных объектов;

– некачественное выполнение непосредственных профессиональных обязанностей, закрепленных в должностной инструкции, например, игнорирование применение специальных инструментов, также правилами проведения проверки технического

состояния объектов коммунальной инфраструктуры;

– несоблюдение правил и норм техники безопасности при выполнении работ по ремонту и обслуживанию инженерных коммуникаций, сооружений или оборудования.

Несмотря на достаточно широкий перечень обстоятельств, детерминирующих возникновение аварийных ситуаций в сфере ЖКХ, вследствие которых может быть причинен вред жизни или здоровью человеку, нами установлено, что их содержание, как правило, выражается в нарушении законодательных, нормативных правовых актов и технических стандартов.

Системный анализ и синтез положений федерального законодательства, уставов организаций, локальных нормативных актов, соглашений и трудовых договоров, устанавливающих права, обязанности, ответственность лиц, вовлеченных в данный сектор экономики, и регламентирующих правоотношения в сфере ЖКХ, позволил выделить основные законодательные, нормативные правовые и технические положения, нарушение которых может привести к совершению рассматриваемых преступлений. В частности, нами были определены следующие группы:

– законодательные акты, регламентирующие широкий круг однородных отношений в сфере ЖКХ, например, Жилищный кодекс РФ[9], Градостроительный кодекс РФ[10], ФЗ от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении»[11], ФЗ от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»[12];

– правила и нормы, контролирующие объем и порядок снабжения коммунальными ресурсами, эксплуатации, управления и ремонта общедомового имущества, инженерных сетей, объектов коммунального хозяйства и иного коммунального оборудования, например, Постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения»[13], Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда»[14], приказ Минэнерго РФ от 24.03.2003 № 115 «Об утверждении правил технической эксплуатации тепловых энергоустановок»[15], приказ Госстроя РФ от 30.12.1999 № 168 «Об утверждении правил технической эксплуатации систем и сооружений коммунального водоснабжения и канализации»[16];

– стандарты, устанавливающие требования к оказываемым коммунальным услугам, например, ГОСТ Р 51617-2014 «Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Коммунальные услуги. Общие требования»[17], СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий»[18];

– нормативные документы, регулирующие правила безопасности при выполнении работ в сфере ЖКХ, например, приказ Ростехнадзора от 26.11.2020 № 461 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности опасных производственных объектов, на которых используются

[9] Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] О теплоснабжении: федер. закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] О промышленной безопасности опасных производственных объектов: федер. закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения: постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 (ред. от 29.05.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда: постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 (с изм. от 22.06.2022) (зарегистрировано в Минюсте РФ 15.10.2003 № 5176). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Об утверждении Правил технической эксплуатации тепловых энергоустановок: приказ Минэнерго России от 24.03.2003 № 115 (зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2003 № 4358). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Об утверждении правил технической эксплуатации систем и сооружений коммунального водоснабжения и канализации: приказ Госстроя РФ от 30.12.1999 № 168. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] ГОСТ Р 51617-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Коммунальные услуги. Общие требования (утв. Приказом Росстандарта от 11.06.2014 № 544-ст). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий»: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ. правовой системы» Гарант».

подъемные сооружения»[19], приказ Ростехнадзора от 15.12.2020 № 536 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила промышленной безопасности при использовании оборудования, работающего под избыточным давлением»[20];

– нормативные соглашения, определяющие правоотношения между субъектами сферы ЖКХ, например, договор или муниципальный контракт, заключенный между потребителями коммунальных услуг (муниципальным заказчиком) и ресурсоснабжающей организацией или организацией, осуществляющей управлением и ремонт общедомовым имуществом, инженерных коммуникаций и иного оборудования, например, внутриквартирного газового оборудования;

– локальные нормативные документы, устанавливающие конкретный перечень функциональных задач ресурсоснабжающих организаций или организаций, осуществляющих управление и ремонт общедомовым имуществом, инженерных коммуникаций и иного оборудования, либо функциональных обязанностей отдельного должностного лица, например, устав организации, осуществляющей снабжение коммунальными ресурсами, должностная инструкция главного инженера.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что отсутствие единого практико-ориентированного понимания правоохранительными органами криминалистической сущности преступлений в сфере жилищно-коммунальных услуг, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, влечет за собой некорректное отражение их количества в соответствующих статистических данных. В связи с этим считаем целесообразным дополнить межведомственный приказ «О едином учете преступлений» положением, предусматривающим отнесение преступлений, квалифицируемых по ст. 109 УК РФ, ст. 118 УК РФ к сфере ЖКХ, если они связаны с нарушением/несоблюдением законодательных, нормативных правовых, организационно-правовых и технических норм в соответствующем секторе экономики.

Учитывая специфику должностных обязанностей субъектов рассматриваемых преступлений, правовых норм, технических стандартов и правил, регулирующих отношения в сфере ЖКХ, а также содержание обстоятельств, обуславливающих возникновение аварийных ситуаций на объектах коммунальной инфраструктуры, считаем целесообразным отнесение преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью или смерть человека, к особой группе уголовно-наказуемых деяний против жизни и здоровья, предопределяющей необходимость формирования специализированных тактических и методических подходов их раскрытия, расследования и предупреждения.

С целью разработки единого подхода к пониманию данных деяний сформулирована следующая дефиниция преступлений в сфере ЖКХ, повлекших причинение вреда здоровью или смерть человека: запрещенные уголовным законом под угрозой наказания действия или бездействия лиц, на которых возложены обязанности по содержанию, эксплуатации и (или) ремонту жилищного фонда, инфраструктуры многоквартирных домов, инженерных сетей общего пользования, или ресурсоснабжению, заключающиеся в нарушении положений законодательных, нормативных правовых актов, технических положений, устанавливающих правоотношения в сфере жилищно-коммунального хозяйства и (или) промышленной безопасности, и повлекшие причинение вреда здоровью или жизни человека, либо качество которых при выполнении в обычных условиях могло привести к смерти или причинению тяжкого вреда здоровью человека.

Список источников

1. Железова Л.Ю., Хлемницкая Т.В. Особенности расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8(122).

2. Кельм С.И. Общественная опасность коррупционных преступлений в жилищно-коммунальной сфере // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 4. Т. 7.

3. Салеева Ю.Е. Шпагина Ю.В. О практике расследования преступлений, совершен-

References

1. Zhelezova L. Yu., Khlemnitskaya T. V. Features of the investigation of crimes in the sphere of housing and public utilities // International Research Journal. 2016. № 8 (122).

2. Kelm S. I. Social danger of corruption crimes in the housing and public utilities sphere // Siberian Legal Review. 2020. № 4. Vol. 7.

3. Saleeva Yu. E., Shpagina Yu. V. On the practice of investigating crimes committed in the sphere of housing and public utilities // Transactions of the Academy of Management of

[19] Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности опасных производственных объектов, на которых используются подъемные сооружения»: приказ Ростехнадзора от 26.11.2020 № 461 (ред. от 22.01.2024) (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2020 № 61983). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила промышленной безопасности при использовании оборудования, работающего под избыточным давлением»: приказ Ростехнадзора от 15.12.2020 № 536 (зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2020 № 61998). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ных в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3(63).

4. Макарова Е.Н. О некоторых особенностях расследования уголовных дел в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2.

5. Дубровина М.В. Способы совершения преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства и методы их выявления // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3. Т.6.

6. Горбунова Н.В. Экономические аспекты преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2014. № 1(169).

7. Потапкин С.Н. К вопросу о квалификации причинения вреда здоровью и смерти при оказании коммунальных услуг и выполнении коммунальных работ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 3-1.

8. Коренев А.П. Административное право России. Ч. 2. М., 1999.

9. Тюнин В.И., Степанов Ю.П. Преступления, совершаемые в сфере жилищно-коммунального хозяйства (особенности квалификации в связи с механизмом совершения преступлений) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63).

10. Алиева Г.А. Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа в жилищно-коммунальном хозяйстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.

11. Чернышев Д.Б. Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

12. Степанова М.А., Маркова Ю.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере жилищно-коммунального хозяйства: проблемы теории и практики // Вестник Российского университета. Серия: Человек и общество. 2024. № 2.

the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3(63).

4. Makarova E. N. On some features of the investigation of criminal cases in the sphere of housing and public utilities // Tavrichesky Scientific Observer. 2015. № 2.

5. Dubrovina M. V. Methods of Committing Crimes in the Sphere of Housing and Public Utilities and Methods of Their Detection // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. № 3. Vol. 6.

6. Gorbunova N.V. Economic Aspects of Crimes in the Sphere of Housing and Public Utilities // Accounting in Budgetary and Non-Commercial Organizations. 2014. № 1(169).

7. Potapkin S.N. On the Issue of Qualification of Injury to Health and Death in the Provision of Public Utilities and Performance of Public Utilities Work // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. № 3-1.

8. Korenev A.P. Administrative Law of Russia. Part 2. Moscow, 1999.

9. Tyunin V.I., Stepanov Yu.P. Crimes Committed in the Sphere of Housing and Public Utilities (Features of Qualification in Connection with the Mechanism of Committing Crimes) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 3(63).

10. Alieva G.A. Methodology for Investigating Bribery and Commercial Bribery in the Housing and Public Utilities Sector: diss. … PhD in Law. Moscow, 2016.

11. Chernyshev D.B. Crime in the Sphere of Housing and Public Utilities: Criminal-Law and Criminological Aspects: diss. … PhD in Law. Yekaterinburg, 2021.

13. Stepanova M.A., Markova Yu.V. Criminal-legal counteraction to crimes in the sphere of housing and communal services: problems of theory and practice // Bulletin of the Russian University. Series: Man and Society. 2024. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжкова Анна Андреевна, *преподаватель кафедры трасологии и баллистики. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.*
ORCID: 0009-0004-5846-9773

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryzhkova Anna Andreevna, *lecturer at the Department of Tracology and Ballistics. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 144–151.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 144–151.

Научная статья
УДК 343.1

ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: КОГДА ЛОГИКА НЕ РАБОТАЕТ

Суходолов Арсений Сергеевич
Херсонский областной суд, Геническ, Российская Федерация,
arsenii_s@mail.ru.

Сафонова Наталия Вячеславовна
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация,
safonov7070@mail.ru

Введение: *в данной статье будет рассмотрена проблема несоответствия между логическими принципами и правоприменительной практикой в делах частного обвинения в Российской Федерации. Предметом исследования являются логические законы Modus Ponens и Modus Tollens и их применение к анализу института частного обвинения. Цель статьи – выявить недостатки нормативного регулирования и правоприменения, приводящие к нарушению принципа неотвратимости наказания.*

Материалы и методы: *в исследовании применялись методы формальной логики, дедуктивного анализа и анализа судебной практики, осуществлялась философская рефлексия в отношении познавательных возможностей логических законов на материале философского наследия позитивизма второй и третьей волны, а также фальсификационизма К. Поппера. Рассматривались такие аспекты, как статистические данные об отказе в принятии заявлений по делам частного обвинения, а также конкретный пример из судебной практики (дело Баскаковой Г.И.).*

Результаты исследования: *в результате анализа выявлено, что в делах частного обвинения часто нарушается логическое следование, предусмотренное законами Modus Ponens и Modus Tollens: совершение преступления не всегда влечет наказание, а отсутствие наказания не всегда свидетельствует об отсутствии преступления. Это обусловлено процессуальными барьерами, ограничивающими доступ потерпевших к правосудию.*

Выводы и заключения: *констатирована неэффективность института частного обвинения, необходимость его реформирования путем изменения вида уголовного преследования по ряду составов преступлений. Обосновывается идея о том, что законодательные изменения, направленные на усиление роли государства в уголовном преследовании по делам, ранее относившимся к частному обвинению, будут способствовать обеспечению прав потерпевших и реализации принципа неотвратимости наказания. Новизна заключается в применении инструментов формальной логики для анализа проблем уголовного судопроизводства.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, дела частного обвинения, формальная логика, проблема индукции, парадокс импликации, дедуктивные логические законы Modus Ponens и Modus Tollens, неотвратимость наказания, доступ к правосудию, проблемы квалификации, частный обвинитель.*

Для цитирования: Суходолов А. С., Сафонова Н. В. *Дела частного обвинения: когда логика не работает / А. С. Суходолов, Н. В. Сафонова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 144–151.*

Original paper

PRIVATE PROSECUTION CASES: WHEN LOGIC DOESN'T WORK

Sukhodolov Arseniy Sergeevich
Kherson Regional Court, Genichesk, Russian Federation

Safonova Natalia Vyacheslavovna
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

Introduction: *this article examines the discrepancy between logical principles and law enforcement practice in private prosecution cases in the Russian Federation. The subject of this study is the logical laws of Modus Ponens and Modus Tollens and their application to the analysis of private prosecution. The purpose of the article is to identify deficiencies in regulatory frameworks and law enforcement that lead to violations of the principle of the inevitability of punishment.*

Materials and methods: *the study utilized methods of formal logic, deductive analysis, and case law analysis. A philosophical reflection was conducted on the cognitive potential of logical laws, drawing on the philosophical legacy of second- and third-wave positivism, as well as the falsificationism of Karl Popper. Aspects such as statistical data on the refusal to accept applications in private prosecution cases, as well as a specific example from judicial practice (the case of G.I. Baskakova) were considered.*

Results of the study: *the analysis revealed that in private prosecution cases, the logical sequence stipulated by the laws Modus Ponens and Modus Tollens is often violated: the commission of a crime does not always entail punishment, and the absence of punishment does not always indicate the absence of a crime. This is due to procedural barriers that limit victims' access to justice.*

Findings and conclusions: *the ineffectiveness of private prosecution is established, and reform is needed by changing the type of criminal prosecution for a number of crimes. The idea is substantiated that legislative changes aimed at strengthening the role of the state in criminal prosecution in cases previously classified as private prosecution will contribute to ensuring the rights of victims and implementing the principle of the inevitability of punishment. The novelty lies in the application of formal logic tools to the analysis of criminal proceedings.*

Keywords: *criminal procedure, private prosecution cases, formal logic, problem of induction, paradox of implication, deductive logical laws Modus Ponens and Modus Tollens, inevitability of punishment, access to justice, problems of qualification, private prosecutor.*

For citation: Sukhodolov A. S., Safonova N. V. *Private prosecution cases: when logic doesn't work / A. S. Sukhodolov, N. V. Safonova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 144–151.*

Соблюдение правил логики при изложении правовых норм является важным условием обеспечения их эффективности. Нечеткость, противоречивость законодательства и наличие в нем логических ошибок могут приводить к произвольному толкованию, затруднению в его применении и, как следствие, к нарушению прав граждан. В «Методических рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов», разработанных Аппаратом Государственной Думы в 2013 г., особо подчеркивается необходимость соблюдения логики изложения правовых норм, недопустимость явных и скрытых противоречий [15, с. 17]. Анализ правовых норм с точки зрения логики, таким образом, представляет собой необходимое условие для их совершенствования.

В данной статье предполагается, что читатель знаком с дисциплиной Логика и ему известны следующие логические понятия и операции: правила формализации суждений, импликация, антецедент, консеквент, парадокс импликации, дедуктивные логические законы Modus Ponens и Modus Tollens, таблицы истинности.

Назначение уголовного судопроизводства, помимо прочего, состоит в обеспечении уголовного преследования и назначении справедливого наказания виновным (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). В юридической доктрине Ю.С. Жариковым, Н.Н. Маршаковой и другими авторами выработано мнение о важности соблюдения принципа неотвратимости уголовной ответственности [2, с. 22–26; 5, с. 13–15]. По мнению Т.Р. Сабитова, действенных мер для реализации принципа неотвратимости ответственности в уголовной политике Российской Федерации не предпринято [7, с. 266]. Несмотря на то, что принцип неотвратимости уголовной ответственности и наказания дословно не воспроизведен в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, он получил свое развитие в юридической доктрине и судебной практике, в частности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». На недопустимость нарушения общеправового принципа неотвратимости наказания неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях (определения от 10.10.2013 № 1485-О, от 13.03.2018 № 578-О).

Статья 14 УК РФ определяет преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания, независимо от вида уголовного преследования. Согласимся с М.Г. Кадниковым в том, что наказуемость – не просто последствие преступления, неотвратимость наказания является основным условием его предупредительного воздействия [4].

Исходя из принципа неотвратимости наказания, утверждение о наказуемости преступления на языке логики можно символически выразить как импликацию следующим образом:

A → B, или «A влечет B»,

где A – посылка «если преступление произошло», B – следствие «должно последовать наказание», «→» – символ импликации. Следовательно, содержание ст. 14 УК РФ можно рассматривать с помощью формально-логических законов Modus Ponens (утверждение антецедента) и Modus Tollens (отрицание консеквента), т. к. первая посылка в этих законах является условным суждением.

Законы Modus Ponens и Modus Tollens обеспечивают логическое следование, поскольку являются двумя правильными модусами, дающими заключение, с необходимостью следующее из посылок.

Закон Modus Ponens в контексте определения преступления обеспечивает логическое умозаключение:

Первая посылка. Если преступление произошло, то за ним должно последовать наказание (A → B).

Вторая посылка. Преступление произошло (A).

Вывод (в символической записи обозначается значком «⊢»). Должно следовать соответствующее наказание (B).

Символически это выражается следующим образом:

(A → B) ∧ A ⊢ B.

Соответственно, закон Modus Tollens утверждает:

Первая посылка. Если преступление произошло, то за ним должно последовать наказание (A → B).

Вторая посылка. Наказания не было (не-B, в символической записи обозначается значком «¬B»).

Вывод. Преступления не было (не-A).

Символически это выражается следующим образом:

(A → B) ∧ ¬B ⊢ ¬A.

Цель статьи – показать, что применение законов Modus Ponens и Modus Tollens носит характер максимальной достоверности и таким образом логические законы могут и должны быть применены в уголовном судопроизводстве.

Цель конкретизируется рядом задач.

1. Раскрыть методологический потенциал к выведению достоверного обоснованного знания из формальных дедуктивных законов.

2. Показать, что в формальной логике проблема индукции и парадокс импликации в отношении законов Modus Ponens и Modus Tollens снимаются за счет принципа фальсификации и таким образом указанные логические законы могут быть применены в конструировании порядка уголовного судопроизводства.

3. Применить указанные логические законы к институту частного обвинения с опорой на статистические данные и судебную практику, правовые позиции Конституционного Суда РФ.

4. Выявить проблемные ситуации, выражающиеся в несоответствии между логическим следованием и реальным положением дел.

5. Рассмотреть законодательные инициативы, направленные на решение данной проблемы.

Вопрос о критериях (методах), неизбежно приводящих к истинному достоверному знанию, по-прежнему остается первоочередной проблемой в науке. В этом значении «в современной математической логике дедукцией называется умозаключение, дающее достоверное (истинное) суждение» [1, с. 123]. В этом же значении дедуктивному умозаключению противопоставляется индуктивное умозаключение, которое не опирается на логический закон, оно приводит к *вероятному* (проблематичному) умозаключению.

Будем стремиться к предельно строгой достоверности наших умозаключений, т. к. их применение в вопросах права влечет за собой радикальные выводы, а устранение логического противоречия потребует законодательных инициатив. По этой причине мы не станем ограничиваться лишь формальными соображениями[1], т. е. указанием на то, что применяемые законы Modus Ponens и Modus Tollens – дедуктивны, а значит, с необходимостью истинны. В связи с тем, что одна из посылок условное суждение (имеет связку «если – то», эта операция называется в логике импликация), то может привести к парадоксу импликации.

Ввиду рассмотрения положений формальной математической логики, требуется проверка их содержательной составляющей на предмет исключения парадокса импликации, обусловленного процедурой формализации суждений.

В формальной математической логике импликация (A → B) устанавливает связь между любыми двумя предложениями. Ложность импликации по определению возникает только в одном случае: когда A истинно, а B ложно. Данное положение иллюстрируется таблицей истинности для импликации:

A	B	A → B	
И	И	И	
И	Л	Л	
Л	И	И	Парадокс импликации
Л	Л	И	

Парадокс импликации возникает в третьей строчке таблицы (из лжи следует

[1] Формальные соображения – соображения, которые выводятся по формулам – правилам математической логики.

истина, и такое следование по определению импликации считается истинным). Применяя законы Modus Ponens и Modus Tollens, мы рассматриваем только импликативное суждение: «если произошло преступление, то должно последовать наказание» (A→B). Однако в уголовном судопроизводстве применение Modus Ponens и Modus Tollens происходит в контексте установленного факта совершения преступления или установленного факта отсутствия наказания.

Применение Modus Ponens предполагает, что преступление действительно произошло (A = Истина). В этом случае Modus Ponens используется для обоснования необходимости назначения наказания (B = Истина).

Применение Modus Tollens, наоборот, исходит из установленного факта отсутствия наказания (B = Ложь). В этом случае Modus Tollens используется для выявления нарушений в правовом регулировании института частного обвинения и в работе системы правосудия.

Таким образом, оба закона (Modus Ponens и Modus Tollens) применяются только тогда, когда одна из частей импликации (A или B) уже установлена как факт. Это означает, что случаи, когда A ложно, B истинно (преступление не произошло, но наказание все равно последовало), являются предметом отдельного разбирательства и анализа нарушений законности, а не применения непосредственно Modus Ponens или Modus Tollens к исходной импликации. Именно такое ограничение контекста применения законов логики в уголовном судопроизводстве позволяет избежать парадокса импликации.

Второй вопрос, который также нуждается в решении, это так называемая проблема индукции. Карл Поппер в книге «Логика научного исследования» справедливо отмечает: «Вывод обычно называется “индуктивным”, если он направлен от сингулярных высказываний, иногда называемых также “частными”, “единичными” (particular) высказываниями, типа отчетов о результатах наблюдений или экспериментов, к универсальным высказываниям, то есть к гипотезам или теориям. С логической точки зрения далеко не очевидна оправданность наших действий по выведению универсальных высказываний из сингулярных, независимо от числа последних, поскольку любое заключение, выведенное таким образом, всегда может оказаться ложным. *Сколько бы примеров появления белых лебедей мы ни наблюдали, все это не оправдывает заключения: “Все лебеди белые”»* [6, с. 24] (курсив наш. – Прим. авторов).

«Эффект черного лебедя» – это пример того, как вывод, основанный на многолетнем наблюдении только белых лебедей, был опровергнут открытием черных лебедей в Австралии, демонстрируя ограничения индукции. Уже на рубеже XX-XXI вв. Николасу Талебу удалось показать, что эффект черного лебедя можно рассматривать как методологический принцип в нестабильных хаотических системах [8, с. 4].

Проблема индукции была хорошо рассмотрена позитивистами второй и третьей волны. При этом один из самых влиятельных философов науки XX в. Карл Поппер, ссылаясь на Мориса Шлика, пишет: «Проблема индукции состоит в требовании логического оправдания *универсальных высказываний* о реальности… Мы вместе с Дэвидом Юмом признаем, что такого логического оправдания не существует. Его и не может быть просто потому, что *универсальные высказывания не являются подлинными высказываниями*» [6, с. 33] (курсив наш. – Прим. авторов).

Карл Поппер, будучи уверенным в возможности науки, отталкивается от следующих убеждений: физический мир объективно существует, а человеческое познание стремится к истинному описанию этого мира. Он считает, что «ни непротиворечивость, ни подтверждаемость эмпирическими данными не могут служить критериями истины. Любую фантазию можно представить в непротиворечивом виде, а ложные убеждения часто находят подтверждение… Единственное на что мы способны, – *это обнаружить ложь в наших воззрениях и отбросить ее*. Постоянно выявляя и отбрасывая ложь в наших воззрениях, мы тем самым можем приблизиться к истине» [9, с. 360] (курсив наш. – Прим. авторов).

Таким образом, Карл Поппер приходит к выводу, что надежным основанием для понимания достоверности наших убеждений будет «логический закон Modus Tollens:

если A, то B, неверно B. Следовательно, неверно A[2].

Эта схема часто называется принципом фальсификации» [3, с. 149].

Карл Поппер решительно настаивает на том, что «фальсифицированная теория должна быть отброшена» [9, с. 361].

Приведенные выше рассуждения позволяют нам утверждать, что указанный логический закон можно и нужно применять не только с позиции аккуратного логического дедуктивного рассуждения, но и в проецировании на фактическую реальность. Именно на эту цель была направлена деятельность позитивистов всех этапов – отказаться от метафизических абстрактных (не всегда сопоставимых с реальностью) утверждений и получить знание, основанное на действительности. Исходя из сказанного, применение выводов, полученных с помощью логического закона Modus Tollens, может давать нам уверенность в достоверности выводов

[2] В символических обозначениях, которыми пользуются авторы статьи, это выражается: (A → B) ∧ ¬B ⊢ ¬A.

с двух позиций – как применения дедуктивного закона, так и критерия, запрещающего существование ложных фактов.

В контексте уголовного судопроизводства Modus Ponens лежит в основе принципа неотвратимости наказания. То есть если установлено, что лицо совершило преступление, то оно должно понести ответственность и наказание в соответствии с законом. Именно эта логическая связь является основополагающей для эффективного функционирования системы уголовного правосудия. Нарушение этой логики указывает на проблемы в правовом регулировании института частного обвинения.

Дела частного обвинения, уголовное преследование по которым инициируется непосредственно потерпевшим, часто демонстрируют отклонение от принципа Modus Ponens. Статистические данные указывают на наличие проблем в нормативном регулировании данного института. Согласно Отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Форма № 1) за 2023 г. по России, из 20 319 заявлений и материалов по делам частного обвинения, по которым окончено производство, в удовлетворении 14 229 (свыше 70,5 %) отказано; 3 322 (16,5 %) заявления и материала отозваны, возвращены либо прекращены; лишь по 2 768 (13,7 %) заявлениям и материалам приняты решения об их удовлетворении [14]. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что значительное число потенциальных преступлений остается без надлежащего реагирования со стороны государства и, как следствие, без наказания.

Проблемы функционирования института частного обвинения обусловлены недостатками процессуального регулирования, ограничивающими доступность правосудия и ставящими исход дела в зависимость от позиции потерпевшего. Правовая неопределенность, нечеткая регламентация порядка рассмотрения дел, отсутствие регламентации действий судьи районного суда по заявлению о возбуждении дела частного обвинения, сложности в сборе доказательств и отсутствие у частных обвинителей необходимых ресурсов и полномочий препятствуют реализации принципа неотвратимости наказания.

Определенный исследовательский интерес в связи с этим представляет дело о проверке конституционности ряда норм УПК РФ в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой, ставшее предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ [10]. Указанное дело является наглядным примером системных проблем в нормативном регулировании института частного обвинения и демонстрирует нарушение правила Modus Ponens. Г.И. Баскакова неоднократно обращалась с заявлениями о возбуждении уголовных дел по фактам совершения в отношении нее 17 января 2021 г. и 19 октября 2021 г. бывшим супругом двух эпизодов преступлений, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию).

Отметим, что в удовлетворении заявлений по первому эпизоду Г.И. Баскаковой было отказано пять раз: дважды постановлениями участкового уполномоченного полиции (11.05.2021, 17.02.2023) и три раза – постановлениями Бабушкинского районного суда г. Москвы (21.06.2021, 26.07.2021, 08.11.2021). В удовлетворении заявлений по второму эпизоду Баскаковой Г.И. было отказано три раза: постановлением участкового уполномоченного полиции (28.10.2021) и дважды – постановлениями Бабушкинского районного суда г. Москвы (25.04.2022, 05.07.2022). Одновременно с отказом в возбуждении уголовных дел участковым уполномоченным полиции заявительнице разъяснялось право обратиться в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Позиция же районного суда сводилась к тому, что уголовные дела частного обвинения о преступлении, предусмотренном ст. 116.1 УК РФ, ввиду их исключения из подсудности мирового судьи подлежат возбуждению дознавателем и могут быть рассмотрены районным судом по существу только после проведения дознания и направления уголовного дела с обвинительным актом в суд. Таким образом, орган дознания и суд заняли две взаимоисключающие позиции, и хотя Конституционный Суд РФ внес ясность в сложившуюся проблемную ситуацию, сроки давности привлечения к ответственности истекли, что не позволило потерпевшей получить доступ к правосудию в разумные сроки.

Таким образом, Г.И. Баскакова как потерпевшая продемонстрировала исключительную настойчивость в стремлении добиться уголовного преследования, пройдя через все процессуальные стадии, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Однако несмотря на это она не смогла получить доступ к правосудию.

В данном случае логика Modus Ponens нарушается следующим образом:

1) антецедент (А) импликации: в отношении Г.И. Баскаковой совершено преступление[3] (нанесение побоев, ст. 116.1 УК РФ);

2) консеквент (В) импликации: должно последовать наказание;

3) факт (А): совершено преступление;

[3] В соответствии с п. 27 Приложение № 2 к Приказу Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 учету подлежит каждое преступление (на основе его юридической квалификации по конкретной норме УК РФ), по факту совершения которого, независимо от времени его совершения <…> вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, <…>. Поскольку постановлением участкового уполномоченного полиции от 17 февраля 2023 г. Г.И. Баскаковой отказано в возбуждении уголовного дела ввиду истечения сроков давности уголовного преследования, можно утверждать, что преступление имело место.

4) вывод (на основе Modus Ponens): должно последовать наказание (B);

5) фактический исход (¬B): наказание не последовало из-за процессуальных барьеров.

Таким образом, совершение преступления (A) не приводит к наказанию (B), что является нарушением принципа Modus Ponens и может быть символически выражено следующим образом.

По закону логики Modus Ponens:

$((A \rightarrow B) \wedge A) \vdash B$.

По факту:

$((A \rightarrow B) \wedge A) \nvdash B$.

Это явно противоречит дедуктивному закону логики Modus Ponens, поскольку не приводит к ожидаемому результату.

Анализ дела Г.И. Баскаковой с позиции Modus Tollens показывает следующее:

1) антецедент (A) импликации: в отношении Г.И. Баскаковой было совершено преступление;

2) консеквент (B) импликации: должно последовать наказание;

3) фактический исход (¬B): наказание виновного лица не последовало из-за отказа в принятии заявлений судом и истечения сроков давности;

4) вывод (на основе Modus Tollens), но в данном случае противоречивый: следовательно, преступление не совершено (¬A).

Таким образом, отсутствие наказания (¬B) свидетельствует не об отсутствии преступления (¬A), а о недостатках нормативного регулирования производства по делам указанной категории, что является нарушением закона логики Modus Tollens и может быть символически выражено следующим образом.

По закону логики Modus Tollens:

$((A \rightarrow B) \wedge \neg B) \vdash \neg A$.

По факту:

$((A \rightarrow B) \wedge \neg B) \nvdash \neg A$

Несмотря на то, что наказания не последовало, преступление фактически было совершено (это установлено), что и составляет нарушение логики закона Modus Tollens.

Ключевым моментом в данном примере является итог «$\nvdash \neg A$»: несмотря на то, что наказания не последовало, преступление фактически было совершено (это установлено), что и составляет нарушение логики Modus Tollens. В стандартном Modus Tollens из $(A \rightarrow B) \wedge \neg B$ мы бы заключили ¬A (преступления не было).

Итак, согласно закону Modus Ponens, *если совершено преступление, должно последовать наказание*. В соответствии же с законом Modus Tollens, *если наказания не было, значит, не было преступления*. Однако в российской правоприменительной практике по делам частного обвинения[4] наблюдается несоответствие между логическим следованием и реальным положением дел: совершение преступлений по делам частного обвинения не влечет наказания; отсутствие наказаний свидетельствует не об отсутствии преступлений, а о недостатках правового регулирования института частного обвинения. Процессуальные препятствия не позволяют потерпевшему инициировать уголовное преследование и поддержать обвинение, что позволило бы суду проверить наличие либо отсутствие преступления и решить вопрос о назначении наказании. Это противоречит целям уголовного судопроизводства, сформулированным в ст. 6 УПК РФ, и прежде всего защите прав потерпевших от преступлений.

В целях защиты прав потерпевших и обеспечения неотвратимости наказания необходимы изменения в законодательстве. 7 апреля 2021 г. Верховным Судом РФ была предложена законодательная инициатива, направленная на изменение вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ: указанные составы преступлений предлагалось перевести в категорию дел частно-публичного обвинения. Предложенные изменения предусматривали полную ликвидацию института частного обвинения, исключая из ст. 5 УПК РФ упоминания о частном обвинителе и делах частного обвинения, а также изменяя ст. 20 УПК РФ, устанавливая, что уголовное преследование осуществляется только в публичном и частно-публичном порядке.

Перевод указанных составов преступлений в категорию частно-публичного обвинения позволил бы укрепить гарантии доступа к правосудию и повысить уровень уголовно-правовой защиты лиц, пострадавших от преступлений. Вместе с тем указанная инициатива не была поддержана законодателем, а проект закона был возвращен по формальным основаниям (изменение структуры ст. 116.1 УК РФ в связи с введением в нее ч. 2 в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В связи с этим полагаем, что законодателю стоит вернуться к рассмотрению по-прежнему актуальных вопросов неэффективности частного обвинения, изложенных в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ)» (Законопроект № 1145531-7) [12].

Не теряет своей актуальности и изложенная в Постановлении Конституционного Суда РФ № 7-П от 27 июня 2005 г. правовая позиция, согласно которой «диспозитивность

[4] Свыше 86 % заявлений по делам частного обвинения не доходят до стадии возбуждения дела [14]

в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает… в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению» [11]. В указанном постановлении Конституционный Суд подчеркнул, что «диспозитивность по делам частного обвинения не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина». Данные положения являются ключевыми для понимания проблем, связанных с институтом частного обвинения, и позволяют констатировать, что ненадлежащее нормативное регулирование, приводящее к ограничению доступа потерпевших к правосудию, вступает в противоречие с положениями ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей охрану прав потерпевших от преступлений и обязанность государства по обеспечению доступа к правосудию вне зависимости от категории уголовного преследования.

В заключение необходимо отметить, что выявленные противоречия в результате применения логических законов Modus Ponens и Modus Tollens в делах частного обвинения являются острой и практически значимой проблемой, снижающей эффективность системы уголовного правосудия. Статистические данные, указывающие на высокий процент отказов в принятии заявлений и конкретные примеры, такие как дело Г.И. Баскаковой, свидетельствуют о необходимости совершенствования процессуальных механизмов для обеспечения доступности правосудия и реализации принципа неотвратимости наказания. Законодательная инициатива, предлагающая изменить вид уголовного преследования по ряду составов частного обвинения, является мерой, направленной на решение данной проблемы, позволяющей возложить основное бремя доказывания на органы предварительного расследования и прокуратуры, исключив необоснованные отказы в принятии заявлений по делам частного обвинения. Только при условии устранения указанных недостатков возможно обеспечить соответствие нормативного регулирования и правоприменительной практики по делам частного обвинения не только логическим принципам, но и целям уголовного судопроизводства.

Когда настоящая статья уже была подготовлена, стало известно, что 31 мата 2025 г. на заседании Совета Государственной Думы принято решение о включении проекта федерального закона № 863746-8 в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы в период весенней сессии (май) 2025 г. (п. 71 протокола № 224). Указанный проект внесен Правительством РФ и направлен на устранение правовой неопределенности при рассмотрении дел частного обвинения районными судами. Определенный научный и практический интерес в этой связи представляет констатированная в пояснительной записке к проекту федерального закона необходимость реализации принципа неотвратимости ответственности по уголовным делам частного обвинения [13].

Список источников

1. Гетманова А. Д. Логика: учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2004.

2. Жариков Ю.С. Принцип неотвратимости уголовной ответственности и проблемы его реализации в современном отечественном уголовном законодательстве // Российский следователь. 2014. № 18.

3. Ивин А. А. Логика: учебник для гуманитарных факультетов. М., 2003.

4. Кадников Н.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. М., 2006.

5. Маршакова Н.Н. К вопросу о принципах уголовной политики // Российская юстиция. 2015. № 10.

6. Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В.Н. Садовского. М., 2005.

7. Сабитов Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы Российского права. 2010. № 3.

References

1. Getmanova A. D. Logic: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow, 2004.

2. Zharikov Yu. S. The principle of inevitability of criminal liability and problems of its implementation in modern domestic criminal legislation // Russian investigator. 2014. № 18.

3. Ivin A. A. Logic: a textbook for humanities faculties. Moscow, 2003.

4. Kadnikov N. G. Criminal law. General and Special Parts: a textbook for universities. Moscow, 2006.

5. Marshakova N. N. On the issue of the principles of criminal policy // Russian justice. 2015. № 10.

6. Popper K. Logic of scientific research / translated from English; edited by V.N. Sadovsky. Moscow, 2005.

7. Sabitov T.R. The Principle of Inevitability of Punishment and its Transformation in Criminal Law Science and Legislation // Current Issues of Russian Law. 2010. № 3.

8. Taleb N.N. The Black Swan. Under the Sign of Unpredictability. 2nd ed., supplemented / translated from English. Moscow, 2024.

8. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп.. / пер. с англ. М., 2024.

9. История философии: Запад – Россия – Восток (книга четвертая: Философия XX в.). 2-е изд. М., 2000.

10. По делу о проверке конституционности ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 1 и 2 ст. 31, ч. 4 ст. 147, ч. 1 и 3 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой: постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116-1 и ч. 1 ст. 128-1 Уголовного кодекса РФ): законопроект № 1145531-7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7 (дата обращения: 24.02.2025).

13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: законопроект № 863746-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/863746-8?ysclid=m8eb113pop829693476 (дата обращения: 09.04.2025).

14. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Форма № 1) за 12 месяцев 2023 г. Раздел 4. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809 (дата обращения: 24.02.2025).

15. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М., 2013.

9. History of Philosophy: West – Russia – East (Book Four: Philosophy of the Twentieth Century). 2nd ed. Moscow, 2000.

10. In the case concerning the verification of the constitutionality of Parts 2 and 4 of Article 20, Parts 1 and 2 of Article 31, Part 4 of Article 147, Parts 1 and 3 of Article 318 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.I. Baskakova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 28, 2024, № 13-P. Access from the legal system «ConsultantPlus».

11. In the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of Parts 2 and 4 of Article 20, Part 6 of Article 144, Clause 3 of Part 1 of Article 145, Part 3 of Article 318, Parts 1 and 2 of Article 319 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the inquiries of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia and the Oktyabrsky District Court of Murmansk: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2005, № 7-P. Access from the legal system «ConsultantPlus».

12. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding changes in the type of criminal prosecution in relation to crimes provided for in Part 1 of Article 115, Article 116-1, and Part 1 of Article 128-1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Bill № 1145531-7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7 (date of access: 24.02.2025).

13. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Bill № 863746-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/863746-8?ysclid=m8eb113pop829693476 (date of access: 09.04.2025).

14. Report on the Work of Courts of General Jurisdiction in the Consideration of Criminal Cases at First Instance (Form № 1) for the 12 Months of 2023. Section 4. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809 (date of access: 24.02.2025).

15. Methodological Recommendations for the Linguistic Expertise of Bills. Moscow, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суходолов Арсений Сергеевич, *судья судебной коллегии по уголовным делам. Херсонский областной суд. 275500, Российская Федерация, г. Геническ, ул. Братьев Коваленко, 66.*

Сафонова Наталия Вячеславовна, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. 295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-кт Академика Вернадского, 4.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhodolov Arseniy Sergeevich, *judge of the judicial Board for criminal cases. Kherson Regional Court. 66, Brothers Kovalenko St., Genichesk 275500 Russian Federation.*

Safonova Natalia Vyacheslavovna, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy. Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. 4, Akademika Vernadskogo Ave., Simferopol 295007 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 152–157.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 152–157.

Научная статья
УДК 343

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПРОФИЛАКТИКУ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Трофимов Василий Евгеньевич
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, vasiliytrofimov88@mail.ru

Ахтанина Наталья Анатольевна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, akhtanina@inbox.ru

Введение: *обеспечение безопасности транспортной отрасли относится к приоритетному направлению деятельности современного российского государства. Одним из инструментов, призванных на постоянной основе формировать в обществе ответственное отношение к дорожному движению, является социальная реклама.*

Материалы и методы: *в ходе представленного исследования изучены материалы научных статей, официальные статистические данные Госавтоинспекции и ВЦИОМ, а также мнения представителей научного сообщества. В статье нашли применение научный анализ, моделирование, сравнение и статистический метод.*

Результаты исследования: *определены особенности подготовки рекламной продукции социальной направленности и ее доступность для различных групп населения.*

Выводы и заключения: *создание и распространение социальной рекламы, направленной на профилактику дорожно-транспортных происшествий, выступает в качестве действенного элемента формирования общественного правосознания.*

Ключевые слова: *социальная реклама, профилактика дорожно-транспортных происшествий, дорожно-транспортный травматизм, обеспечение безопасности дорожного движения, профилактическое воздействие рекламной продукции.*

Для цитирования: Трофимов В. Е., Ахтанина Н. А. *Совершенствование социальной рекламы, направленной на профилактику дорожно-транспортных происшествий и их последствий / В. Е. Трофимов, Н. А. Ахтанина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 152–157.*

IMPROVING SOCIAL ADVERTISING AIMED AT PREVENTING ROAD ACCIDENTS AND THEIR CONSEQUENCES

Trofimov Vasiliy Evgenyevich
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Akhtanina Natalya Anatolyevna
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

Introduction: *ensuring transport safety is a priority for the modern Russian government. One of the tools designed to continuously foster a responsible attitude toward road safety in society is social advertising.*

Materials and methods: *this study examined scientific articles, official statistics from the State Traffic Safety Inspectorate and the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), and the opinions of representatives of the scientific community. The article utilized scientific analysis, modeling, comparison, and statistical methods.*

Results of the study: *The specifics of developing socially oriented advertising materials and their accessibility for various population groups were identified.*

Findings and conclusions: *The creation and dissemination of social advertising aimed at preventing road accidents is an effective means of shaping public awareness.*

Keywords: *social advertising, road accident prevention, road injuries, road safety, preventive impact of advertising materials.*

For citation: Trofimov V. E., Akhtanina N. A. *Improving social advertising aimed at preventing road accidents and their consequences / V. E. Trofimov, N. A. Akhtanina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 152–157.*

Транспортная сфера на любом этапе исторического развития государства представляла особую значимость. Тысячелетиями люди возводили транспортную инфраструктуру, строили дороги для нужд своего общества, удобства передвижения, организации снабжения населенных пунктов различного уровня, от небольших деревень до крупных городов, для передвижения войск, а некоторые, как Аппиева дорога, стали памятником истории.

Вплоть до изобретения парового двигателя в 1698 г., способствовавшего созданию механических устройств на его основе, человечество использовало для передвижения как животных (колесницы, кареты и другие виды гужевого транспорта), так и людей, например паланкин, который применялся в Древнем Египте, Китае, Индии и ряде других стран.

Дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) достаточно новая причина смертности и травматизма, т. к. развитию этого явления способствовало широкомасштабное распространение личного транспорта, начавшееся в XX в. Несомненно, и гораздо ранее происходили летальные исходы и наносились травмы в различных происшествиях, связанных с транспортом конкретного периода истории. Наличествует небесспорное предположение, что правивший Египтом в XIV в. до н. э. 19-летний фараон Тутанхамон при падении с колесницы получил травмы, от которых впоследствии скончался. Позднее распространение гужевого транспорта достигло своего пика, и в конце XIX в. в Европе насчитывалось около 20 млн транспортных средств, что не могло не отражаться на аварийной обстановке. Так, в Великобритании в 1875 г. в результате происшествий с участием гужевого транспорта погибло 1 589 человек, в Нью-Йорке в 1900 г. – 200, а в 2012 г. погибло 293 человека. При этом особое внимание необходимо обратить на то, что население Нью-Йорка в 1900 г. составляло 3,4 млн человек, в 2012 г. – 8,2 млн. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что уровень смертности на 100 тыс. населения в ДТП в начале века был примерно на 40 % выше, чем спустя более чем 100 лет [1, с. 6].

В настоящее время показатели аварийности изменяются от года к году под воздействием различных факторов. К ним можно отнести постоянный рост личного автопарка граждан, в связи с чем увеличивается нагрузка на пропускную способность автодорог, следовательно, появляются заторы. Кроме того, постоянное развитие науки и техники позволяет внедрять в широкое использование все новые транспортные средства, такие как сигвеи, электросамокаты, моноколеса и многое другое, что получило название «средства индивидуальной мобильности» (далее – СИМ), а также все популярнее становится использование электромобилей. Вышеуказанные транспортные средства встречаются на дорогах страны, что, к сожалению, нередко приводит к дорожно-транспортным происшествиям и возникающим в их результате смертности и травматизме.

В России уже несколько лет снижается количество погибших в результате ДТП. Так, в 2020 г. в результате ДТП погибло 16 152 человека, в 2021 г. – 14 874, в 2022 г. – 14 172, в 2023 г. – 14 504, в 2024 г. – 14 403 человека. Отдельного внимания заслуживает 2023 г., который ознаменовался определенным ростом количества ДТП, а следовательно, погибших и раненых в них [2].

Обращаясь к статистики смертности в результате ДТП в США, следует отметить наметившуюся динамику роста данных показателей. Так, в США в 2020 г. в результате ДТП погибло 38 824 человека [3], в 2021 г. – 42 915 человек, что является самым высоким показателем с 2005 г. [4], в 2022 г. – 42 514 человек, в 2023 г. – почти 41 000 [5].

Уместно обратить внимание на существенную разницу в численности населения России и США, вследствие чего для объективного анализа любых показателей используется сравнение на 100 000 человек. В связи с этим Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) представила таблицу с показателями смертности в странах мира в результате дорожно-транспортных происшествий на 100 000 населения, где у России данный показатель составляет 10,6, а в США 14,2 [6]. Представленные данные в том числе свидетельствуют об уровне безопасности дорожного движения. Наиболее высокий

показатель смертности в результате ДТП из числа стран, представленных в таблице, принадлежит таким странам, как Гвинея – 37,4, Ливия – 34, Гаити – 31,3, при этом имеются страны с минимальными показателями, например Норвегия – 1,5, Сингапур – 1,9. Такие страны, как Ниуэ, Княжество Монако, представлены с нулевым показателем, однако стоит учитывать, что их население составляет от нескольких тысяч человек до нескольких десятков тысяч человек.

Каждое государство в рамках реализации своей внутренней политики обращает значительное внимание на снижение показателей аварийности и связанной с ней смертностью населения, ведь нередко это десятки тысяч человеческих жизней. Для этого используется множество различных инструментов: совершенствование правового регулирования транспортной сферы, модернизация инфраструктуры – автодорог, средств фиксации правонарушений, улучшение безопасности самих транспортных средств, качественное изменение подхода в подготовке водителей всех категорий, а также формирование гражданского правосознания в обществе, без чего все вышеперечисленное будет недостаточно эффективным. Для этого широко используются возможности социальной рекламы, возникшей в начале XIX в. [7, с. 47] и получившей свое развитие практически во всех странах современного мира.

Действующее законодательство России содержит определение социальной рекламы – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства [8].

В современной практике применения социальной рекламы в сфере безопасности дорожного движения выработано два основных подхода. Первый подход предусматривает наличие позитивного сюжета с элементами необоснованного риска в поведении участника дорожного движения, при этом отсутствует какое-либо травмирующее наполнение. Второй подход заключается в обратном, а именно в непосредственном использовании шокового наполнения в рекламной продукции [9, с. 107].

При этом исследования французских организаций о социальной рекламе в сфере безопасности дорожного движения обращают внимание на то обстоятельство, что лишь 16 % граждан поддаются воздействию шоковой информации. Тем не менее в Швейцарии данный вид рекламы достаточно широко применяется, демонстрируются сталкивающиеся транспортные средства, моменты наезда на пешехода и велосипедиста, погибших в результате ДТП [9, с. 109].

Представляется, что для достижения наилучшего результата необходимо гармоничное сочетание двух вышеуказанных подходов в подготовке социальной рекламы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Перенасыщение общества шоковой информацией может привести к привыканию и последующему игнорированию такой рекламы. Тем не менее до 40 % наполнения социальной рекламы в исследуемой сфере представляют шоковые сюжеты [9, с. 109].

Наряду с рассмотренным вариантом рекламы немаловажную роль выполняет информация, подчеркивающая необходимость правомерного поведения.

В России, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), представленным в 2023 г., с социальной рекламой любой направленности сталкивался каждый второй гражданин (50 %), из которых только 29 % запомнили ее содержание (в 2021 г. запомнили 40–43 %). Не видели социальную рекламу более трети опрошенных – 37 %.

Уместно обратить внимание на дополнительные особенности исследуемого направления рекламной продукции. Так, близки цифры восприятия социальной рекламы среди мужчин и женщин, которые встречали ее практически в равной степени (49 и 52 % соответственно), при этом запоминали также одинаково (27 % среди мужчин и 31 % среди женщин). Примечательно, что чаще содержание запоминают представители молодого поколения, т. е. лица в возрасте от 18 до 34 лет, а также получившие высшее образование и жители городов с населением более миллиона человек.

В качестве самостоятельного критерия запоминания выступает выбранная пользователем модель медиапотребления. В частности, лица, которые используют смешанную модель, а именно получают информацию посредством телевидения и интернета чаще тех, кто использует только телевидение, сталкиваются с социальной рекламой (55 %) и лучше ее запоминают.

Обращаясь к востребованности социальной рекламы, необходимо подчеркнуть, что большая часть населения страны (68 %) считает ее важным и необходимым элементом

социальной политики государства, несмотря на то что в 2017 г. данный показатель достигал 80 %. В необходимости создания и демонстрации такой рекламы чаще убеждены женщины (71 %), чем мужчины (64 %).

Интересным представляется отношение населения к эффективности социальной рекламы в зависимости от покупательской способности. Так, среди лиц с низкой самооценкой материального положения ее считают необходимой мерой только 58 %, в то время как со средней – 68 %, а с хорошей – 72 % [10].

Обращаясь к особенностям социальной рекламы в России, касающейся безопасности дорожного движения, отметим, что, по мнению каждого второго опрошенного, главная причина нарушений правил дорожного движения – низкий уровень культуры участников дорожного движения.

Россияне в ходе опросов отмечают, что наиболее подвержены риску стать жертвой ДТП следующие категории лиц:

– дети-пешеходы (67 %);

– неопытные водители транспортных средств (61 %);

– взрослые пешеходы (27 %);

– дети-пассажиры (13 %) [11].

Создание социальной рекламы с учетом общественного мнения не только способствует продвижению на пути к достижению целей профилактического воздействия, но и подчеркнет внимание к общественному запросу. В данном случае он выражается в дополнительной заботе о детях, что, несомненно, является положительным стремлением любого гражданского общества и государства.

В настоящее время представления россиян о причинах ДТП практически не изменились. Как уже отмечалось, на первом месте остается низкий уровень культуры участников дорожного движения (48 %, а в 2013 г. – 47%). Среди наиболее популярных ответов присутствуют следующие варианты: наличие привилегий у отдельных водителей (14 %) и мягкость наказаний за нарушение правил дорожного движения (12 %).

В ходе определения общественного мнения установлены и рекомендации, которые, по мнению опрашиваемых, способны совершенствовать транспортную культуру разновозрастного населения страны.

Респонденты (53 %) отметили, что наибольшей эффективностью для подрастающего поколения является личный пример, демонстрируемый родителями. В данном случае названный способ формирования правомерного поведения представляет, возможно, наибольшую сложность. Нередко дети сталкиваются с ситуациями, когда им говорят о том, что определенное поведение свойственно только взрослым, но они запоминают увиденные способы поведения и рано или поздно могут пробовать их воспроизвести [12, с. 165]. Создание социальной рекламы, подчеркивающей важнейшую роль родительского и иного взрослого примера для подростка и направленной в большей степени на родительскую категорию, представляет особую актуальность.

Вполне уместной и логичной представляется идея 48 % опрошенных о важности введения школьного курса по обеспечению безопасности дорожного движения, что подчеркивает устоявшееся мнение о главенствующей роли семьи и школы в формировании на начальном этапе у молодого поколения правосознания.

Среди альтернативных и не таких популярных вариантов воздействия на несовершеннолетних с целью структурировать знания в исследуемой сфере названы следующие:

– моделирование на классных часах различных дорожных ситуаций и подробный анализ вариантов поведения подростка (27 %);

– адаптированные для исследуемых целей видеоигры и приложения для смартфона (10 %);

– специальный контент в сфере организации безопасности дорожного движения в СМИ, интернете и социальных сетях (8 %);

– организация и проведение тематических конкурсов среди детей и подростков на тему соблюдения ПДД (8 %);

– создание актуальных для сферы дорожного движения мультфильмов и настольных игр (6 и 3 % соответственно) [11].

Анализ мнения о представленных мерах свидетельствует о скептическом отношении россиян к их эффективности. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что не поставлена задача определить одно единственное средство, способное радикально изменить ситуацию в пропаганде безопасности дорожного движения и организации социальной рекламы в этой сфере. Напротив, представляется, что наибольшего положительного результата следует ожидать от комплексного использования уже существующих способов, совершенствуя их с учетом исследований, проводимых в гражданском обществе.

Кроме того, создание и распространение социальной рекламы, направленной на пропаганду безопасности дорожного движения, было бы целесообразно разделять в соответствии с установленными источниками получения информации. Так, для того, чтобы каждая возрастная категория имела возмож-

ность ознакомиться с рекламным продуктом, наряду с телевидением и сетью Интернет, представляется необходимым уделить внимание созданию компьютерных игр в исследуемой сфере, настольных игр, приложений, а также иной продукции для различных возрастов. При этом не стоит отказываться от не самых популярных рекламных мер, т. к. с их помощью возможно наиболее полно охватить дополнительные возрастные группы населения.

Проведенное исследование подчеркивает актуальность создания и распространения социальной рекламы, направленной на пропаганду обеспечения безопасности дорожного движения в России. Статистические показатели дорожно-транспортных происшествий и наступивших в их результате негативных последствий остаются нестабильными несмотря на наметившуюся общую тенденцию снижения. Несомненно, рассматривать вышеуказанную рекламную продукцию в качестве основного элемента профилактики правонарушений в сфере дорожного движения было бы несостоятельным, однако она может выступать как дополнительный фактор, оказывающий существенное превентивное влияние на гражданское общество. Кроме того, опросы общественного мнения подчеркивают, что различные категории граждан и в различных пропорциях не только обращают внимание на социальную рекламу, но и запоминают ее содержание. При этом респонденты называют возможные варианты совершенствования исследуемого направления деятельности, что также может быть учтено при создании и распространении такой рекламы.

Список источников

1. Фаттахов Т.А. Дорожно-транспортные происшествия и смертность в России: 1956-2012 // Демографическое обозрение. 2015. № 2. Т. 2

2. Статистические данные официального сайта Госавтоинспекции. URL: http://www.gibdd.ru (дата обращения: 01.06.2024).

3. Car Accident Statistics For 2023 – Forbes Advisorhttps. URL: http: //www.forbes.com/advisor/legal/car-accident-statistics/ (дата обращения: 01.06.2024).

4. US Traffic Deaths Down in 2023 but Remain Above Pre-Pandemic Levels. URL: http: //www.usnews.com/news/us/articles/2023-09-28/us-traffic-deaths-fall-in-2023-but-remain-above-pre-pandemic-levels (дата обращения: 01.06.2024).

5. US traffic deaths fell 3.6% in 2023, the 2nd straight yearly drop. But nearly 41,000 people died. URL: http: //www.yahoo.com/news/us-traffic-deaths-fell-3-160308432.html (дата обращения: 01.06.2024).

6. Estimated road traffic death rate (per 100 000 population). URL: http: //www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/estimated-road-traffic-death-rate-(per-100-000-population) (дата обращения: 01.06.2024).

7. Чевтаева А.В. Развитие социальной рекламы в современном мире // Вестник экспериментального образования. 2021. № 1(26).

8. О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Российская газета. 2006. 15 марта.

9. Кузнецова Н.М., Казанова Л.А. Подходы к использованию социальной рекламы по безопасности дорожного движения за рубежом // Научный портал МВД России. 2020. № 2(50).

References

1. Fattakhov T.A. Road Accidents and Mortality in Russia: 1956-2012 // Demographic Review. 2015. № 2. Vol. 2

2. Statistical data from the official website of the State Traffic Inspectorate. URL: http://www.gibdd.ru (date of access: 01.06.2024).

3. Car Accident Statistics For 2023 – Forbes Advisor https. URL: http: //www.forbes.com/advisor/legal/car-accident-statistics/ (date of access: 01.06.2024).

4. US Traffic Deaths Down in 2023 but Remain Above Pre-Pandemic Levels. URL: http: //www.usnews.com/news/us/articles/2023-09-28/us-traffic-deaths-fall-in-2023-but-remain-above-pre-pandemic-levels (date of access: 01.06.2024).

5. US traffic deaths fell 3.6% in 2023, the 2nd straight yearly drop. But nearly 41,000 people died. URL: http: //www.yahoo.com/news/us-traffic-deaths-fell-3-160308432.html (date of access: 01.06.2024).

6. Estimated road traffic death rate (per 100,000 population). URL: http: //www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/estimated-road-traffic-death-rate-(per-100-000-population) (date of access: 01.06.2024).

7. Chevtaeva A.V. Development of social advertising in the modern world // Bulletin of Experimental Education. 2021. № 1 (26).

8. On advertising: federal law of March 13, 2006 № 38-FL // Rossiyskaya Gazeta. 2006. March 15.

9. Kuznetsova N.M., Kazanova L.A. Approaches to the use of social advertising on road safety abroad // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (50).

10. ВЦИОМ. Новости: Социальная реклама - 2023: кому? Зачем? О чем? URL: http: //wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-reklama-2023-komu-zachem-o-chjom (дата обращения: 01.06.2024).

11. ВЦИОМ. Новости: Дорожно-транспортные происшествия: причины, следствия, профилактика. URL: http: //wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dorozhno-transportnye-proisshestvija-prichiny-sledstvija-profilaktika. (дата обращения: 01.06.2024).

12. Смагина А.В. Не воспитывайте детей, все равно они будут похожи на Вас. Воспитывайте себя... // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2021. № 2(71).

10. VTsIOM. News: Social Advertising - 2023: For Whom? Why? About What? URL: http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-reklama-2023-komu-zachem-o-chjom (date of access: 01.06.2024).

11. VTsIOM. News: Road Accidents: Causes, Consequences, Prevention. URL: http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dorozhno-transportnye-proisshestvija-prichiny-sledstvija-profilaktika. (date of access: 01.06.2024).

12. Smagina A.V. Don't Raise Children, They Will Be Like You Anyway. Raise Yourself... // Information and Communication Technologies in Pedagogical Education. 2021. № 2(71).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трофимов Василий Евгеньевич, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.*

Ахтанина Наталья Анатольевна, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Trofimov Vasiliy Evgenyevich, *PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117997 Russian Federation.*

Akhtanina Natalya Anatolyevna, *PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatova St., Oryol 302027 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 158–161.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 158–161.

Научная статья
УДК 343.13

ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ушаков Андрей Юрьевич
Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
Нижний Новгород, Российская Федерация, ushakov.ay@skspba.ru

Валова Алиса Игоревна
Палата адвокатов, Нижний Новгород, Российская Федерация,
alisa.valova@inbox.ru

Шараева Яна Анатольевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
yana-sharaeva@mail.ru

Введение: *в статье раскрывается вопрос о факторах, определяющих возникновение и динамику преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Тщательное рассмотрение и глубокое понимание данного явления требуется, поскольку затрагиваются самые основы функционирования института семьи и общества в целом.*

Материалы и методы: *в статье использован метод системного анализа для рассмотрения семейно-бытовой преступности как сложной системы, включающей различные элементы (преступник, жертва, факторы, условия, меры противодействия) и взаимосвязи между ними. Метод обобщения позволил сформировать общие выводы на основе анализа отдельных фактов, явлений, тенденций. Статистический анализ применялся для исследования официальных статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений, совершенных в семейно-бытовой сфере. С помощью исторического анализа производилось изучение исторических и культурных факторов, влияющих на семейно-бытовые отношения.*

Результаты исследования: *в статье рассмотрены общие моменты, оказывающие влияние на существование преступности в семейно-бытовых отношениях. Фактор в данном случае представляет собой причину, явление, условие, которые оказывают прямое или косвенное влияние на возникновение, интенсивность и направленность преступности. Также проанализирован комплекс основных возможных явлений и процессов, которые влияют на возникновение и развитие преступности в семейно-бытовом секторе.*

Выводы и заключения: *изложенные материалы могут быть использованы для эффективного противодействия преступности в семейно-бытовых отношениях, поскольку комплексный подход, учитывающий как личностные особенности участников, так и внешние социальные и экономические условия, позволит разработать более целенаправленные и эффективные меры профилактики и борьбы с преступностью.*

Ключевые слова: *противодействие преступности, семейно-бытовые отношения, фактор, преступник, жертва.*

Для цитирования: Ушаков А. Ю., Валова А. И., Шараева Я. А. *Факторы преступности в сфере семейно-бытовых отношений / А. Ю. Ушаков, А. И. Валова, Я. А. Шараева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 158–161.*

Original paper

CRIME FACTORS IN THE SPHERE OF FAMILY AND HOUSEHOLD RELATIONS

Ushakov Andrey Yuryevich
Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Valova Alisa Igorevna
Advocates Chamber, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Sharaeva Yana Anatolyevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *this article examines the factors that determine the occurrence and dynamics of crimes committed in the sphere of domestic relations. A thorough examination and in-depth understanding of this phenomenon is required, as it touches upon the very foundations of the functioning of the institution of family and society as a whole.*

Materials and methods: *this article utilizes a systems analysis method to examine domestic crime as a complex system comprising various elements (offender, victim, factors, conditions, countermeasures) and the interrelations between them. A generalization method allowed for the formation of general conclusions based on the analysis of individual facts, phenomena, and trends. Statistical analysis was used to examine official statistics on the number of registered crimes committed in the domestic sphere. Historical analysis was used to examine the historical and cultural factors influencing domestic relations.*

Results of the study: *this article examines the general factors influencing the occurrence of crime in domestic relations. A factor in this case is a cause, phenomenon, or condition that directly or indirectly influences the occurrence, intensity, and direction of crime. A set of key potential phenomena and processes that influence the emergence and development of crime in the domestic sphere is also analyzed.*

Findings and conclusions: *The presented materials can be used to effectively combat crime in domestic situations, as a comprehensive approach that takes into account both the personal characteristics of the participants and external social and economic conditions will enable the development of more targeted and effective crime prevention and control measures.*

Keywords: *crime prevention, domestic situations, factor, criminal, victim.*

For citation: Ushakov A. Yu., Valova A. I., Sharaeva Ya. A. *Crime factors in the sphere of family and household relations / A. Yu. Ushakov, A. I. Valova, Ya. A. Sharaeva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 158–161.*

Применительно к семейно-бытовому сектору преступности факторы представляют собой сложную систему внешних и внутренних обстоятельств, действующих одновременно и взаимодополняюще.

По своему происхождению и воздействию факторы преступности подразделяются на две большие группы:

1) индивидуально-психологические факторы, отражающие внутренний мир личности, ее потребности, интересы, цели и способы удовлетворения потребностей:

– личностные особенности, предрасполагающие к применению физической силы в разрешении конфликтов (агрессивность, импульсивность, сниженная способность контролировать эмоции);

– особенности индивидуального опыта и воспитания, приобретенного в детстве (насилие в родительской семье, авторитарные методы воспитания);

– формирование антиобщественных ориентаций и морально-нравственная дезориентация [1].

2) внешнесоциальные факторы, представляющие собой совокупность условий и обстоятельств внешнего мира, прямо или опосредованно влияющих на личность и общество в целом:

– экономические факторы (низкий уровень дохода, высокий уровень безработицы, ухудшение материального положения, дефицит жилья);

– социальные факторы (дезорганизация социальных институтов, слабость правовых структур, слабая профилактика преступности);

– демографические факторы (увеличение численности многодетных семей, разводов, неполных семей);

– политические факторы (недостаточность государственных инициатив, направленных на укрепление института семьи, недостаточность финансирования социальной сферы, медленное принятие необходимых нормативных актов);

– этнокультурные факторы (особенности национальных обычаев и религиозных верований, допускающих насилие в определенных ситуациях);

– информационное пространство (негативное влияние СМИ, Интернета, массовой культуры, пропагандирующей насилие и агрессию) [1].

Взаимосвязь индивидуально-психологических и внешнесоциальных факторов в генезисе семейно-бытового насилия представляет собой сложный и многоуровневый процесс, в котором внутренние особенности личности взаимодействуют с внешними условиями, формируя предрасположенность к насильственному поведению. Например, люди с низкой эмпатией менее склонны учитывать интересы и потребности своих близких и более склонны к проявлению жестокости. Люди с антиобщественными ориентациями могут считать, что имеют право нарушать права других людей, чтобы достичь своих целей. Все эти внутренние факторы влияют на возможность возникновения и существования семейно-бытовой преступности, включая как физическое насилие, так и экономические преступления и общественно опасное нарушение частной жизни [2].

Внешнесоциальные факторы отражают условия и обстоятельства, существующие в обществе и оказывающие влияние на личность и семью, повышая риск семейно-бытового насилия. Экономические трудности могут приводить к стрессу, напряженности и конфликтам в семье. Нехватка денег на удовлетворение базовых потребностей способна вызывать чувство безысходности и отчаяния, что может провоцировать агрессивное поведение. Безработица может приводить к потере самооценки, чувства бесполезности и тревоги. Люди, потерявшие работу, могут испытывать гнев и разочарование, вымещая это на своих близких. Перенаселенность, от-

сутствие собственного жилья и проживание в стесненных условиях приводит к раздражительности, конфликтам и агрессии [2].

Среди внешних социальных факторов выделим слабость системы образования, здравоохранения, социальной защиты и других социальных институтов, которая приводит к снижению уровня жизни населения, ухудшению доступа к необходимой помощи и поддержке, что увеличивает риск семейно-бытового насилия. Неэффективная работа полиции, судов и других правоохранительных органов может приводить к безнаказанности агрессоров и отсутствию защиты для жертв.

Политические внешние факторы выражаются в отсутствии государственной поддержки семей, низком уровне социальных выплат, недостаточном финансировании программ поддержки материнства и детства, что также приводит к нестабильности в семьях и увеличению риска совершения семейно-бытовых преступлений.

Действительно, в реальной жизни индивидуально-психологические и внешнесоциальные факторы действуют не изолированно, а в комплексе, усиливая влияние друг друга. Например, человек с агрессивным характером, выросший в семье, где было насилие, и живущий в обществе, где экономические трудности и слабая правовая система, имеет гораздо больший риск стать агрессором, чем человек с такими же личностными особенностями, но живущий в благоприятных условиях. Более подробно рассмотрим сочетание различных факторов на примерах в параграфе о причинах и условиях физического насилия в семейно-бытовой сфере.

Помимо вышеуказанных классификаций иногда выделяется еще одна важная группа факторов – ситуационные (их еще именуют «микрофакторы»). Они представляют условия и обстоятельства, существующие непосредственно внутри семьи и определяющие характер межличностных отношений, динамику конфликтов и вероятность совершения преступления в отношении членов семьи. Так, именно в конкретной жизненной ситуации человек принимает решение действовать незаконно [3].

Наиболее распространенными ситуациями, стимулирующими преступления в семейно-бытовом кругу, являются следующие.

Внутрисемейные конфликты. Конфликты – неизбежная часть совместной жизни, однако их частота, интенсивность и способы разрешения могут предвещать насилие. Частые ссоры по поводу финансов (особенно при нехватке средств), воспитания детей (разные подходы, неадекватные наказания), распределения обязанностей (перегрузка одного из партнеров), личных привычек (несоблюдение правил совместного проживания) и – особенно – ревность и измены создают атмосферу напряжения и взаимного недовольства. Эскалация таких конфликтов, сопровождающаяся оскорблениями, угрозами и унижениями, постепенно подготавливает почву для физического насилия, становясь его психологической прелюдией. Важно подчеркнуть, что неспособность конструктивно разрешать конфликты, отсутствие навыков коммуникации и эмпатии способствуют их хронизации и переходу в насильственные формы.

Употребление алкоголя и наркотиков. Злоупотребление психоактивными веществами является мощным катализатором семейно-бытового насилия. Алкоголь и наркотики снижают самоконтроль, искажают восприятие реальности и стимулируют агрессивные импульсы.

Ситуационные микрофакторы, такие как внутрисемейные конфликты, злоупотребление психоактивными веществами и психологические проблемы, могут быть классифицированы как индивидуально-психологические или внешнесоциальные. Это зависит от конкретного содержания и причин возникновения этих факторов. Формально их отдельное выделение может нарушать стройность логической структуры, однако это оправдано с практической точки зрения. Такое выделение позволяет акцентировать внимание на конкретных, часто встречающихся проблемах, требующих незамедлительного вмешательства и адресных мер профилактики. Это делает анализ более ориентированным на практику и позволяет лучше понять динамику преступности в семейно-бытовой среде.

Классификация и выделение факторов преступности имеют огромное значение для комплексного изучения преступности в семейно-бытовых отношениях как в целом, так и непосредственно проблемы насилия в семье. Такая систематизация позволяет ученым и специалистам рассматривать феномен семейно-бытовой преступности многогранно, принимая во внимание различные аспекты его возникновения и развития. Это способствует формированию эффективных стратегий борьбы с данным видом преступлений [4, с. 4].

Так, можно выделить следующие преимущества выделения факторов преступности:

– возможность разработки индивидуальных мер профилактики, ориентированных на конкретные причины совершения преступлений;

– определение ключевых областей вмешательства, требующих особого внимания и ресурсов;

– создание методов и инструментов противодействия преступности в семейно-бытовых отношениях, адаптированных к специфике каждой ситуации;

– развитие научных методик исследования проблем семейной преступности, способствующих повышению качества аналитической деятельности.

Тем не менее следует отметить, что проблематика факторов преступности в семейных отношениях является одной из наиболее значимых и сложных современных социаль-

ных проблем. Она требует междисциплинарного подхода, объединяя психологию, социологию, криминологию и другие науки. Чтобы успешно противостоять данному типу преступлений, необходимо внедрение инновационных, научно обоснованных подходов, направленных на устранение индивидуальных и групповых факторов риска, а также учет передового международного опыта профилактической работы.

Таким образом, под факторами преступности в семейно-бытовых отношениях в данном исследовании следует понимать причины и условия, приводящие к возникновению преступлений непосредственно в семейно-бытовом секторе. Авторы рассмотрели общую картину влияния этих факторов на преступность в данной области. Факторы делятся на две крупные категории: индивидуально-психологические (личные свойства индивидов, такие как агрессивность, низкая стрессоустойчивость и антиобщественное мировоззрение) и внешнесоциальные (социально-экономическая среда, политическая ситуация, культурные нормы). Важно понимать, что между этими группами существует тесная связь, они взаимодействуют и взаимно обусловливают друг друга. Подобно философскому вопросу о первичности бытия или сознания трудно однозначно установить первенство одной группы факторов, ведь каждая из них играет свою роль в формировании преступного поведения. Помимо двух основных классов факторов отдельно выделяются ситуационные (микро-) факторы, такие как внутрисемейные конфликты, злоупотребление алкоголем или наличие психологических заболеваний. Хотя формально данные факторы относятся либо к внутренним, либо внешним явлениям, их специальное выделение актуально с практической точки зрения, позволяя акцентировать внимание на важнейших аспектах, связанных с повседневной жизнью семьи и проблемами, ведущими к преступлениям. Таким образом, хотя такая классификация нарушает строгую логичность теории, она оправдана необходимостью оперативного реагирования и целенаправленной профилактики. Исследование факторов преступности обладает высокой научной и прикладной ценностью. Оно позволяет детально анализировать механизмы формирования преступного поведения, выявлять риски и разрабатывать стратегии превентивных мероприятий.

Список источников

1. Коцюба В.А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2015.
2. Тляумбетов Р.Г. Преступления против семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2016.
3. Золотухин С.Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений. Челябинск, 2019.
4. Шахов В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение: автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

References

1. Kotsyuba V.A. Criminological Analysis and Prevention of Crimes in Family and Domestic Relations: diss. … PhD in Law. Krasnoyarsk, 2015.
2. Tlyaumbetov R.G. Crimes against the Family: Criminal and Criminological Aspects: diss. … PhD in Law. Chelyabinsk, 2016.
3. Zolotukhin S.N. Criminal Violence in Family and Domestic Relations. Chelyabinsk, 2019.
4. Shakhov V.I. Domestic Violence: Criminal and Criminological Significance: diss. … PhD in Law. Kazan, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушаков Андрей Юрьевич, *кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 603104, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Краснозвездная, 5.*

Валова Алиса Игоревна, *арбитражный управляющий. Палата адвокатов. 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 92.*

Шараева Яна Анатольевна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ushakov Andrey Yuryevich, *PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure. Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee. 5, Krasnozvezdnaya St., Nizhny Novgorod 603104 Russian Federation.*

Valova Alisa Igorevna, *arbitration manager. Advocates Chamber. 92, Ilyinskaya St., Nizhny Novgorod 603000 Russian Federation.*

Sharaeva Yana Anatolyevna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 162–168.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 162–168.

Научная статья
УДК 321: 004

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Григорян Давид Кромвелович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru

Кашерокова Амина Азретовна
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, akasherokova-22@ranepa.ru

Введение: *информационно-коммуникационные технологии в наше время выступают в качестве одного из ключевых инструментов политического процесса, а также удобного канала коммуникации политической элиты с гражданами. Акторы политического процесса заинтересованы в сотрудничестве с представителями информационных гигантов для прямого взаимодействия с электоратом в режиме реального времени. Исходя из этого, считаем важным затронуть проблему влияния информационно-коммуникационных технологий непосредственно на политический процесс, а также роль политической элиты в данном ключе.*

Материалы и методы: *в процессе написания научной статьи авторы опирались на совокупность академических методов исследования, таких как общие и специальные научные методы, выступающие как инструменты исследования в области политологии и социологии. Были также использованы, институциональный и структурно-функциональный методы исследования. За основу исследования взяты информационно-коммуникационные технологии и их влияние на политический процесс и его участников. Эмпирическую базу изысканий составляют научные публикации и актуальные новостные каналы.*

Результаты исследования: *в статье рассматривается влияние информационно-коммуникационных технологий на элиты в политическом процессе, что прежде всего связано с обеспечением национальной безопасности. Анализируются популярные политические процессы с использованием информационно-коммуникационных технологий и сделаны основные выводы.*

Выводы и заключения: *влияние информационно-коммуникационных технологий на политический процесс и элиту, а также действий элиты в проводимом политическом курсе при использовании таких технологий является всеобъемлющим. Информационно-коммуникационные технологии обеспечивают прозрачность политического процесса и ускоряют скорость коммуникации, но также порождают фейковые новости и способствуют развитию искусственного интеллекта, что может отрицательно сказаться на гражданах того или иного государства. Необходимо развивать информационную культуру граждан, т. к. именно она в скором времени может стать ключевым фактором существования глобального мирового сообщества.*

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, политический процесс, социальные сети, социальные медиа, Интернет.*

Для цитирования: Григорян Д. К., Кашерокова А. А. *Влияние информационно-коммуникационных технологий на политический процесс: роль политических элит / Д. К. Григорян, А. А. Кашерокова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 162–168.*

Original paper

THE INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE POLITICAL PROCESS: THE ROLE OF POLITICAL ELITES

Grigoryan David Kromvelovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kasherokova Amina Azretovna
South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *information and communication technologies (ICTs) are currently a key tool in the political process, serving as a convenient channel for communication between the political elite and citizens. Political actors are interested in collaborating with representatives of information giants to directly engage*

with voters in real time. Therefore, we consider it important to address the impact of ICTs on the political process, as well as the role of the political elite in this regard.

Materials and methods: *in writing this research article, the authors relied on a combination of academic research methods, such as general and specialized scientific methods used as research tools in political science and sociology. Institutional and structural-functional research methods were also used. The study is based on ICTs and their impact on the political process and its participants. The empirical basis for the research is comprised of scholarly publications and current news channels.*

Results of the study: *this article examines the impact of ICTs on elites in the political process, primarily related to ensuring national security. This article analyzes popular political processes using information and communication technologies (ICTs), and draws key conclusions.*

Findings and conclusions: *the impact of ICTs on the political process and the elite, as well as the elite's actions in pursuing political policies using such technologies, is pervasive. ICTs ensure transparency in the political process and accelerate the speed of communication, but they also generate fake news and facilitate the development of artificial intelligence, which may negatively impact citizens of a given country. It is essential to develop citizens' information culture, as it may soon become a key factor in the existence of a global community.*

Keywords: *ICTs, political process, social networks, social media, internet.*

For citation: Grigoryan D. K., Kasherokova A. A. *The influence of information and communication technologies on the political process: the role of political elites / D. K. Grigoryan, A. A. Kasherokova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 162–168.*

Научно-технический прогресс стремительно смещает устоявшиеся в обществе парадигмы и способствует существенным переменам в каждой сфере жизни общества. В начале XXI в. понятия «цифровизация» и «компьютеризация» казались чем-то несбыточным, а сейчас это обыденность. Данные процессы являются могущественной силой и способны продвигать некую идеологию в массы, тем самым создавая новую реальность: экономическую, политическую, культурную, социальную [1, с. 26–32]. Производной от представленных феноменов является появление информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Их развитие – важный этап на пути становления современного общества, ведь это совершенствует коммуникацию и открывает возможность более активного участия в политической жизни общества каждому гражданину.

Проблемы обеспечения прозрачности и гласности в работе ключевых институциональных образований политической сферы всегда волновали общество. Появление и развитие ИКТ облегчило работу политических организаций и способствовало вовлечению в политический процесс всех неравнодушных, а также активизировало онлайн-риторику общественных деятелей и политической элиты.

Информационно-коммуникационные технологии – это совокупность технических инструментов и методов, предназначенных для транслирования и хранения информации. Одной из форм ИКТ является информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – это общедоступный пользователям графический браузер, предоставляющий пользователям неограниченные возможности для коммуникации, создания, хранения, передачи, получения информации разного рода и качества. На сегодняшний момент глобальная сеть Интернет является составной частью не только повседневной жизни человека, но также и важным аспектом функционирования организаций и политических систем. Новые программы, непосредственно касающиеся системы онлайн-доступа ко всему мировому сообществу с сотовых телефонов и иных устройств, во многом увеличивают число пользователей [2, с. 30–35].

Также ИКТ включают в себя компьютеры, технологии вещания (радио и телевидение), различные медиа- и социальные сети. Посредством их использования обеспечивается эффективное и мгновенное общение, обмен информацией, происходит обучение при помощи различных платформ, оптимизируются бизнес-процессы и ведется активное взаимодействие граждан в сфере государственных услуг и общественно значимых инициатив.

Любая информация, а в частности политическая, теряет свою ценность, если рассматривать ее вне контекста использования в процессе коммуникации. Поэтому главной ценностью на сегодняшний день выступает возможность взаимодействия посредством коммуникации. В связи с этим современные ИКТ стремятся создать эффективные глобальные сети общения и новые формы взаимодействия.

Испанский исследователь М. Кастельс, исследуя информационное общество и развитие технологий, говорил о том, что ключевым элементом в данной области является коммуникация. Он сделал вывод, что сеть Интернет и беспроводная коммуникация уже не соответствуют классическому пониманию как «просто медиа». Теперь это «средства интерактивного общения». Исследователь акцентирует внимание на том, что современный человек огромную часть жизни проводит в Сети, пользуясь ей не просто как средством получения тех или иных данных, ведь без данного феномена нельзя представить никакую сферу современной жизни [3].

Люди с разных частей мира могут обмениваться информацией, распространять свои ценности, образцы поведения и традиции при помощи медиакоммуникаций, что в свою очередь непосредственно влияет на развитие общества и проводимую государственную политику. Медийные личности, которые чаще всего выступают авангардом

новых идей и транслируют их в большинстве случаев в Интернете в формате различных социальных сетей, способствуют интеграции различных слоев населения в зависимости от интересов и предпочтений или, напротив, дезинтеграции, если проводится спорная дискуссия и мнения оппонентов расходятся. ИКТ способствуют процессам обучения, поглощения новой информации, а также возможности участия и контроля в политическом процессе и деятельности политической элиты.

Рассматривая политический процесс как один из ключевых аспектов политологии как науки, считаем необходимым отметить, что он представляет собой развитие политических событий в различных плоскостях с помощью систематически заданной последовательности действий, связанных логикой или целенаправленным смыслом. В основном политический процесс проявляется в виде различных явлений политического пространства: движения, организации, партии, социально-политические акции, которые предполагают динамику и трансформацию социальных устоев, а также включают деятельность отдельных лидеров и лиц, стремящихся к достижению политических целей и власти [4].

Ключевым актором политического процесса выступает политическая элита. Политическая элита играет важную роль в осуществлении проводимого политического курса, обладает привилегированным положением, являясь неотъемлемой частью политического процесса, адаптируя свои установки и методы к решению текущих задач государства [5, с. 106–110].

В настоящее время, для того чтобы не ошибиться в выборе политических инструментов и механизмов, которые нацелены на реализацию политического процесса и осуществление решений политической элиты по проводимому курсу политики в государстве, необходимо досконально изучать электоральные предпочтения и социальные настроения каждого гражданина, и это легко можно сделать при помощи ИКТ, в частности – сети Интернет.

Стоит обратить внимание на такой факт, как взаимосвязь политического процесса с процессом экономическим. Актуальным в последние годы стало новое направление бизнеса – обработка и хранение персональных данных компьютерных сетей. Конфиденциальная информация о деятельности многих миллионов пользователей в Сети, их наиболее частые запросы, интересующие их направления общественной жизни обеспечили активное становление и развитие множества крупных корпораций, специализирующихся в данной области (например, Acxiom и BlueKai).

Разработка персонализированного поиска в сервисах Google, благодаря которому пользователи, формируя одинаковые запросы, получают свой, индивидуальный результат, созданный исходя из их предпочтений, наиболее частых запросов, приоритетных сайтов и веб-страниц, расширила возможности для злоупотребления конфиденциальной информацией пользователей.

Работа поискового сервиса Google не раз становилась предметом споров и разбирательств. Так, резонансным фактом стало доказательство «смещенной» работы сервиса: при введении запроса «три белых подростка» пользователям предлагались фото веселящихся школьников. Однако, если изменить запрос на «три чернокожих подростка», Google выдавал фотографии афроамериканцев в момент задержания их полицией. Огромная часть пользователей восприняла такую работу сервиса как открытое проявление расизма [6, с. 61–69].

Интернет и социальные сети служат основными площадками для распространения информации. Глобальные интернет-платформы, такие как YouTube, Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ), X (ранее Twitter) (далее – X (Twitter), Google, Dropbox, Instagram (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ), Yahoo и др., играют значительную роль в формировании общественного мнения и сознания. Эти ресурсы могут быть использованы в качестве инструментов современного политического процесса, создавая и продвигая определенные нарративы для интернет-пользователей. Также они открывают возможность контроля и мониторинга все той же пользовательской активности, что в конечном счете будет иметь последствия для глобального мирового сообщества в целом и обычного интернет-пользователя в частности, подрывая его уверенность в информационной безопасности и стабильности проводимого политического курса государства.

В настоящих реалиях мир характеризуется немыслимым ростом объемов передаваемой и потребляемой информации, что требует от человека нового типа мышления и огромного количества свободного времени. Информация стала бесценным ресурсом, от потоков которой зависят мировые процессы. Человек вынужден фильтровать потребляемую информацию, поскольку с ростом знаний о мире ориентироваться в них становится все сложнее, и теперь Интернет можно сравнить с огромным хранилищем, где нескончаемое множество заполненных ячеек и их число неумолимо продолжает расти. Иногда так называемым фильтром могут выступать государство или интернет-акторы.

Самым ярким примером реального политического влияния актуальных интернет-сервисов и платформ стала массовая блокировка аккаунтов во всех возможных социальных сетях бывшего 45-го и избранного 47-го президента США Д. Трампа. Данный пример изменил отношение элиты к вопросу надзора и регулирования деятельности интернет-пространства: если раньше вопрос цензуры социальных сетей считался противоречием демократическим устоям и проявлением тоталитарных тенденций, то теперь данное направление стало вопросом безопасности и авторитета существующей власти [7].

Социальная сеть X (Twitter) была для Трампа основным каналом общения с аудиторией, ведь это позволяло миновать традиционные медиа и нести свой посыл напрямую и в любое время. Д. Трамп не принял итоги голосования, а партию соперника – демократическую – он обвинил в групповой фальсификации. Вслед за этим все посты Д. Трампа стали выходить в глобальную сеть со специальной маркировкой о состоящей в них дезинформации.

Массовое блокирование аккаунтов Д. Трампа было вызвано риском дальнейшего подстрекательства к насилию и объяснялось интересами общественной безопасности. Однако данный случай поднял вопросы о цензуре и свободе слова, а также значения интернет-платформ в реализуемом политическом курсе государства. Это привело к волне дискуссий в глобальной сети Интернет, относительно необходимости и законности таких радикальных мер. Разумеется, на данный счет существует множество точек зрения. Например, сторонники президента Д. Трампа подчеркивают, что компании нарушили ключевой принцип демократии – закрепление свободы слова и мысли граждан. Блокировка аккаунтов привела к ограничению распространения информации Д. Трампом, что в корне противоречит действующей Конституции США.

Однако оппоненты партии республиканцев выступают в поддержку действий руководства крупных социальных сетей, опираясь на то, что они являются крупными частными компаниями, способными создавать и изменять внутренний регламент деятельности организации. Один из сооснователей организации «Роскомсвобода» (признана Министерством юстиции РФ иноагентом) высказался по данному поводу, что деятельность интернет-пространства не считается незаконной: «Первая поправка защищает права граждан от цензуры со стороны государства. Это совпадает с общим подходом к цензуре. Цензура – это всегда про государственные и религиозные органы». Было также подчеркнуто, что социальные сети имеют свой регламент функционирования и нормы, в рамках которых регулируется их деятельность [8].

Помимо этого, предыдущий период президентства Д. Трампа, длящийся с 2016 до 2020 г., наполнен множеством конфликтов в области взаимоотношений государства и IT-компаний. Ключевым событием стали слушания, проходившие осенью 2017 г. в конгрессе США с участием представителей информационных гигантов: X (Twitter), Facebook (признана экстремистской организацией, запрещена на территории РФ) и Google. Основным аспектом, рассматриваемым в рамках слушаний, была возможность вмешательства России в процесс выборов президента США, прошедших в 2016 г. Одержав победу в президентской гонке, Д. Трамп столкнулся с многочисленными обвинениям крупных компаний в содействии распространению фейковых новостей и дезинформации в Сети. В период слушания крупными интернет-площадками были приняты меры борьбы с возможным распространением дезинформации, изменены правила размещения агитационного материала, а также другие аспекты, касающиеся поведения пользователей в Сети.

Решение X (Twitter) демонстрирует ответственность технологических акторов глобальной коммуникации за содержимую информацию на платформах. Это можно расценивать как прецедент того, что даже политические элиты могут быть подвергнуты санкциям за свои высказывания, нарушающие внутренние правила платформы.

Одним из негласных последствий данного «перфоманса» стало законодательное предложение Европейского Союза о законе «О цифровых услугах», в котором бы стали четко регламентированы единые правила в отношении онлайн-контента, прозрачности, рекламы и борьбы с дезинформацией на всей территории Европейского Союза.

Еще одним примером в исследуемой области служит процесс «Арабской весны», проходивший с 2010 по 2013 г. Он стал первым проявлением использования социальных сетей в целях массовой пропаганды и тиражирования информации. Создание различных групп и чатов в Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ) и X (Twitter) позволило передавать пользователям информацию о местах проведения шествий, митингов, восстаний, а также распространять различные видеоролики о целях и задачах данных мероприятий. Интернет-ресурсы стали площадкой регулярного распространения информации о незаконных и жестких действиях органов власти и правоохранительных служб, крупных случаях коррупции, а также регулярного нарушения ключевых прав и свобод населения.

Исследователем А.В. Манойло было отмечено, что «Арабская весна» имеет свою специфическую особенность, отличную от иных рядов революционных восстаний: применение ключевых ИКТ с целью пропаганды и давления на массы. Распространение информации в различных социальных сетях и блогах проявляет собой некий «западный почерк» арабских волнений [9].

С помощью ИКТ скорость распространения информации значительно увеличилась: миллионы пользователей мгновенно узнают о событиях, происходящих в тысячах километрах от них, имеют возможность подключиться к борьбе, а также пропагандировать идеи, требуя поддержки восставшим от органов власти. Процессы глобализации и цифровизации общественной жизни могут существенно изменить революционные процессы: радикальные волнения и выступления будут проще распространяться на другие страны и континенты, подрывая уровень мировой стабильности. «Революции будут передаваться в мире по X (Twitter)», – резюмирует американский блогер Э. Салливан в журнале Atlantic [10].

Развитие ИКТ существенно затронуло политический сектор государственного раз-

вития: медиапространство активно развивается не только за рубежом, но и в пределах нашего государства. Распространенной практикой стали публичные высказывания политических деятелей или лиц, имеющих реальный авторитет в обществе, публикуемые на их веб-страницах с целью распространения определенных взглядов и ценностей. Отдельным аспектом является вопрос о вольности интерпретации и понимания аудиторией преподносимых высказываний. С помощью социальных сетей лидеры имеют реальную возможность оказывать существенное влияние на принятие ключевых политических решений, а также трансформировать главные политические процессы.

Ярким примером является деятельность в сети А. Навального (внесен в перечень физических лиц, причастных к терроризму и экстремистской деятельности). С помощью своего блога в социальных сетях автор смог завоевать псевдоавторитет среди пользователей интернет-пространства, а затем и способствовал развитию реального политического процесса государства. А. Навальный стал ключевым актором оппозиции действующей власти, а в 2013 г. баллотировался на пост мэра Москвы, где занял второе место, чем показал реальную возможность привлечения населения к пропаганде своих идей [11]. Впоследствии он использовал свой блог как основной инструмент влияния на массовое сознание, что также свидетельствует о влиянии ИКТ на политический процесс.

Несмотря на то, что развитие новых социальных медиатехнологий представляет собой трудоемкий процесс, нельзя с уверенностью сказать, что они коренным образом меняют политическую реальность, скорее всего, стоит говорить о том, что они ее оптимизируют и привносят разнообразие. Политолог Г.А. Акопов отмечает, что сетевая политика позволяет вывести политический процесс на более качественный уровень [12].

Еще будучи председателем Правительства Российской Федерации, Д.А. Медведев активно использовал ИКТ, позиционируя себя как продвинутого интернет-пользователя. Его цель заключалась в установлении диалога, прежде всего – с молодежью как наиболее активным сегментом общества. В настоящее время Дмитрия Анатольевича можно уличить в активной блогерской деятельности в Telegram, где он высказывается о насущных проблемах. Так, например, 21 октября 2024 г. он высказался о том, что «если не найти геополитический баланс, человечество ждет тотальная война до полного истребления» [13]. Он цитирует высказывания классиков, пропагандирует собственную повестку и имеет огромное количество подписчиков.

Также и многие другие политические элиты и общественные деятели имеют аккаунты в социальных сетях и активно ведут блоги, где публикуют видеообращения по самым острым социально-политическим вопросам и призывают население к обратной связи. Вероятнее всего, такие блоги курируют профессионалы-спичрайтеры, однако цель политического блогинга самими политиками формулируется следующим образом: стремление донести до электората свою позицию по тому или иному вопросу. Однако, по мнению Е. Лаврушина, в большинстве своем политики хотят вызвать сочувствие или найти поддержку у аудитории, а не инициировать дискуссию или диалог [14].

Еще одним красочным примером может служить К. Собчак. Она изначально была известна как светская львица и телеведущая, но активно используя ИКТ, она смогла поменять восприятие своей личности в общественном сознании. Проделав большую работу по переходу из шоу-бизнеса в политику и транслируя это все на своих страницах в социальных сетях, она создала новый образ – образ независимого кандидата в президенты «против всех» и гражданского активиста.

Во время своей президентской кампании в 2018 г. К. Собчак активно использовала социальные сети. На YouTube она запустила канал, где публиковала мини-дебаты «Собчак против всех», ролики о программе кандидата «#Япротив», авторскую программу политолога С. Белковского «Автоответчик», зарисовки из жизни «Кандидат.DOC» и другие ролики, работающие на имидж политика [15]. Благодаря таким мероприятиям она смогла привлечь внимание не только российской, но и международной общественности.

Во время все той же избирательной кампании конфликты между участниками дебатов вызывали значительный интерес у пользователей социальных сетей. Например, обсуждение стычки между К. Собчак и В. Жириновским составило практически 50 % всех упоминаний о дебатах, этот инцидент быстро перерос во взаимные оскорбления и обливание водой, а ролик на YouTube остается популярным и по сей день. Кроме того, важной площадкой для обсуждения дебатов стали комментарии к публикациям в соцсетях одного из ведущих – В. Соловьева. Многие пользователи X (Twitter) не смотрели дебаты в прямом эфире, а предпочли ознакомиться с записями, размещенными на YouTube.

Таким образом, анализируя влияние ИКТ на политические процессы, можно сделать вывод, что оно огромно и повсеместно. В наши дни тяжело представить политику без информационно-коммуникационных технологий. Они способствуют увеличению прозрачности и доступа к информации, упрощают политическую мобилизацию и способствуют росту гражданской активности. И главное достоинство – это ускорение коммуникации между гражданами, политическими деятелями и государством. Однако у всего есть и обратная сторона. Стремительное развитие ИКТ способствует прогрессу в области искусственного интеллекта, что в свою очередь влечет за собой распространение фейковых новостей и дезинформации, что негативно влияет на население и общественность, ведь данная связь может привести к поляризации и расколу общества [16, с. 132–136].

Нужно развивать и формировать и информационную культуру личности [17, с. 461–469], ведь используя открытую инфор-

мацию из различных источников, граждане смогут быть в курсе актуальных событий, происходящих в стране и в мире, активно участвовать в общественной и политической жизни посредством гражданских инициатив и предложений.

3 марта 2021 г. на коллегии МВД России Президент РФ В.В. Путин заявил об угрозе разрушения общества из-за бесконтрольного распространения Интернета и распространяемой в нем информации: «Мы с вами знаем, что такое Интернет. Он используется для продвижения неприемлемого контента, распространения детской порнографии, проституции, доведение несовершеннолетних до самоубийств, но кто бы это ни был, ни пытался хладнокровно использовать детей для эгоистических «хорьковых» целей, мы никогда не должны забывать о том, что это наши дети». Президент РФ обратил внимание на тот факт, что Интернет должен подчиняться моральным законам и находиться под юридическим контролем, иначе наше общество будет разрушаться изнутри [18, с. 164–168].

В заключение отметим, что ИКТ – это ключевой фактор существования человечества во всем мире в настоящее время. Их широкое использование и тиражируемость преобразует и улучшает современную действительность, что приводит к серьезным сдвигам в различных сферах деятельности. Но все же человек сам должен создавать свою реальность, а объединившись с единомышленниками и при грамотном содействии институтов власти, мир будет совершенствоваться и все граждане уже впоследствии глобальной цифровой революции смогут ощутить новую политическую реальность, которая будет идти рука об руку с информационно-коммуникационными технологиями.

Список источников

1. Теске Г.П. Влияние информационно-коммуникационных технологий на человека и общество / Г.П. Теске, Т.Ю. Радиловская // Челябинский гуманитарий. 2019. № 2(47).

2. Григорян Д.К. IT-преступность как обратная сторона цифровизации общества / Д.К. Григорян, И.А. Яцкина // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: материалы Всероссийской научно-практ. конф. (15 декабря 2022 г). Иркутск, 2023.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.

4. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: учебник. М., 2002.

5. Крицкая А.А., О.Г. Филиппов, А.А. Кашерокова // Перспективные проблемы современной политической науки в рамках исследований Ростовской научной элитологической школы: материалы Всероссийской научно-практ. конф. (08–11 декабря 2023 г.). Ростов н/Д, 2024.

6. Володенков С.В. Глобальные «гибридные» акторы информационного вмешательства в современные политические процессы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. № 3. Т. 15.

7. Блокировка Трампа в Twitter сделала Telegram вторым по скачиваемости приложением в США. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/12_a_13432508.shtml (дата обращения: 22.10.2024).

8. Трампа заблокировали в соцсетях. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/01/2021/5ffc13cb9a794777cf0cbb13 (дата обращения: 22.10.2024).

9. Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. № 1. Т. 8.

References

1. Teske G.P. The Impact of Information and Communication Technologies on Individuals and Society / G.P. Teske, T.Yu. Radilovskaya // Chelyabinsk Humanitarian. 2019. № 2 (47).

2. Grigoryan D.K. IT Crime as the Reverse Side of the Digitalization of Society / D.K. Grigoryan, I.A. Yatskina // Scientific Support for the Detection, Investigation, and Prevention of Crimes: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conf. (December 15, 2022). Irkutsk, 2023.

3. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture / edited by O.I. Shkaratan. Moscow, 2000.

4. Irkhin Yu.V., Zotov V.D., Zotova L.V. Political Science: Textbook. Moscow, 2002.

5. Kritskaya A.A., O.G. Filippov, A.A. Kasherokova // Promising Problems of Contemporary Political Science in the Framework of Research of the Rostov Scientific Elite School: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conf. (December 8–11, 2023). Rostov n / D, 2024.

6. Volodenkov S.V. Global «Hybrid» Actors of Information Interference in Contemporary Political Processes // Political Expertise: POLITEX. 2019. № 3. Vol. 15.

7. Trump's Blocking on Twitter Made Telegram the Second Most Downloaded App in the US. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/12_a_13432508.shtml (date of access: 22.10.2024).

8. Trump blocked on social media. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/01/2021/5ffc13cb9a794777cf0cbb13 (date of access: 22.10.2024).

9. Manoilo A.V. Technologies for managing political conflicts in revolutions in the Middle East and North Africa // Political expertise: POLITEX. 2012. № 1. Vol. 8.

10. Users of the protest. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1597287 (date of access: 22.10.2024).

10. Пользователи протеста. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1597287 (дата обращения: 22.10.2024).
11. Шпуга Е.С. Неформальные средства коммуникации политических лидеров современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12.
12. Акопов Г.Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики. URL: www.problem.politnet.ru/oglavlen.html (дата обращения: 22.10.2024).
13. Телеграм-канал Д.А.Медведева. URL: https://t.me/medvedev_telegram (дата обращения: 23.10.2024).
14. Лаврушин Е. Сетевые властители дум. Через блоги формируется политическая повестка дня. URL: www.novopol.ru/text36242.html (дата обращения: 22.10.2024).
15. Ксения Собчак: имидж политика от А до Я. URL: https://reputation.moscow/2017/12/06/kseniya-sobchak-imidzh-politika/ (дата обращения: 23.10.2024).
16. Григорян Д.К. Фейковые новости в эпоху цифровизации: технологии противодействия распространению // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3(110).
17. Куропаткина М.П. Современные мобильные технологии как разновидность ИКТ и их влияние на общество / М.П. Куропаткина, О.Е. Пудовкина // Экономические аспекты развития России: микро- и макроуровни: сб. материалов XIII Всероссийской научно-практ. конф. (20 мая 2020 г.). Киров, 2020.
18. Григорян Д.К. Проблема влияния интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России / Д.К. Григорян, Е.Н. Кондратенко, А.Н. Ларкин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3.

11. Shpuga E.S. Informal means of communication of political leaders of modern Russia // Theory and practice of social development. 2013. № 12.
12. Akopov G.L. Global Problems and Dangers of Network Politics. URL: www.problem.politnet.ru/oglavlen.html (date of access: 22.10.2024).
13. D.A. Medvedev's Telegram Channel. URL: https://t.me/medvedev_telegram (date of access: 22.10.2024).
14. Lavrushin E. Network Rulers of Thought. The Political Agenda is Shaped Through Blogs. URL: www.novopol.ru/text36242.html (date of access: 22.10.2024).
15. Ksenia Sobchak: A Politician's Image from A to Z. URL: https://reputation.moscow/2017/12/06/kseniya-sobchak-imidzh-politika/ (date of access: 22.10.2024).
16. Grigoryan D.K. Fake News in the Digital Age: Technologies for Countering Proliferation // Jurist-Pravoved. 2024. № 3 (110).
17. Kuropatkina M.P. Modern Mobile Technologies as a Type of ICT and Their Impact on Society / M.P. Kuropatkina, O.E. Pudovkina // Economic Aspects of Russia's Development: Micro- and Macrolevels: Collection of Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conf. (May 20, 2020). Kirov, 2020.
18. Grigoryan D.K. The Problem of the Influence of Internet Technologies on the Political Consciousness of Young People in Modern Russia / D.K. Grigoryan, E.N. Kondratenko, A.N. Larkin // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. 2021. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян Давид Кромвелович, *кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Кашерокова Амина Азретовна, *преподаватель факультета политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryan David Cromwelovich, *PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Support of the Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Kasherokova Amina Azretovna, *lecturer at the Faculty of Political Science and Ethno-politics. South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 169–174.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 169–174.

Научная статья
УДК 342.9

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Лубский Роман Анатольевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
roma-thebest@mail.ru

Сулейманов Асадуллах Махмуд оглы
Азербайджанская государственная морская академия, Баку, Азербайджанская Республика,
asadulla.suleymanov@asco.az

Введение: *исследование темы позволило авторам статьи установить геополитические, геоэкономические и правовые аспекты проблемы обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества стран Каспийского региона, а также выявить угрозы, оказывающие существенное влияние на его безопасность в контексте основных положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и ее влияния на систему региональной безопасности.*

Материалы и методы: *методологическую основу статьи составляет институциональный подход научного исследования, позволивший установить специфику геополитических, геоэкономических, историко-правовых аспектов проблемы обеспечения региональной безопасности стран Каспийского региона и выявить угрозы, оказывающие существенное влияние на его безопасность и определить системные требования, предъявляемые к различным формам международного сотрудничества.*

Результаты исследования: *на основе методологических принципов институционального подхода научного исследования авторами статьи выявлены геополитические, геоэкономические, правовые аспекты и исторические особенности проблемы обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества стран Каспийского региона.*

Выводы и заключения: *разрешение геополитических, геоэкономических, а также правовых проблем обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества стран Каспийского региона возможно, с одной стороны, на основе общности правовых, национально-этнических, культурно-исторических и государственно-правовых традиций бывших советских республик, с другой – их взаимовыгодного сотрудничества с другими прикаспийскими государствами, заинтересованными в обеспечении безопасности Каспийского региона.*

Ключевые слова: *геополитическое пространство, геоэкономические интересы, геополитическое доминирование, региональная безопасность, международное сотрудничество, Каспийский регион.*

Для цитирования: Лубский Р. А., Сулейманов А. М. о. *Геополитические, геоэкономические, исторические и правовые аспекты проблемы обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества стран Каспийского региона / Р. А. Лубский, А. М. о. Сулейманов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 169–174.*

Original paper

GEOPOLITICAL, GEOECONOMIC, HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF ENSURING REGIONAL SECURITY AND INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CASPIAN REGION

Lubsky Roman Anatolyevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Suleymanov Asadullah Mahmud ogly
Azerbaijan State Maritime Academy, Baku, Republic of Azerbaijan

Introduction: *the study of this topic allowed the authors to establish the geopolitical, geoeconomic, and legal aspects of ensuring regional security and international cooperation among the countries of the Caspian region, as well as to identify threats that significantly impact its security in the context of the main provisions of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and its impact on the regional security system.*

Materials and methods: *the methodological basis of this article is an institutional approach to scientific research, which allowed them to establish the specific geopolitical, geoeconomic, historical, and legal aspects*

of ensuring regional security among the countries of the Caspian region, identify threats that significantly impact its security, and define systemic requirements for various forms of international cooperation.

Results of the study: *based on the methodological principles of the institutional approach to scientific research, the authors identified the geopolitical, geoeconomic, legal aspects, and historical features of ensuring regional security and international cooperation among the countries of the Caspian region.*

Findings and conclusions: *resolving the geopolitical, geoeconomic, and legal challenges of ensuring regional security and international cooperation among the countries of the Caspian region is possible, on the one hand, based on the common legal, national-ethnic, cultural-historical, and state-legal traditions of the former Soviet republics, and on the other, through mutually beneficial cooperation with other Caspian states interested in ensuring the security of the Caspian region.*

Keywords: *geopolitical space, geoeconomic interests, geopolitical dominance, regional security, international cooperation, Caspian region.*

For citation: Lubsky R. A., Suleymanov A. M. o. *Geopolitical, geoeconomic, historical and legal aspects of the problem of ensuring regional security and international cooperation in the Caspian region / R. A. Lubsky, A. M. o. Suleymanov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 169–174.*

Геополитические, геоэкономические и правовые аспекты проблемы обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества стран Каспийского региона приобрели особую актуальность после двух значимых в историческом смысле событий конца XIX – начала XX в.: исламской революции 1979 г. и распада Советского Союза.

Исламская революция 1979 г., утвердившая, с одной стороны, принципиально новую систему внутриполитических отношений в Иране, выразившуюся в переходе от монархических практик государственного правления к республиканским, с другой – новые внешнеполитические стратегии иранской республики, отчасти проявившиеся в ходе военного столкновения между Ираном и Ираком, по существу, способствовала приобретению Ираном нового геополитического положения и превратила его в одного из основных субъектов обеспечения региональной безопасности Каспийского региона.

В свою очередь распад СССР придал принципиально иной геополитический статус бывшим советским республикам (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), которые приобрели иную политическую субъектность и стали играть существенную роль в геополитическом пространстве Каспийского региона. Изменение политического статуса бывших советских республик, как отмечают специалисты, породило у представителей государственной номенклатуры этих стран вполне объяснимое стремление усилить свое влияние в Каспийском регионе [7, с. 113].

Распад СССР и обретение независимости бывшими в его составе Прикаспийскими республиками изменили и геоэкономический ландшафт Каспийского моря в контексте сокращения возможностей добычи нефти и газа, что было обусловлено целым спектром организационных, финансово-экономических, геолого-разведывательных, биолого-почвенных, правовых и особенно технологических причин, способствовавших разрушению существовавших ранее производственных связей, сокращению финансирования нефтяной и газодобывающих отраслей, прекращению геолого-разведывательных работ, а также истощением имеющихся запасов нефти и газа вследствие продолжительной их добычи в Каспийском бассейне. Среди этих проблем особо следует выделить ту, которая связана с необходимостью привлечения в добывающие отрасли бывших Прикаспийских стран высокоэффективных иностранных технологий и финансовых средств. В результате сложилась достаточно противоречивая геополитическая ситуация, содержащая большой конфликтогенный потенциал: с одной стороны, геополитические интересы Ирана и России сближаются в стремлении не допустить усиления роли нерегиональных государственных элит в решении самых разных вопросов Каспийской повестки, с другой – геоэкономические интересы Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, по существу, требуют противоположного.

Все эти противоречия и сложности придали особую актуальность проблеме обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества стран Каспийского региона, геополитические, геоэкономические и правовые аспекты которой обусловлены в первую очередь столкновением национальных интересов государств, географически расположенных в пространстве Каспийского региона (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан), а также находящихся за его пределами (страны Евросоюза, Китай, США, Турция).

Национальные интересы этих стран, обусловленные прежде всего их геоэкономической заинтересованностью энергетическим потенциалом региона, реализуются на основе традиционных и нетрадиционных геополитических технологий, которые по критерию их «агрессивности» можно условно разделить, во-первых, на технологии дипломатического противостояния, реализуемые в рамках межнационального взаимодействия

государств Каспийского региона, с одной стороны, между США и Ираном, с другой – между Россией и Турцией; во-вторых, на технологии так называемой «мягкой силы», воплощенные на практике в рамках «оранжевых революций», инициированных США и отдельными представителями Евросоюза в ряде стран арабского мира; в-третьих, на технологии прямого вооруженного противостояния, применяемые в ходе вооруженных конфликтов в странах, примыкающих к Каспийскому региону (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия).

На сегодняшний день особую актуальность приобрели такие проблемы обеспечения безопасности Каспийского региона, которые обусловлены стремлением США усилить в первую очередь свое геополитическое доминирование во взаимоотношениях с Ираном за счет внешнеполитического и санкционного давления, оказываемого на него в связи с попытками создания ядерного оружия и использования для этого своих традиционных ближневосточных союзников (Израиль), а во вторую очередь – геоэкономическое. Геоэкономические аспекты доминирования США во взаимоотношениях с Ираном обусловлены практической реализацией «ирано-каспийского» вектора своей международной политики, направленной на ослабление экономического потенциала Ирана, который в течение длительного периода времени существования на политической карте мира СССР был единственным государством, имевшим прямой доступ к различного вида ресурсам Каспийского моря [1, с. 15–24].

В целом геоэкономическая заинтересованность национальных элит государств Каспийского региона его энергетическим потенциалом [7, с. 113], порождающая их стремление усилить свои геополитические позиции во взаимоотношениях с иными его субъектами, сформировала проблему правового урегулирования доступа к топливно-энергетическим и биосферным ресурсам Каспийского моря. В связи с естественным увеличением численности стран Каспийского региона, приобретших после известных центробежных процессов конца прошлого столетия доступ к природным ресурсам Каспийского моря, проблема правового урегулирования этого доступа, который по существу является доступом к углеводородным ресурсам, обусловливающим энергетическую привлекательность природного шельфа, долгое время оставалась неразрешимой.

Генеалогию проблемы правового урегулирования общего порядка использования биоэнергетических и топливно-энергетических ресурсов Каспийского бассейна с определенной долей условности можно объяснить наличием двух базовых подходов, реализуемых во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государств, имеющих выход к Каспийскому морю в контексте определения территориальных пределов «национального влияния» на море с учетом различий, применяемых к демаркации водной поверхности и морского дна (если поверхность воды является территорией общего пользования, то морское дно разделено на индивидуальные секторы).

Один подход, которого придерживаются страны, обладающие «расширенным» пределом территориального влияния, обусловленным наибольшей длиной береговой линии (Азербайджан, Казахстан и Туркменистан), предполагает разграничение морского шельфа в прямой зависимости от длины береговой линии, другой – ориентирован на представление о том, что доступ к морскому шельфу должен осуществляться на равноправной основе (Иран, Россия). Общность внешнеполитических позиций Ирана и России в определенной степени объясняется общностью их геополитических интересов, обусловленных необходимостью объединения совместных усилий, направленных на ограничение внешнего воздействия стран, находящихся за пределами Каспийского региона, на проблему правового урегулирования порядка использования его природных ресурсов.

Если реализация первого подхода обладает рядом неоспоримых геоэкономических преимуществ для тех стран Каспийского региона, которые предпочитают секторальное разделение моря, что обусловлено повышенной концентрацией топливно-энергетических ресурсов (запасов нефти и газа) на их территории, то второй подход привлекателен в силу геополитических соображений, т. к. осуществление равного доступа к Каспийскому морю прежде всего позволяет минимизировать внешнеполитические угрозы национальным интересам тех стран, которые постоянно испытывают различные формы внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии со стороны США и их современных европейских вассалов, пытающихся насадить нарративы иранофобии и русофобии в геополитическом пространстве Каспийского региона.

Проблема реализации преимуществ (выбора) одного из подходов долгое время усугублялась из-за особенностей внешнеполитического курса государств, не приемлющих равный доступ к Каспийскому морю (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан). Некоторые специалисты объясняют особенности такого подхода тремя основными причинами:

– внешнеэкономическая ориентация отдельных стран на североамериканский или западноевропейский вектор социально-экономического развития (Азербайджан, Казахстан), сформировавшаяся в связи с разочарованием в эффективности советской

модели экономического роста, утратившей свою привлекательность после распада единого союзного государства в конце прошлого столетия;

– внешнеполитическая ориентация на соответствующий тип идеологии «человеческого комфорта» взамен на покровительство со стороны США и возможность осуществлять политический торг с Ираном и Россией [2, с. 84–87];

– так называемая политика «позитивной нейтральности», которой последовательно придерживается руководство Туркменистана с целью минимизации вовлечения Туркменской Республики в сложную структуру межгосударственных коммуникаций стран Каспийского региона [5, с. 200–206].

Вместе с тем проблема правового урегулирования доступа к природным (углеводородным) ресурсам Каспийского моря не должна рассматриваться исключительно с геоэкономических позиций. Помимо своей геоэкономической составляющей, обусловленной энергетической привлекательностью региона, долгое время она являлась и является проблемой геополитического свойства.

Одним из основных геополитических аспектов проблемы правового урегулирования доступа к топливно-энергетическим и биологическим ресурсам Каспийского моря является тот, который обусловлен устойчивым стремлением США утвердить свое геополитическое доминирование в регионе, которое, являясь одним из векторов общей системы транснационального доминирования США в современном мире, осуществляется, с одной стороны, в контексте попыток вмешательства в сферу топливно-энергетического экспорта (геоэкономический аспект), с другой – с целью создания искусственных препятствий ирано-российскому сотрудничеству и усиления североамериканского присутствия в странах, отстаивающих принципы секторального разделения Каспийского моря (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), а также доступа к военным базам, расположенным в приграничных с Каспийским регионом территориях (Афганистан) в рамках системы «транспортных коридоров» (геополитический аспект) [3, с. 34–46].

В определенной степени некоторые из этих проблем нашли свое правовое решение в рамках соглашения, подписанного заинтересованными странами летом 2018 г., которое исключает: во-первых, правовые основания присутствия в Каспийском море вооруженных сил стран, не являющихся сторонами Конвенции и придает ему статус «демилитаризованной зоны», не допускающим его использования в военных целях; во-вторых, дислокации военнослужащих НАТО в Республике Азербайджан, на чем особенно настаивала Российская Федерация; в-третьих, использования природного шельфа Каспийского моря для прокладки новых трубопроводов; в-четвертых, предусматривает безопасность мореплавания и ответственность за ущерб, причиненный его биологическим ресурсам [9].

При этом отсутствие военных представителей различных государств, географически расположенных за пределами Каспийского региона, рассматривалось, с одной стороны, в качестве одного из основных требований российской стороны, официальные представители которой, как отмечают некоторые специалисты, обеспокоены возможностью появления еще одного очага внешнеполитической угрозы ее национальной безопасности [3, с. 34–46], с другой – сближало геополитические позиции России и Ирана [7, с. 113–119], заложившими общие принципы правового сотрудничества в Каспийском регионе, сформулированные на основе целого ряда договоров и соглашений, заключенных в недалеком историческим прошлом [6, с. 61–69].

В связи с этим отметим, что в течение продолжительного периода времени, предшествовавшего принятию Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, Иран и Россия неотступно отстаивали достигнутые ранее договоренности, основной целью которых было недопущение милитаризации Каспийского региона и превращения его в зону военного противостояния стран, заинтересованных в освоении его топливно-энергетических ресурсов. Непростое прежде всего в экономическом плане положение целого ряда прикаспийских государств сформировало такую геополитическую ситуацию, при которой они были вынуждены приступить к полномасштабному освоению углеводородных запасов Каспийского бассейна с помощью иностранных инвестиций и компаний, что обусловило необходимость пересмотра ранее достигнутых соглашений и обновления правовой базы межгосударственного взаимодействия в этом вопросе, а также способствовало укреплению международного сотрудничества России и Ирана в решении проблемы обеспечения региональной безопасности Каспийского региона.

Современные геополитические реалии, способствующие сближению внешнеполитических позиций России и Ирана в решении проблемы обеспечения региональной безопасности и международного сотрудничества Прикаспийских государств обусловлены, с одной стороны, системной трансформацией основных направлений внешней политики современного российского государства, последовавшей вслед за беспрецедентным санкционным давлением стран «коллективного Запада», обрушившимся на самые разные институциональные структуры российской государственности [10], культуры, промышленности и бизнеса, с другой – не-

обходимостью совместного политического противостояния усиливающемуся влиянию Турецкой Республики в Каспийском регионе [12, с. 70–84], которое некоторые специалисты объясняют, во-первых, экспансией в политическое пространство Прикаспийских стран ценностей тюркско-исламской идентичности (социокультурный аспект), во-вторых, успешным воплощением в реальность Транскаспийского энергетического проекта [8, с. 32–47], в-третьих, повышением эффективности сотрудничества Турции с Азербайджаном в реализации отдельных энергетических проектов и схем («Трансадриатический газопровод (TAP) и «Трансанатолийский газопровод (TANAP)») [7, с. 114].

Особенностью ратифицированной Российской Федерацией осенью 2019 г. Конвенции [11], которая в силу охвата правового регулирования огромного спектра проблем, составляющих сферу топливно-энергетической, биологической, экологической и национально-политической безопасности государств Каспийского региона, а также США, пытающихся утвердить на его территории свое геополитическое и геоэкономическое присутствие, является ее учредительный характер, что позволяет некоторым специалистам рассматривать ее в качестве Конституции Каспийского региона [4, с. 70–76]. При этом конституционные характеристики конвенциального соглашения о юридическом статусе Каспийского моря обусловлены не только ее учредительным характером и длительностью согласования базовых положений (проект Конвенции рассматривался заинтересованными в ее подписании странами более двух десятилетий), но и особенностью ее структуры: в Конвенции в контексте основных требований и положений международного права особое внимание уделяется геополитическим (территориальным, военно-политическим, национально-политическим) и геоэкономическим (топливно-энергетическим, геологическим, технологическим) и экологическим аспектам межгосударственного взаимодействия.

Вместе с тем, несмотря на то, что Конвенция о юридическом статусе Каспийского моря сформировала правовую основу межгосударственного сотрудничества в современных условиях развития Прикаспийского региона и обеспечения его геополитической и геоэкономической безопасности, определив, по существу, основные векторы будущих межгосударственных коммуникаций в военно-политической, топливно-энергетической, информационно-технологической, экологической и иных сферах, остались проблемы, требующие своего дальнейшего разрешения. Среди них необходимо выделить в первую очередь проблемы совершенствования системы транспортных сообщений, а также согласования и практической реализации топливно-энергетических проектов и соглашений, создающих искусственные препятствия для развития торгово-экономической, туристической деятельности в Каспийском регионе. Как представляется, разрешение этих проблем возможно, с одной стороны, на основе общности правовых, национально-этнических, культурно-исторических и государственно-правовых традиций бывших советских республик, с другой – их взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, заинтересованными в развитии Каспийского региона и необходимости обеспечения его геополитической, геоэкономической безопасности и правовой защищенности.

Список источников

1. Абдуллаев И.А. Проблемы безопасности в Каспийском регионе в контексте изменения геополитической обстановки // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 2.
2. Абдуллаев И.И. Проблемы безопасности в Каспийском регионе в контексте изменения геополитической ситуации // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4.
3. Абдуллаев М.Х. Геополитические интересы США на Каспии глазами американских исследователей // Вопросы управления. 2021. № 1.
4. Быковский В.К. Правовой режим Каспийского моря // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 1.
5. Васильева О.В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4(57).

References

1. Abdullaev I.A. Security Issues in the Caspian Region in the Context of the Changing Geopolitical Situation // RUDN University Bulletin. Series: Political Science. 2016. № 2.
2. Abdullaev I.I. Security Issues in the Caspian Region in the Context of the Changing Geopolitical Situation // Problems of the Post-Soviet Space. 2015. № 4.
3. Abdullaev M.Kh. US Geopolitical Interests in the Caspian Sea through the Eyes of American Researchers // Management Issues. 2021. № 1.
4. Bykovsky V.K. Legal Regime of the Caspian Sea // International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law. 2021. № 1.
5. Vasilyeva O.V. Political Elites of Turkmenistan and Problems of National Identity // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2018. № 4(57).

6. Воробьев С.В. Сотрудничество России и Ирана в сфере безопасности: проблемы и перспективы // Обозреватель. 2021. № 7.
7. Гулиев О.Э. Политико-правовые аспекты современного сотрудничества в Каспийском регионе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3(72).
8. Жильцов С.С. Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе // Геоэкономика энергетики. 2021. № 2 (14).
9. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (по состоянию на 12 августа 2018 г.). URL: http: // kremlin.ru (дата обращения: 10.04.2025).
10. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: автореф. дис. … д-ра философ. наук. Ростов на/Д, 2015.
11. О ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря: федер. закон от 1 октября 2019 г. № 329-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5489.
12. Шангараев Р.Н. «Армия Турана» – проект интеграции тюркского мира // Обозреватель. 2021. № 7.

6. Vorobyov S.V. Cooperation between Russia and Iran in the Sphere of Security: Problems and Prospects // Observer. 2021. № 7.
7. Guliyev O.E. Political and Legal Aspects of Modern Cooperation in the Caspian Region // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2022. № 3(72).
8. Zhiltsov S.S. Turkey's Energy Policy in the Caspian Region // Geoeconomics of Energy. 2021. № 2(14).
9. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea (as of August 12, 2018). URL: http: // kremlin.ru (date of access: 10.04.2025).
10. Lubsky R.A. Russian Statehood as a Social Reality: Methodology of Multidimensional Research, Types, and Specifics of Development: diss. … Grand PhD in Philosophy. Rostov-on-Don, 2015.
11. On Ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea: Federal Law of October 1, 2019 № 329-FL // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2019. № 40. Article 5489.
12. Shangaraev R.N. «Turan Army» – a Project for the Integration of the Turkic World // Observer. 2021. № 7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лубский Роман Анатольевич, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Сулейманов Асадуллах Махмуд оглы, *доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры гуманитарных наук. Азербайджанская государственная морская академия. AZ 1000, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Зарифы Алиевой, 18.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lubsky Roman Anatolyevich, *Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Suleymanov Asadullah Mahmud ogly, *Grand PhD in Philosophy in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities. 18, Zarifa Aliyeva St., Baku 1000 Azerbaijan Republic.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 175–180.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 175–180.

Научная статья
УДК 32.001

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: НА ПУТИ К ПОСТМОДЕРНУ

Шумилина Анастасия Борисовна
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
Nashum82@mail.ru

Артюхин Олег Александрович
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
oart1969@bk.ru

Малявина Анна Борисовна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
vicktoria22@mail.ru

Введение: *проблемы построения гражданского общества во многом детерминированы особенностями развития политической системы страны и доминирующими представлениями о гражданском обществе в научно-политическом дискурсе. Представления о гражданском обществе изменялись совместно с расширением социально-политических знаний и развитием политических систем. Концепт гражданского общества, появившийся вместе с эпохой Нового времени, значительно эволюционировал и трансформировался в условиях модернизационных процессов, связанных с переходом к постиндустриальному информационному обществу постмодерна.*

Материалы и методы: *в статье использовались политологические и юридические концепции гражданского общества, а также положения и выводы ведущих российских и иностранных ученых, исследовавших сущность и природу гражданского общества. В исследовании использованы различные методы научного познания, включающие компаративистский, системный, институциональный, структурно-функциональный анализ.*

Результаты исследования: *в ходе исследования выявлено соответствие современной трактовки гражданского общества теориям модернизации, предусматривающим отход от структур власти иерархического типа, место которых занимают открытые социальные структуры, основу которых составляют различные гражданские объединения и ассоциации. Трансформируемые классические концепты гражданского общества тем не менее содержат признаки, являющиеся универсальными для стран, переживающих модернизационные процессы.*

Выводы и заключения: *представления о гражданском обществе и его взаимоотношениях с государственными институтами существенно менялись в зависимости от процессов политической модернизации. Применительно к России гражданское общество должно рассматриваться не только через количественные параметры, отражающие численность различных его институтов, структур или элементов, но и концептуальную составляющую процессов становления и развития гражданского общества, включающие его роль в определении стратегий развития страны, характер взаимодействия с органами государственной власти, факторы, сдерживающие или способствующие институционализации гражданского общества.*

Ключевые слова: *гражданское общество, институты гражданского общества, модернизация, политическая модернизация, общество постмодерна, информационное постиндустриальное общество, политическая система общества.*

Для цитирования: Шумилина А. Б., Артюхин О. А., Малявина А. Б. *Эволюция концептов гражданского общества: на пути к постмодерну / А. Б. Шумилина, О. А. Артюхин, А. Б. Малявина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 175–180.*

Original paper

THE EVOLUTION OF CONCEPTS OF CIVIL SOCIETY: TOWARDS POSTMODERNITY

Shumilina Anastasia Borisovna
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Artyukhin Oleg Alexandrovich
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Malyavina Anna Borisovna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the challenges of building civil society are largely determined by the developmental characteristics of the country's political system and dominant notions of civil society in scientific and political discourse. Notions of civil society have evolved alongside the expansion of socio-political knowledge and the development of political systems. The concept of civil society, which emerged with the modern era, has significantly evolved and transformed in the context of modernization processes associated with the transition to a post-industrial information society.*

Materials and methods: *this article draws on political science and legal concepts of civil society, as well as the positions and conclusions of leading Russian and international scholars who have studied the essence and nature of civil society. The study utilizes various methods of scientific inquiry, including comparative, systemic, institutional, and structural-functional analysis.*

Results of the study: *the study revealed that the modern interpretation of civil society is consistent with modernization theories, which advocate a shift away from hierarchical power structures and toward open social structures based on various civic associations and organizations. While classical concepts of civil society are undergoing transformation, they nevertheless contain characteristics that are universal for countries undergoing modernization processes.*

Findings and conclusions: *concepts of civil society and its relationship with state institutions have changed significantly depending on the processes of political modernization. In Russia, civil society should be considered not only through quantitative parameters reflecting the number of its various institutions, structures, or elements, but also through the conceptual component of the processes of civil society's formation and development, including its role in determining the country's development strategies, the nature of its interactions with government bodies, and factors hindering or facilitating the institutionalization of civil society.*

Keywords: *civil society, civil society institutions, modernization, political modernization, postmodern society, information-driven postindustrial society, political system of society.*

For citation: Shumilina A. B., Artyukhin O. A., Malyavina A. B. *The evolution of concepts of civil society: towards postmodernity / A. B. Shumilina, O. A. Artyukhin, A. B. Malyavina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 175–180.*

Концепт гражданского общества имеет довольно глубокие истоки: сама идея гражданского общества формируется еще в эпоху Античности, однако формирование классической теории гражданского общество принято относить к раннему Новому времени. В качестве мыслителя, внесшего наиболее весомый вклад в создание ранних теорий гражданского общества, выступает великий английский философ Д. Локк. Идеи Локка были развиты представителями так называемого шотландского Возрождения XVIII в. (А. Фергюсон, А. Смит, Ф. Хатчесон): с этим периодом связывают так называемое терминологическое оформление концепта гражданского общества. Данный этап развития рассматриваемого концепта характеризуется Дж. Александером как концепт «Гражданское общество I» [1, с. 231–249]. Д.В. Гончаров отмечал, что такой подход к трактовке гражданского общества, по сути, означает понимание последнего как «хорошего общества» и наделение его глубокой моральной силой: здесь фундаментальную ценность приобретает умение осуществлять поддержание структуры гармоничного и равноправного взаимодействия [2, с.145].

Характерной особенностью ранних концепций гражданского общества является присущий им широкий характер: к гражданскому обществу здесь принято относить практически все формы социальной самоорганизации, включая и сферу рыночной экономики (отметим, что капитализм в рамках данных концепций рассматривается в качестве позитивного морального феномена, основывающегося на практиках договорных отношений, партнерства и компромисса между автономными и равноправными индивидами: данные отношения противопоставляются практикам, характерным для феодального общества, основывающегося на принципах господства, подчинения и привилегий [3, с. 140–145].

Наряду с концептом «Гражданское общество I» в современной политической науке выделяются применительно к ранним теориям гражданского общества концепты Л- и М-традиции, получившие свои наименования по первым буквам фамилий Д. Локка и Ш. Монтескье. Автор этой концепции, Ч. Тейлор, рассматривает теорию гражданского общества Д. Локка как теорию «хорошего общества». Необходимо отметить, что, следуя традициям своей эпохи, Д. Локк использует данное понятие в качестве синонима категорий «политическое сообщество» или «государство». В качестве основной цели вступления людей в общество английский философ выделял стремление людей к мирному и безопасному пользованию принадлежащей им собственности; на реализацию этой цели направлены установленные в данном обществе законы. В рамках

трактовки гражданского общества Д. Локка последнее не рассматривается как сфера, функционирующая совершенно отдельно от государства: ученый, напротив, приравнивал гражданское общество ко всему политическому обществу, существующему отдельно от царства природы.

За государством в концепции Д. Локка признавался строго ограниченный объем полномочий, санкционированный общественным договором; в этой конструкции роль гражданского общества сводилась к сдерживанию присущих лицам, являющимся носителями государственной власти, стремлений к абсолютному и безграничному господству [4, с. 3–4]. Здесь также акцентируется внимание на защите либеральных ценностей, формирование либерализма как политической идеологии происходит как раз в период Нового времени. В эту эпоху термин «гражданское общество» стал рассматриваться в качестве такого понятия, которое наиболее полно соответствовало тому идеалу общественного устройства, которым был присущ рассматриваемому периоду.

В рамках М-традиции институты гражданского общества рассматриваются как своего рода «промежуточные тела», которые опосредуют взаимоотношения между человеком и государством. Как и другие мыслители Нового времени, Ш. Монтескье направлял свои интеллектуальные усилия на конструирование оптимального механизма, призванного не допустить формирование деспотизма, трансформации монархии в тиранию. Деятельность правительства, возглавляемого монархом, должно быть, по мысли французского мыслителя, ограничено законом, однако подобное ограничение не будет действенным в случае отсутствия независимых лиц, осуществляющих защиту и поддержку данного закона. Итак, в М-традиции гражданское общество интерпретируется как сфера внегосударственных отношений, институтов и структур (к гражданскому обществу, если опираться на данный подход, необходимо относить все, что не имеет отношения к государству). В узком же смысле гражданское общество, как правило, рассматривается здесь как набор разнообразных гражданских ассоциаций [5, с. 63–65].

Для XIX в. становится характерной критика гражданского общества. Так, к примеру, В. Гегель рассматривал ограниченность интересов и отношений в гражданском обществе, отдавая приоритет государству. В. Гегель и другие мыслители именно в нем видели воплощение саморазвивающейся идеи, всеобщего материального и духовного начала. Данный период характеризуется Дж. Александером как концепт «Гражданское общество II».

Уже в XX столетии несмотря на различную трактовку гражданского общества, представленную в трудах разных мыслителей, в целом произошло оформление представлений о гражданском обществе как об институте общественного контроля в условиях модернизации, что нашло свое отражение в работах Э. Арато, Э. Геллнера, Д. Коэна, Ю. Хабермаса, Ф. Фуко и др. В трудах этих и других философов гражданское общество исследуется сквозь призму реалий современного общества постмодерна, неизвестных мыслителям эпохи модерна; в результате становится возможным конструирование новой современной концепции гражданского общества. Гражданское общество интерпретируется современными исследователями с позиций теорий «публичной сферы» и «коммуникативного действия».

Интересной представляется концепция Ю. Хабермаса, являющаяся определенным симбиозом классических теорий гражданского общества с позднеклассическими положениями: на первый план здесь выдвигается коммуникационная установка. Практическая ценность такого подхода состоит в новых возможностях разрешения конфликтных ситуаций, преодоления вражды и нетерпимости. Эти возможности немецкий социолог рассматривал как так называемую свободную общественность: под общественностью Ю. Хабермас понимал определенные феномены общественной жизни или «срезы социального», посредством которых осуществляется фиксация человеческих отношений и жизнедеятельности. Гражданское общество в целом определяется Ю. Хабермасом как социальный базис всех образований публичной сферы, которая в свою очередь опосредует отношения между частной и политической подсистемами общества [6, с. 299–331].

Современные модернизационные процессы определяют переход к обществу постмодерна. Необходимо отметить, что философия постмодерна характеризуется также отличной от предшествующих теорий трактовкой природы власти. Так, французский мыслитель М. Фуко, к примеру, отходит от распространенного подхода к власти как тотальной и всеохватывающей, позволяющей отдельным правителям управлять большим количеством людей. Власть, по мысли М. Фуко, не представляет собой какой-либо институт или структуру, философ рассматривал ее в качестве подвижной сети отношений, а источником власти он считал, соответственно, способность последней производить себя. Власть представляет собой своего рода совокупный эффект, а новые технологии власти, конструируемые посредством новых наук о человеке, позволяют создавать человека, являющегося полезным для власти и контролируемого ею. М. Фуко приходит к выводу, в соответствии с которым у человека в современном обществе фактически отсутствует свобода, а в рамках функционирова-

ния различных социальных институтов не существует горизонтальных отношений автономного типа. Следствием этого становится замена таких характеристик гражданского общества, как солидарность, сплоченность и автономия на новые формы контроля, отличающиеся непрозрачностью. В отличие от авторов классических концепций гражданского общества, французский мыслитель не разделяет государство и общество, однако представленный в его трудах подход способствует формированию нового взгляда на общество, пронизанного новой формой властных отношений, условиями свободы в котором являются те или иные формы борьбы и сопротивления [7, с. 168–175].

В начинающуюся постмодернистскую эпоху многие исследователи гражданского общества стали рассматривать его как дополнительный коммуникативный элемент между человеком и государством. Данный подход, в частности, характерен для американских ученых Д. Коэн и Э. Арато. В своей трактовке гражданского общества исследователи ориентируются на трехчастную модель, которая включает «жизненный мир – политическую подсистему – экономическую подсистему» (здесь Коэн и Арато опираются на взгляды А. Грамши и Т. Парсонса, а также на современную теорию дифференциации Н. Лумана)» [8, с. 18].

Данный концепт включает в гражданское общество только те ассоциации и объединения, которые не связаны напрямую с государством и экономикой. Наряду с данной концепцией большой интерес представляет также теория гражданского общества Э. Геллнера. По мысли данного ученого, возникновение гражданского общества произошло благодаря появлению нового типа человека, получившего наименование «модульного». «Модульность» как свойство современного человека в трактовке Э. Геллнера предусматривает способность и готовность данного человека производить решение самых разнообразных задач» [9, с. 120].

Так, по мнению российского теоретика гражданского общества В.Г. Доманова, гражданское общество есть особое состояние или уровень развития социума, основой которого выступает не некое всеобщее благо, которое является абстрактным, или некий коллективный интерес, а именно живой человек как многомерное существо. Развитие гражданского общества отражает изменение самой сущности человека, который перестает выступать в качестве «государственного, политического» существа [10, с. 10]. Переход к гражданскому обществу предусматривает формирование человека интегративно-синтетического, характеризующегося инновационным мышлением. Такой человек одновременно является и гражданином государства, и членом гражданского общества; он уже не является «винтиком» системы или подданным в недемократическом государстве, основывающемся на методах принуждения. Главным действующим лицом гражданского общества как особого исторического типа социальности является человек, характеризующийся осознанием как общественных, так и индивидуальных интересов.

Необходимо отметить, что в рамках так называемых классических концепций гражданского общества используется главным образом опыт западноевропейских стран. В Западной Европе, как справедливо отмечает С.А. Маркова, гражданское общество прошло в своем развитии длительный путь, продолжительность которого измеряется столетиями [11, с. 10]. В настоящее время гражданское общество в данных странах выступает в качестве формы и одновременно способа общественной самоорганизации, которая базируется на принципах приоритета свободы и рационального выбора, что в целом соответствует демократическим идеалам. Однако при отсутствии демократических традиций переход к такому типу политического режима в тоталитарной стране не может быть осуществлен в короткий временной промежуток, и здесь недостаточно просто провозгласить построение гражданского общества и правового государства в качестве целей проводимых преобразований, поскольку это предполагает кардинальные изменения функционирования социума, взаимодействия последнего с государством. Поэтому несмотря на закрепленные в политической науке признаки гражданского общества, являющиеся универсальными для стран, переживающих модернизационные процессы, исследование процессов формирования гражданского общества в государствах с тоталитарным прошлым предполагает применение особых подходов к анализу проблем развития гражданского общества в период так называемого либерального транзита.

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, в XVII-XVIII столетиях происходит терминологическое оформление концепта гражданского общества: данный концепт основывается на интерпретации последнего как цивилизованного общества, которое образуется многочисленными организациями гражданского сотрудничества, базирующегося на этических принципах доверия и кооперации. Характерной особенностью ранних концепций гражданского общества является присущий им широкий характер. К гражданскому обществу здесь принято относить практически все формы социальной самоорганизации, включая и сферу рыночной экономики. В современной политической науке применительно к ранним теориям гражданского общества выделяются концепты Л- и М-традиции, получившие свои наиме-

нования по первым буквам фамилий Д. Локка и Ш. Монтескье. Если в рамках трактовки гражданского общества Д. Локка последнее не рассматривается как сфера, функционирующая совершенно отдельно от государства, то М-традиция, напротив, основывается на трактовке гражданского общества как совокупности независимых гражданских ассоциаций, которые как бы опосредуют взаимодействия между людьми и государственной властью.

Во-вторых, прошедшее столетие в целом было отмечено ростом научного интереса к идее гражданского общества, что имело в этот период огромные общественно-политические последствия: интерес к проблематике, связанной с гражданским обществом, был во многом обусловлен процессами становления демократических политических режимов, которые происходили во многих государствах во второй половине XX в. В соответствии с современной трактовкой гражданского общества формирование последнего предусматривает отход от структур власти иерархического типа, место которых занимают открытые социальные структуры – различные гражданские объединения и ассоциации.

Несмотря на закрепленные в политической науке признаки гражданского общества, являющиеся универсальными для стран, переживающих модернизационные процессы, исследование процессов формирования гражданского общества в государствах с тоталитарным прошлым предполагает применение особых подходов к анализу проблем развития гражданского общества в период так называемого либерального транзита. Это относится в первую очередь к постсоветским странам, к которым принадлежит и Россия. Применительно к нашей стране исследованию должны подвергаться не только количественные параметры функционирования гражданского общества, отражающие численность различных его институтов, структур или элементов, но и качественные составляющие процесса становления гражданского общества, включающие его роль в определении стратегий развития страны, характер взаимодействия с органами государственной власти, факторы, сдерживающие или способствующие развитию гражданского общества;

В-третьих, основой для формирования предпосылок становления гражданского общества в нашей стране послужили преобразования, связанные с процессами перестройки различных сфер жизнедеятельности советского общества во второй половине 1980-х гг. В рассматриваемый период в позднем СССР происходили бурные процессы, связанные с формированием общественных организаций различной направленности, что можно рассматривать как развитие гражданского общества. В начале 1990-х гг. политическая элита постсоветской России направляет свои усилия на формирование нормативно-правовой базы, призванной регулировать деятельность некоммерческого сектора, что выступает важным условием для устойчивого развития гражданского общества. В это время объективно существовала необходимость в создании организаций, осуществляющих социальную поддержку граждан, пострадавших от последствий социально-экономического кризиса; в ситуации ослабления государственного финансирования учреждений культуры, искусства, образования и науки возникла объективная необходимость в создании общественных объединений с целью их поддержки. Современный этап развития представлений о российском гражданском обществе связан с переосмыслением роли Запада в современной политической модернизации и необходимости разработки российской модели гражданского общества, основанной на опыте общественного самоуправления в России.

Список источников

1. Александер Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество / пер. с англ. Т.В. Дорофеевой // Социология на пороге XXI в. М., 1998.

2. Гончаров Д.В. Разнообразие нормативных проектов гражданского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Вып. 3.

3. Артюхин О.А., Шумилина А.Б. Гражданское общество современной России: модели и особенности становления // Правовой порядок и правовые ценности: сб. научных статей VIII Национальной научно-практ. конф. с международным участием. Ростов н/Д, 2024.

References

1. Alexander J. After Neofunctionalism: Activity, Culture, and Civil Society / translated from English by T.V. Dorofeeva // Sociology on the Threshold of the 21st Century. Moscow, 1998.

2. Goncharov D.V. Diversity of Normative Projects of Civil Society // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2012. Issue 3.

3. Artyukhin O.A., Shumilina A.B. Civil Society in Contemporary Russia: Models and Features of Formation // Legal Order and Legal Values: Collection of Scientific Articles from the VIII National Scientific and Practical Conf. with International Participation. Rostov n / D, 2024.

4. Мерсиянова И.В. Определение понятия «гражданское общество»: опыт систематизации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 4.

5. Дмитриев Н.Ю. Концепт гражданского общества: многообразие подходов // Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве: сб. докладов XIII Международной научно-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов / под ред. Т.П. Черкасовой, Л.Л. Ивановой. Ростов н/Д, 2023.

6. Хабермас Ю. Модернизация как общественная рационализация: роль протестантской этики / пер. с нем. Т. Тягуновой // Социологическое обозрение. 2010. № 3. Т. 9.

7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996.

8. Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. под общ. ред. И.И. Мюрберг. М., 2003.

9. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.

10. Доманов В.Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2010.

11. Маркова С.А. Политическое самоопределение гражданского общества в постсоветской России: автореф. дис. … канд. полит. наук. Воронеж, 2003.

4. Mersiyanova I.V. Definition of the Concept of «Civil Society»: An Experience of Systematization // Civil Society in Russia and Abroad. 2011. № 4.

5. Dmitriev N.Yu. The Concept of Civil Society: A Diversity of Approaches // Current Trends in Public Administration, Economics, Politics, and Law: Collection of Papers from the XIII International Scientific and Practical Conf. of Young Scientists, Postgraduates, and Students / Ed. by T.P. Cherkasova, L.L. Ivanova. Rostov-on-Don, 2023.

6. Habermas J. Modernization as Social Rationalization: The Role of the Protestant Ethic / Translated from German by T. Tyagunova // Sociological Review. 2010. № 3. Vol. 9.

7. Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality / compiled, translated from French, commented, and afterword by S. Tabachnikova. Moscow, 1996.

8. Cohen D., Arato E. Civil Society and Political Theory / Translated from English, general ed. by I.I. Myurberg. Moscow, 2003.

9. Gellner, E. Conditions of Freedom. Civil Society and Its Historical Rivals. Moscow, 2004.

10. Domanov, V.G. Civil Society: The Modern Concept and Prospects for Its Implementation in Russia: diss. … Grand PhD in Political Sciences. Rostov-on-Don, 2010.

11. Markova, S.A. Political Self-Determination of Civil Society in Post-Soviet Russia: diss. … PhD in Political Sciences. Voronezh, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шумилина Анастасия Борисовна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

Артюхин Олег Александрович, *кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

Малявина Анна Борисовна, *кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shumilina Anastasia Borisovna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Commercial and Business Law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

Artyukhin Oleg Alexandrovich, *PhD in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

Malyavina Anna Borisovna, *PhD in Political Sciences, researcher at the Research and Editorial Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 181–185.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 181–185.

Научная статья
УДК 340.12

ФОРМАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТИВИЗМ ПРАВА: ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ ЛОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СУБЪЕКТИВИЗМУ

Глущенко Дмитрий Владимирович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dmitriy218@yandex.ru

Алехина Екатерина Сергеевна
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Ket_as@mail.ru

Введение: *данное исследование посвящено вопросам философского осмысления системы права с точки зрения правового объективизма и субъективизма. Углубленное изучение данных концепций позволяет выявить методологические установки функционирования и познания правовой реальности в качестве неотъемлемой составлявшей человеческого общества. Вариативные интерпретации онтологии права препятствуют определению более предпочтительной теории основ правопонимания для современной юридической доктрины. Решение данного вопроса является целью исследования.*

Материалы и методы: *систематизация и дескриптивный анализ противоречивых научных подходов к аргументации практического применения правового объективизма и субъективизма дают возможность сформулировать целостное понимание данных подходов. Посредством компаративистского метода в исследовании выявляются преимущества и недостатки противопоставленных теорий.*

Результаты исследования: *правопонимание позволяет познать и описать окружающую человека реальность во всем комплексе ее проявлений: правоотношения, источники и идеология права, деятельность правовых институтов и т. д. С точки зрения объективизма наука оценивает систему права как объективную действительность, существующую за пределами человеческого познания и воздействия. Субъективизм противостоит подобным воззрениям и провозглашает человека источником права. Однако мы считаем, что описание объективной реальности возможно только посредством релятивистского подхода, который позволяет изучить систему права как таковую, а также выявить когнитивные связи субъекта с ней.*

Выводы и заключения: *как правовой объективизм, так и субъективизм права имеют место в современном научном дискурсе, тем не менее полагаем, что науке необходима альтернативная интерпретация онтологическим подходам к системе права, позволяющая объединить противоположные теории правового обоснования в целостную структуру.*

Ключевые слова: *правовой объективизм, субъективизм, правовая философия, правопонимание, онтологический подход, интерсубъективность.*

Для цитирования: Глущенко Д. В., Алехина Е. С. *Формальный объективизм права: идеология социальной реальности или ложная альтернатива субъективизму / Д. В. Глущенко, Е. С. Алехина, // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 181–185.*

Original paper

FORMAL OBJECTIVISM OF LAW: IDEOLOGY OF SOCIAL REALITY OR FALSE ALTERNATIVE OF SUBJECTIVISM

Glushchenko Dmitry Vladimirovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Alekhina Ekaterina Sergeevna
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *this study examines the philosophical understanding of the legal system from the perspective of legal objectivism and subjectivism. An in-depth study of these concepts allows us to identify methodological principles governing the functioning and cognition of legal reality as an integral component of human society. Variable interpretations of the ontology of law hinder the determination of a preferred theory of the foundations of legal understanding for modern legal doctrine. Addressing this issue is the goal of this study.*

Materials and methods: *a systematization and descriptive analysis of conflicting scientific approaches to arguing for the practical application of legal objectivism and subjectivism enable us to formulate a holistic understanding of these approaches. Using a comparative method, the study identifies the advantages and disadvantages of the opposing theories.*

Results of the study: *legal understanding allows us to understand and describe the reality surrounding us in all its complex manifestations: legal relations, sources and ideology of law, the activities of legal institutions, etc. From an objectivist perspective, science evaluates the legal system as an objective reality existing beyond human cognition and influence. Subjectivism opposes such views and proclaims man as the source of law. However, we believe that a description of objective reality is only possible through a relativistic approach, which allows for the study of the legal system as such and the identification of the subject's cognitive connections with it.*

Findings and conclusions: *both legal objectivism and legal subjectivism have a place in contemporary academic discourse. However, we believe that scholarship requires an alternative interpretation to ontological approaches to the legal system, one that allows for the unification of opposing theories of legal justification into a coherent framework.*

Keywords: *legal objectivism, subjectivism, legal philosophy, legal understanding, ontological approach, intersubjectivity.*

For citation: Glushchenko D. V., Alekhina E. S. *Formal objectivism of law: ideology of social reality or false alternative of subjectivism / D.V. Glushchenko, E. S. Alekhina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 181–185.*

Когнитивные установки человеческого общества определяют неизменные стремления людей к постижению социальной, политической и правовой действительности, освоение и обоснование которой невозможно реализовать путем генерализации окружающих явлений, т. к. их теоретизация в процессе аналитической структуризации базовых положений общественной жизнедеятельности предрасположена к «концептуально-методологическому диссонансу» [1, с. 7].

Необходимость осмысления правовой реальности определяется эпистемологической значимостью познавательной активности в качестве практикообразующего компонента системы права. Обособленная от социального контекста, исторического и культурного опыта, юридическая практика имеет фрагментарный характер, вследствие чего исследователи предлагают считать правовой действительностью не отдельные нормы, правоотношения и институты, а совокупность процессов и явлений правовой действительности [2, с. 12].

Толкование природы и сущности права традиционно сводится к типологизации права в качестве фиксированного нормативного свода и процессуального урегулирования развивающихся отношений (правовой позитивизм) (Н. Рулан, А.В. Бывальцева, В.А. Четвернин и т. д.). Согласно воззрениям Н. Рулана, нормы являются обрамлением процесса, содержание которого может быть истолковано только посредством синтетического подхода [3, с. 48], объединяющего нормативно-регулятивные аспекты с организационно-деятельностными практиками. С точки зрения В.А. Четвернина, формальное и содержательное правопонимание возможно описать в рамках легизма (юридического позитивизма [4, с. 4–5]), определяющего закон высшим критерием справедливости.

Онтологический подход к определению основ права подразумевает изучение данной системы в качестве мультифакторного феномена, компоненты которого могут представлять собой автономные процессы. Как следствие, возникает вопрос о том, какие элементы права являются его производными, а какие представляют собой правовые источники, воздействующие на формирование принципов функционирования общества. В рамках данной проблемы к изучению правовой реальности добавляются интеллектуально-психологический и социально-регулятивный компоненты, которые учитывают не только эмпирические факты, но также правовую идеологию, психологию, историю и культуру.

О.Г. Данильян развивает позитивистские подходы философского обоснования правовых систем, добавляя социологические и антропологические аргументы, и приходит к определению объективизма, субъективизма и интерсубъективности [1, с. 7]. Изучение истории развития концепции правового объективизма и смежных теорий выявляет также культурологические факторы трансформации структур правопонимания.

По словам К. Варга, правовой объективизм можно кратко охарактеризовать как «наивный реализм» [5, с. 194]. Это понимание в значительной степени преобладало в культурах Центральной Европы в XX в. Наивный реализм проистекает непосредственно из культивируемой в Советском Союзе формы марксизма, которая отвергала иные подходы, выходящие за рамки объективизма [5, с. 194], в то время как исследователи из Восточной Европы признавали объективизм в качестве предпосылки общего методического мышления, «точки отсчета, принятие которой позволяет нам начать мыслить в научной манере» [5, с. 194].

По своей сущности объективизм выступает в качестве правового материализма, в рамках которого «правовая реальность рассматривается как реальность общественных отношений, в глубине которых следует искать основания права» [6, с. 45], т. е. правопорядок является неотъемлемым компонентом реальных отношений (юридических, экономических, политических, социокультурных и т. д.).

Главным недостатком данного подхода является исключение правотворческой и регулятивной функций субъекта, который рассматривается как пассивная часть правовой действительности.

Субъективизм как противоположность объективизму на самом деле является формой правового идеализма, для которого «характерен взгляд на правовую реальность из духовно-идеальной сферы, следовательно, источник правопорядка и правосознания выводится из идеи, или смысла права, которые открываются в сознании субъекта» [6, с. 46]. Тем не менее определение субъекта в качестве источника права вызывает конфликт между морально-нравственными ценностями личности и общественными требованиями порядка и безопасности, что подкрепляется противоречивостью законодательных норм и недостаточно развитой правовой культурой.

Выявление различий между рассматриваемыми подходами (а также преимуществ и недостатков каждого из них) возможно за счет систематизации методологического аппарата, включающего в себя определение базовых концептов, категоризацию фактов и когнитивных принципов, доктринальных толкований правовых норм и социальных явлений (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сопоставление методологических принципов правового объективизма и субъективизма

	Правовой объективизм	Правовой субъективизм
Система концептов	Отражение объективной реальности; правопорядок как основа общественных отношений; правовая нейтральность; реальная перспектива социальной действительности	Субъективные предпочтения индивида; возвышение личностных прав над общественной нормой; общественное волеизъявление; реальность как отражение субъективного мировоззрения
Определение нормы	Объективные правила и законы, которые существуют сами по себе (вне воли и интересов человека)	Субъект как носитель идеи права; норма – идеалистическая концепция в сознании субъекта
Методология	Материалистические принципы; оценка действительных отношений; отказ от аксиологических ценностей	Субъективный идеализм; правовые концепты генерируются в сознании индивида; признание аксиологических ценностей
Доктринальное мировоззрение	Основывается на парадигмальных различиях между феноменами и условиями действительности; ценностно-индифферентная логика, опирающаяся на факты объективной реальности; дедуктивное мышление	Основывается на личных убеждениях индивида; общество развивается произвольным образом; индуктивное мышление

Из рассмотренных положений можно заключить, что правовой объективизм и субъективизм являются «противоположными вариантами поиска онтологических оснований права, при которых формируются определенные типы правопонимания, позиционированные по отношению к человеку (удаленные от человека или ориентированные на него)» [7, с. 79].

Согласно общепринятым концептуальным традициям, точкой отсчета в системе правового регулирования любого общества является «норма», определяющая правомерность человеческих поступков и деяний. Объективизм рационально утверждает понятие нормы как объективной реальности, приравнивая данный концепт к идее справедливого факта. С другой стороны, Ф. Ницше предполагает, что факты как таковые вообще не могут быть найдены в реальности [5, с. 197]. То, что мы считаем фактами, является не более чем произвольными человеческими конструкциями, экстраполяцией нашей воли, направленной на власть (своего рода искусственными социальными конструкциями) [5, с. 197]. С этой точки зрения происходит так называемый процесс право-

вой социализации: сначала человек формирует окружающую реальность, затем наполняет ее фактами (нормами).

В соответствии с эпистемологической точкой зрения, которая воспринимает мир как совокупность фактов (объективизм, наивный реализм), окружающая нас реальность состоит исключительно из объективных норм. Факты существуют сами по себе, как элементы природы. Они даны человеку извне, следовательно, мы можем либо игнорировать их, либо собирать, анализировать и оперировать ими. Отрицание существования объективных норм (естественных фактов) означает проявление собственного невежества, но ни в коем случае не является предварительным условием существование самих норм. Другими словами, человек не является источником фактов и не выбирает, какие из них считаются правомерными, он просто замечает либо оставляет их без внимания.

Дополняющим мнением, восходящим к идеям интерсубъективности, является замечание Дж. Франка: мы можем говорить как о законе (объективной норме), так и о человеческом познании, что в совокупности позволяет нам установить живые отношения с самими фактами [8, с. 15]. Для реализации когнитивных задач инициатива всегда должна исходить из наших внутренних чувств. Только личностная инициатива к познанию может привести к установлению связей с самими фактами. Такая комбинация считается единственно верным способом определения норм. Таким образом, «мир фактов» сам по себе тщетен, потому что он не является частью познания и никогда не будет, если мы намеренно не свяжем окружающие нас явления с человеческим познанием [8, с. 15].

Такой релятивистский подход позволяет говорить об объективной реальности как таковой и установлении с ней когнитивных отношений человека. Одним из дополнительных условий интерсубъективности является позиционирование явлений объективной реальности в качестве субъекта познания. Таким образом, когда мы говорим о правопонимании, мы утверждаем не только объективность права, но также наше субъективное отношение к нему.

Познание закономерностей бытия, наряду с осмыслением правовой реальности, определяется философскими концепциями дуализма и относительности. Подобные идеи предполагают следующий вариант правовой онтологии: «совокупность является одной общей сущностью» [5, с. 203]. Совокупность строится из взаимосвязей, т. е. отделение формы от содержания, процессов от норм, познание от иррациональности может быть только искусственно аналитической деятельностью научной теоретизации. В реальности объективное и субъективное неотделимы друг друга, их дискретно отличимые качества являются лишь ипостасями одной сущности.

Подтверждением такому синкретическому подходу является древнегреческое понимание «истины». «Алетейя» заключает в себе таинственный парадокс: истина, с одной стороны, означает нечто не скрытое, освещенное, поддающееся изучению, но, с другой стороны, данное понятие постоянно подвергается сомнению и переосмыслению [9, с. 29]. Так, классическое греческое понимание истины уже предполагает наличие отношений и взаимосвязей (включение субъекта). Другими словами, истина основывается на отборе: люди создают свой социальный мир через собственную практику, посредством которой рождаются определенные аспекты реальности, в частности право.

Формальный объективизм стремится к установлению такого набора понятий, процессов и норм, который сведет к минимуму фальсификацию реальности. Однако мы обязаны понимать, что обоснование или дискредитация той или иной теории возможна только в сопоставлении с другой теорией, поскольку научная мысль не является объектом материального распоряжения. В рамках данного философского мировоззрения и набора лежащих в его основе парадигм можно принять любую теорию как истинную, доказанную или, по крайней мере, доказуемую, если это будет соответствовать методологическим принципам рассматриваемого сообщества в конкретный хронотипический отрезок.

Таким образом, отвечая на вопрос, является ли объективизм фальсификацией субъективной правовой реальности, можно сказать, что в современном переосмыслении правовых процессов научное сообщество все больше ориентируется на антропологические, социокультурные и аксиологические факторы общественной жизнедеятельности. Поскольку право является формой социальных взаимодействий, оно не может быть полностью обособлено от человека, и «поскольку объективизм игнорирует эту связь, субъективизм на сегодняшний день считается более предпочтительным подходом» [7, с. 78].

Тем не менее по результатам исследования «есть основания утверждать, что право возникло из конфликта» [10, с. 42], поэтому обе рассматриваемые концепции имеют место в доктринальной системе права. Наука смело заявляет, что «право есть объективная реальность, но вместе с тем оно является продуктом субъективного осознания людьми окружающей действительности» [10, с. 42], в связи с чем мы можем сделать вывод о том, что науке необходимо альтернативное трактование правовой реальности, заключающее в себе аксиоматичность объективизма и аутентичность субъективизма, интеграция которых позволит систематизировать все правовые категории в единую целостную структуру.

Список источников

1. Бывальцева А.В. Право как условие самосознания: интерсубъективная парадигма правопонимания И.Г. Фихте. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-kak-uslovie-samosoznaniya-intersubektivnaya-paradigma-pravoponimaniya-i-g-fihte (дата обращения: 24.05.2025).
2. Ланг П.П. Правовая реальность: философско-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 2. Т. 8.
3. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. В.С. Нерсесянц. М., 2000.
4. Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 1. Вып. 13.
5. Varga Cs. The Paradigms of Legal Thinking // Budapest: Szent István Társulat, 2012.
6. Данильян О.Г. Философия права / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др. / под ред. О.Г. Данильяна. М., 2007.
7. Пристенский В.Н. Онтологические основания права и правопонимание (смысловой контекст соотношения понятий) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1.
8. Jerome F. Courts on Trial Myth and Reality in American Justice // Princeton, 1949.
9. Разинов Ю.А. Истина и тайна: четыре аспекта греческой алетейи. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istina-i-tayna-chetyre-aspekta-grecheskoy-aleteyi (дата обращения: 29.05.2025).
10. Гонгало Б.М. Объективное и субъективное в правовой доктрине. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnoe-i-subektivnoe-v-pravovoy-doktrine (дата обращения: 29.05.2025).

References

1. Byvaltseva A.V. Law as a Condition of Self-Awareness: I.G. Fichte's Intersubjective Paradigm of Legal Understanding. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-kak-uslovie-samosoznaniya-intersubektivnaya-paradigma-pravoponimaniya-i-g-fihte (date of access: 24.05.2025).
2. Lang P.P. Legal Reality: Philosophical and Legal Analysis // Law Bulletin of Samara University. 2022. № 2. Vol. 8.
3. Rulan N. Legal Anthropology: Textbook for Universities / Ed. and Author's Preface to the Russian Edition by V.S. Nersesyants. Moscow, 2000.
4. Chetvernin V.A. Institutional Theory of Law: Basic Provisions // Scientific Research of the Laboratory of Legal Theory, National Research University Higher School of Economics. 2013. № 1. Issue 13.
5. Varga Cs. The Paradigms of Legal Thinking // Budapest: Szent István Társulat, 2012.
6. Danilyan O.G. Philosophy of Law / O.G. Danilyan, L.D. Bairachnaya, S.I. Maksimov, et al. / edited by O.G. Danilyan. Moscow, 2007.
7. Pristensky V.N. Ontological Foundations of Law and Understanding of Law (Semantic Context of the Relationship of Concepts) // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. 2019. № 1.
8. Jerome F. Courts on Trial Myth and Reality in American Justice // Princeton, 1949.
9. Razinov Yu. A. Truth and Mystery: Four Aspects of Greek Aletheia. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istina-i-tayna-chetyre-aspekta-grecheskoy-aleteyi (date of access: 29.05.2025).
10. Gongalo B. M. Objective and Subjective in Legal Doctrine. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnoe-i-subektivnoe-v-pravovoy-doktrine (date of access: 29.05.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глущенко Дмитрий Владимирович, *кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0009-0005-1606-3326

Алехина Екатерина Сергеевна, *кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*
ORCID: 0000-0002-1167-6378

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Glushchenko Dmitry Vladimirovich, *PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of the Humanities and Socio-economic disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Alekhina Ekaterina Sergeevna, *PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 186–191.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 186–191.

Научная статья
УДК 111.1:316.4(470)

РУССКИЙ НАРОД: ОНТОЛОГИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ

Григоров Евгений Валентинович
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Российская Федерация,
grigorovev@mail.ru

Введение: *принятие концепта «государство-цивилизация» позволяет применить к анализу русского народа традиционные для русской мысли методологические подходы, предполагающие наличие вертикали, соединяющей эмпирический мир с трансцендентным.*

Материалы и методы: *в ходе исследования использовались общенаучные теоретические и эмпирические методы познания: метод систематизации, метод сравнительного анализа, метод исторической реконструкции, восхождение от абстрактного к конкретному, научное наблюдение в форме исторического описания, научное сравнение в форме компаративного метода, а также автор обращается к русской традиционной методологической традиции.*

Результаты исследования: *понимая народ как единство прошлых, настоящих и будущих поколений, частью которого являются и русские святые, автор раскрывает вертикальную небесно-земную структуру онтологии русского народа, которая предопределяет его соборный характер, его обращенность к трансцендентному миру и ориентацию на коллективное об**о**жение путем к**е**нозиса, добровольного умаления.*

Выводы и заключения: *русский народ, формируясь как народ православный, усвоил христианские ценности в качестве национальных свойств, благодаря чему выработал собственную форму бытия, позволяющую ему в перспективе спасения освобождать внутри себя место для других народностей, формируя многонациональное единство.*

Ключевые слова: *онтология, государство-цивилизация, русский народ, православие, многонациональный народ, соборность, к**е**нозис, цимцум.*

Для цитирования: Григоров Е. В. *Русский народ: онтология многонациональности / Е. В. Григоров // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 186–191.*

Original paper

RUSSIAN PEOPLE: ONTOLOGY OF MULTINATIONALITY

Grigorov Evgeny Valentinovich
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation.

Introduction: *adopting the «state-civilization» concept allows us to apply traditional Russian methodological approaches to the analysis of the Russian people, presupposing the existence of a vertical line connecting the empirical world with the transcendental.*

Materials and methods: *the study utilized general scientific theoretical and empirical methods of inquiry: systematization, comparative analysis, historical reconstruction, ascending from the abstract to the concrete, scientific observation in the form of historical description, and scientific comparison in the form of the comparative method. The author also draws on the traditional Russian methodological tradition.*

Results of the study: *understanding the people as a unity of past, present, and future generations, of which Russian saints are a part, the author reveals the vertical heavenly-earthly structure of the ontology of the Russian people, which predetermines its conciliar character, its appeal to the transcendental world, and its orientation toward collective deification through kenosis, or voluntary humiliation.*

Findings and conclusions: *the Russian people, developing as an Orthodox people, adopted Christian values as national characteristics, thereby developing their own form of existence, which, in the long term, allows them to create space within themselves for other peoples, forming a multinational unity.*

Keywords: *ontology, state-civilization, Russian people, Orthodoxy, multinational people, conciliarity, kenosis, tzimtzum.*

For citation: Grigorov E. V. *Russian people: ontology of multinationality / E. V. Grigorov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 186–191.*

«Сова Минервы» совершила трансвидовой переход и превратилась в «жаворонка». Философия больше не пытается осмыслить эпоху, дождавшись окончания актуальных общественных процессов, а, напротив, забегает вперед, старается предугадать возможные события, отталкиваясь от ненадежных новостей социальных сетей. Философия

переехала из академических изданий в «Телеграм». Любая информация, вброшенная в публичное пространство, независимо от ее истинности, мгновенно подвергается медийными экспертами «научному» политологическому, социологическому, историческому анализу и параллельно философской рефлексии, глубина которой зависит от длины поста или хронометража политического токшоу. В постмодернистском калейдоскопе «сего дня» на осмысление мира sub specie aeternitātis[1] нет времени. Попытка найти островок стабильности в «мерцающем» мире становится нетривиальной задачей. Иногда для этого необходимо объединяющее различные информационные всплески понятие, а иногда – применение новой методологии, смена парадигмы.

Одним из таких объединяющих понятий для вопросов, связанных с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и фальсификацией истории этого периода, со специальной военной операцией, проводимой Россией против украинского нацизма, с широко распространенной в западных странах русофобией, с легальной и нелегальной миграцией, с феноменом многонационального народа Российской Федерации, с ширившимся движением русофилов и распространением идей русского национализма, с возрождением православия и актуализацией русских традиционных духовно-нравственных ценностей, с введением в общественную науку и правовое поле концепта «государство-цивилизация», – является понятие «русский народ». Не прояснив, что собой представляет русский народ, невозможно адекватно подойти к их исследованию.

Тысячелетнее существование русского народа и его эйдетическое основание дают возможность вернуть философскому осмыслению современной России вневременной характер. В методологическом плане мы также стоим на пороге серьезных изменений. Отказ от глобализма и универсализма, заложенный в понятии «государство-цивилизация», введенном указами Президента России[2], предполагает нетождественность любых, в том числе и базовых категорий, выработанных разными цивилизациями. Признав Россию самобытной цивилизацией, а не европейской державой, мы можем требовать соответствия любого концепта духу русской культуры.

О. Шпенглер писал: «существует более чем одна математика (более чем одна наука. – Е.Г.)… так как есть множество культур (государств-цивилизаций. – Е.Г.)… внутренняя структура евклидовой геометрии полностью отличается от картезианской (европейское понятие «нация» отличается от его русского понимания. – Е.Г.) [17, с. 208]. В рамках этой методологии наука, в особенности гуманитарная, имеет национальное измерение. ««Мировой гений» есть всегда и прежде всего национальный гений, а попытка стать «великим» из интернационализма и пребывая в его атмосфере, давала и будет давать, только мнимых, экранных «знаменитостей» или же планетарных злодеев» [9, с. 327]. И если европейская «объективная» наука Нового времени последовательно избавлялась от трансцендентного измерения, от Бытия Бога, русская наука и философия никогда не теряли сакрального, священного измерения. «Национально-зарожденная, выношенная и выстраданная русская духовная культура обусловила специфический менталитет с его неустанным исканием абсолютного добра, истины, красоты и гармонии, формировала характерные черты русской науки, русского ученого… Бесспорно, формирование русской творческой личности связано с оживлением исихастических традиций Григория Паламы, создавшего учение о творческом процессе, учившего, что творчество может быть лишь результатом «синергии» со Всевышним Творцом… На пути осознания своего национального менталитета в XIX в. и освобождения от слепого подражания западной учености, рассудочной науке с ее духовной слепотой, отечественная наука заняла ведущее место почти во всех отраслях знания мировой науки первой трети XX в.» [8].

Обращаясь сегодня к традиционным русским ценностям[3], которые на протяжении тысячелетия формировались православной верой, мы имеем возможность осмыслить ключевые социально-философские категории в рамках русской духовной традиции. В настоящей статье автор исследует сущностные свойства русского народа, позволившие ему создать и на протяжении тысячелетия поддерживать сложное многонациональное единство, высочайшую культуру и сверхустойчивую политическую организацию.

Классическая наука как особый вид познания возникает в гносеологии западноевропейской цивилизации и сохраняет в себе все

[1] Под знаком вечности.

[2] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/70811 (дата обращения: 11.04.2025); Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 11.04.2025).

[3] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 11.04.2025).

основные константы и ценности последней. К ним относятся: секулярность, рационализм и эмпиризм, формальная логика с упором на операцию определения понятия, вытекающую из структуры латинского языка, относительная истинность знания и четкое размежевание субъекта и объекта познания, атомарность субъекта и объекта. Благодаря невероятным прикладным успехам западная наука стала образцом для теории познания всех других цивилизаций, причем духовный, гносеологический опыт последних классическую науку не интересовал.

В Новое время, когда на горизонте европейской науки появляются народы, их изучение осуществляется либо в социологических и политических исследованиях буржуазных наций, либо в антропологии и этнографии, разворачиваясь вокруг понятия «этнические общности» [5; 6]. В XX в. советская и западноевропейская наука, несмотря на идеологическую борьбу, вполне согласовывались друг с другом в этом вопросе. Определение, данное И.В. Сталиным: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры [15, с. 6], – становится образцом как для советских ученых, так и для модернистских западных концепций [6, с. 53]. Американский социолог П.А Сорокин, например, пишет: «Только тогда, когда группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией, – она действительно образует нацию. Нация является многосвязным социальным организмом, объединенным и сцементированным государством, этническими и территориальными связями» [14, с. 463–489]. В этих определениях народ как совокупность индивидов существует в одной плоскости, в одной горизонтали, являясь механическим соединением людей, имеющих преимущественно экономические интересы.

Горизонтальные социологические, политологические и этнографические определения нации или этноса не приближают исследователя к тайне народа, к его бытию. Замена многозначного и многоаспектного слова «народ» понятиями «нация» и «этнос» снижает возможность целостного взгляда на сложное бытие народа. Социологическое и этнографическое определения заслоняют сущность народа от исследователя. В этих определениях отсутствует вертикаль, связь народа с трансцендентным миром, без которой невозможно говорить о духе народа, невозможно поставить, например, вопрос о русской идеи, о которой до сих пор не умолкают споры.

Несколько более глубоким является исторический анализ данного предмета. «Единство исторической судьбы» [3, с. 94] позволяет увидеть в народе, представленном чредой поколений, непреходящее ядро, сохранение которого объединяет людей, живших в IX, XV, XXI вв., в один народ. Однако познание содержания этого ядра требует выхода и за пределы исторического исследования. Русский подход к истории всегда носил историософский, обращенный к вечности, характер. Концепт государства-цивилизации позволяет вернуться к традиционной русской гносеологии, в которой проблему народа можно поставить только с учетом сакрального измерения.

Современная Россия переживает религиозное возрождение, православные ценности становятся элементами проводимой государством внутренней и внешней политики. «Православие и Россия неразделимы. И на протяжении всей истории православие играло очень значимую роль в жизни нашего государства и нашего народа»[4], утверждает Президент Российской Федерации В.В. Путин.

С момента своего рождения русские осознают себя в качестве православного народа, что с ясностью выражено уже в «Слове о законе и благодати митрополита Илариона», произнесенном в середине XI в.: «И подобало благодати и истине воссиять над *новым* народом… Так и совершилось. Ибо вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского…» (курсив мой. – Е.Г.) [12, с. 39].

Это становится константой русского самосознания и сохраняется на протяжении всей нашей истории, поэтически прорываясь в «Слове о погибели Русской земли» – «Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!», закрепляясь лексически в дефиниции «Святая Русь», теоретически оформляясь в концепции «Москва – Третий Рим». С самого начала русский народ структурно выстраивается вдоль вертикали, соединяющей мир горний и мир земной, поэтому он не является простой совокупностью индивидов объединенных территорией, властью и языком, скорее в отношении русского народа можно применить аналогию с Церковью как сообществом верующих устремленных к миру Небесному. Сущность русского народа раскрывается через понятия соборности и симфонической личности, а не с помощью горизонтальных категорий «общественный договор» и «буржуазная нация».

Владимир Соловьев считал, что через русский народ проявляется откровение высшего божественного мира, что он «должен быть только посредником между человечеством и тем миром, свободным, сознательным орудием последнего» [13, с. 13–14]. Отсюда вселенский и мессианский характер русского народа, его всемирная отзывчивость. «Стать настоящим русским… может быть, и значит

[4] URL: https://iz.ru/news/646301 (дата обращения: 11.04.2025).

только… стать братом всех людей, всечеловеком» [7, с. 145]. Но это братство и всечеловечество приобретает смысл только в сотериологическом ключе: «все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23:8-9). Соборность необходимо понимать как свободное объединение и согласие «людей ради «обожения» всех и каждого, т. е. согласие людей ради воплощения высших святынь любви, истины, красоты» [2].

Русский народ усваивает в качестве национальных черт признаки и цели православной общины. Н.О. Лосский пишет: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [10, с. 9]. Из этого следует жертвенность и милосердие русского народа, его смирение и любовь к ближнему, отречение от эгоизма и применение морали Христа к общественной жизни. Жертва Христа становится образцом для поведения, чертой народного характера: «Бог терпел и нам велел», и в более возвышенной форме – «Сам погибай, но товарища выручай!».

В политической, мирской сфере склонность к самопожертвованию может рассматриваться негативно как отказ от собственных национальных интересов, как согласие с ущемлением интересов русских представителями иных этнических групп. Можно даже встретить мнение, что такое мировоззрение навязывается русскому народу антирусскими силами и, соответственно, нужно в противовес ему выработать концепцию русского национального эгоизма. Однако такая точка зрения имеет смысл только в свете борьбы наций или этносов за «место под солнцем», за материальные ценности, за ресурсы, достигшей наибольшей остроты в эпоху капитализма. Русский народ, очевидно, обладает мирской устойчивостью, раз созданное им государство является одним из самых могущественных в современном мире. Но можно ли сказать, что такое положение завоевано нами за счет утверждения концепции собственной исключительности и эксплуатации нерусских народов? Русская история дает отрицательный ответ на этот вопрос. Тогда каким образом русский народ, не имея теории национального превосходства, а, напротив, жертвуя собственными интересами, добился лидерства в мировой политике?

Очевидно, что русские выработали свою собственную особую форму бытования в мире, основой которого являются идеалы святости и жертвенности, построенные на процессе к**е**нозиса, добровольного умаления. В перспективе вечности, на пути к спасению отказ от национального эгоизма является единственно возможным способом существования в этом мире: «итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18:4), «ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:12). Понимая себя прежде всего как народ православный, русские не предавали особого значения национальности, что находило опору и в ценностях соседской общины характерной для наших славянских предков. До XX в. в Российской империи религия, а не кровь определяла народность, поэтому быть православным значило быть русским. Национальное отступало пред религиозным, что уже можно рассматривать как форму национального кенозиса. Обустраивая земную жизнь, русский народ обращен к миру Небесному, поэтому жертвуя земным, он имеет приобретения в царстве Божием. Самопожертвование русского народа всегда идет рука об руку с его славою, чего иногда не замечают русские националисты, концентрируясь на упущенных русскими земных выгодах. Из этого конечно не следует, что нужно попустительствовать замещающей миграции, привилегированному положению диаспор на территории Российской Федерации, а тем более закрывать глаза на этническую преступность.

Как известно, народ – это не только ныне живущее поколение, народ есть совокупность поколений прошлых, настоящих и будущих. Из этого определения очевидно, что Святые, в земле Русской просиявшие, являются неотъемлемой частью русского народа, и в их лице русский народ, умаляясь на земле, получает место в трансцендентном мире. Русские святые скрепляют русский народ в единое целое: «Ибо святые, приходящие из рода в род через делание заповедей Божиих, сочетаются с предшествующими по времени святыми, озаряются подобно тем, получая благодать Божию по причастию, и становятся словно некоей золотой цепью, в которой каждый из них – отдельное звено, соединяющееся с предыдущим через веру, дела и любовь, так что они составляют в едином Боге единую цепь, которая не может быть легко разорвана» [11, ч. 3 гл. 4].

Жития Святых традиционно принимаются русскими за образец подражания, что вводит в земную жизнь отблески мира Небесного и позволяет русским строить град земной по образу града Божьего, как способ всем вместе совершить восхождение к престолу Пресвятой Троицы. Это значит, что нельзя откланяться от Истины ради земных благ, что лучше претерпеть, чем быть причиной страданий другого, что нельзя обмануть доверие доверившегося тебе, что нужно соблюдать договоры и т. п. Классическим примером такого подхода в международных отношениях является «Акт Священного союза» [1], совершенно невыводимый из политических реалий первой четверти XIX в.,

но согласующийся с посреднической ролью русского народа между вечным и временным, указанной В.С. Соловьевым.

Устойчивость русскому государству придают непреходящие ценности, на которые оно опирается и которые укоренены в двойной онтологии русского народа, в его небесно-земной структуре. Вертикаль, внесенная русскими святыми и определившая структуру русского народа, возвышает последний из жертвы к славе и вносит в деяния русского народа аспект вечности. Русские не разменивают вечное на мимолетное и, если в истории случаются отклонения от единожды выбранной стратегии об**о**жения, то и возвращение к ней неизбежно.

Другой стороной двойственного бытия русского народа является превращение конфликтов, в которые все-таки вынуждены иногда вступать русские, в борьбу Добра с бесовскими силами. Даже атеистический Советский Союз вел «священную войну» с «фашистской силой темною, с проклятою ордой». Готовность русских жертвовать собственными интересами имеет границы. Пока дело касается мирской жизни, русские могут отодвигать «красные линии», с мирских, сиюминутных позиций это иногда даже рассматривается радикальными русскими националистами как национальное предательство. Русские готовы пойти на многие страдания, лишь бы иметь право утверждать: «С нами Бог!», но как только угрозе подвергаются русские Святыни, мы вступаем в священную битву. Так было в войне против сатанинского гитлеровского режима, так есть и сейчас на специальной военной операции, ведущейся под стягом «Спаса Нерукотворного» против возрожденного украинцами неонацизма. Этим же объясняется неприятие русским народом европейских антихристианских концепций, в чем и кроется глубинная сущность цивилизационного разлома между Россией и западным миром. Однако, поскольку причина войны должна носить сакральный, т. е. чрезвычайный характер, русские редко начинают войны.

Воплощая в истории идею к**е**нозиса, русский народ не только способен уживаться с другими народами, но и сам формируется в виде многонациональной общности.

Идея к**е**нозиса Христа раскрывается апостолом Павлом: «но уничижил Себя Самого, приняв образ раба…» (Флп. 2:7). Богословие относит процесс добровольного уничижения ко всей Троице и рассматривает к**е**нозис как проявление цимцума (сжатия, отступления) Бога [16, с. 42]. Для того чтобы создать мир из ничего, Бог должен был освободить для него место внутри Себя, т. к. изначально нет ничего кроме Бога. Сокращение внутри Бога делает возможным существование вселенной [16, с. 40]. М. Френч утверждает: «То, что имеет место для мироздания в целом, должно быть значимо и для каждой твари в этом мироздании» [16, с. 41], что позволяет нам применить эту схему к анализу бытия русского народа.

Итак, подражая жертве Христа, русский народ, самоумаляясь, освобождает место внутри себя и имеет возможность принять в это пространство другие народы, что и является онтологическим основанием его многонациональности. Другими словами, русские не вступают в борьбу с иными народами за внешнее пространство, целью которой является их вытеснение или даже уничтожение. Русский народ отступает внутрь себя, жертвует своими интересами, освобождает место для инородцев, но не считает это поражением, потому что на самом деле он никуда не уходит, потому что освобожденное пространство не совсем пустое, в этой пустоте сохраняется вертикальная структура русского народа, и зашедшие в это пространство народы выстраивают вдоль этой вертикали свою структуру, т. е. воспринимают русскую культуру, русские ценности, и отступивший, вначале, русский народ делает шаг к славе в новом единстве. Преобразованные русским вертикальным пространством народности не теряют при этом своей идентичности, не растворяются в русском народе, т. к. русская вертикальная структура накладывается на их горизонтальную структуру как бы сверху, не в мирском, а в небесном измерении. Так формируется русский многонациональный народ, в котором даже конфессиональное и религиозное различие не разделяют, а способствуют единению в «цветущей сложности», поскольку «…нет ни Еллина, ни Иудея… варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11).

Список источников

1. Акт Священного союза 14 (26) сентября 1815. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.martens04_1878_099a (дата обращения: 03.05.2025).

2. Бенедиктов Н.А. Русские святыни. М., 2003.

3. Бердяев Н.А. Философия неравенства / состав., предисл. и примеч. Л.И. Полякова. М., 1990.

References

1. Act of the Holy Alliance of September 14 (26), 1815. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.martens04_1878_099a (date of access: 03.05.2025).

2. Benediktov N.A. Russian Shrines. Moscow, 2003.

3. Berdyaev N.A. Philosophy of Inequality / compiled, foreword and notes by L.I. Polyakova. Moscow, 1990.

4. Бурмистров К.Ю. Он сжал Себя в Самом Себе: каббалистическое учение о «самоудалении» Бога (цимцум) и его интерпретации в европейской культуре // История философии. 2009. № 14.

5. Винер Б.Е. Противоречия советской теория этноса: история концепции и ее перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40.

6. Винер Б.Е. Существуют ли нации? Альтернативный взгляд на старую проблему // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. № 1. Т. 9.

7. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М.А. Маслин. М., 1992.

8. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М., 2002.

9. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 1996. Т. 1.

10. Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт, 1957.

11. Симеон Новый Богослов. Главы богословские, умозрительные и практические преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена обители святого Мамаса Ксирокеркского. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/glavy-bogoslovskie-umozritelnye-i-prakticheskie-prepodobnogo-ottsa-nashego-simeona-novogo-bogoslova-igumena-obiteli-svjatogo-mamasa-ksirokerkskogo/#source (дата обращения: 11.05.2025).

12. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литература Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.

13. Соловьев В. Три силы. М., 1877.

14. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

15. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос: сб. избранных статей и речей. М., 1934.

16. Френч М. Лик Премудрости / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Н.К. Бонецкой. СПб., 2015.

17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. сл. и примеч. К.А. Свасьяна. М., 1993.

4. Burmistrov K.Yu. He Compressed Himself within Himself: The Kabbalistic Doctrine of God's «Self-Withdrawal» (Tzimtzum) and Its Interpretation in European Culture // History of Philosophy. 2009. № 14.

5. Wiener B.E. Contradictions of the Soviet Theory of Ethnos: The History of the Concept and Its Prospects // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology. 2022. Vol. 40.

6. Wiener B.E. Do Nations Exist? An Alternative Look at an Old Problem // Scientific Result. Social and Humanitarian Research. 2023. № 1. Vol. 9.

7. Dostoevsky F.M. Pushkin // The Russian Idea / compiled and with an introduction by M.A. Maslin. Moscow, 1992.

8. Zhuravlev V.K. Russian Language and Russian Character. Moscow, 2002.

9. Ilyin I.A. Collected Works: in 10 volumes / compiled, with an introduction and commentary by Yu.T. Lisitsy. Moscow, 1996. Vol. 1.

10. Lossky, N.O. The Character of the Russian People. Frankfurt, 1957.

11. Simeon the New Theologian. Theological, Speculative, and Practical Chapters of Our Venerable Father Simeon the New Theologian, Abbot of the Monastery of St. Mamas of Xirokerk. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/glavy-bogoslovskie-umozritelnye-i-prakticheskie-prepodobnogo-ottsa-nashego-simeona-novogo-bogoslova-igumena-obiteli-svjatogo-mamasa-ksirokerkskogo/#source (accessed: 11.05.2025).

12. A Sermon on Law and Grace by Metropolitan Hilarion of Kyiv // Library of Literature of Ancient Rus'. St. Petersburg, 1997, Vol. 1.

13. V. Soloviev. Three Forces. Moscow, 1877.

14. P. A. Sorokin. Main Features of the Russian Nation in the Twentieth Century // On Russia and Russian Philosophical Culture. Philosophers of the Russian Post-October Diaspora. Moscow, 1990.

15. I. V. Stalin. Marxism and the National Question: A Collection of Selected Articles and Speeches. Moscow, 1934.

16. M. French. The Face of Wisdom / translated from German, with introduction and notes by N. K. Bonetskaya. St. Petersburg, 2015.

17. O. Spengler. The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. 1. Gestalt and Reality / translated from German, with introduction and notes by N. K. Bonetskaya. from German, introduction and notes by K.A. Svasyan. Moscow, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григоров Евгений Валентинович, *кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и философии. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigorov Evgeny Valentinovich, *PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 49, Chkalov St., Barnaul 656038 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 192–197.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 192–197.

Научная статья
УДК 321

Г. ЛЕБОН, Г. ТАРД И Т. АДОРНО О РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ВОЖДИЗМА

Кашапов Урал Абубакирович
Федеральное казенное профессиональное образовательное учреждение № 145, Уфа, Российская Федерация, ural.kashapov.2014@mail.ru

Сулейманов Тимур Фуатович
Уфимская епархия Башкортостанской митрополии РПЦ МП, Уфа, Российская Федерация, suleimanov1957@mail.ru

Введение: *идеи Г. Лебона, Г. Тарда и Т. Адорно несмотря на их различия остаются важным инструментом для понимания сложных процессов, происходящих в обществе. Их работы напоминают нам, что вождизм и авторитаризм – это не просто исторические феномены, а актуальные вызовы, с которыми сталкивается человечество и сегодня. В условиях, когда информационные технологии усиливают влияние лидеров, а массовое сознание становится все более восприимчивым к манипуляциям, их труды приобретают особую значимость.*

Материалы и методы: *труды Г. Лебона, Г. Тарда и Т. Адорно, анализ которых дается в статье, напоминают, что свобода и демократия требуют постоянных усилий, а осознанность и критическое мышление – это не роскошь, а необходимость.*

Результаты исследования: *через понимание глубинных механизмов власти и их влияния на общество, данное нам через труды Г. Лебона, Г. Тарда и Т. Адорно, мы сможем избежать повторения ошибок и построить будущее, основанное на разуме, а не на слепой вере.*

Выводы и заключения: *работы Г. Лебона, Г. Тарда и Т. Адорно объединяет стремление раскрыть механизмы вождизма и его влияние на общество. Лебон акцентирует иррациональную природу харизматических лидеров, их способность манипулировать массами. Тард подчеркивает роль подражания и внушения, показывая, как идеи лидеров находят отклик. Адорно раскрывает психологическую подоплеку авторитарной личности, связывая внутренние конфликты с тягой к власти. Эти идеи актуальны в современном мире, где технологии усиливают влияние лидеров. Труды авторов служат предостережением, напоминая о рисках слепой веры и необходимости понимания природы власти для построения устойчивого общества.*

Ключевые слова: *вождь, вождизм, массы, народ, толпа.*

Для цитирования: Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. *Г. Лебон, Г. Тард и Т. Адорно о религиозно-психологической природе вождизма / У. А. Кашапов, Т. Ф. Сулейманов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 192–197.*

Original paper

G. LEBON, G. TARD AND T. ADORNO ON THE RELIGIOUS-PSYCHOLOGICAL NATURE OF LEADERSHIP

Kashapov Ural Abubakirovich
Federal State Professional Educational Institution № 145, Ufa, Russian Federation

Suleymanov Timur Fuatovich
Ufa Diocese of the Bashkortostan Metropolitanate of the Russian Orthodox Church, Ufa, Russian Federation

Introduction: *despite their differences, the ideas of Le Bon, Tarde, and Adorno remain an important tool for understanding the complex processes unfolding in society. Their works remind us that leaderism and authoritarianism are not simply historical phenomena, but pressing challenges facing humanity today. In a context where information technology strengthens the influence of leaders and mass consciousness becomes increasingly susceptible to manipulation, their work takes on particular significance.*

Materials and methods: *the works of Le Bon, Tarde, and Adorno, analyzed in this article, remind us that freedom and democracy require constant effort, and that awareness and critical thinking are not a luxury but a necessity. Results: By understanding the underlying mechanisms of power and their impact on society, as provided by the works of Le Bon, Tarde, and Adorno, we can avoid repeating mistakes and build a future based on reason, not blind faith.*

Findings and conclusions: *the works of G. Le Bon, G. Tarde, and T. Adorno are united by their desire to uncover the mechanisms of leaderism and its impact on society. Le Bon emphasizes the irrational nature of charismatic leaders and their ability to manipulate the masses. Tarde emphasizes the role of imitation and indoctrination, demonstrating how leaders' ideas resonate. Adorno reveals the psychological underpinnings of the authoritarian personality, linking internal conflicts with the desire for power. These ideas are relevant in the modern world, where technology enhances the influence of leaders. The authors' works serve as a cautionary tale, reminding us of the risks of blind faith and the need to understand the nature of power to build a sustainable society.*

Keywords: *leader, leaderism, masses, people, crowd.*

For citation: Kashapov U. A., Suleymanov T. F. *G. Lebon, G. Tard and T. Adorno on the religious-psychological nature of leadership / U. A. Kashapov, T. F. Suleymanov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 192–197.*

Психоаналитическая концепция вождизма, представленная в работе известного специалиста по социальной психологии и социологии Г. Лебона «Психология социализма», вызывает несомненный интерес не только на уровне академического анализа, но и на уровне массового сознания (отметим тот факт, что во втором издании его работы от 1908 г. в Петербурге его фамилия была прописана Ле Бон, что более точно, т. к. это аристократическая фамилия с префиксом. – Прим. авт.). В названной работе он обращается к тем, кого называли апостолами или проповедниками нового общественного устройства – социализма, их вождям. Они владеют, по его мнению, мастерством убеждения, искусством одновременно утонченным и простым, законам которого невозможно научиться ни в каких книгах. Они понимают, что толпа не терпит сомнений, что она воспринимает лишь крайние эмоции: решительное утверждение или столь же категоричное отрицание, пылкую любовь или яростную ненависть… Они знают, как пробудить и усилить эти чувства [4, с. 89].

Он считает, что названные им проповедники (апостолы, подобные тем, что были учениками Иисуса Христа) являются теми, кто распространяет идею среди широких масс, они не просто убеждены в правоте идеи, но и следуют ей подобно религиозному учению, которое истинно, принимается на веру, т. е. на уровне религиозного инстинкта, и в этой части писал, что они распространялись благодаря усилиям особой группы преданных проповедников, известных как апостолы. Обычно такие личности вырастают среди тех, кто имеет религиозный инстинкт, проявляющийся в желании подчиняться какому-либо божеству или символу веры и жертвовать собой ради преобладания объекта своего поклонения. Религиозный инстинкт, являясь бессознательным импульсом, сохраняется даже тогда, когда сама вера, служившая его основой, исчезает [4, с. 90].

При этом эти апостолы имеют общее для них качество, согласно общему психологическому закону, по которому «нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить»[4, с. 90]. И это, как известно, было неотъемлемой чертой вождей XX в., о которых мы упоминали. Такие проповедники представляют собой примитивные и мистически настроенные умы, совершенно неспособные к логическому мышлению, поглощенные религиозным чувством, которое подавило в них всякую способность к размышлению. Они действительно представляют огромную опасность, и общество, стремящееся избежать разрушения, должно прилагать усилия для их изоляции. Однако их психическое состояние скорее относится к компетенции психиатра, нежели криминалиста [4, с. 94].

Еще одно существенное различие, по его мнению, состоит в том, что эти апостолы и пророки, выступающие в роли вождей, чаще всего происходят из обширного круга дегенеративных семей. Люди с наследственными недугами, будь то физические или умственные, часто оказываются в низших социальных слоях, выбраться из которых практически невозможно [4, с. 95].

Они, будучи ущемленными в рамках существующего социального устройства, охотно выступают за его уничтожение, полагая, что в новых социальных условиях (после революции – победившего социализма, национал-социализма. – Прим. авт.) они будут иметь более высокий социальный статус, который обеспечит им властвование над массами. Подобного рода апостолы, пророки – вожди, по его мнению, всегда востребованы, т. к. «народу всегда нужны какие-нибудь кумиры, воплощающие его мечты, желания и ненависти» [4, с. 96].

Лебон акцентирует внимание на том, что идеи, пропагандируемые новоявленными апостолами и пророками, далеко не всегда доступны для понимания обычных людей [4, с. 95]. Совершено очевидно, что, исследуя психологию социализма, Г. Лебон делает акцент на том, что сама идея носит религиозный характер (даже имея политическое содержание. – Прим. авт.), а апостолы – вожди, распространяющие ее, апеллируют к религиозным чувствам массы, для которой свойственно, что ее «убеждения …стремятся всегда принять религиозную форму. Толпа не способна ни к критике, ни к скептицизму. Символ веры, политический, религиозный или социальный, принятый толпою, усваивается ею и всегда усердно чтится без рассуждений»[4, с. 86].

Не менее значимым фактором является то, что человечество на протяжении всей своей истории не могло существовать без верований. Религиозное чувство, или потребность подчиняться той или иной вере, будь она божественной, политической или социальной, представляет собой один из наиболее силь-

ных и непреодолимых инстинктов. Человеку необходимо верить, чтобы автоматически направлять свою жизнь, избегая усилий, связанных с глубокими размышлениями и самостоятельным выбором[4, с. 87].

Анализируя религиозные убеждения, он также отмечает, что их уникальная особенность, недоступная разуму, заключается в поразительной способности объединять совершенно несвязанные вещи, превращать явные заблуждения в бесспорные истины, подчинять людей, овладевая их сердцами, и в конечном итоге изменять цивилизации и государства. Эти верования не подчиняются законам логики, но при этом оказывают решающее влияние на ход истории [4, с. 88–89].

В другой своей работе «Психология народов и масс», Лебон дополняет психологическую характеристику вождей, которые вначале выступают в качестве вожаков. Он акцентирует внимание на том, что лидер изначально остается частью толпы, но сохраняет самообладание, утраченное остальными её участниками. Его воля становится центром, вокруг которого формируются и объединяются общие взгляды. Лидер выступает как первый элемент организации неоднородной массы и закладывает основы для создания внутри неё отдельных групп или сект [5, с. 239–240]. Этот вожак, будучи частью толпы, как правило, не теряет своей силы воли, как те, кто оказался в ней, и, люди «инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил» [5, с. 240].

Эти люди, как правило, не отличаются особыми интеллектуальными данными – «обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей»[5, с. 240], но обладают таким качеством как готовность действовать, т.к. «это люди действия»[5, с. 240]. Они также не относятся к тем, кого принято называть проницательными, так как «проницательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию»[5, с. 240]. Размышляя о психологической сущности лидера, он подчеркивает, что зачастую такие люди оказываются психически неустойчивыми, находящимися на грани помешательства, почти безумными… Интенсивность их собственной убежденности придает их речам огромную силу воздействия на окружающих [5, с. 240].

Он акцентирует внимание на том, что основная задача всех выдающихся лидеров заключается в создании веры – будь то вера религиозная, политическая, социальная или преданность какому-либо делу, личности или идее. Именно этим объясняется их огромное влияние. Среди всех сил, доступных человечеству, вера всегда оставалась наиболее мощной. Не случайно в Евангелии сказано, что вера способна двигать горы. Наделить человека верой – значит увеличить его возможности в десять раз [5, с. 241].

Характеризуя власть вожаков, он отмечает ее деспотичность, но «именно этот деспотизм и заставляет ей подчиняться» [5, с. 242]. Он делит их на две группы. Первую, по его мнению, составляют активные личности с мощной, но кратковременной волей; вторую – более редкие вожаки, отличающиеся не только сильной, но и устойчивой волей [5, с. 242]. Они, как правило, отличаются смелостью, энергичностью и отвагой; особенно хорошо они подходят для рискованных и дерзких начинаний, способны увлечь за собой массы, невзирая на опасность, и превратить вчерашних новобранцев в настоящих героев. Именно такими были, к примеру, Ней и Мюрат в эпоху Первой империи [5, с. 243]. Вторая группа лидеров, отличающихся непоколебимой волей, не выделяется ярким блеском, однако имеет несравненно большее значение. Именно к этой категории относятся подлинные создатели религий и авторы великих свершений: святой Павел, Магомет, Христофор Колумб, Лессепс. Независимо от того, были ли они мудры или ограничены, мир всегда останется в их власти [5, с. 243].

Лебон, исследуя методы влияния лидеров на массы для принятия определенных социальных установок, подчеркивает, что для того, чтобы идеи или убеждения, такие как современные социальные теории, глубоко проникли в сознание толпы, используются иные подходы. Основными из них являются утверждение, повторение и заражение [5, с. 245].

Он отмечает, что лидеру, стремящемуся влиять на общество, важно в первую очередь опираться на эмоционально-чувственную составляющую, поскольку массы редко реагируют на логические доводы, но глубоко воспринимают образы, возникающие благодаря определенным словам и их ассоциациям [3, с. 145].

Вслед за Г. Лебоном обратимся к идеям Г. Тарда, французского социолога и криминолога, одного из основоположников социальной психологии. Он утверждал, что «общество в конечном счете основано на подражании» («lasociété, c'estl'imitation»). Свое видение природы вождизма он отразил в работе «Общественное мнение и толпа» в разделе «Толпы и преступные секты». На его взгляд, приход к власти вождя обусловлен тем, что в историческом развитии того или иного государства наступает такой период, когда появляется необходимость в единоличном управлении «в форме ли республиканской, или монархической, или с парламентской окраской» [6, с. 147], когда вождь берет на себя эту функцию, вот тогда и наступает «ответственность вождей в действиях, совершенных группами, которыми руководят эти вожди» [6, с. 147]. Он уточняет, что вожак, который впоследствии становится вождем, несет ответственность за то внушение, которое исходило от него, но отнюдь не за масштаб, которое оно получило.

Тард обращает внимание на то, что возлагать всю ответственность за преступления, совершенные толпой в состоянии крайнего возбуждения, на ее лидера было бы настолько же неправильно, как и признавать за ним все лавры за великие патриотические поступки и акты самоотверженности, спровоцированные тем же состоянием. Руководителей толпы или бунтовщиков можно привлекать к ответственности за продуманную хитрость и умение, проявленные толпой во время убийств, грабежей и поджогов, однако

они не всегда виноваты в ярости и масштабах разрушений, вызванных заразительной преступностью толпы [6, с. 148]. На его взгляд, вождь – это один из немногих, кем овладела идея и которую он затем транслировал всем тем, кто его окружал.

Как он отмечает, идея подбирает людей из числа тех, кого уже подготовили другие идеи к ее восприятию. По сути, идея не только выбирает, но и формирует людей для себя, подобно тому как душа – или, если предпочитаете, оплодотворенный эмбрион – создает себе тело. Более того, она укореняется и постепенно расширяет свои корни в почве, которая была заранее подготовлена для нее. От первого человека, который ее постиг, идея, благодаря подражательной восприимчивости, переходит сначала к одному новообращенному, затем к двум, трем, десяти, ста, тысяче [6, с. 187].

Для вождя свойственно осуществлять свое влияние через внушение, впечатление. И здесь, на его взгляд, существует два способа распространения своего влияния. Во-первых, влияние может ощущаться и вблизи, и на расстоянии, что является важным отличием. На расстоянии действует такой эффект, который в непосредственной близости либо не вызвал бы никакого отклика, либо спровоцировал совершенно другую реакцию, чего никогда не случается при настоящем гипнозе. Поэтому не стоит чересчур ассоциировать данное явление с гипнотическими эффектами. Во-вторых, способность одного человека управлять другими, независимо от дистанции, может быть обусловлена либо выдающейся силой воли, даже если интеллект обычный, либо замечательной проницательностью мышления или убеждениями, даже если характер слаб. Эта способность также может основываться на непреклонной гордости или уверенности в себе, что превращает человека в преданного приверженца своей идеи, или же на богатом воображении [6, с. 188–189].

Согласно мнению автора, лидер проявляет свою природу через взаимодействие с конкретной группой или организацией, часто политического толка, такой как партия, которую он частично формирует и направляет, будь то открыто или тайно. В случае толпы такой лидер зачастую остается незаметным, однако в корпоративной среде его роль быстро определяется. Как только люди начинают переживать общие эмоции, воодушевляются и стремятся к единой цели, можно утверждать, что один или несколько лидеров, из которых один наиболее активен, вдохнули в эту массу свою энергию, которая превратилась во что-то внушительное, искаженное и даже пугающее. Более того, сам лидер часто оказывается первым, кого поражает и ужасает ситуация [6, с. 151–152].

В отношении трепета, которым проникается толпа, пишет: «По-моему следует признать, что в моменте, когда трепет мистического восторга пробегает по толпе, неверующий воспринимает частицу его, и сердце его проникается мимолетной верой» [6, с. 172]. Из чего следует, что элемент мистический, как известно, носит сугубо религиозный характер, и, следовательно, преклонение перед вождем имеет исключительно религиозную окраску.

В своей работе «Преступления толпы», анализируя воздействие лидера (а впоследствии вождя) на массы, он отмечает, что именно такие фигуры пробуждают разрушительную энергию, которая, подобно грозному удаву, сжимает своими кольцами обезличенные и порабощенные человеческие души. Своей сущностью они вдыхают жизнь в эту силу и формируют ее по своему образу и подобию [7, с. 387].

Продолжая рассуждения о природе вождизма, Тард, анализируя пример преступного сообщества, также подчеркнул, что если разобраться в том, почему одни группы изначально создаются для преступной деятельности, а другие постепенно в нее втягиваются, станет ясно, что причины этого одинаковы и носят психологический и социальный характер. Когда мы говорим об одном человеке, совершившем преступление, его действия полностью сосредоточены на нем самом. Это кардинальное отличие от преступных групп, где люди делят между собой обязанности, а настоящие организаторы и вдохновители никогда не занимаются выполнением преступления напрямую. Это различие можно сравнить с различием между мелкими и крупными предприятиями: в малом бизнесе мастер сам является и владельцем, и работником, контролируя себя; тогда как в крупном бизнесе владелец и рабочий – это две отдельные роли, что является общеизвестным фактом [7, с. 387].

Стоит отметить его размышления о внушении, применяемом лидером, и в этой части он с точки зрения психологии точно раскрывает причины его эффективности. Прежде всего, как он подчеркивает, наиболее заразительные чувства и идеи, как правило, обладают наибольшей мощью. Аналогично тому, как среди колоколов громче звучат не те, которые лучше или правильнее, а большие, чьи звуки распространяются дальше. Учитывая, что в толпе удовольствие от критики обычно сильнее, чем от восхищения, чувство самосохранения перевешивает чувство долга, свистков слышно больше, чем криков «браво», и паника охватывает массу быстрее, чем храбрость [6, с. 159–160]. В работе «Трансформация власти» он дополняет, что подчинение масс вождю имеет под собой еще и иную психологическую основу, суть которой такова: люди склонны подчиняться тому, кого они считают наиболее способным защитить ценности, которые они хотят сохранить, и управлять ими ради достижения тех благ, к которым они больше всего стремятся [2, с. 97].

Профессор социологии Туринского университета М. Борланди, обращаясь к теоретическому наследию Тарда, очень точно подметил тот факт, что в природе вождизма психологическая основа взаимосвязана в религиозной, т. е. с «верой в способность управляющих удовлетворять желания управляемых» [2, с. 97], а она в свою очередь

скрывает другую веру. Обычно, действительно, мы придерживаемся определенных ценностей. Мы также убеждены, что некто воплощает эти ценности лучше всего, и лишь после того, как мы признаем этого человека носителем и хранителем этих идеалов, начинаем верить в его способности [2, с. 97].

Мысль о том, что люди верят тем, кто ими лучше управляет, выскажет и один из вождей III Рейха, главный нацистский пропагандист д-р П.И. Геббельс в своем романе «Михаэль», где будет сказано: «Люди хотят только одного: чтобы ими прилично управляли» [8, с. 229]. А в отношении вождей и массы он (Геббельс) выскажет, что это отношение «не больше чем камень для скульптора. Вождь и массы – это не большая проблема, чем художник и краски» [8, с. 229].

Интерес представляет психоаналитический подход Т. Адорно к изучению феномена вождизма, изложенный в его труде «Исследование авторитарной личности». Уже из названия работы становится ясно, что автор приписывает вождю черты авторитарного типа личности, что, безусловно, отражает реальность. Анализируя склонность людей подчиняться вождю, Т. Адорно связывает это с особенностями человеческого характера. По его мнению, характер представляет собой совокупность внутренних сил, которые не сводятся к реакциям, а скорее являются потенциальной возможностью для их возникновения [1, с. 19].

Как мы уже отметили выше, вождизм предполагает слепое повиновение, исключающее какие-либо сомнения, оно Адорно названо авторитарным, крайне необходимо для вождя, это непременное условие его бытия, чтобы человек твердо верил «в стоящую над ним сверхъестественную силу, которой он полностью подчинен и чьи решения он не ставит под сомнение» [1, с. 55].

Подчинение авторитарному режиму, проявляющееся в безоговорочном следовании воле руководителя, часто становится способом справиться с внутренними конфликтами по отношению к тем, кто находится у власти. «Авторитарную агрессию» можно рассматривать как садистский аспект авторитаризма, тогда как «авторитарное раболепие» отражает его мазохистскую сторону [1, с. 56]. Мы видим, что в данном раболепии заключено два элемента – садистский и мазохистский.

Авторитарные личности часто резко осуждают окружающих, используя мораль в качестве оправдания, и это может объясняться не только стремлением осудить, но и поиском предполагаемой аморальности, даже если она объективно не существует. Такой подход также служит механизмом защиты, помогающим справляться с собственными подавленными желаниями. Авторитарная личность, словно уговаривая себя, говорит: «Это не я заслуживаю наказания, а он». Иными словами, человек проецирует свои неприемлемые для него импульсы на других, чтобы затем осудить то, что видит [1, с. 57–58]. Можно предположить, что и лидер, и его последователи занимают значимые позиции в этой системе, т. к. настоящая роль индивида, по-видимому, менее важна для него, чем сам интерес в поддержании отношений «лидер – последователи» как таковых [1, с. 61–62].

По убеждению Т. Адорно, вождь – антидемократический индивид, представляет собой сгусток агрессии, т. е. носит в себе сильные агрессивные импульсы, которые явились следствием «бесчисленных ограничений, налагаемых на него извне» [1, с. 63], и находит выход – отдушину «в вытеснении – переносе этой агрессии на группы чужаков, что приводит к моральному пренебрежению и авторитарной агрессии по отношению к ним» [1, с. 63]. Он регулярно переносит свои скрытые побуждения на окружающих, чтобы впоследствии обвинить именно их. Таким образом, проекция становится инструментом, позволяющим держать «его» инстинкты на расстоянии от собственного «Я». Это можно воспринимать как слабость личности, которая не способна справляться со своими задачами [1, с. 64], т. е. своеобразный способ психологической защиты или нейтрализации. Утверждению и упрочению власти вождя способствовало «политическое незнание (или политическая неграмотность)», которая в основном определялась «тем, что знание в политике, как правило, непригодно для достижения индивидуальных целей, а с другой стороны, не помогает личности уйти от действительности» [1, с. 171].

Таким образом, работы Г. Лебона, Г. Тарда и Т. Адорно, несмотря на различия в подходах, объединяет стремление раскрыть глубинные механизмы вождизма и его влияние на общество. Лебон акцентирует внимание на иррациональной природе харизматических лидеров, их способности манипулировать массами и пробуждать крайние эмоции. Тард, в свою очередь, подчеркивает роль подражания и внушения, показывая, как идеи, транслируемые лидерами, находят отклик в умах, готовых к их восприятию. Адорно же раскрывает психологическую подоплеку авторитарной личности, демонстрируя, как внутренние конфликты и подавленные импульсы формируют стремление к власти и подчинению.

Эти идеи остаются актуальными и в современном мире, где массовое сознание продолжает искать новых кумиров, а информационные технологии усиливают влияние лидеров и идей. Лебон, Тард и Адорно напоминают нам, что слепая вера в идеи и их носителей может привести к катастрофическим последствиям, а понимание природы власти требует не только политического, но и психологического анализа.

В конечном счете их труды служат не только инструментом для осмысления прошлого, но и предостережением для будущего. Они заставляют задуматься о том, как избежать повторения ошибок, которые уже не раз приводили человечество к краю пропасти. Осознание механизмов вождизма и авторитаризма становится ключом к построению более устойчивого и осознанного общества, способного противостоять манипуляциям и сохранять критическое мышление в эпоху постоянных перемен.

Список источников

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В.П. Култыгина. М., 2001.
2. Борланди М. Социология власти Габриэля Тарда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, Л.Ю. Спиридоновой // Социологический журнал. 2008. № 2.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2008.
4. Лебон Г. Психология социализма / пер. с фр. 5-го издания и предисл. его к русскому изд., 2-е изд. СПб., 1908.
5. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э.Пименовой, А Фридмана. М., 2017.
6. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. под ред. П.С. Когана. М., 1902.
7. Тард Г. Преступления толпы / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2009.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. М., 2006.

Reference

1. Adorno T. The Study of the Authoritarian Personality / edited by V.P. Kultygin. Moscow, 2001.
2. Borlandi M. Gabriel Tarde's Sociology of Power / translated from French by A.B. Goffman, L.Yu. Spiridonova // Sociological Journal. 2008. № 2.
3. Kara-Murza S.G. Manipulation of Consciousness. Moscow, 2008.
4. Le Bon G. The Psychology of Socialism / translated from French by the 5th edition and its preface to the Russian edition, 2nd edition, St. Petersburg, 1908.
5. Le Bon G. The Psychology of Peoples and the Masses / translated from French by E. Pimenova, A. Friedman. Moscow, 2017.
6. Tarde, G. Public Opinion and the Crowd / translated from French, edited by P.S. Kogan. Moscow, 1902.
7. Tarde, G. Crowd Crimes / compiled and foreword by V.S. Ovchinsky. Moscow, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашапов Урал Абубакирович, *кандидат исторических наук, преподаватель. Федеральное казенное профессиональное образовательное учреждение № 145. 450069, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Советов, 54.*

Сулейманов Тимур Фуатович, *кандидат философских наук, доцент, заместитель руководителя Комиссии по канонизации святых. Уфимская епархия Башкортостанской митрополии РПЦ МП. 450077, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Коммунистическая, 50/2.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kashapov Ural Abubakirovich, *PhD in History, lecturer. Federal State Professional Educational Institution № 145. 54, Sovetov St., Ufa 450069 Russian Federation.*

Suleimanov Timur Fuatovich, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Head of the Commission for the Canonization of Saints. Ufa Diocese of the Bashkortostan Metropolitanate of the Russian Orthodox Church. 50/2, Kommunisticheskaya St., Ufa 450077 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 198–203.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 198–203.

Научная статья
УДК 101.8:321.1:349.6

ИДЕЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТМАЙДАННОЙ УКРАИНЕ. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА УКРАИНЕ В 1991–2000-Х ГОДАХ (I ЧАСТЬ)

Килимник Евгений Витальевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация,
kilimnik_06@mail.ru.

Введение: *целью исследования является анализ формирования идеологии этнонационализма в Украине в 1991 – 2000-х гг., зарождения неонационалистических представлений в постсоветском украинском обществе; исследование националистических организаций и их ценностных установок; выявление опасности распространения националистической идеологии для государственной безопасности Российской Федерации.*

Материалы м методы: *теоретико-методологическим фундаментом исследования стали общенаучные методы анализа и синтеза, дедукция и индукция, в работе был использован политико-правовой и ценностно-ориентированный подходы в анализе выступлений, документов и материалов, представляющих полноту взглядов украинских радикалов и деятелей УГКЦ в 1991 – 2013/14 гг. В статье на основе политико-философского подхода рассмотрены идейные концепции современного украинского этнонационализма, явившиеся логическим продолжением идеологии ОУН-УПА 1920–1950-х гг.*

Результаты исследования: *определено, что идеологической основой современных украинских этнонационалистов послужили идеи «крови и почвы», разработанные в 1920 – 1930 гг. Дмитро Донцовым, Ярославом Стецько и Степаном Бандерой, которые стали идеологической основой западноукраинских националистов в 1930 – 1950-х гг.*

Выводы и заключения: *установлено, что идейная концепция украинских этнонационалистов основывается на создании Украины как «великой Восточно-европейской империи», включающей в свой состав юго-западные области Российской Федерации, Брестскую область Белоруссии, юго-восточные земли Польши. Выявлено, что зарождающиеся неонационалистические организации Украины в своей деятельности задействовали методы и тактику, бывшие на вооружении Украинской повстанческой армии (УПА) в 1944 – 1950-х гг. Установлены факторы роста неонационализма в украинском обществе, что было во многом обусловлено участием и поддержкой националистов сепаратистов Северного Кавказа. Определены неонационалистические, радикальные и церковные структуры Украины, популяризирующие праворадикальные идеи в украинском социуме.*

Ключевые слова: *идеология, традиции, радикализм, структуры, ОУН-УПА, УНА-УНСО, «Правый сектор», «Азов», «Конгресс националистов Украины», концепция, этнонационализм, претензии, Российская Федерация, национальная безопасность.*

Для цитирования: Килимник Е. В. *Идейные особенности этнонационализма в постмайданной Украине. Формирование националистических взглядов на Украине в 1991–2000-х годах (I часть) / Е. В. Килимник // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 198–203.*

Original paper

IDEOLOGICAL FEATURES OF ETHNO-NATIONALISM IN POST-MAIDAN UKRAINE. THE FORMATION OF NATIONALIST VIEWS IN UKRAINE IN THE 1991–2000S (PART I)

Kilimnik Evgeniy Vitalyevich
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: *the purpose of this study is to analyze the formation of ethnonationalist ideology in Ukraine from 1991 to 2000, and the emergence of neo-nationalist ideas in post-Soviet Ukrainian society; to study nationalist organizations and their value systems; and to identify the danger posed by the spread of nationalist ideology to the national security of the Russian Federation.*

Materials and methods: *the theoretical and methodological foundation of the study is based on general scientific methods of analysis and synthesis, deduction and induction. The work utilizes political-legal and value-oriented approaches in analyzing speeches, documents, and materials representing the full range of*

views of Ukrainian radicals and UGCC activists from 1991 to 2013/14. Using a political-philosophical approach, this article examines the ideological concepts of modern Ukrainian ethnonationalism, which are a logical continuation of the OUN-UPA ideology of the 1920s-1950s.

Results of the study: *it was determined that the ideological foundation of modern Ukrainian ethnonationalists was the «blood and soil» ideas developed in the 1920s and 1930s by Dmytro Dontsov, Yaroslav Stetsko, and Stepan Bandera, which became the ideological foundation of Western Ukrainian nationalists in the 1930s and 1950s.*

Findings and conclusions: *it was established that the ideological concept of Ukrainian ethnonationalists is based on the creation of Ukraine as a «great Eastern European empire» encompassing the southwestern regions of the Russian Federation, the Brest region of Belarus, and the southeastern lands of Poland. It was revealed that nascent neo-nationalist organizations in Ukraine employed methods and tactics employed by the Ukrainian Insurgent Army (UPA) from 1944 to 1950. The factors driving the growth of neo-nationalism in Ukrainian society are identified, largely due to the participation and support of North Caucasus nationalist separatists. Neo-nationalist, radical, and church structures in Ukraine that popularize right-wing radical ideas in Ukrainian society are identified.*

Keywords: *ideology, traditions, radicalism, structures, OUN-UPA, UNA-UNSO, Right Sector, Azov, Congress of Nationalists of Ukraine, concept, ethno-nationalism, claims, Russian Federation, national security.*

For citation: Kilimnik E. V. *Ideological features of ethno-nationalism in Post-Maidan Ukraine. The formation of nationalist views in Ukraine in the 1991–2000s (Part I) / E. V. Kilimnik // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 198–203.*

Возвращение национальных культурно-исторических ценностей переживалось постсоциалистической Украиной с начала 1990-х гг. В украинском обществе в 1990-е гг. доминировал поиск жизнеспособных национальных образов истории через во многом историческое наследие реанимированных идей ОУН-УПА, когда националистическую идеологию «подземного схрона УПА» под влиянием лоббирования галицийско-канадской эмиграции и местных западно-украинских националистов (О. Тягнибок, И.Фарион, Д. Корчинский, Д. Ярош и пр.) попытались натянуть на всю поликультурную и поликонфессиональную территорию и население многонациональной Украины под предлогом, что этот культурно-политический феномен долго сдерживался советским периодом. Наступило время самопознания, самоисследования и самоописания [1, с. 268].

Правоэкстремистские взгляды прочно вошли в политический мейнстрим Украины, вступившей в свою постмайданновскую эпоху. Актуальность исследования во многом продиктована современной политической ситуацией, возникшей в Украине, начиная с весны 2014 г., как события Евромайдана в Киеве, который был спровоцирован в ноябре 2013 г. из-за того, что правительство, окружавшее тогдашнего президента В. Януковича, не подписало Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, как и было обещано. Приход к власти в постмайданном Киеве националистических сил сделал политику и идеологию этнонационализма ключевыми факторами в отношениях с Российской Федерацией, а также с русскоговорящим населением в самой Украине.

Предложенный радикально мыслящими политиками, ставшими у руководства страны, этнонационалистический дискурс вызвал ожесточенную конфронтацию в украинском обществе, повлекшую за собой трагические Одесские события: сожжение одесских граждан ультранационалистами в Доме профсоюзов, а также предпринятая Киевским руководством военная «антитеррористическая операция» (далее – АТО) в регионах юго-востока Украины, продолжавшаяся вплоть до начала российской специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г. Политический кризис в Украине, боевые действия на юго-востоке, возвращение ветеранов-националистов АТО в города и поселки республики – все эти события привели к радикализации украинского социума, особенно молодежной среды и представителей среднего возраста. Усилению и образцом для подражания праворадикальных элементов послужили украинские националисты и реанимация националистических идей ОУН-УПА 20–50-х гг. прошлого века. В результате Бандера и Шухевич стали символическими фигурами и знаменем национализма в Украине. Они были одними из ведущих лидеров Организации украинских националистов (далее – ОУН), которая вела политическую и вооруженную борьбу за государственное построение национально и этнически оформленной Западной Украины с 1930–1950-х гг.

Организация территориальных добровольческих националистических батальонов, действовавших против ополченцев Донбасса и Луганска, привела в итоге к их политизации и созданию политического движения «Азов», руководитель которого А. Билецкий в 2016 г. открыто провозгласил политическую доктрину создания «великої Української імперії від Сену до Кавказу» в том числе за счет юго-западных областей Российской Федерации (Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области и Краснодарский край) [2]. Подобные территориальные притязания несут угрозу целостности Российской Федерации и заставляют внимательно относиться к происходящему в сопредельном государстве с целью предупреждения опасности, идущей из-за рубежа.

Военно-политическое партийное образование «Национальный корпус» А. Билецкого сегодня объединяет ультраправых Украины, считая свое политическое движение правопреемником Украинской повстанческой армии (далее – УПА). Так, А. Билецкий ссылается на образцы для подражания 40-х гг.: Р. Шухевича, бывшего главнокомандующего УПА, а также на С. Бандеру, главу ОУН. Эта радикальная партия обладает сегодня широкой базой мобилизованных и идеологически мотивированных сторонников, считающих себя украинскими патриотами. Ее политическая программа выглядит фактически, как концепция украинского синтетического национализма («Национализм» или «Катехизис украинского националиста»), созданного в конце 1920–1930-х гг. Д. Донцовым [3, с. 2–3], только приспособлена она с учетом интересов современного среднестатистического украинца. Это означает построение сильного авторитарного милитаризованного украинского государства – третьей империи (после «Скифской» и «Киевской»), которое должно стать региональным геополитическим лидером в Восточной Европе (от реки Сан до Кавказа включительно), включающим в себя все регионы юго-западной России, что привлекает ультранационалистов и сторонников «сильной руки» в условиях продолжающегося кризиса украинской экономики и ведения СВО. В рамках формирования национального государства для Билецкого истинный украинец – это не столько язык или понимание государства, сколько этническое происхождение.

В экономической сфере политика А. Билецкого несет корпоративизм и протекционизм, в культуре – консерватизм с элементами сельских традиций (культ языка, национальной одежды – «вышиванки»).

Другие крайне правые и национал-патриотические группировки в Украине, которые классифицируются как националистические, правоконсервативные или ультраправые, среди которых, например, активно действуют «Правый сектор», «Традиции и порядок», «С14 / Общество будущего», «Катехон», «Сестричество святой Ольги» или «Центурия». Усилившись с приходом к власти В. Ющенко (2005–2010 гг.), они организовывали демонстрации, марши с факелами и привлекали к себе внимание праворадикальными лозунгами и насильственными действиями. Радикалы правого толка и правительство согласны в одном: и те, и другие видят себя в традициях украинских националистов 40-х гг. XX столетия. Как общая нить, прославление ОУН и ее военного подразделения УПА проходит через действия правящей политики и правых радикалов.

Ренессансу развития ультранационалистических праворадикальных взглядов в Украине предшествовал март 1985 г., когда замедливший свое развитие Советский Союз возглавил новый генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев. Общество его восприняло, возможно, как надежду, которая может реорганизовать государство и вдохнуть новую жизнь (как многие ожидали), сохранив всю архитектуру, но модернизируя ее сущность. Украинское население приветствовало идеи М. Горбачева, родиной которого был Ставрополь, что уже должно было дать ему понять, что возникло затруднительное положение с советским сельским хозяйством в экономике страны. Однако новый генеральный секретарь Советской компартии поставил идеологическую либерализацию впереди экономических реформ, будучи искренне убежденным в существовании «советской идентичности», свободной от этнических и культурных национальных особенностей, что уже характеризовало М. Горбачева как руководителя с определенной стороны. Его глубокая неспособность идентифицировать быстро распространяющиеся проблемы в стране повлияла и на украинское общество. Более того, его неэффективные и противоречивые экономические реформы в конечном итоге стали причиной экономического кризиса 1990–1991 гг., что (наряду с внешними факторами) привело впоследствии к инфляции и резкому снижению уровня жизни. Эти обстоятельства способствовали в итоге катастрофическому распаду СССР, на который также повлияли вовремя не остановленные в центре центробежные силы в республиках.

К тому времени политические силы, в том числе и антигосударственного толка, получившие опыт активного участия в различных правозащитных движениях, осознали, что Украина достигла рубежа своего прежнего исторического пути развития. Они остро нуждались в новой идеологии, которую можно было бы использовать в качестве основы для будущих идейных разработок. Это сопровождалось появлением (время от времени спонтанных) ранних националистических организаций, например, «Конгресс украинских националистов» (КУН), УНА-УНСО, «Украинский Пласт», «Народное движение Украины», «Спадщина» («Наследие») и многие другие. Эти процессы получили активную поддержку канадско-западноукраинской диаспоры за рубежом, что обеспечило зарождающееся националистическое движение интеллектуальным багажом и подготовило набор идеологических парадигм, которые будут использоваться для создания новой украинской идентичности, основанной на искаженной и фальсифицированной версии ее исторического прошлого.

Прежде всего, новые идеологические концепции приветствовали действия националистов ОУН-УПА и оправдывали их преступления, совершенные против евреев, поляков и даже их соотечественников – украинцев, от имени их «повстанческой войны», шедшей как якобы против нацистов, так и против Украинской советской власти. Однако следует отметить, что эта задача значительно облегчилась благодаря тому факту, что советская историография часто чрезмерно упрощала (игнорируя важные периоды) историю Украины, создавая таким образом подчас идеологический вакуум, который был легко заполнен этим новым идейным содержанием, опиравшимся исторически на идеологию ОУН.

В этот период времени лидерам развивающегося неонационалистического движения необходимо было приобретение международного веса и практического опыта, т. е. обретение важной составляющей – стать мощной силой на внутренней арене политической жизни. Такой подход требовал новой тактики и модели поведения. В первую очередь они были связаны с активной международной деятельностью. Непосредственным последствием распада Советского Союза стала серия ожесточенных конфликтов, бушевавших на территории бывших советских республик (Карабах, Баку, Ферганская долина). В конечном итоге Приднестровье, Кавказ, Средняя Азия, как результат распада Советского Союза, оставили кровавый след межнациональных конфликтов и сепаратистских движений. В рамках этого следует отметить, что одной из сил, наиболее активно участвовавших в этих конфликтах, были украинские ультранационалисты, особенно члены УНА-УНСО (Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона) [4]. Можно утверждать, что основными факторами украинского участия в этих конфликтах стали идеология и финансовая составляющая.

С идеологической точки зрения следует отметить, что крайне правые украинские неонационалисты к этому времени приняли идеологическую доктрину и выдвинули аргументы, что историческими лидерами украинского националистического движения являются С. Бандера, Д. Лебедь, О. Стецко, Д. Донцов и пр. В отношении идеолога Донцова следует сказать, что этнонационалисты приняли сознательно искаженный вариант философско-политического дискурса последнего об украинском национализме и социал-дарвинизме. Что еще более важно, зарождающиеся украинские ультранационалистические организации восприняли методы и тактику, которые раньше были на практике использованы УПА во время Второй мировой войны и в послевоенное время, которые представляли собой уголовные преступления против гражданского населения, являясь прямым нарушением основных норм закона, гуманности и общепринятых моральных устоев, что было ярко продемонстрировано в ходе событий так называемой этнической чистки: «Волынская резня» (1943–1944 гг.), которая до сих пор вызывает тяжелые воспоминания у польского и еврейского населения, проживающих в западных регионах Украины и Польши.

Следуя по стопам своих идеологических предшественников, новое поколение украинских ультраправых националистов разработало теорию «вечной войны» против Российской Федерации. После событий Майдана 2014 г. Россия воспринимается ими как главное препятствие на пути создания полностью консолидированного проевропейского украинского национального государства. С другой стороны, идеологическое руководство, например, УНА-УНСО не скрывало опасений, что русские в конечном итоге восстановят свои «сферы влияния» на Украине, поэтому с их стороны пошла прямая военно-политическая эскалация напряженности в пророссийских регионах Восточной и Южной Украины. Этот сценарий полностью реализовался в 2014 г.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что нестабильность по линии «Север – Юг» будет использована украинскими ультраправыми националистами, чтобы сорвать геополитические планы России в построении Русского мира и защите уникальной Русско-Византийской, Евразийской цивилизации. С другой стороны, их деятельность способствует кристаллизации воинствующего крыла всего украинского националистического движения, позволив ему набраться опыта (в основном речь идет о крыле и разветвлениях УНСО), которое начиная с конца 2013 г. будет задействовано в самой Украине – Евромайдан – и его политико-экономических последствий для страны в последующее время.

Важность украинского участия и последующего роста неонационализма объясняется следующими факторами:

– сильная идеологическая победа (участие в Чеченской войне, которая фактически велась на территории «заклятого исторического врага» в России);

– члены крайне правых националистических движений приобрели практический военный опыт в конфликте против российских федеральных сил;

– появились и набрали вес в 2000-ные годы новые националистические лидеры, например, А. Музычко, И. Мазур, В. Бобрович, В. Мамалыха, Д. Корчинский, братья Тягнибок и Д. Ярош – все они, по разным сведениям, участвовали в войне в Чечне на стороне сепаратистов и радикальных исламистов, объединившись в своей ненависти к Москве;

– участие в войне познакомило украинских националистов с методами и средствами пропаганды, успешно используемыми Д. Дудаевым и его соратниками в когнитивно-информационной войне против России. Один из первых примеров официального сотрудничества чеченских и украинских пропагандистов мог произойти в 1998 г., когда Д. Корчинский организовал «Институт Кавказа» с целью создания нового «широкого антироссийского фронта» по всему региону. Необходимо отметить, что ваххабитская литература, издаваемая этой организацией в 90-х гг. XX в., начала свое подпольное распространение в различных частях Российской Федерации, особенно в Поволжье, известном своей значительной долей исламского населения, а также в Москве и Санкт-Петербурге, где мусульманские диаспоры считаются особенно сильными. Кроме того, организация Д. Корчинского активно сотрудничает с «Кавказ-центром» (руководитель М. Удугов), который воспринимается как главный маяк антироссийской деятельности на информационном фронте борьбы с Россией.

На основе анализа политической ситуации следует отметить, что вопреки различным

предсказаниям и прогнозам развития событий Евромайдана и возникшему последующему социально-экономическому кризису, в котором оказалась Украина, не способствовало слиянию основных ультранационалистических группировок. Напротив, после очень короткого периода всякий смысл единства, если он вообще существовал у националистических партий, сменился ситуацией растущей политической конкуренции и стремлением к политической поддержке внутри украинского общества. Основной антагонизм разгорелся между наиболее крупными на тот момент объединениями – «Свободой» и «Правым сектором» (идеология которого была основана на политической платформе партии «Тризуб»). Обе эти партии очень похожи между собой, но есть и отличия. «Правый сектор» позиционирует себя как силу, черпающую вдохновение исключительно в украинских исторических традициях и уникальной культурной идентичности, порожденной ее геополитическим положением. При этом связи со всей либеральной Европой и США воспринимаются как вредные для Украины и для ее исторической судьбы. Наряду с этим, налаживая более тесные связи между Западом и Востоком Украины, «Правый сектор» стремился привлечь на свою сторону огромный сегмент украинского общества, который не склонен сочувствовать явной антироссийской и антисемитской идеологии «Свободы». Кроме того, Д. Ярош смог проявить большую политическую гибкость и способность быстро понимать меняющуюся среду. Так, например, в одном из своих постмайданных публичных выступлений он призвал нацию (независимо от своей национальности и языка) объединиться ради Украины. Выйдя из Евромайдана в качестве национального героя и, возможно, будущего президента, Д. Ярош получил для этого широкие возможности – поддержку подростков, молодежи и людей среднего возраста благодаря использованию социальной сети в своих пропагандистских целях – это было совершенно новое в постмайданной Украине. Более того, его популярность, возможно, выросла из-за того, что ему не было предъявлено обвинений в отношениях с олигархическими группами. В результате он открыто стал позиционировать себя как неутомимый борец с олигархами, которые были проводниками идей и влияния Кремля [5].

Вопреки ожиданиям некоторых академических и политических деятелей, после 1991 г. в Украине не наступила постнациональная эпоха; и, конечно, не произошло, несмотря на утверждение американского политолога Ф. Фукуямы в 1992 г. после краха государственного социализма, «конца истории». Новый акцент на национальную историю, формирование мифов в политике, средствах массовой информации и повседневной жизни возник после коллапса социализма с формированием объявленного демократического суверенного национального государства. Возникшие националистические силы в республике (например, УНА-УНСО, «Правый сектор») идейно были направлены против либеральных порядков ЕС и западной гегемонии, против собственной политической правящей касты, регулярно обвиняемой в коррупции и недостаточной политики строительства этнического украинского государства на национальной основе, а также против русскоязычного меньшинства. Но главный националистический идейный аспект пришелся против братского русского народа и Российской Федерации.

Возрождение идеологии Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии и их сверхгероизация в украинском обществе при поддержке государственных структур, начиная с 1990-х гг. стали наиболее вопиющими событиями и культурным маркером внутриполитической действительности постсоветской Украины. Одновременно в западных областях страны происходило возрождение униатской греко-католической церкви, вернувшей себе духовно-политическое влияние на западноукраинский социум, а также церковные здания и имущество, утраченные после 1944 г., и избравшей в своей политике откровенно антироссийскую риторику. В частности, глава Греко-католической церкви митрополит Любомир Гузар открыто обвинял Российское государство в антиукраинской политике, начиная уже с XII в., что в совокупности готовило к последующим наиболее трагическим формам возвращения национализма уже на государственном уровне в постмайданной Украине [6].

Активное участие в героизации деятельности ОУН-УПА в постсоветской Украине предприняла канадско-галицийская эмиграция. Президентом В. Ющенко были посмертно присвоены высшие звания «Герой Украины» С. Бандере и Р. Шухевичу (2007 г.). В результате у населения, и особенно у молодежи, под воздействием националистически ориентированных популистов происходило формирование нового взгляда на деятельность украинских националистов в поствоенное время, действовавших в 1944–1950-х гг. в регионах Западной Украины, искусственно ставшей «глубоко патриотической и национально ориентированной», направленной против «власти Москвы».

В результате в предмайданный период 1991–2013/2014 гг. на Украине произошло формирование различных пронационалистических сил, избравших своей мишенью Россию. Среди них следует отметить:

– радикально-националистические партии «Конгресс украинских националистов» (КУН), УНА-УНСО, «Украинский пласт», «Народное движение Украины», «Спадщина» («Наследие»), «Свобода» и «Правый сектор». Они стали идейными продолжателями националистической философии ОУН-УПА в построении этнонационального украинского государства с антироссийской ментальной основой;

– неославянские и неоязыческие организации («Родная вера», РУН-вира, «Объединение родноверов Украины», «Собор родной украинской веры, «Союз славянских общин», «Родобижие», «Белый молот»),

которые тесно идейно переплетаются с идеями национал-социализма Третьего Рейха (например, жесткая антисемитская философия, восхваление арийской расы, культ языческих и скандинавских богов, пристрастие к нацистским символам, например, «Черное солнце» и пр.);

– Украинская греко-католическая церковь (униатская), имеющая сильные позиции среди верующего населения в регионах Западной Украины, получившая юридическое возрождение в 1991 г. и занявшая непримиримую антироссийскую позицию по формированию искаженного сознания своей многочисленной паствы.

Именно эти многоликие праворадикально-религиозные структуры украинского общества, при многолетнем (1991–2013 гг.) безучастии с одной стороны и поддержке – с другой официальной государственной власти, стали проводить целенаправленную идеологическую работу по формированию антироссийских ценностей в сознании украинского общества, искусственно формируя в сознании гражданского социума ценностно-ориентированную националистическую философию, которая оформилась в итоге на основе господства двух идейных тезисов современного украинского этнонационализма – «Украина – это не Россия» и «Батько наш – Степан Бандера». Эта политическая идеология сыграла разрушительную роль в украинском обществе и несла прямую угрозу российской национальной безопасности и государственным интересам страны, а также многочисленному русскоязычному населению украинского государства, подвергнувшемуся насильственному вытеснению и украинизации в постмайданный период.

Новый национализм в украинском обществе стал особенно жестоким и очевидным на Востоке Европы. Речь идет о таких явлениях, как возрожденные или вновь созданные националистические культурные традиции, ценностные и ментальные модели, представления и стратегии политики национальной идентичности – и связанное с ней также новое видение государственной истории, проведение националистической политики в отношении меньшинств и формирование монокультурной и моноязыковой политики в украинском государстве, которая стала носить явно антироссийский характер.

Список источников

1. Schlögel Karl. Grenzland Europa. Unterwegs auf einem neuen Kontinent. München, 2013.
2. Вознесенные Майданом. Фюрер белой расы и создатель... URL: https:// ukraina.ru/20220519/ 1033990411.html (дата обращения: 07.03.2025).
3. Донцов Д.И. Націоналізм. Лондон; Торонто, 1966.
4. Украинский след в кавказской войне. URL: https://www.vesti.ru/article/2167455 (дата обращения: 07.03.2025).
5. «Правый сектор» открестился от штурма парламента. URL: https:// www.rbc.ru›Политика (дата обращения: 07.03.2025).
6. Пропагандист войны Любомир Гузар... URL: https://spzh.eu/ru/socseti/ 53728-propagandist-vojny-lyubomir-guzar (дата обращения: 17.04.2024).

References

1. Schlögel Karl. Grenzland Europa. Underground on a new Continent. Munich, 2013.
2. Ascended by the Maidan. The Führer of the White Race and the Creator... URL: https:// ukraina.ru/20220519/1033990411.html (date of access: 07.03.2025).
3. Dontsov D.I. Nationalism. London; Toronto, 1966.
4. The Ukrainian Trace in the Caucasian War. URL: https://www.vesti.ru/article/2167455 (date of access: 07.03.2025).
5. Right Sector Disavows Storming of Parliament. URL: https:// www.rbc.ru›Politics (date of access: 07.03.2025).
6. War propagandist Lubomir Guzar... URL: https://spzh.eu/ru/socseti/53728-propagandist-vojny-lyubomir-guzar (date of access: 17.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Килимник Евгений Витальевич, *доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин. Уральский юридический институт МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.*
ORCID: 0000-0003-2949-465X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kilimnik Evgeniy Vitalyevich, *Grand PhD in Art History, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Humanities. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 204–209.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 204–209.

Научная статья
УДК 325:1

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ МИГРАЦИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ОБЩИХ ТЕОРИЙ МИГРАЦИИ

Контарев Анатолий Александрович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, anatolykontarew@rambler.ru

Введение: *статья посвящена анализу становления общей теории миграции, миграциолоии в качестве особой отрасли знания, изучающей миграцию на высоком уровне обобщения связанных с ней явлений. Автор высказывает мнение о том, что становление миграциологии следует рассматривать в общем контексте эволюции способов изучения миграции, когда систематизация знаний о ней связана с переосмыслением общепринятых в отраслевых теориях представлений, выводя исследование на новый уровень генерализации понятий, выражающих сущность миграции и закономерности миграционных процессов на глобальном, региональном и национально-государственном уровнях.*

Материалы и методы: *с учетом анализа становления миграциологии в контексте методологической вариативности общих теорий миграции используются системный, дескриптивный, компаративный, исторический подходы; автор обращается к использованию элементов юридической логики, метода контент-анализа.*

Результаты исследования: *установлено, что современные общие теории миграции обладают высокой степенью методологической вариативностью, обусловленной их дисциплинарным источником в экономической, демографической, антропологической, исторической, социологической и иных теориях; определено, что становление миграциологии происходит на когнитивной базе сложившихся и функционирующих в научном изучении миграции теорий не как междисциплинарная область знания, а как самостоятельная научная дисциплина, обладающая собственной предметной определенностью.*

Выводы и заключения: *миграция является неотъемлемой частью жизни человека не только начиная с периода писаной истории (цивилизации), но и в доисторическую эпоху. Миграции периода дикости были не менее интенсивны, чем современные территориальные перемещения населения, существенно определив расселение Homo sapiens на планете, расогенез, антропогенез современного человечества. Данный подход следует охарактеризовать как антороposоциогенетический, рассматривающий миграцию как свойство человеческой природы, способ адаптации человеческих индивидов к среде посредством территориального передвижения и выбора более благоприятных условий, отвечающих биологическим и социальным потребностям воспроизводства индивидов.*

Ключевые слова: *миграциология, антропосоциогенез, миграция, рост населения, теория миграции, миграционные процессы.*

Для цитирования: Контарев А. А. *К вопросу о становлении миграциологии в контексте методологической вариативности общих теорий миграции / А. А. Контарев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 204–209.*

Original paper

ON THE DEVELOPMENT OF MIGRATION STUDIES IN THE CONTEXT OF METHODOLOGICAL VARIABILITY OF GENERAL THEORIES OF MIGRATION

Kontarev Anatoly Alexandrovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia Federation

Introduction: *this article analyzes the development of a general theory of migration, or migrationology, as a specific field of knowledge that studies migration at a high level of generalization of related phenomena. The author argues that the development of migrationology should be considered in the general context of the evolution of migration studies, where the systematization of knowledge about it is associated with a rethinking of generally accepted ideas in industry theories, bringing the study to a new level of generalization of concepts expressing the essence of migration and the patterns of migration processes at the global, regional, and national levels.*

Materials and methods: *taking into account the analysis of the development of migrationology in the context of the methodological variability of general migration theories, the author uses systemic, descriptive, comparative, and historical approaches; he also employs elements of legal logic and content analysis.*

Results of the study: *it has been established that modern general migration theories exhibit a high degree of methodological variability, conditioned by their disciplinary sources in economic, demographic, anthropological, historical, sociological, and other theories. It has been determined that migrationology has developed on the cognitive basis of established and functioning theories in the scientific study of migration, not as an interdisciplinary field of knowledge, but as an independent scientific discipline with its own subject definition.*

Findings and conclusions: *migration has been an integral part of human life not only since the period of written history (civilization) but also in prehistory. Migrations during the period of savagery were no less intense than modern territorial population movements, significantly determining the distribution of Homo sapiens on the planet, race genesis, and the anthropogenesis of modern humanity. This approach should be characterized as anthropogenesis, viewing migration as a property of human nature, a way for individuals to adapt to the environment through territorial movement and the selection of more favorable conditions that meet the biological and social needs of individual reproduction.*

Keywords: *migrationology, anthropogenesis, migration, population growth, migration theory, migration processes.*

For citation: Kontarev A. A. *On the development of migration studies in the context of methodological variability of general theories of migration / A. A. Kontarev // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 204–209.*

Потребность научного изучения миграционных процессов возникла в индустриальном обществе в связи с необходимостью прогнозирования перемещения сельского населения в города, обусловленного развитием производства, предполагающего масштабное привлечение рабочей силы. При этом очевидность доминирования экономического фактора миграции, обуславливающего механизм перераспределения рабочей силы между городом и деревней, объясняет способ ее интерпретации как преимущественно экономического явления.

Первая миграционная теория, разработанная Е. Равенштайном во второй половине XIX в. [1], формулирующая законы миграции, претендовала на вневременную универсальность, всеобщий и необходимый характер, несмотря на свой конкретно-исторический источник, условия становления и функционирования индустриального общества западной Европы указанного времени. Появление же новых теорий, разрабатывавшихся в следующем столетии, объясняется возникновением иных социальных условий миграции в новом историческом контексте, когда экономический фактор, первоначально рассматривавшийся едва ли не единственным, должен был быть дополнен новыми не менее важными, объясняющими закономерности перемещения населения в мире и отдельных странах, приоритетами миграционной политики принимающих государств, необходимостью предвидения миграционных потоков и их эффективного регулирования.

В данном контексте выглядит неизбежной разработка демографических, антропологических, социологических, политических и юридических, также как и многих иных теорий, рассматривающих феномен миграции в узкоспециальном контексте. В то же время примечательно и позиционирование каждой из этих теорий в качестве универсального способа познания миграции, интерпретирующего ее сущность, в контексте которого иные подходы-теории неизбежно рассматриваются в качестве вспомогательных.

Данное обстоятельство автор рассматривает как проблему методологического характера, оказывающую негативное влияние на эвристический потенциал научного изучения данного явления, состоящую в противоречии между частным характером большинства существующих теорий миграции и одновременно позиционировании их общего (общезначимого) статуса по отношению к иным теориям. В настоящей статье предлагаем рассматривать данную проблему в перспективе гносеологических закономерностей становления общей теории миграции, включающих некоторую совокупность разрабатываемых способов ее изучения, формируемых в контексте исторического изменения ее феномена и теоретического абстрагирования отдельных свойств, в соответствии с потребностями политико-правового регулирования.

Данный процесс изучения миграции может быть представлен как становление миграциологии, с одной стороны, рассматриваемой как совокупность сложившихся способов изучения миграции, а с другой – все чаще позиционируемой в качестве особой научной дисциплины со своим предметом и методом (методами), интегрирующей научные способы изучения миграции на основе особого теоретического статуса – общей теории миграции.

Необходимость разработки общей теории миграции как науки, интегрирующей все научные способы изучения миграции, имеющей статус междисциплинарной отрасли знания, стала осознаваться в 1990-е гг. Особый интерес к такой постановке проблемы возник в странах коллективного запада, очевидно в связи увеличившимися миграционными потоками из государств бывшего социалистического блока. При этом отмечалась неэффективность частных теорий, рассматриваемых как недостаточные для адекватного отражения миграционных процессов, прежде всего в сфере международной миграции. Один из иностранных исследователей в 1990-е гг. очень точно описал ситуацию в данной сфере, которая остается актуальной и в наши дни: «Специалисты по общественным наукам подходят к изучению миграции не с позиций общей парадигмы, а с позиций разных и конкурирующих друг с другом теоретических воззрений, раздробленных между дисциплинами, регионами и идеологиями. В результате исследования миграций имеют свойство сужаться, зачастую исследования становятся неэффективными и характеризуются повторами, пустопорожним, вводящим в заблуждение общением и спорами по принципиальным вопросам. Накопление знаний начнется

только тогда, когда исследователи примут общие теории, концепции, инструменты и критерии» [2]. Примечательно, что «установление мостов» между дисциплинарными подходами к изучению миграции рассматривалось как наиболее естественная форма общей теории миграции. Другие исследователи, объясняя задачи своей работы в контексте цели исследования, отмечали: «Наша цель – диалог, междисциплинарная дискуссия о гносеологических, парадигматических и объясняющих аспектах создания работ о миграции и теоретизирования о миграции в исторической науке, юриспруденции и в социальных науках» [3, с. 35].

Между тем понятие миграциологии впервые было введено в оборот советскими исследователями еще в 80-х гг. прошлого века, которое отражало стремление сформулировать общую теорию миграции на основе выделения наиболее значимого фактора в контексте обобщения ее сложившейся практики. Учитывая, что миграция так или иначе связана с территориальным движением населения, миграциология была представлена именно как демографическая наука, имеющая прямое отношение к изучению народонаселения, его динамики, в связи с территориальным перемещением. Так, известная монография, вышедшая в 1989 г., самим своим названием «Миграциология» претендовала не только на констатацию факта новой научной области знания, но на создание универсальной теории миграции, рассматриваемой как один из факторов демографической динамики [4].

Однако еще в 1970-е гг. предпринимались эффективные попытки создания такой общей теории, выступающей методологической основой изучения отдельных видов миграции, совмещающей в себе основные факторы передвижения населения. Так, один из исследователей того времени, делая акцент на важнейшей роли разработки методов оптимизации миграционных процессов, отмечал: «Разработка методов оптимизации миграционных процессов – важнейшая практическая задача специалистов в области миграции; с другой стороны, необходима разработка теории миграции» [5, с. 3]. Стремясь разработать общие методологические основания миграционных исследований, автор указывает на односторонность большинства из них, что искажает сущность миграционных процессов, не способствует эффективности их регулирования. В связи с этим В.И. Переведенцев писал: «К сожалению, почти все работы по миграции населения (и все без исключения книги) написаны под экономическим углом зрения. Миграция в них рассматривается с точки зрения обеспечения народного хозяйства рабочей силой и использования трудовых ресурсов страны. Между тем при всем значении развития этого направления исследований важно осознать, что миграция населений – один из самых многоаспектных социальных процессов. Она имеет большое и демографическое, и социологическое, и этнографическое, и другие значения. Некоторое представление о многочисленных и многоаспектных причинно-следственных связях миграции с социальными и прочими процессами очень важно с точки зрения проектирования новых исследований» [5, с. 8–9].

Тем не менее начиная с теории миграции Равенштайна, все общие теории базировались на признании доминирования какого-либо одного фактора, превращаясь, соответственно, в экономические, демографические, социологические, этнографические и иные теории. А попытки преодоления данной односторонности, к сожалению, наталкивались на проблему методов, ведя к эклектическому соединению в одной теории методов, используемых в разных науках. В связи с этим на сегодняшний день о миграциологии можно вести речь лишь как о комплексной дисциплине, не имеющей собственного методологического статуса. Остается актуальной точка зрения, высказанная в конце 1990-х гг., о чрезвычайном многообразии подходов и направлений в изучении миграции, составляющих пространство миграциологии. По мнению В.А. Ионцева, «анализ многочисленной зарубежной (около 400 работ) и отечественной (более 300 работ) литературы позволил разработать классификацию 17 основных научных подходов в изучении миграции населения, содержащих 45 научных направлений, теорий и концепций, из которых 15 приходится на экономический подход, пять – на социологический подход, четыре – на миграционный, три – на демографический, два – на исторический, типологический, политический и по одному – на остальные девять подходов» [6, с. 86].

В связи с очевидными трудностями, как определения миграциологии как междисциплинарной области знания, так и создания ее на базе какой-либо отраслевой теории, интересны попытки формулирования предмета на метатеоретическом уровне, что позволяет выйти из методологического круга односторонности и эклектизма. По мнению некоторых авторов, «миграциология – наука изучающая вопросы перемещения в пространстве и во времени систем любой однотипной природы и особенности взаимодействия данных систем в процессе перемещения (преодоление порогов или границ как формально, так и неформально выраженных) с окружающей средой и со средой, изменившейся в результате появления новых агентов влияния на месте пребывания» [7, с. 11]. Данное определение идентично приведенному в статье К.А. Кирсанова, В.А. Волоха, А.В. Очирова, рассматривающих миграцию на основе классификации форм движения материи, соответственно, в неорганической, органической и социальной форме. При этом, как отмечают авторы, «миграциология изучает перемещения человеческих индивидуумов (от единичного до массового) с целью либо сохранения качества жизни, либо его улучшения, при условии пересечения тех или иных административных границ (государства, региона, городского района и т. д.)» [8].

Пытаясь выйти на метауровень обобщения феномена миграции, авторы тем не менее указывают на один из его признаков, сужающий данное явления. Он состоит в пересечении административных и иных границ, в указании на иммиграцию и эмиграцию в качестве предмета этой науки.

Таким образом, можно выделить следующие характеристики современной миграциологии как понятия, отражающего область социально-гуманитарного знания, предметом которого выступает миграция: во-первых, миграциология рассматривается в качестве исторического этапа обобщения знаний о миграции; во-вторых, в

ряде случаев данное понятие используется для отражения всей совокупности знаний о миграции, полученных в результате научного исследования; в-третьих, миграциология позиционируется как общая теория миграции, формируемая на базе одного из научных направлений изучения этого явления; в-четвертых, данная область знания рассматривается как общая теория, разрабатываемая на основе особой предметной области, несводимой к предметам и задачам отраслевых дисциплин, обобщающая отраслевые знания о миграции в системе общих понятий; в-четвертых, в некоторых случаях предпринимаются попытки интерпретации миграциологии на метадисциплинарном уровне посредством выделения общих признаков перемещения, характерных не только для человеческого индивида, но и для других живых организмов.

Учитывая, что любая миграционная теория, как правило, претендует на формулирование закономерности, объясняющей современные миграционные процессы, она также стремится соответствовать характеристикам необходимости и всеобщности, являющимся основными гносеологическими характеристиками теоретического знания. В этой связи создание общей теории миграции, в качестве которой преимущественно рассматривается миграциология, является выражением неполноты знаний, полученных при отраслевом изучении, что не позволяет достигнуть уровня глубины исследования, достаточного для отражения сущности миграции, закономерностей, знание которых позволяет эффективно прогнозировать и регулировать миграционные процессы на глобальном, региональном и национально-государственном уровнях.

В этом контексте возникает резонный вопрос о возможности и необходимости миграциологии как общей теории миграции. Сама необходимость данной теории подтверждается устойчивостью тенденции попыток ее создания, вызванных как внутренней логикой становления миграциологического знания, усложнение которого ведет к теоретическим обобщениям, формированию общей системы понятий, так и самой практикой регулирования, имеющей наряду с политической составляющей еще и когнитивную потребность в знании общих закономерностей миграции, обуславливающего его эффективность. Что же касается возможности миграциологии как науки, то ответ на этот вопрос затрагивает методологическую сферу, который зависит от создания общего метода изучения, в свою очередь, формирующегося на основе соответствующего предмета, обладающего тем же уровнем генерализации.

Следует констатировать, что современные общие теории миграции, достаточно эффективно описывающие особенности миграционных процессов в конкретно-исторических условиях, не могут претендовать на роль миграциологии как науки, характеризующейся указанными признаками. Вместе тем подобные теории свидетельствуют о генезисе общего знания о миграции, его необходимости.

По мнению автора, основным гносеологическим фактором, вызывающим методологические трудности разработки миграциологии, является сужение предмета, обусловленного трактовкой феномена миграции. Абсолютное большинство миграционных теорий определяют миграцию, указывая на эмиграцию и иммиграцию в качестве основного ее признака. Даже приведенные выше метатеоретические попытки преодолеть дисциплинарные рамки трактовки этого явления посредством его предельной генерализации в диалектико-материалистическом понятии форм движения материи в итоге включают данный признак в определение миграции. Очевидно, это обусловлено отождествлением концепта «перемещение», без которого невозможно выразить явление миграции, с пересечением границ, трактуемых не столько в географическом, сколько в политико-правовом смысле, как государственные, административные границы. Но несмотря на важность рассмотрения миграции как эмиграции и иммиграции для создания эффективных механизмов ее регулирования, следует признать, что «граница» есть явление более позднего цивилизационного периода истории человечества, которому предшествует ее большая часть, характеризующаяся активностью перемещения населения планеты, сформировавшего современное этногеографическое пространство планеты.

Таким образом, несмотря на очевидность миграции в доцивилизационную эпоху, современные теории миграции, как правило, не отражают данный феномен, указывая в качестве основного признака на эмиграцию и иммиграцию, что в свою очередь сосредотачивает внимание на регулятивных механизмах политического, правового, социокультурного, демографического и иного характера, ведет к узкой интерпретации явления и его закономерностей. Впрочем, следует отметить некоторые концепции, стремящиеся преодолеть указанную методологическую установку. Данные концепции стремятся установить связь миграции с историческими процессами, ее обусловленность историческими особенностями общества, также как и влияние миграции на развитие общества.

Автором одной из таких концепций является В. Зелинский, известный как создатель теории мобильного перехода. Ее суть состоит в установлении связи между историческим типом общества и интенсивностью миграции. Так, в первобытном обществе, по мнению автора концепции, миграция наименее интенсивна, ее значение несколько увеличивается в феодальном обществе в силу демографического развития, но особую интенсивность она приобретает в период модернизации, становления рыночной экономики и урбанизации. При этом дальнейшее развитие миграционных процессов характеризуется изменением их структуры, т. к. переселение происходит преимущественно между городами. А в дальнейшем интенсивность миграции будет стремиться к нулю, в ее регулировании решающую роль должны играть международные институты. Теоретик рассматривает миграцию как географическое явление, получающее социальную определенность. Поясняя свой подход, он пишет: «Термин “территориальная мобильность” является всеобъемлющим и объединяет обычную (т. е. местожительскую) миграцию с тем, что за неимением лучшего определения можно назвать “циркуляцией”. По общему определению миграция – это любая постоянная или полупостоянная смена места жительства; возможно, более значимо, что это пространственный переезд из одной социальной единицы или района прожива-

ния в другой, который усиливает или разрывает прежние социальные связи. Из-за недостатков в системах сбора данных фактически анализируемые миграционные перемещения, как правило, связаны с пересечением границы переписи или политической границы и совпадают с временными интервалами, используемыми переписчиками» [9, с. 226].

Другая концепция, устанавливающая связь миграции с историческими (социально-историческими) процессами, известна как урбанистический подход, основанный на констатации связи миграции и урбанизации. Так, например, еще Э.Г. Равенштайн показал такую связь, положив ее в основу своей теории. Из более современных исследователей, придерживающихся данного подхода, можно назвать Дж. Джибса, установившего связь перераспределения населения между городом и деревней в результате урбанизации, которая проходит пять стадий: рост населения города отстает от роста населения села; рост населения города опережает рост населения села; рост населения города происходит благодаря притоку сельского населения; растет исключительно население больших городов; происходит замедление роста населения больших городов, которое переселяется в ближайшие пригороды и города-спутники [10].

Введение социально-исторического контекста в изучении миграции дает возможность ее рассмотрения во временной эволюционной динамике как явления, обусловленного рядом исторических факторов развивающегося общества, особенности которого, с одной стороны, обуславливает характер миграционных процессов, а с другой стороны, само испытывает на себе влияние миграции, в известных условиях играющих значительную роль. В связи с этим нельзя не указать на значение самой исторической науки, концепция всемирного исторического процесса которой невозможна без учета фактора миграции. Так, влияние миграции на исторические события не вызывает сомнения не только у историков, но и у исследователей иных направлений. Например, падение Римской империи нельзя рассматривать в отрыве от Великого переселения народов IV–VI вв.

Однако историков миграция преимущественно интересует как фактор исторических событий эпохи цивилизации, возникновения и существования государств начиная с древности. А исторический контекст, как правило, необходим для обоснования концепций миграционных процессов новейшего времени с целью создания устойчивого теоретического основания их интерпретации, имеющего значение для миграционной политики. Приведенная выше концепция В. Зелинского есть яркий пример такой методологической установки, которая неизбежно ведет к ограничению когнитивного пространства этого явления, порой сознательно его искажая в угоду первоначально выдвинутой гипотезе. Так, историческая динамика миграции, приведенная в концепции, не соответствует реальному положению дел, т. к. она обусловлена гипотетической установкой о роли модернизации и рыночных отношений в ее активизации. То есть исследователь теоретическую модель современных миграционных процессов кладет в основу рассмотрения ее исторической динамики. Поэтому возникает тезис, не имеющий ничего общего с реальным положением дел в истории, состоящий в утверждении, что в первобытном обществе активность миграции стремилась к нулю.

Известно, что миграция является неотъемлемой частью жизни человека не только начиная с периода писаной истории, но и в доисторическую эпоху. Миграции периода дикости были не менее интенсивны, чем современные территориальные перемещения населения. При этом речь идет о миграциях, существенно определивших расселение Homo sapiens на планете, также как и расогенез, антропогенез современного человечества. Считая излишним приводить примеры и научные источники в доказательство данному утверждению, в силу их изобилия и широкой известности, полагаем, что такой подход к изучению феномена миграции следует охарактеризовать как антропосоциогенетический, рассматривающий миграцию как свойство человеческой природы, способ адаптации человеческих индивидов к среде посредством территориального передвижения и выбора более благоприятных условий, отвечающих биологическим и социальным потребностям воспроизводства индивидов.

Как известно, антропосоциогенез представляет собой эволюцию человека, включающую его становление как социального существа, характеризующегося особыми, отличными от иных животных способами жизнедеятельности, содержанием которых является воспроизводство себя как биологического и социального существа. Так, при всех разночтениях определения общества большинство исследователей согласно во мнении, что оно представляет собой совокупность отношений, возникающих между людьми по поводу воспроизводства своей жизни. То есть общество возникло как технология адаптации человека к природной среде, в основе которой лежит надбиологическая программа, закрепляемая в ценностях и нормах, составляющих квинтэссенцию культуры. Тем не менее территориальное передвижение нельзя отождествить исключительно с надбиогической программой, оно присуще большинству биологических видов как способ адаптации к среде. Но у человека она приобретает иную форму, будучи обусловленной не только биологическими, но и социальными потребностями, преследуя цели не только воспроизводства вида, но и воспроизводства социума. Так как человек в отличие от других существ не имеет собственной биологической ниши в природе, он вынужден ее создавать в виде «второй природы», той среды, которая изменяет природу как таковую модифицируя ее в соответствии с потребностями человека. В случае невозможности такой модификации, обусловленной непреодолимыми угрозами жизни и здоровью, оскудением природных ресурсов либо чрезмерным увеличением численности родовой общины, территориальное перемещение всегда было одним из способов привести в соответствие потребности человека с возможностями их удовлетворения, которые дает новая среда.

Новые формы антропосоциогенеза, возникающие в результате перехода от дикости к варварству и от варварства к цивилизации, обуславливают новые формы миграции, которая с возникновением государств и, соответственно, государственных границ приобретает полити-

ческое содержание и необходимость регулятивного воздействия на нее, в целях обеспечения государственных интересов. Именно тогда происходит становление представлений о миграции как о передвижении через границы (эмиграция и иммиграция), о статусе мигранта и его отношении к правам коренного населения, о возможности получения гражданства и многое другое, что стало предметом современных миграционных исследований. Но это нисколько не изменяет атропогенетической природы миграции, сутью которой является адаптации к среде. Но теперь понятие среды имеет не только значение дикой природы, но и пространство культуры, экономики, политики и права, также как и значение демографического и этнического пространства, что наполняет новым содержанием само понятие адаптации, формируя ее новые способы.

Возвращаясь к проблеме возможности и необходимости разработки миграциологии как научной дисциплины, необходимо сказать, что в настоящей статье мы остановились на анализе наиболее характерных, на наш взгляд, теорий и концепций, которые тем не менее свидетельствуют об объективности процесса формирования миграциологии как общей теории миграции. Каждая из этих теорий вносит свой вклад в становление этой науки, обозначая ее необходимость, но многие из них, очевидно, замыкают феномен миграции на определенном ее историческом срезе, что не позволяет выйти на необходимый уровень обобщений. По нашему мнению, возможность создания науки миграциологии определяется соответствующей интерпретацией исторического процесса. Так, по мнению некоторых авторов, «история человечества есть процесс планетарного масштаба, органично связанный и включенный в эволюцию биосферы Земли и представляющий собой многомерную систему единства взаимодействия социальных, биологических, физических, этнических, географических, экономических, духовных, культурных, психологических и других факторов» [11, с. 17], добавим от себя – определяющих миграцию как процесс антропосоциогенеза.

Список источников

1. Rovenschtein E. The Lows of Migration. London, 1876.
2. Massey D., Arango J., Hugo G. An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case // Population and Development Review. № 4 (Dec., 1994), V. 20.
3. Бреттелл К., Холифилд Д. Теория миграций // Методы и методология изучения миграционных процессов. М., 2007.
4. Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. М., 1989.
5. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.
6. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. Вып. 3.
7. Леденева В.Ю. Миграционная политика в Российской Федерации: учебное пособие. М., 2023.
8. Кирсанова К.А., Волоха В.А., Очирова А.В. Базовые модели миграциологии. URL: http://naukoznanie.ru (дата обращения: 16.08.2025).
9. Zelinzky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. № 2.V. 61.
10. Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration // Economic geography. 1963. V. 39.
11. Моденов В.А., Носов А.Г. Россия и миграция. История, реальность, перспективы. М., 2002.

References

1. Rovenschtein E. The Lows of Migration. London, 1876.
2. Massey D., Arango J., Hugo G. An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case // Population and Development Review. № 4 (Dec., 1994), Vol. 20.
3. Brettell K., Holyfield D. Theory of Migration // Methods and Methodology of Studying Migration Processes. Moscow, 2007.
4. Denisenko M.B., Iontsev V.A., Khorev B.S. Migration Science. Moscow, 1989.
5. Perevedentsev V.I. Methods of Studying Population Migration. Moscow, 1975.
6. Iontsev V.A. International Population Migration: Theory and History of Study. Moscow, 1999. Issue. 3.
7. Ledeneva V.Yu. Migration Policy in the Russian Federation: A Textbook. Moscow, 2023.
8. Kirsanova K.A., Volokha V.A., Ochirova A.V. Basic Models of Migration Studies. URL: http://naukoznanie.ru (date of access: 16.08.2025).
9. Zelinzky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. № 2.V. 61.
10. Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration // Economic geography. 1963. V. 39.
11. Modenov V.A., Nosov A.G. Russia and Migration. History, Reality, Prospects. Moscow, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Контарев Анатолий Александрович, *доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83. ORCID: 0009-0008-7493-9922*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kontarev Anatoly Alexandrovich, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 210–214.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 210–214.

Научная статья
УДК 323(470+371)

ДЕСТРУКТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УКРАИНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА РОССИЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПРОКСИ-ВОЙНЫ

Лотарев Константин Анатольевич
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация,
lotarev@volsu.ru

Щербинин Сергей Владимирович
Новоаннинский сельскохозяйственный колледж, Новоаннинский, Российская Федерация,
svr150579@yandex.ru

Введение: *нейтрализация негативного воздействия иностранных спецслужб (в большинстве случаев украинских), равно как и полное устранение самой угрозы подобной злонамеренной деятельности против суверенитета России, является на сегодняшний день одной из ключевых проблем нашего государства. Особенно если учесть, что мишенью для упомянутого воздействия чаще всего оказывается одна из наиболее идеологически нестабильных категорий нашего общества – молодежь.*

Материалы и методы: *представленная статья основывается на полученных из открытых источников текстовых материалах, систематизированных и исследованных с использованием общелогических междисциплинарных методов, в числе которых контент-анализ, сравнительный анализ, обобщение, синтез. Системный подход к работе с фактологической базой исследования позволил получить целостные выводы о существе описываемых явлений, выявить их причины, выработать меры противодействия.*

Результаты исследования: *с тех пор как Россия решительно высказалась против концепции однополярного мира, жестко подчиненного гегемонии США, и в особенности после начала ею специальной военной операции, информационная война против нее только усиливается, приобретая все новые формы, зачастую весьма бесчеловечные. В последнее время информационная война, носящая массовый характер, усугубляется еще и персональным воздействием на отдельных граждан РФ, которое осуществляется специальным подразделением украинских спецслужб, подстрекающим их путем обмана, запугивания и подкупа к совершению противоправных деяний.*

Выводы и заключения: *данная проблема крайне актуальна и отличается значительными масштабами распространения. Ее решение лежит на поверхности и уходит корнями в советское прошлое, а точнее, в оставшуюся от него систему патриотического воспитания. Патриотическое воспитание молодежи является сегодня необходимым условием не только для существования и полноценного функционирования российского государства, но и его поступательного развития вне зависимости от все более обостряющегося деструктивного воздействия извне.*

Ключевые слова: *информационная война, Россия, Украина, ЦИПсО, Интернет, терроризм, защита молодежи, патриотическое воспитание.*

Для цитирования: Лотарев К. И., Щербинин С. В. *Деструктивное информационное воздействие украинских спецслужб на российскую молодежь в условиях прокси-войны / К. И. Лотарев, С. В. Щербинин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 210–214.*

Original paper

DESTRUCTIVE INFORMATION IMPACT OF UKRAINIAN SPECIAL SERVICES ON RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF A PROXY WAR

Lotarev Konstantin Anatolyevich
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Shcherbinin Sergey Vladimirovich
Novoanninsky Agricultural College, Novoanninsky, Russian Federation

Introduction: *neutralizing the negative influence of foreign intelligence services (mostly Ukrainian), as well as completely eliminating the threat of such malicious activity against Russia's sovereignty, is currently one of the key challenges facing our country. This is especially true given that the most frequent target of this influence is one of the most ideologically unstable groups in our society – youth.*

Materials and methods: *this article is based on open-source text materials, systematized and analyzed using general logical interdisciplinary methods, including content analysis, comparative analysis, generalization, and synthesis. A systematic approach to working with the research evidence base allowed us to draw comprehensive conclusions about the essence of the phenomena described, identify their causes, and develop countermeasures.*

Results of the study: *since Russia resolutely opposed the concept of a unipolar world strictly subordinated to US hegemony, and especially since the launch of its special military operation, the information war*

against it has only intensified, acquiring new forms, often quite brutal. Recently, the widespread information war has been further exacerbated by the personal attacks on individual Russian citizens carried out by a special unit of the Ukrainian intelligence services, inciting them to commit illegal acts through deception, intimidation, and bribery.

Findings and conclusions: *this problem is extremely pressing and widespread. Its solution is obvious and has its roots in the Soviet past, or more precisely, in the system of patriotic education that remained from it. Patriotic education of youth is today a prerequisite not only for the existence and full functioning of the Russian state, but also for its progressive development, regardless of the increasingly escalating destructive influences from outside.*

Keywords: *information warfare, Russia, Ukraine, IPOCs, internet, terrorism, youth protection, patriotic education.*

For citation: Lotarev K. I., Shcherbinin S. V. *Destructive information impact of Ukrainian special services on Russian youth in the context of a proxy war / K. I. Lotarev, S. V. Shcherbinin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 210–214.*

Радикальные идеи превосходства, которые лежат в основе продвигаемой коллективным Западом мировоззренческой концепции «антирусскости» украинского этноса, несмотря на значительные усилия по их повсеместному насаждению очень быстро продемонстрировали свою несостоятельность. Время показало ущербность искусственных и необоснованных идей, построенных на национализме крайних форм. Миграционный поток граждан Украины в Россию свидетельствует о сложности и неоднозначности современных социально-экономических и политических процессов.

Обратимся к цифрам. С февраля 2022 г. в Россию въехало свыше пяти миллионов украинцев, в том числе 733 тысячи детей. Таким образом, показатель среднесуточного пересечения российской границы гражданами Украины составляет в среднем четыре тысячи человек [10].

Как следствие, теоретики украинского национализма довольно скоро отказались от первоначальной идеологии национального превосходства, заменив ее деструктивными идеями тотальной ненависти ко всему русскому (языку, истории, культуре, ценностям), которые, к сожалению, прижились в известной части украинского социума. Со временем социологические исследования внесут убедительную ясность в этом вопросе системой политической проблемы.

Это произошло после так называемой «оранжевой революции» 2004 г., когда власти Украины взяли курс на сближение со спецслужбами США, Великобритании и Канады, организовав на своей территории полностью подконтрольную им сеть специализированных центров информационно-психологических операций, ориентированных на подрывную работу в российской медийном пространстве [4, с. 315–317].

Примитивная русофобия, заместившая собой десятилетиями формировавшееся псевдоисторическое учение об украинской исключительности, оказалась инструментом значительно более простым и потому удобным в политическом применении, позволив быстро и с минимальными затратами мобилизовать украинскую общественность.

Однако, в отличие от конструктов, постулирующих идеи украинского превосходства, русофобские социально-политические установки нуждаются в обязательном выходе наружу, поскольку ненависть неизбежно требует выплеска вовне, без чего она теряет свой первоначальный мотивационный импульс.

Как следствие, русофобия из набора популистских идеологических клише, призванных объединить население вокруг представителей власти Украины, перешла в разряд основного инструмента социальной мотивации, направляющего «справедливый гнев» населения, погруженного в многоуровневую мистификацию, на «внешних врагов», коими в случае Украины стали так называемые «москали».

С приходом нового времени, визитной карточкой которого явилось стремительное развитие цифровых технологий, механизмы распространения русофобии приобрели совершенно новый размах, выйдя далеко за пределы одной лишь Украины.

На смену газетам, книгам, радио- и телевизионным передачам, создававшимся на ее сравнительно небольшой территории и большей частью на украинском языке, пришли ресурсы сети Интернет, доступ к которым открыт всем.

К тому же распространение информации в Интернете имеет совершенно иную специфику, обусловленную масштабами потенциально охватываемой целевой аудитории и сравнительной простотой публикации, что дает возможность продвигать информационные материалы куда быстрее, за считанные часы, выводя их на лидирующие позиции.

Использование манипулятивных техник и методик, в разработке и практическом применении которых традиционно доминируют США, позволяет в значительной мере повысить эффективность их пропагандистского воздействия. Особенно на молодежь, которая сегодня демонстрирует крайне зыбкие политические воззрения, легко поддается внушению, имеет слабые патриотические установки. При этом она легко идет на риски, зачастую необоснованные, сталкиваясь с неизбежным противоречием, возникающим между естественным желанием получить максимум от жизни и отсутствием в обществе достаточного для этого уровня вертикальной мобильности [2, с. 65–88].

И если неизбежно обратить внимание на весьма слабую критичность молодежи к западным информационным потокам и трендам, можно увидеть, насколько желанной целью она является для иностранных спецслужб, целенаправленно ведущих подрывную деятельность. Основные принципы и ключевые цели были изложены еще в печально известном «Плане Даллеса», продемонстрировавшем весь цинизм западных политиков по отношении к народу СССР, а впоследствии и России [9].

Посредством упомянутых трендов, формирующих у молодежи устойчивые стереотипы сознания и поведения, коллективный Запад пытается

нарушить целостность исторически сложившейся консервативной мировоззренческой парадигмы, формирующейся в российском обществе многие столетия.

Основной удар приходится на традиционные ценности, а именно: религиозность, исконно русскую ориентированность на большую семью, любовь к Родине, многонациональное единство, трудолюбие, готовность придти на выручку ближнему, уважение к ветеранам. Процесс этот небыстрый, к тому же длительное время он вообще может протекать «бессимптомно», тем не менее цель всегда одна – формирование протестных настроений с их последующей аккумуляцией до уровня, достаточного для начала очередной «цветной революции».

Распространение материалов антироссийской направленности проводится через сети Интернет, и эта информационная технология современного мира наиболее эффективна в контексте нанесения основного вреда репутации и прочности РФ, причем не только на внешнеполитической арене, но и внутри самой страны.

Здесь первенство держат украинские спецслужбы, которые осуществляют посредством сети Интернет многочисленные и разнообразные по своей типологии операции разведывательно-диверсионной и откровенно уголовной направленности [7].

В частности, они реализуют перечисленные ниже действия, работая исключительно дистанционно:

– подстрекательство к осуществлению противоправной деятельности (террористической, экстремистской) путем добровольной вербовки либо путем обмана и принуждения;

– сбор информации о численном составе, дислокации и материально-техническом оснащении подразделений российской армии, причем не только непосредственно в зоне проведения специальной военной операции, но и глубоко в тылу;

– координация деятельности террористических и экстремистских группировок, а также отдельных ранее завербованных агентов;

– сбор денежных средств от сочувствующих украинскому нацизму граждан иных стран, а также их хищение путем мошеннических схем и приемов.

Работу в перечисленных перспективных направлениях как раз и ведет ранее упоминавшееся обособленное структурное подразделение ВС Украины – Центр информационно-психологических операций (далее – ЦИПсО), максимально широко использующий телекоммуникационную инфраструктуру сети Интернет.

Возможности последней на современном этапе развития цифровых технологий становятся все более широкими, что позволяет не ограничивать подрывную работу в Сети только лишь массовым информационным воздействием, как это было совсем недавно, когда Интернет представлял собой не более чем альтернативу традиционным СМИ, успешно воздействуя на небольшие целевые аудитории или даже на отдельных людей. Работа в этом направлении осуществляется в основном в социальных сетях, предоставляющих возможность написания личных сообщений, либо при помощи звонков с использованием технологии IP-телефонии. Как и в случае с массовым информационным воздействием, при персональной обработке потенциального исполнителя первоочередной целью для манипуляторов спецслужб выступает молодежь.

ЦИПсО действует по хорошо отработанной схеме, включающей в себя несколько этапов психологического воздействия [8, с. 143–160]. В зависимости от психологических кондиций на обработку одной жертвы у опытных сотрудников ЦИПсО уходит от нескольких часов до нескольких дней. В тех случаях, если убедить жертву совершить противоправное деяние не удается, в ход идут угрозы ей и ее родственникам, в исключительных случаях манипуляторы могут также пообещать заплатить за поджог деньги.

Следует заметить, что небольшой процент схваченных на месте преступления поджигателей (основная террористическая активность приходится именно на поджоги, на втором месте – порча железнодорожной инфраструктуры) совершили противоправные деяния добровольно, за материальную компенсацию.

Украинская пропаганда не зря столь усердно воздействует на российскую молодежь, стремясь дискредитировать и обесценить не только достижения нашей страны, как исторические, так и современные, но и сам ее идеологический базис – философию «Русского мира», которая еще в 2018 г. была признана тоталитарной, опасной для национальной безопасности Украины, а также для «прав и свобод человека» в западном их понимании [5, с. 26–39].

Многолетнее манипуляционное воздействие, нацеленное на компрометацию государственной политики высшего руководства РФ и нарушение социальной стабильности внутри нашей страны, не прошло бесследно, в отдельных случаях дав свои плоды.

Существующая на сегодняшний день система педагогических, социальных, а также правовых мер, к сожалению, не всегда срабатывает, поскольку современная молодежь много времени проводит в виртуальном мире, который, как и в прежние годы, формируется западными (прозападными) контент-мейкерами на разработанных западными компаниями сетевых платформах. И этот виртуальный мир регламентируется в соответствии с западными ценностными установками. Это является главной причиной распространения аутодеструктивного, антиобщественного и экстремистского поведения молодежи, а вслед за этим и противоправных деяний.

Другой социальной группой являются пенсионеры. На них тоже оказывается манипуляционное воздействие, приводящее к тому, что определенное число граждан занимает оппозиционную политическую позицию. Однако в силу возраста они зачастую имеют различные физические проблемы, поэтому далеко не всегда пригодны для массового использования в террористических целях.

Впрочем, украинские спецслужбы используют любую возможность нанести урон России, учитывая тяжелое положение киевского режима, теряющего территории и доверие собственных граждан. Об этом свидетельствуют самые разнообразные информационные материалы.

Активизацию работы упомянутого «Центра» в отношении граждан России можно объяснить, во-первых, низкими затратами на вовлечение каждого отдельно взятого исполнителя в противоправную деятельность, во-вторых, большим материальным ущербом и формированием стой-

кого негативного общественного мнения в отношении не сумевших предотвратить теракт силовиков в случае успешного завершения каждой запланированной акции.

Работа по противодействию вовлечению граждан Российской Федерации в экстремистскую и террористическую деятельность ведется значительная, однако украинские спецслужбы постоянно наращивают масштабы работы.

Критерии отбора при этом практически не применяются: к противоправной деятельности привлекаются как оппозиционно настроенные молодые люди из числа прозападной интеллигенции, так и приверженцы откровенно уголовных субкультур, маргиналы, лица с психическими расстройствами.

Детальное изучение биографий и психологических портретов раскрытых российскими правоохранителями агентов украинских спецслужб (как вынужденных, так и добровольных), позволяет выделить общее в них, явившиеся тем корнем проблемы, что подтолкнуло этих, ничем не примечательных, людей в руки к непримиримому врагу самой идеи «Русского мира», а следовательно, и выработать эффективные меры противодействия данному явлению в дальнейшем.

Объединяет оказавшихся под воздействием ЦИПсО отсутствие четкой политической позиции, иногда доходящее до полной деидеологизации, размытая историческая идентичность, безразличное отношение к традиционным для российского государства ценностным установкам [1, с. 597–607].

Как показал опыт последних лет, полностью прекратить массированное информационное воздействие извне, осуществляемое с использованием современных телекоммуникационных средств, при помощи правоохранительных органов или даже армии вряд ли получится. Силовые методы против массированного информационного воздействия демонстрируют весьма низкий эффект.

В данной ситуации требуются рассчитанные на длительную перспективу ответные контрпропагандистские меры, ориентированные в первую очередь на молодежь, впрочем, оставлять в стороне прочие категории граждан также нельзя, поскольку подпасть под влияние опытных манипуляторов из ЦИПсО может практически каждый. Особенно в новых регионах РФ, которые длительное время подвергались воздействию информационного поля, чуждого идеологии «Русского мира», в результате чего среди населения все еще высок показатель сепаратистских настроений.

Только разъяснительной работы, осуществляемой в рамках реализации молодежной политики, явно недостаточно. Следует детально разоблачать ложность транслируемых идей, предоставив населению, в первую очередь молодежи, исчерпывающую информацию о том, как обезопасить себя от уловок ЦИПсО, дабы не навредить Родине в столь непростое дл нее время [3, с. 39–46].

Институтам государственной власти и общественным структурам придется противостоять не только украинским спецслужбам, но также и всему коллективному Западу с его объективным цифровым преимуществом, нивелировать которое в скором времени наверняка не удастся, даже при условии поставок аппаратного обеспечения из Китая.

При всей сложности создавшейся на данный момент ситуации ее нельзя назвать патовой. Современная Россия имеет достаточно развитую систему патриотически ориентированного воспитания, доставшуюся ей от Советского Союза и за последние десятилетия в значительной мере переработанную и усовершенствованную. Она имеет многочисленные сильные стороны, в числе которых мощный методологический и методический фундамент, огромный опыт работы с молодежью в разных социально-этнических и исторических реалиях, а также крепкие профессиональные традиции [6, с. 621–625].

В настоящее время патриотическое воспитание в РФ находится в числе главных государственных приоритетов, его масштабы постоянно наращиваются, структура воспитательного процесса обогащается и корректируется в условиях социальных и политических вызовов, с которыми сталкивается наша страна в последние годы.

В зависимости от специфики, содержания и методологических особенностей можно выделить три базовых направления, по которым сегодня проводится патриотическое воспитание: духовно-нравственное, гражданско-патриотическое, военно-патриотическое.

Ведущие позиции занимает военно-патриотическое воспитание, повсеместное внедрение которого в нынешних исторических реалиях приобретает особое значение. Военно-патриотическим воспитанием занимаются как государственные организации, так и коммерческие, число которых неуклонно растет, а также разнообразные общественные объединения. Массовость вовлечения в работу бюджетных и частных акторов, а также строгая централизация их деятельности в рамках единых государственных стандартов, делают систему патриотического воспитания, которой на данный момент располагает Россия, достаточно мощным инструментом для противодействия иностранной информационной угрозе, которая в дальнейшем будет сохраняться.

Активная работа на местах поможет сформировать у молодежи так необходимые ей сегодня духовные, нравственные, социальные и, конечно же, патриотические ценностные установки, раскрыть ее культурно-созидательный потенциал, выработать иммунитет к западным псевдоценностям, независимо от того, насколько активно враждебные силы России продвигают их.

Список источников

1. Буткевич С.А. Формирование социальной базы экстремизма и терроризма: проблемы купирования и противодействия // Ученые записки Крымского федерального университета. Юридические науки. 2024. № 3. Т. 10.

References

1. Butkevich S.A. Formation of the Social Base of Extremism and Terrorism: Problems of Narrowing and Counteracting Them // Scientific Notes of the Crimean Federal University. Legal Sciences. 2024. № 3. Vol. 10.

2. Дорцева Е.В., Родин Н.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2023. № 4.
3. Актуальные подходы к профилактической работе в молодежной среде через призму специальной военной операции // Обзор НЦПТИ. 2023. № 3(34).
4. Крыжановская И.И. Информационное противоборство в специальной военной операции на Донбассе // Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной науч. конф. Донецк, 2022.
5. Лактионова Н.Я. Антироссийская специфика украинского национализма // Обозреватель. 2021. № 10(381).
6. Лутовинов В.И. Основные направления патриотически ориентированного воспитания в современной России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы Пятой международной научно-практ. конф. М., 2023.
7. Методические рекомендации по профилактике восприятия деструктивной информации, распространяемой украинскими спецслужбами, неонацистскими и иными деструктивными организациями с использованием сети Интернет. URL: ttps://www.sibstrin.ru/files/vorotnikov/ (дата обращения: 05.02.2025).
8. Перминов А.А., Хардиков И.А., Фроликов Д.В. Методы противодействия психологическому воздействию противника на население во время проведения СВО // Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. научных статей по материалам III Международной научно-практ. конф. Уфа, 2023.
9. «План Даллеса» – теория заговора или правда? Секретный документ об уничтожении русских. URL: https://samara.tsargrad.tv/dzen/plan-dallesa-teorija-zagovora-ili-pravda-sekretnyj-dokument-ob-unichtozhenii-russkih_1176700 (дата обращения: 05.02.2025).
10. С февраля 2022 г. в Россию прибыли более 5,2 млн беженцев с территории Украины. URL: https://tass.ru/obschestvo/16914809 (дата обращения: 05.02.2025).

2. Dortseva E.V., Rodin N.V. Destructive Impact on Modern Russian Youth (Based on the Example of New Subjects of the Russian Federation) // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2023. № 4.
3. Current Approaches to Preventive Work Among the Youth through the Prism of a Special Military Operation // Review of the National Center for Political and Informatics. 2023. № 3(34).
4. Kryzhanovskaya I.I. Information Confrontation in the Special Military Operation in Donbass // Donetsk Readings: Education, Science, Innovation, Culture, and Challenges of Our Time: Proceedings of the VII International Scientific Conf. Donetsk, 2022.
5. Laktionova, N. Ya. Anti-Russian Specificity of Ukrainian Nationalism. Obozrevatel. 2021. № 10 (381).
6. Lutovinov, V. I. Main Directions of Patriotic Education in Modern Russia. Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conf. Moscow, 2023.
7. Methodological Recommendations for Preventing the Perception of Destructive Information Disseminated by Ukrainian Special Services, Neo-Nazi, and Other Destructive Organizations Using the Internet. Available at: ttps://www.sibstrin.ru/files/vorotnikov/ (date of access: 05.02.2025).
8. Perminov, A. A., Khardikov, I. A., Frolikov, D. V. Methods of Countering the Enemy's Psychological Influence on the Population During the Second World War // Current Issues in Fundamental and Applied Scientific Research: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the III International Scientific and Practical Conf. Ufa, 2023.
9. The «Dulles Plan» – Conspiracy Theory or Truth? A Secret Document on the Destruction of Russians. URL: https://samara.tsargrad.tv/dzen/plan-dallesa-teorija-zagovora-ili-pravda-sekretnyj-dokument-ob-unichtozhenii-russkih_1176700 (date of access: 05.02.2025).
10. Since February 2022, more than 5.2 million refugees have arrived in Russia from Ukraine. URL: https://tass.ru/obschestvo/16914809 (date of access: 05.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лотарев Константин Анатольевич, *кандидат политических наук, доцент кафедры истории и международных отношений. Волгоградский государственный университет. 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.*
Щербинин Сергей Владимирович, *магистр политологии, преподаватель. Новоаннинский сельскохозяйственный колледж. 403953, Российская Федерация, г. Новоаннинский, ул. Рабочая, 102.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lotarev Konstantin Anatolyevich, *PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of History and International Relations. Volgograd State University. 100, Universitetskiy Ave., Volgograd 400062 Russian Federation.*
Shcherbinin Sergey Vladimirovich, *postgraduate student of Political Science, lecturer. Novoanninsky Agricultural College. 102, Rabochaya St., Novoanninsky 403953 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 215–223.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 215–223.

Научная статья
УДК 130.12

О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Мелихов Александр Иванович
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, M-13913@mail.com

Писачкин Дмитрий Владимирович
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
dmitrypisachkin@mail.ru

Введение: *статья посвящена теоретико-философскому анализу понятия мировоззренческой безопасности как ключевого элемента национальной безопасности. Исходной гипотезой исследования является утверждение о несостоятельности модели безопасности СССР, которая игнорировала витальные потребности советского народа в сфере самоподдержания и самовоспроизводства мировоззренческой структуры.*

Материалы и методы: *в основе статьи лежит авторская теоретико-методологическая схема, примененная для философского анализа феномена мировоззренческой безопасности. Методологической базой выступают концепты органической теории государства, системной теории безопасности, гуманитарной трактовки витальных потребностей, а также философские идеи Канта, Маркса и Ильина. В работе использован междисциплинарный подход, включающий политико-философский анализ, историко-документальный метод (включая анализ стратегических директив США – «Дропшот», NSC 20/1 и др.), логический и сравнительно-исторический методы для сопоставления идеологических трансформаций.*

Результаты исследования: *авторы раскрывают механизмы воздействия США на мировоззрение населения СССР через долговременную психологическую войну, реализуемую средствами ЦРУ, и анализируют роль идеологии, воспитания и образования в обеспечении устойчивости национального сообщества.*

Выводы и заключения: *именно утрата системной мировоззренческой защиты привела к внутреннему разложению и последующему распаду Советского Союза. Мировоззренческая безопасность интерпретируется как метакатегория, синтезирующая духовную, идеологическую, информационную и культурную безопасность, что требует ее теоретико-философского осмысления и включения в национальные стратегии устойчивого развития.*

Ключевые слова: *мировоззренческая безопасность, национальная безопасность, самовоспроизводство, самоподдержание, самосохранение, идеология, ЦРУ, психологическая война, энтропия сознания, геополитика, СССР, теория безопасности, сетецентрическая война.*

Для цитирования: Мелихов А. И., Писачкин Д. В. *О необходимости теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность» / А. И. Мелихов, Д. В. Писачкин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 215–223.*

Original paper

ON THE NEED FOR A THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL STUDY OF THE CONCEPT OF «IDEOLOGICAL SECURITY»

Melikhov Alexander Ivanovich
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Pisachkin Dmitry Vladimirovich
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: *this article provides a theoretical and philosophical analysis of the concept of ideological security as a key element of national security. The initial hypothesis of the study is the inadequacy of the USSR security model, which ignored the vital needs of the Soviet people for the self-sustainment and self-reproduction of their ideological structure.*

Materials and methods: *this article is based on the author's theoretical and methodological framework applied to the philosophical analysis of the phenomenon of ideological security. The methodological framework draws on concepts of the organic theory of the state, systemic security theory, the humanitarian interpretation of vital needs, as well as the philosophical ideas of Kant, Marx, and Ilyin. The study utilizes an interdisciplinary approach, including political and philosophical analysis, historical and documentary methods (including analysis of US strategic directives – Dropshot, NSC 20/1, etc.), and logical and comparative historical methods for comparing ideological transformations.*

Results of the study: *the authors reveal the mechanisms of US influence on the worldview of the Soviet population through long-term psychological warfare conducted by the CIA, and analyze the role of ideology, upbringing, and education in ensuring the resilience of the national community.*

Findings and conclusions: *it was the loss of systemic ideological protection that led to the internal disintegration and subsequent collapse of the Soviet Union. Ideological security is interpreted as a metacategory synthesizing spiritual, ideological, informational, and cultural security, which requires its theoretical and philosophical understanding and inclusion in national sustainable development strategies.*

Keywords: *ideological security, national security, self-reproduction, self-maintenance, self-preservation, ideology, CIA, psychological warfare, entropy of consciousness, geopolitics, USSR, security theory, network-centric warfare.*

For citation: Melikhov A. I., Pisachkin D. V. *On the need for a theoretical and philosophical study of the concept of «ideological security» / A. I. Melikhov, D. V. Pisachkin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 215–223.*

Историко-идеологические предпосылки мировоззренческой безопасности. Опираясь на разработанные ранее теоретико-методологические схемы [1, с. 79–92; 2, с. 146–151] и учитывая уже проанализированные другими исследователями причины распада СССР [3, с. 26–30; 4, с. 6–41], представляется своевременным рассмотреть теоретико-философские основания несостоятельности советской модели безопасности в сфере национального мировоззрения. Исторический контекст послевоенного периода демонстрирует, как быстро изменились геополитические реалии: бывший союзник СССР в борьбе с нацизмом – Соединенные Штаты Америки – вскоре после Победы превратился в основного геополитического противника. Практически сразу, не дав Советскому Союзу восстановиться после войны, США приступили к планированию внезапного удара с применением атомного оружия. Был разработан и утвержден план под кодовым названием «Троян». Предотвратить реализацию этого замысла удалось благодаря тому, что СССР опередил США в гонке вооружений и первым создал собственное ядерное оружие, тем самым сформировав фактор сдерживания и защитив страну от неминуемой агрессии.

Осознавая угрозу ответного ядерного удара со стороны СССР, американское руководство пересмотрело свою стратегию безопасности. План «Троян» так и не был реализован; вместо него была принята новая директива, получившая название «Дропшот», которая на десятилетия вперед задала тон отношениям между сверхдержавами. Этот план делал ставку не на прямое военное столкновение, а на долговременную «психологическую войну» против СССР – программу масштабной подрывной деятельности на неопределенно длительный срок. Проанализировав стратегический потенциал Советского Союза, американские аналитики пришли к выводу, что Россию невозможно победить извне – такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и внутренними раздорами [5, с. 277]. В этом духе отмечалось и ранее: «...Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне» [6, с. 26]. Эти оценки предопределили переход США от открытой военной конфронтации к стратегии подрыва изнутри.

В свете вышеизложенного, 18 августа 1948 г. Советом национальной безопасности США была принята совершенно секретная директива NSC 20/1, четко сформулировавшая цели американской политики в отношении СССР – как на случай мирного сосуществования, так и в перспективе возможной войны [5, с. 38]. Началась затяжная холодная война, спроектированная во многом стратегами США. Именно в этот период развернулась гонка вооружений и связанные с ней геополитические процессы, известные из истории: от информационно-пропагандистского противоборства (в котором Запад одерживал верх) и военного противостояния на периферии (включая войну в Афганистане) до постепенного истощения советской системы и в конечном итоге распада Советского Союза как государства.

Первый министр обороны США Дж. Форрестол цинично заявлял: «Понятие “безопасность” более не существует. Мощь подобна богатству: либо ее используют, либо ее утрачивают». Эта откровенная формулировка отражала предельно прагматичный, силовой подход к безопасности. Подобный взгляд созвучен кантовскому предостережению о природе власти: «…дело в том, что человек есть животное, нуждающееся в повелителе; как разумное существо, он стремится создать закон, определяющий границы произвола для всех, но своекорыстная животная склонность побуждает его сделать для себя исключение. Каждый, облеченный властью, всегда будет злоупотреблять своей свободой, если над ним нет никого, кто распоряжался бы им согласно закону. Вот в чем трудность задачи, стоящей перед человечеством» [5, с. 141]. Другими словами, в основе политики безопасности западных элит лежало убеждение, что удержание превосходства требует постоянного давления и контроля, без моральных ограничений.

При такой геополитической конфигурации иллюзий относительно прочного мирного сосуществования практически не оставалось. Особый интерес представляет исторический факт: уже 18 ноября 1944 г. руководитель американской разведки генерал-майор У. Донован направил президенту Ф. Рузвельту записку с предложением создать после войны Центральное разведывательное управление, непосредственно подчиненное главе государства [5, с. 99]. Согласно концепции, сформулированной позднее директором ЦРУ А. Даллесом, традиционная разведывательная деятельность должна была составлять не более 10 % работы этого ведомства, а 90 % усилий предполагалось направить на тайную подрывную деятельность на территориях стран-мишеней [5, с. 9]. Даллес утверждал, что необходима «агрессивная тайная психологическая, политическая и квазивоенная организация, более эффективная, более уникальная и, в случае необходимости, более беспощадная, чем та, что используется врагом... мы должны развивать эффективные службы шпионажа и контрразведки и научиться вести подрывную работу и уничтожать наших врагов более хитроумными, более сложными и более эффективными методами, чем используются против нас» [5, с. 9].

В развитие этих идей директивой Совета национальной безопасности США в 1955 г. на ЦРУ были возложены, в частности, задачи создавать и использовать трудности для международного коммунизма, а также дискредитировать международный коммунизм, ослабляя его партии и организации [5, с. 341]. Эти положения красноречиво свидетельствуют о намерении США вести наступательные подрывные действия против идеологического противника всеми доступными средствами даже в мирное время.

Таким образом, 18 сентября 1947 г. официально было учреждено Центральное разведывательное управление США. С момента создания эта организация непрерывно вела активную деятельность, постоянно совершенствуя методы.

ЦРУ сделало своей целью номер один противостояние Советскому Союзу. Причем ставка делалась не на прямое вооруженное противоборство, а на подрыв идеологических устоев советского общества. США стремились покорить советское сознание не пистолетом или танком, а печатным словом – брошюрой, журналом, книгой. Показателен пример успеха писателя А.И. Солженицына: этот советский писатель-диссидент получил всемирную известность, стал лауреатом Нобелевской премии и был удостоен почетной степени Гарвардского университета [5, с. 213].

Популярность и труды Солженицына американские стратеги восприняли как пригодный материал для формирования в СССР новой мировоззренческой конструкции, выгодной политике США. Аналогичным образом на Западе был возвеличен академик-диссидент А.Д. Сахаров, также отмеченный Нобелевской премией. При этом отмечалось, что «люди типа Солженицына в основном нужны для ведения “психологической войны”, пока они находятся в пределах Советского Союза. Оказавшись на Западе, они быстро видят: им разрешаются только те действия, которые определены спецслужбами. Никакой отсебятины. Нужны только их имена и скандальная известность. Отщепенцы, попавшие на Запад из СССР, ощущают это на собственной шкуре» [5, с. 214]. Данный отрывок ясно показывает инструментальный подход спецслужб: персоналии оппозиционно настроенных советских интеллектуалов рассматривались как средство информационно-психологического давления, строго контролируемого западными кураторами.

Холодная война, длившаяся почти полвека, велась во многом как психологическое противоборство. Основной акцент американской стратегии делался на истощение противника морально, подавление его воли к сопротивлению. Согласно концепции психологической войны, ключевой задачей было искусственно создать и поддерживать внутри советского общества атмосферу тревоги, недоверия, эмоциональной нестабильности – своего рода управляемой паранойи и истерии. Если прибегнуть к спортивной аналогии, положение СССР в таком противостоянии изначально было заведомо уязвимым. Эквивалентно ситуации в командном спорте: сторона, играющая исключительно в обороне, обречена на поражение, каким бы мастерством ни обладали ее защитники и вратарь. Победу приносит наступление. В глобальном геополитическом «матче» СССР сосредоточился на защите своих позиций, в то время как США вели постоянное наступление всеми средствами. Результатом этого асимметричного противоборства и стал распад Советского Союза, который можно интерпретировать как итог многолетней целенаправленной подрывной работы, осуществленной американскими спецслужбами.

Известный марксов принцип *«бытие определяет сознание»* применительно к анализируемой ситуации означает, что внешние условия формируют внутреннее состояние общества. Иными словами, внешняя среда и воздействие извне со временем меняют сознание человека и общества в целом. С позиций философского *экстернализма* (признания доминанты внешнего над внутренним) можно утверждать: индивид рано или поздно начинает действовать в соответствии с ожиданиями окружения, а окружение формирует эти ожидания на основе тех образцов и ценностей, которые целенаправленно создает внешняя сила. Рассматривая стратегию ЦРУ через призму этих рассуждений с учетом фактора времени, нетрудно увидеть, что требуемый американской стороной результат достигнут через два поколения. Почти 50 лет системного воздействия на сознание через искусственно создаваемые внешние информационно-психологические факторы привели к кульминации – СССР перестал существовать. Важно подчеркнуть: объектом этого внешнего воздействия со стороны ЦРУ выступало прежде всего *мировоззрение* советского народа, которое за указанный период претерпело радикальную трансформацию.

Под мировоззрением понимается целостная система взглядов, принципов и ценностей, определяющая понимание мира в целом и место человека в нем. По сути, это идеальная модель *бытия* в сознании общества. В нашем случае именно это коллективное «бытие» – совокупность идеалов, идей и ценностей – стало объектом длительного внешнего воздействия и в итоге предопределило изменение *сознания* социума. Описанный выше процесс перешел точку невозврата, вызвав все сопутствующие разрушительные последствия.

С точки зрения теории безопасности возникает вопрос: в рамках какой категории следует осмысливать данную проблему, учитывая ее комплексный характер и масштабы? В арсенале научного и практического дискурса существуют различные аспекты безопасности: информационная, идеологическая, духовная, религиозная, национальная, кибербезопасность и др. Все перечисленные сферы непосредственно релевантны нашей проблематике. Однако среди этих понятий не было единого интегрального термина, который охватывал бы проблематику сохранения целостности мировоззренческой основы общества. Именно такой комплексной междисциплинарной категорией является *мировоззренческая безопасность*.

Если для Дж. Форрестола и стратегов США безопасность фактически отождествлялась с агрессивным использованием силы (т. е. была компонентом наступательной стратегии), то в контексте советской и российской философии безопасности она должна пониматься как совокупность превентивных мер, упреждающих акт агрессии. В отечественной правовой мысли безопасность трактуется как многоуровневое явление. В частности, отмечается: «Национальная, государственная и конституционная безопасность в целом есть степень защищенности личности, общества и государства. Она может создаваться тремя путями: прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз; упреждающей нейтрализацией источников опасности; и развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих защищаемых объектов» [6, с. 10]. Данный подход подчеркивает необходимость не только реагировать на угрозы, но и укреплять внутренние «иммунные» механизмы системы.

Современные исследователи напрямую указывают, что «проблема духовной [и] мировоззренческой безопасности в сегодняшнем мире выдвигается на первый план в жизни личности,

общественных институтов, государства, человечества и мира в целом» [7, с. 76–80]. Мировоззренческая безопасность, если рассматривать ее в собственном значении – как безопасность *сферы мировоззрения*, – носит синергетический, интегративный характер, превосходящий по охвату перечисленные частные аспекты (духовный, идеологический, информационный и т. д.). Иными словами, мировоззренческая безопасность представляет собой надстроечную метакатегорию, которая объединяет в себе духовную, религиозную, идеологическую и информационную составляющие. Весь этот спектр образует структуру мировоззренческой безопасности.

По своим характеристикам мировоззренческая безопасность предстает как *глобальная система*, включающая ряд локальных подсистем. Это связано с тем, что формирование и поддержание мировоззрения – длительный процесс, затрагивающий многие уровни: от индивидуального сознания до массовой культуры. Воспитание у социума определенных взглядов, ценностных приоритетов и волевых качеств – многогранная и нередко противоречивая задача, решить которую можно только посредством целенаправленных, систематических усилий многих институтов. Если концепция ЦРУ предполагала планомерное психологическое воздействие на массы, то и противодействие ему должно было носить пропорционально системный и продуманный характер.

Отдельного анализа заслуживает вопрос, почему для реализации программы идеологического разложения потребовалась смена двух поколений. Дело в том, что вплоть до конца 1980-х гг. руководящие позиции в СССР занимали люди, воспитанные в советской системе ценностей: выпускники советских вузов, офицеры – выпускники советских военных училищ и академий, носители коммунистической идеологии. В советской системе образования и общественной жизни огромное значение придавалось идеологическому воспитанию. Существовали массовые организации, охватывающие молодое поколение – от октябрят и пионеров до комсомола; в вузах действовали структурные подразделения, занимавшиеся идеологической работой (формально это называлось преподаванием основ марксизма-ленинизма, иногда неофициально – «идеологический факультет»). Эти структуры создавали прочный каркас мировоззренческой устойчивости общества. Не случайно в новейшей истории бросается в глаза следующее совпадение: 27–28 сентября 1991 г. прекратили деятельность пионерская, октябрятская и комсомольская организации, а уже 26 декабря 1991 г. официально прекратил существование Советский Союз. Сначала были демонтированы идеологические опоры – и лишь затем рухнуло само государство. Это явно свидетельствует о прямой взаимосвязи: утрата институтов воспроизводства ценностей предшествовала распаду страны.

Исторические параллели подтверждают фундаментальную роль идеологии в обеспечении национальной устойчивости. Еще философ И.А. Ильин, рассуждая о дореволюционной России, писал: «…в течение веков православие считалось отличительной чертой русскости – в борьбе с татарами, латинянами и другими иноверцами; в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а верою и ее содержанием; и русские войны велись в ограждение нашей духовной и вероисповедной самобытности и свободы. Так было издревле – до конца XIX в. включительно. Поэтому русское национальное самосознание не впадало в соблазны экономизма, этатизма и империализма» [8, с. 47].

Обращая внимание на эти слова, можно заключить, насколько важное значение идеологически-духовное начало всегда играло в безопасности российского государства. Ослабление доминирующей идеологии неминуемо влекло системный кризис. Так, революция 1917 г. произошла после разложения прежней мировоззренческой конструкции, основанной на православно-монархических ценностях, что создало предпосылки для уязвимости правящего режима. Россия в форме империи перестала существовать, утратив духовное единство общества. Аналогичные процессы наблюдались на исходе советской эпохи: ослабление и последующий демонтаж коммунистической идеологии привели к распаду СССР. Политическая конъюнктура в обоих случаях, несмотря на различные исторические эпохи, обладает очевидным сходством: недостаточная устойчивость ценностного фундамента делала государственный организм неспособным противостоять внутренней эрозии и внешнему давлению.

Исходя из объективных реалий, стратегия ЦРУ была рассчитана на формирование нового поколения с измененным мировоззрением, для чего требовалось дождаться естественной смены поколений, не ослабляя при этом ни на минуту комплекса подрывных мероприятий. Старшее поколение, воспитанное в условиях советской системы, должно было постепенно уйти, уступив место молодежи, чье сознание подвергалось целенаправленному внешнему воздействию.

Выявленный нами разрыв в системе мировоззренческой безопасности советского народа целесообразно проанализировать в рамках авторской концепции национальной безопасности, опирающейся на органическую теорию государства. Прежде всего, отметим исходные дефиниции. С нашей точки зрения, жизнь – это не только выживание, а безопасность – это обеспечение удовлетворения лишь тех потребностей, которые являются vitally-необходимыми и достаточными для выживания. Иными словами, безопасность должна рассматриваться через призму витальных (жизненно важных) потребностей коллективного субъекта.

Традиционно национальная безопасность понималась главным образом как самосохранение, т. е. защита внешней целостности государства и общества. В таком подходе делался упор на военную и политическую компоненты – сохранение территориальной неприкосновенности, независимости, государственного суверенитета перед лицом внешних угроз. Однако предлагаем расширить этот взгляд, введя дополнительные измерения: самоподдержание и самовоспроизводство. Под самоподдержанием понимается поддержание внутреннего равновесия и контроля над внутренней *энтропией* (дезорганизацией) социального организма, а под самовоспроизводством – способность общества к воспроизводству себя в новом поколении, передаче далее своих базовых ценностей, норм и институтов.

Важно подчеркнуть, что и в самосохранении, и в самоподдержании, и в самовоспроизводстве существует определенный набор действий, необходимых и достаточных именно для *выживания*. Остальные проявления жизнедеятельности выходят за рамки непосредственно выживательных потребностей и относятся к сфере развития, комфорта, культуры и т. д. Например, военный парад, высокая кухня или изысканное искусство – важные элементы жизни общества, но они не принадлежат к разряду условий, без которых невозможно физическое существование. Не вся жизнь общества должна сводиться к борьбе за выживание – безопасность предполагает минимизацию экзистенциальных угроз, после чего сверх этого возможны иные активности.

С другой стороны, в обыденном сознании национальная безопасность долгое время ассоциировалась исключительно с деятельностью специальных органов – армии, спецслужб, правоохранительных структур, т. е. с работой сил и средств обеспечения безопасности. Мы трактуем эти структуры как искусственно созданных профессиональных носителей и источники защитных функций, которые субъект безопасности (государство от имени народа) применяет для нейтрализации угроз. В таком ключе вооруженные силы, органы безопасности и полиция выступают организационно-материальным комплексом, обеспечивающим внешнюю и внутреннюю охрану условий выживания.

Однако одной из причин краха советской системы безопасности стало то, что при всей мощи силовых структур не были должным образом обеспечены витальные потребности населения в сравнительно «мирных» сферах – информационной, продовольственной и др. Иначе говоря, гонка вооружений и глобальное противостояние требовали колоссальных ресурсов, из-за чего были упущены ключевые внутренние аспекты благосостояния народа. Советский Союз, стремясь к военному паритету и поддерживая союзников по всему миру, допустил дефицит внимания к качеству жизни своих граждан, информационной открытости и разнообразию – а эти факторы напрямую влияют на устойчивость государства изнутри.

Уроки истории свидетельствуют, что необходим баланс между интересами безопасности народа как коллективного субъекта и интересами защищенности государства, общества и личности как объектов управления. Этот баланс предполагает, что государственная власть должна одновременно заботиться о самосохранении страны (защита от внешних угроз) и о самоподдержании и самовоспроизводстве народа (удовлетворение ключевых внутренних потребностей, поддержание ценностного ядра общества). По нашему мнению, поиск оптимального компромисса между выживанием государства *как формы* и благополучием народа *как содержания* – одна из основных задач ответственной государственной политики. Именно обеспечение необходимых и достаточных условий для выживания и развития многонационального народа РФ (в прошлом, настоящем и перспективе) должно стать приоритетом стратегии национальной безопасности.

Отрадно отметить, что современный подход в России начинает учитывать эту двуединую задачу. В настоящее время наряду с направлением деятельности по «обеспечению национальной безопасности» на высшем уровне выделено параллельное направление – обеспечение устойчивого развития. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) и Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» вводят понятие «устойчивого развития Российской Федерации» (упоминается в пп. 2, 3 Стратегии, ст. 3 Закона) наряду с собственно национальной безопасностью. В рамках данной парадигмы национальная безопасность подразумевает деятельность, необходимую и достаточную для *выживания* страны, тогда как социально-экономическое развитие – это все остальные аспекты жизни народа. Такой подход фактически разделяет задачи: одна группа направлена на предотвращение угроз существованию государства, другая – на повышение качества и устойчивости самой жизни общества.

В русле этой тенденции в отечественной практике появилось множество новых понятий, акцентирующих различные сферы обеспечения выживания: говорят о «промышленной», «продовольственной», «демографической», «финансовой», «религиозной», «кибернетической» и других видах безопасности. Появление таких терминов отражает попытку государства обеспечить в каждой из этих сфер необходимые и достаточные условия для выживания и стабильности многонационального народа России. Это позитивно, поскольку указывает на осознание многомерности национальной безопасности.

Следует иметь в виду, что угроза безопасности часто начинает реализовываться через эгоистическое поведение индивидов при удовлетворении витальных потребностей. В критических условиях человек, ведомый инстинктом самосохранения, может поступиться моралью и общественными нормами. Ведущие державы давно усвоили истину: «голод и жажда разрушают не только физические, но также и духовные и нравственные силы человека; они лишают его человеческого облика, лишают рассудка и сознания...» [9, с. 7]. Поэтому логично, что «обязательным условием сохранения самостоятельности страны является такой прогресс благосостояния народа и общих условий его жизни, при которых каждый гражданин понимает, что это стоит всех затрат на оборону», как отмечал в середине XX в. финский государственный деятель В.Таннер (эта мысль приводится в мемуарах маршала К.Г. Маннергейма) [10]. Иными словами, обеспечение базовых материальных потребностей населения – непременное условие национальной устойчивости: сытый, образованный и социально защищенный гражданин с большей готовностью поддерживает свою страну, понимая ценность ее сохранения.

При переводе категорий «безопасность» и «нация» в плоскость органической теории государства необходимо также трансформировать биологические понятия *самосохранения, самовоспроизводства и самоподдержания* в их социально-гуманитарное содержание. Эти категории, раскрывающие витальные потребности на уровне общества, требуют детальной научной проработки, чтобы выработать целостные модели

коллективной безопасности. Без такого перевода язык биологии на язык социальных наук анализ останется фрагментарным.

Прежде чем перейти к практическим выводам, уточним философско-антропологические основания. Сознание человека изначально возникает в состоянии информационного вакуума, то есть энтропии. Энтропия в научном понимании – мера хаоса, неопределенности в системе. Применительно к человеческому существованию энтропия может пониматься как природная изначальная неопределенность сознания, отсутствие упорядоченной информации у новорожденного индивида. Это своеобразный внутренний хаос, который вместе с самим человеком постоянно воспроизводится, выступая, с одной стороны, источником проблем (неизвестность, дезориентация), а с другой – мотивацией к познанию, заполнению этого вакуума. Иными словами, стремление к знанию и упорядочиванию мира – врожденный механизм снижения энтропии сознания, необходимый для выживания человека как вида.

Познание и обучение выступают базовыми врожденными направлениями человеческой деятельности, позволяющими преодолевать энтропию – заполнять исходный вакуум сознания информацией о себе и окружающем мире. Однако прежде, чем человек накопит знания и навыки, необходимые для самостоятельной жизни, его витальные потребности обеспечиваются другими механизмами. Природа наделила ребенка *инстинктами* – подсознательными алгоритмами поведения, которые помогают выжить, а общество обеспечивает его базовые потребности через родителей или опекунов. По сути, человек от природы не способен в одиночку удовлетворить свои потребности в защите, пропитании и продолжении рода. Единственная модель его выживания – это коллективное обеспечение безопасности, когда группа (семья, община, государство) берет на себя функции по защите и поддержанию каждого своего члена.

Привлекая знания естественных наук и опираясь на органическую теорию государства, можно утверждать: объективные витальные потребности человека в социально-гуманитарной сфере и отражаются в феномене безопасности. Безопасность общества – это социальный эквивалент природной потребности каждого человека в сохранении жизни, в воспроизводстве и в поддержании внутреннего равновесия. Отсюда следует, что современный подход к безопасности должен включать не только традиционное требование *самосохранения*, но и аспекты *самоподдержания и самовоспроизводства*. Эти три функции – сохранение, поддержание и воспроизводство – и составляют основные органические функции безопасности общества.

Рассмотрим их по отдельности. Обеспечение самосохранения (т. е. защиты от внешнего уничтожения, сохранения внешней целостности) – наиболее очевидная и распространенная цель коллективных моделей безопасности. Многие военные союзы и блоки созданы именно ради совместного самосохранения (примером могут служить НАТО, ОДКБ и др.). На государственном уровне аналогичная функция реализуется в так называемой модели «ночного сторожа», когда государство минимально вмешивается во внутренние дела, фокусируясь лишь на охране границ и правопорядка, или же в модели государства-«бандита» (по терминологии М. Олсона) – когда власть монополизирует насилие для контроля территории [11]. В таких случаях предполагается, что другие аспекты (поддержание социальной жизни, воспроизводство населения) происходят сами собой, без прямого вмешательства силовых структур.

Обеспечение *самоподдержания и социального самовоспроизводства наряду с самосохранением* – более сложная цель, характерная для развитых государств. Речь идет о том, что государство берет на себя заботу не только о защите от внешних врагов, но и о поддержании определенных внутренних свойств и условий жизни общества, а также о демографическом и культурном воспроизводстве. Исторически функции самоподдержания выполняли такие коллективные институты выживания, как семья, религиозные организации, система социального обеспечения (государство всеобщего благосостояния).

Развернем понятие самоподдержания. Оно включает несколько ключевых человеческих потребностей: в сенсорной насыщенности (разнообразии ощущений), в информационном притоке, в эмоциональных переживаниях, в получении удовольствий (гедонистическая составляющая). Для биологического организма удовлетворение этих потребностей поощряется нейрофизиологически – выбросом гормонов удовольствия. Значение данных факторов проявляется даже на макроуровне: можно проследить влияние ограничения удовольствий на стабильность общества. Например, введение «сухого закона» (запрет алкоголя) в США в 1920–1933 гг. и антиалкогольная кампания в СССР в 1985–1990 гг. привели к нежелательным социально-экономическим последствиям – первой последовала Великая депрессия, второй предшествовал распад СССР. Эти примеры иллюстрируют, что неудовлетворение базовых запросов населения на нормальные условия жизни (включая умеренное потребление, досуг и т. д.) может подорвать устойчивость государства не меньше, чем внешние угрозы.

В случае Советского Союза многие индивидуальные потребности в самоподдержании не были полностью удовлетворены. Советский человек испытывал нехватку разнообразной информации и культуры, ощущал однообразие идеологического дискурса. Ассортимент товаров широкого потребления и продуктов был ограниченным. Эти обстоятельства частично объясняются тем, что колоссальные ресурсы и усилия СССР уходили на военно-политическое противостояние и поддержку союзников, в ущерб внутреннему развитию. Проще говоря, нарушался принцип разумного баланса между обороной и заботой о благополучии граждан. Длительная гонка вооружений и глобальная миссия поддержки «мирового социализма» сопровождались дефицитом товаров народного потребления, однообразием в сфере культуры и информации. Внутренняя энтропия системы нарастала, поскольку люди не получали достаточно стимулов и довольствия, чтобы сохранять приверженность прежним ценностям.

На социальном уровне самоподдержание означает воспроизводство функциональных ролей и знаний в обществе. Это достигается через воспитание (постановку целей и ценностей перед

человеком от лица общества) и образование (передачу ему знаний и навыков). Идеально функционирующее общество «программирует» каждого своего члена – в позитивном смысле – так, чтобы он мог реализовать свои способности на благо себе и коллективу, занимая свое место в системе разделения труда и управления. Семья, религия, образовательные учреждения, государственная идеология – все эти институты исторически работали на то, чтобы из ребенка сформировался «полезный элемент» общества, носитель необходимых коллективу качеств.

В либеральной идеологии подобное целенаправленное формирование личности порой критически оценивается как ограничение свободы или нарушение естественных прав. Однако в действительности социальное программирование и воспитание обусловлены природой человека и необходимы для выживания общества. Без целенаправленной передачи знаний, ценностей и норм новое поколение будет вынуждено каждое раз начинать с нуля, что в условиях конкуренции обществ приведет к отставанию или гибели. Поэтому сознательный отказ государства от идеологии и воспитательной функции равнозначен ослаблению иммунитета социального организма.

В 1990-е гг. в России проявилось, к сожалению, немало примеров такого отказа. Руководство страны провозгласило приоритет общечеловеческих ценностей и «мировой безопасности» даже в ущерб непосредственным интересам собственной национальной безопасности. Одновременно в общественное сознание интенсивно внедрялась *идеология эгоизма* – ориентация на индивидуальный успех любой ценой, потребительство, культ личной выгоды. Это сопровождалось свертыванием системной работы по воспитанию населения: фактически отказом от необходимого программирования общества для обеспечения его витальных функций. Идеологический вакуум 90-х, исчезновение прежних ценностных ориентиров не сопровождались созданием новых сплачивающих идей. Более того, произошел перекос в структуре подготовки кадров: советская система образования дала многим людям высокие знания, но экономика переходного периода не сумела применить эти кадры в полной мере. Возникло массовое разочарование: образованные специалисты оказались невостребованными, что усилило социальную фрустрацию. Все эти факторы – доминирование узкого эгоистического подхода, отсутствие объединяющей идеологии, разрыв между образованием и реалиями рынка – внесли свой вклад в ослабление российского общества. Как итог, коллективная форма выживания, коей был Советский Союз, рухнула, что Президент РФ В.В. Путин позднее назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века».

Отсутствие в постсоветский период четкой идеологии и системы воспитания привело к частичной утрате управляемости на индивидуальном и общественном уровне. Управление – по сути информационный процесс: оно заключается в распространении определенной информации (команд, норм, знаний) и тем самым ориентации поведения. Если государство перестает транслировать обществу идеологические и нравственные ориентиры, оно фактически отказывается от управления, и этот вакуум немедленно заполняется чуждыми силами, продвигающими свои ценности и цели. Именно это и произошло в 1990-е: массы людей, лишенные прежних смыслов, оказались восприимчивы к разнополярным внешним влияниям, что ставило под угрозу саму самостоятельность российского развития.

Следует уточнить, что самовоспроизводство общества имеет две стороны: биологическую и социальную. Биологическое воспроизводство – продолжение рода – традиционно регулируется семьей, а также (в некоторых случаях) государством через демографическую политику. В социальных моделях прошлого вплоть до тоталитарных режимов предпринимались попытки прямого контроля над рождаемостью или ее качеством. Однако в современных условиях более актуален другой аспект: *воспроизводство социальное*, т. е. передача по временам и поколениям ключевых ценностей, норм и идентичности.

Современная западная цивилизация, к сожалению, демонстрирует примеры отказа даже от косвенной защиты биологического воспроизводства. Популяризация образа жизни, не ведущего к деторождению (речь о различных социальных трендах, подрывающих традиционную семью), по сути, ставит под удар демографическое будущее наций. С научной точки зрения такие явления можно расценивать как подрыв витальной функции общества – сознательный отказ от защиты репродуктивного потенциала народа. Некоторые авторы определяют это даже как форму *«геноцида собственного населения»*[1], ибо население лишается перспективы воспроизводства себя в будущем. Безусловно, подобные оценки носят дискуссионный характер, но факт остается фактом: цивилизация, которая перестает заботиться о продолжении себя (биологически и культурно), обречена на упадок. Человек и общество являются носителями уникальных генетических и социальных свойств, и сохранение этих свойств – через воспитание молодежи, поддержание семьи, уважение к традиционным ценностям – напрямую связано с национальной безопасностью.

В постсоветский период (после 1991 г.) Россия на практике столкнулась с ситуацией, когда она де-юре оставалась суверенным государством, но де-факто переживала системный кризис мировоззренческой безопасности. Страна некоторое время использовалась в качестве инструмента обеспечения так называемой «глобальной безопасности» – по сути, интересов других держав – в ущерб собственной национальной устойчивости. Этот процесс был завуалирован и происходил незаметно для широкой общественности, т. к.имел форму сложных манипуляций, в том числе идеологических и научно-теоретических. Формально Российская Федерация сохраняла все атрибуты независимого государства, обеспечив базовое самосохранение (территориальную целостность, суверенитет, международное признание). Однако ее способность к самоподдержанию, т. е. проведению самостоятельной социально-экономической политики, гарантирующей достойную жизнь граждан и сохранение собственной культурно-ценностной идентичности, оказалась во многом подорвана. В мировоззрении значительной части элиты и общества на место отечественных ценностей были возведены

[1] «Через 10-15 лет нас не будет»: депутат Дмитрук обвинил Зеленского в геноциде собственного населения. URL: https://www.kp.ru/online/news/6449757 (дата обращения: 17.04.2025).

чуждые, западные образцы, а в массовом сознании распространились деструктивные тенденции (культ потребления любой ценой, недоверие к государству, утрата патриотических ориентиров).

На основании всего изложенного можно сделать аргументированный вывод о том, что ныне назрела необходимость фундаментального теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность». Оно должно оформиться как самостоятельное и значимое направление в гуманитарных и политико-правовых науках. Исторический опыт СССР убедительно показал критическую уязвимость всей системы национальной безопасности в случае игнорирования сферы мировоззрения. Распад Советского Союза произошел не вследствие прямого военного поражения или немедленной экономической катастрофы, а стал итогом длительного системного воздействия на мировоззренческую структуру общества, что в конечном счете разрушило его внутреннюю устойчивость и коллективную идентичность. Этот урок подтверждает: безопасность следует осмысливать не только в физическом (военно-политическом) измерении, но и в духовно-информационном и ценностном.

Очевидна прямая зависимость стабильности государства от наличия механизмов воспроизводства базовых ценностей и взглядов. Сопоставление хронологии распада идеологических структур (пионерии, комсомола) с датой развала СССР указывает, что когда перестали функционировать институты, формирующие мировоззрение молодежи, государство утратило будущее – и практически сразу потеряло и настоящее. Следовательно, укрепление и обновление этих механизмов – задача не только педагогическая или культурная, но в самом прямом смысле политическая и стратегическая. Она требует не конъюнктурных мер, а глубокого философского переосмысления роли идеологии в жизни личности и общества.

Авторами показано, что мировоззрение – это базис, формирующий сознание, поведение и устойчивость социума, а отнюдь не второстепенная надстройка. Воздействие на мировоззрение (примером чему служит реализованная программа «психологической войны» по плану «Дропшот») приводит к изменению всего общественного организма, хотя внешне может проявляться не сразу. Следовательно, теоретико-философическое осмысление этого феномена через призму безопасности является абсолютно необходимым условием для обеспечения долгосрочной устойчивости государства.

Подводя итог, подчеркнем: мировоззренческая безопасность как интегративная категория охватывает духовную, информационную, религиозную, идеологическую и культурную безопасность. Тем самым она выступает надструктурной метакатегорией, позволяющей понять синергетическую природу угроз и комплексных средств их нейтрализации. Пока данное понятие не будет философски проработано, оно останется фрагментарным и уязвимым для манипуляций. Напротив, глубокое теоретическое осмысление мировоззренческой безопасности позволит включить ее в национальные стратегии, направленные на устойчивое развитие.

Современные вызовы – эпоха сетевых сообществ, информационных войн, «мягкой силы» – доказывают, что противоборство переместилось в сферу сознания. Безопасность в XXI в. – это не только проблема защиты территории или экономики, но и проблема сохранения целостного сознания нации. Поэтому назрела необходимость перехода от узкой концепции безопасности как выживания к более широкой концепции жизнеспособности. Последняя предполагает обеспечение внутренней энергии общества, его способности воспроизводить себя и свои ценности. Мировоззренческая безопасность является как раз тем механизмом, который обеспечивает внутреннюю жизнеспособность – через воспитание, образование, информационную политику, культуру. Здесь философия призвана дать ключи к пониманию онтологических основ и логики этих процессов. Без философского подхода мы рискуем упустить из виду важнейшее измерение национальной безопасности.

Наконец, возвращаясь к понятию энтропии сознания: если признать, что в отсутствие целенаправленного наполнения сознания человека знаниями и смыслами неизбежно растет хаос, то становится очевидной роль мировоззренческой регуляции. Мировоззренческая безопасность в этом контексте выступает как система противодействия внутренней энтропии через формирование ценностно-смысловых ориентиров. В условиях, когда основные угрозы приобретают информационно-психологический характер, мировоззрение народа превращается в главный фронт и одновременно главный ресурс обороны. Философия, вооруженная аналитическим аппаратом, способна служить инструментом такой обороны, выявляя уязвимые места коллективного сознания и предлагая способы их укрепления.

Таким образом, категория «мировоззренческая безопасность» требует фундаментального теоретико-философского исследования [12, с. 277-280; 13, с. 82-86; 14, с. 330–332; 15, с. 10–11]. Во-первых, мировоззренческая безопасность лежит в основе всех иных видов безопасности (информационной, культурной, духовной и пр.), интегрируя их в единое целое. Во-вторых, пренебрежение ею ведет к стратегической уязвимости государства, даже если военная мощь и экономика выглядят внушительно. В-третьих, философское осмысление данного феномена позволит сформировать целостную гуманитарную политику – систему мер по формированию и сохранению национального мировоззрения в условиях глобальной конкуренции идей и ценностей. Без прочного философского фундамента мировоззренческая безопасность останется непонятой, недооцененной и, как следствие, недееспособной.

Список источников

1. Мелихов А.И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3.

2. Костюченко Н.И. Современные проблемы формирования теории национальной безопасности

References

1. Melikhov A.I. National Security in Light of the Organic Theory of the State // Security Issues. 2022. № 3.

2. Kostyuchenko N.I. Current Problems of Forming a Theory of National Security and Its Teaching Due to the Lack of the Concept of the Phenomenon of

и ее преподавания, обусловленные отсутствием понятия феномена «безопасность» и разделов по основам теории социальных систем и теории управления / Н.И. Костюченко, А.И. Мелихов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3(50).

3. Фурсов А.И. Системные и субъектные факторы разрушения СССР. Крупнейшие социальные и геополитические катастрофы XX в. // Вестник политической психологии. 2020. № 1(11).

4. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик / С.Н. Бабурин, В.Э. Багдасарян, Л.Г. Ивашов [и др.] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4.

5. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

6. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России. М., 2012.

7. Звездина Г.П. Проблема формирования мировоззренческой безопасности как средство профилактики экстремизма в молодежной среде // Российский психологический журнал. 2010. № 5-6. Т. 7.

8. Ильин И.А. О русском национализме: сб. статей. Симферополь, 2016.

9. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. М., 1995. Т. 2.

10. Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999.

11. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / М. Олсон; пер. Е. Окороченко. М., 1995.

12. Солонько И.В. Мировоззренческий приоритет управления обществом как средство концептуальной власти // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2013. № 30.

13. Карпиленя Н.В. Мировоззренческие аспекты цивилизационной и геополитической безопасности союзного государства // Гуманитарные проблемы военного дела. 2014. № 1(1).

14. Кульпин А.А. Обеспечение информационно-мировоззренческой безопасности как фактор национальной безопасности // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум: материалы XXII Всероссийской студенческой научно-практ. конф. (24–25 апреля 2024 г.). Челябинск, 2024.

15. Алимарданова А.Г. Мировоззренческая безопасность молодежи как основа национальной безопасности России // Правовое образование: сб. научных статей. Ростов н/Д, 2017. Т. 2.

«Security» and Sections on the Fundamentals of the Theory of Social Systems and Management Theory / N.I. Kostyuchenko, A.I. Melikhov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(50).

3. Fursov A.I. Systemic and Subjective Factors of the Destruction of the USSR. The Major Social and Geopolitical Catastrophes of the Twentieth Century // Bulletin of Political Psychology. 2020. № 1(11).

4. The Collapse of the USSR: Factorial Foundations of a Civilizational Catastrophe. On the 30th Anniversary of the Tragic Events of the Collapse of the Union of Soviet Socialist Republics / S.N. Baburin, V.E. Bagdasaryan, L.G. Ivashov [et al.] // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2021. № 4.

5. Yakovlev N.N. CIA against the USSR. Moscow, 1983.

6. Khvilya-Olinter A.I. Spiritual and Religious Foundation of Russia's National Security. Moscow, 2012.

7. Zvezdina G.P. The Problem of Forming Ideological Security as a Means of Preventing Extremism Among the Youth // Russian Psychological Journal. 2010. № 5-6. Vol. 7.

8. Ilyin I.A. On Russian Nationalism: Collection of Articles. Simferopol, 2016.

9. Feuerbach L. Works: in 2 volumes: trans. from German. Moscow, 1995. Vol. 2.

10. Mannerheim K.G. Memoirs. Moscow, 1999.

11. The Logic of Collective Action: Public Goods and Group Theory / M. Olson; trans. by E. Okorochenko. Moscow, 1995.

12. Solonko I.V. Ideological Priority of Governance of Society as a Means of Conceptual Power // Bulletin of the St. Petersburg State Agrarian University. 2013. № 30.

13. Karpilenya N.V. Ideological Aspects of Civilizational and Geopolitical Security of the Union State // Humanitarian Problems of Military Affairs. 2014. № 1(1).

14. Kulpin A.A. Ensuring information and ideological security as a factor of national security // Modern trends in regional development: management, law, economics, society: Proceedings of the XXII All-Russian student scientific-practical. Conf. (April 24-25, 2024). Chelyabinsk, 2024.

15. Alimardanova A.G. Ideological security of youth as the basis of national security of Russia // Legal education: collection of scientific articles. Rostov n / D, 2017. Vol. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мелихов Александр Иванович, *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*
ORCID ID: 0000-0001-8987-713X

Писачкин Дмитрий Владимирович, *кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и методологии государственного управления. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Melikhov Alexander Ivanovich, *Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor in the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

Pisachkin Dmitry Vladimirovich, *PhD in Philosophy, senior Lecturer in the Department of Theory and Methodology of Public Administration. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 224–229.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 224–229.

Научная статья
УДК 304.4

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ ГРАЖДАН: НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИК (ЧАСТЬ I)

Беспалова Татьяна Викторовна
Совет по делам национальностей при Правительстве г. Москвы, Москва, Российская Федерация, tatianavereshag@yandex.ru

Беспалов Андрей Константинович
Музейно-храмовый комплекс Вооруженных сил Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация, bak2404@bk.ru

Введение: *исследовано влияние средств, методов музейной педагогики, философской трансформации пространства и времени в контексте историко-патриотического воспитания на преобразование культурно-исторического знания в патриотические убеждения граждан.*

Материалы и методы: *ключевую роль в достижении цели исследования играют междисциплинарный подход (философия, политология, история, педагогика), а также ряд общенаучных и специальных научных методов, таких как диалектический, исторический и педагогические технологии воспитания патриотизма, позволившие решить исследовательские задачи в полном объеме.*

Результаты исследования: *определяется сущность патриотизма, его двойственные характеристики, условия обретения Отчизны, «ошибки обретения Родины» и другие аспекты в контексте русской философии. Проанализированы особенности оформления коллективных воспоминаний/умолчаний в музейном пространстве и эффективность традиционных форм коммуникаций в музее с новыми педагогическими методами (виртуальными, цифровыми, квесты, мастер-классы, фотозоны).*

Выводы и заключения: *музей – институт историко-патриотического воспитания, а музейная экскурсия – особая форма коммуникации, в процессе которой раскрывается суть специфики патриотического воспитания в музейном пространстве на основе отечественных патриотических практик и традиций оформления исторической памяти, а культурно-историческое знание преобразуется в патриотические убеждения граждан.*

Ключевые слова: *патриотизм, культурно-историческое знание, музей, коммуникации, историческая память, забвение, политические риски, «образ музея».*

Для цитирования: Беспалова Т. В., Беспалов А. К. *Преобразование культурно-исторического знания в патриотические убеждения граждан: на примере музейных практик (часть I) / Т. В. Беспалова, А. К. Беспалов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 224–229.*

Original paper

TRANSFORMATION OF CULTURAL AND HISTORICAL KNOWLEDGE INTO PATRIOTIC BELIEFS OF CITIZENS: THE CASE OF MUSEUM PRACTICES (PART I)

Bespalova Tatiana Viktorovna
Member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow, Moscow, Russian Federation

Bespalov Andrey Konstantinovich
Museum and Temple Complex of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Introduction: *the influence of museum pedagogy tools and methods, as well as the philosophical transformation of space and time in the context of historical and patriotic education, on the transformation of cultural and historical knowledge into patriotic convictions among citizens is explored.*

Materials and methods: *a key role in achieving the research goal is played by an interdisciplinary approach (philosophy, political science, history, and pedagogy), as well as a number of general and specialized scientific methods, such as dialectical, historical, and pedagogical technologies for fostering patriotism, which allowed the research objectives to be fully addressed.*

Results of the study: *the essence of patriotism, its dual characteristics, the conditions for finding the Fatherland, the «mistakes of finding the Motherland», and other aspects are determined in the context of Russian philosophy. The characteristics of the shaping of collective memories/silences in the museum space and the effectiveness of traditional forms of museum communication with new pedagogical methods (virtual, digital, quests, master classes, photo zones) are analyzed.*

Findings and conclusions: *the museum is an institution for historical and patriotic education, and the museum tour is a special form of communication that reveals the essence of patriotic education within the*

museum space, drawing on domestic patriotic practices and traditions of historical memory. Cultural and historical knowledge is transformed into patriotic convictions among citizens.

Keywords: *patriotism, cultural and historical knowledge, museum, communication, historical memory, oblivion, political risks, «museum image».*

For citation: Bespalova T. V., Bespalov A. K. *Transformation of cultural and historical knowledge into patriotic beliefs of citizens: the case of museum practices (Part I) / T. V. Bespalova, A. K. Bespalov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 224–229.*

Музей как самобытный институт культуры и искусства занимает особое место в формировании исторического самосознания и патриотического мировоззрения граждан. В ряде исследований отмечается «первичность, достоверность, наглядность информации о национально-культурных традициях и непреходящих ценностях Отечества» [1], что влияет на оформление музейного пространства и его роль в формировании «чувства Родины». *Пространство является отличительной чертой музея, с одной стороны, оно ограничено представленной экспозицией и музейной экскурсией, с другой – оно безгранично, что связано с вечностью представляемых культурно-исторических ценностей*.

Каким образом происходит соотнесенность пространства и времени в музейном пространстве? Как достигается «эффект сопричастности» посетителей музея с прошлым? Какие средства музейной педагогики используются для ощущения «живой» истории на «мертвых» предметах? Как влияет настоящее и будущее на создание «нового прошлого»? Каковы пределы трансформации памяти о прошлом и как эта проблема решается в музейном пространстве?

Патриотизм в последнее время становится предметом острых дискуссий не только в молодежной среде, но и на уровне государственного управления. Имеется целый комплекс причин, затрудняющих формирование подлинного патриотизма в культурном (в частности, в музейном) пространстве:

– сложная социально-экономическая ситуация в стране;

– снижение уровня культуры и образования среди молодежи;

– нерешенность на государственном уровне проблем интерпретации «сложных» страниц истории, отсутствие официальной государственной позиции по ряду дискуссионных тем;

– трансформация памяти о Великой Отечественной войне, о героике советского периода;

– противоречие двух тенденций по вопросу оформления памяти о прошлом в музейном пространстве – «помнить все» и «помнить избирательно»;

– неучтенность в музейных практиках особенностей формирования патриотического мировоззрения и исторической памяти, героики в рамках российских/советских традиций и многое другое.

В музейной деятельности зеркально отражаются «войны памяти», ставшие привычным фоном социокультурных процессов. В музейном пространстве происходит столкновение различных версий исторической памяти, по-разному оформляющих историческую событийность, роль ключевых исторических фигур в социокультурных и политических процессах.

Несмотря на огромное количество работ, посвященных исследованию патриотизма, патриотического воспитания в музейном пространстве, формированию патриотизма средствами музейной педагогики, *в представленной постановке проблема еще не исследовалась*. Однако отдельные составляющие исследуемой темы в разной степени рассматривались в научных трудах по ряду направлений.

К первому из них относятся работы общетеоретического и философского содержания, изучавшие понятия «патриотизм», «патриотическое воспитание», «героизм», «историческая память». В работах русских философов (Н.Я. Данилевский, Н. Бердяев, И.А. Ильин, К. Леонтьев, П.Я. Чаадаев, П.Б. Струве, Г.В. Флоровский) обозначена сущность патриотизма, его двойственные характеристики («истинный – ложный», «праведный – греховный», «сознательный – инстинктивный», «народный – политический»), условия обретения Отчизны, «ошибки обретения Родины» и другие аспекты. Русская философия создает подробный понятийный ряд в процессе исследования многоуровневого явления патриотизма.

Важно отметить факты сформированности отечественных патриотических практик, отличающих Россию от иных цивилизаций и способности учитывать особенности формирования патриотизма в сфере культуры (в частности, в музейном пространстве).

Ко второму направлению относятся педагогические исследования, посвященные воспитанию чувства национальной гордости и достоинства, роли культуры, просвещения и образования в процессах формирования личности (В.А. Сухомлинский, Д.С. Лихачев, К.Д. Ушинский). Важными являются идеи о безусловном социально-педагогическом потенциале музеев, о специфике формирования исторической памяти в музейном пространстве (Ю.Н. Жуков, Д.А. Равикович, С.А. Каспаринская, Г.А. Кузина), эстетическом и нравственно-этическом воспитании средствами музейной педагогики (А.Г. Бойко, И.А. Колесникова, А.В. Петровский, Б.А. Столяров, М.Ю. Юхневич).

К третьему направлению относятся работы современных ученых о патриотизме как образовательной и политической задаче, о проблемах формирования патриотического мировоззрения в условиях «войн памяти», об инструментальном использовании патриотизма в политике и идеологии государственного патриотизма (О.Ю. Малинова, Т.В. Беспалова).

Четвертое направление представлено работами о концептуальных основах музейной педагогики (С.В. Фокин, А.Е. Сейненский, Л.М. Шляхтина).

Научная новизна исследования заключается в применении к феномену «музея» историко-философского, педагогического и политологического подходов во взаимосвязи и поиске ответа на вопрос: *«как в музейном пространстве культурно-историческое знание преобразуется в патриотические убеждения граждан»*. Можно выдвинуть *научную гипотезу, суть которой заключается в обозначении специфики патриотического воспитания в музейном пространстве на основе отечественных патриотических практик и традиций оформления исторической памяти*.

Психолого-педагогический подход позволяет максимально проанализировать механизм «вовлечения», «погружения» посетителей в картину прошлого, подобрать наиболее эффективные педагогические способы формирования национального мировоззрения.

Исторический подход дает возможность выстроить континуальную героическую историю народа (русского, советского, российского), историю войн и побед, ощутить подвиг народа в периоды войн, отрефлексировать подмену героики и предательства в периоды социальных перемен в музейном пространстве.

Аксиологический подход акцентирует внимание на значимых для сохранения государственности (российской, советской) ценностей патриотизма, исторической правды и истины, любви к Родине, веры в ее великое будущее.

Философско-политологический подход дает возможность концептуализировать перспективы музейной педагогики в современных политических условиях и предложить решение проблем и парадоксов, возникающих в процессе формирования патриотического мировоззрения в музейном пространстве.

Представленность музейных предметов не абстрактна, их выбор происходит на основе определенных критериев и создает неразрывную взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего. Главным в восприятии музейного пространства является *созерцание вещей, которое дает возможность представить, каким было прошлое*. Непостижимый эффект сопричастности посетителей музея с прошлым, когда *через историю, стоящую за вещью, ощущается эпоха* со всеми ее победами и трагедиями, героикой и предательством, становится фундаментальной отличительной чертой музейного пространства. В русской философии описывается акт творческого созерцания художественного предмета, который дает возможность приблизиться к его объективному содержанию [2].

Специфика оформления коллективных воспоминаний/умолчаний в музейном пространстве не сводима к «простому перечислению» музейных предметов в экспозиции, выбор экспонатов происходит на основе комплекса критериев – *научных, эстетических, патриотических, исторических, пространственных, хронологических, политических (идеологических)*. Иногда выбор предмета затруднен противоречием вышеобозначенных критериев, например, музейный экспонат может представлять безусловную историческую ценность, но не будет способствовать формированию патриотического мировоззрения. Или музейный экспонат совершенно не привлекателен с эстетической точки зрения, но история, легендарная фигура, стоящая за ним создают необходимую нравственно-этическую атмосферу и привлекает посетителей музея больше, чем другие экспонаты. Поэтому обозначение критериев носит условный характер, а выбор экспонатов субъективен, обусловлен мировоззрением музейных работников.

Музейная выставка (музейная экспозиция) – это пересечение самых различных интересов как внутри музея, так и за его пределами, поэтому выбор способа коммуникации в музейном пространстве связан не только с мировоззренческими убеждениями сотрудников музея, но и с реализуемыми политическими (идеологическими) проектами, с накопленным музейным знанием и его соотнесенностью с социокультурными вызовами времени. Музейное пространство меняется под влиянием вызовов политического времени. Современная роль музея во многом обусловлена *способом трансляции исторического знания, без исследования коммуникативных особенностей музейного пространства сложно представить диалог «экскурсовод – посетитель»* (музейные экспонаты – фон).

В процессе выстраивания диалога с посетителями в музейном пространстве необходимо учитывать контекстуальные аспекты: институциональные, политические, социальные и эпистемологические [3]. Подготовка музейной выставки (экспозиции) включает *пять этапов*: придумывание идеи, написание концепции, переговоры с дирекцией, монтаж и открытие [3]. Главным этапом является создание идеи, которая может быть положена в основу концепции и отражена в музейной выставочной деятельности. Довольно часто в музейных практиках возникает проблема «приоритетного критерия» для выбора экспонатов с учетом обозначенной идеи. Написание концепции музея или музейной выставки не всегда решает вопрос, иногда в рамках уже написанной концепции может быть реализовано несколько стратегий развития музея и создано несколько различных по содержанию (хоть и в рамках одной темы) музейных выставок.

Монтаж экспозиции требует искусства оформления культурно-исторического знания в музейном пространстве, т. к. от способа расположения музейных предметов по отношению друг к другу (эстетика, историческая логика) зависит ее восприятие. Формирование «чувства Родины» в музейном пространстве зависит от множества факторов – оформления музейного пространства, формы трансляции культурно-исторического знания, уровня культуры и образования посетителей, личности экскурсовода, соотношения традиционных и креативных технологий подачи материала и др.

Специфика музейных практик в России не только в создании условий для «созерцания», но и в актуализации именно рос-

сийской истории и культуры, требующей «патриотичного взгляда» на самые сложные страницы истории. *Специфика любого музейного пространства* в собирании символов, вещей, знаний, текстов в русле осмысления исторического прошлого, *а самобытность российских музеев* в выигрышной подаче (содержательной, эстетической, педагогической, технологической) культурно-исторического знания, *которое не всегда сводимо к объективности историка*. «Помнить все» или «помнить избирательно» – две тенденции, которые находятся в постоянном противоборстве.

В работах, посвященных изучению метафизики памяти, можно встретить описание двух условий памяти: «помнить все» и «не помнить ничего». «Если человек не помнит все, то он не вспомнит ничего конкретного, он вообще не может помнить. Память подобна парадоксу Сократа – Платона: чтобы нечто узнать, надо его уже в каком-то смысле знать, иначе неизвестно куда идти, что искать. Чтобы что-нибудь вспомнить, я должен уже помнить это, помнить не по содержанию, а по форме, быть памятливым, т. е. вглядываться в свое прошлое и постоянно ощущать его присутствие» [4]. Возникает некая готовность «помнить», которая напоминает веру, т. к. в своем изначальном проявлении не связана с точным знанием. Это своего рода «вечная память». Условие «помнить все», конечно, нельзя воспринимать буквально. В.Д. Губин описывает в работе «Метафизика памяти» рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Память длиною в жизнь: история Фунеса, человека, который помнил все» и показывает, что эта способность одновременно и радовала, и тяготила главного героя, а память превратилась в «сточную канаву». Неспособность к забвению превращает память в груз, а знание, полученное в избытке, перестает действовать в качестве преобразующего мотива [5]. В современной ситуации существует желание ряда политических сил наполнить национальную память нашего народа «неизвестными» (не всегда благозвучными) страницами истории, превращает ее в груз вины и ответственности.

В музейном пространстве константна проблема: какие исторические сюжеты актуализировать, а какие предать забвению. Забвение не синонимично отрицанию прошлого, а связано с изъятием из коммуникативного процесса исторического знания, которое разъединяет общество. Это одна из дискуссионных тем – на каких музейных экспонатах акцентировать особое внимание? Какие социальные группы решают, «что помнить», а «что забыть»? Почему в научной среде *понятия «политика памяти» и «политика забвения»* давно устоялись, а на уровне государственного и политического управления (культурной политики, музейных практик) эти тенденции не всегда учитываются?

В условиях радикальных социокультурных перемен в музейных практиках можно констатировать серьезное противоборство за смыслы и ценности, которые создают разный образ будущего России на основе акцентировки внимания на различном прошлом. Формирование уважительного отношения к отечественной истории возможно только при условии обозначения четкой государственной позиции по ряду дискуссионных вопросов истории и минимизации политических рисков, которые существуют в каждой музейной экспозиции.

Особо следует остановиться на приоритетном использовании музеями в последние десятилетия не оригиналов, а копий предметов, что отчасти вызвано условиями хранения оригиналов, но в большей степени отражает общую тенденцию вытеснения «подлинного, достоверного, наглядного» из музейного пространства копией или ее виртуальным аналогом. *Речь идет о серьезной трансформации сущности музея, не сводимой к эволюции форм музейной деятельности* («музей в чемоданчике», «музей на воздухе»). В условиях «культурной войны» (понятие А. Гобара) вытеснение оригиналов и доминирование цифрового контента в музейном пространстве может привести к легкой смене политического дискурса путем изменения информации-знания. Музей становится площадкой борьбы идеологий, смыслов и ценностей, средством которой является символическое прошлое, поэтому при подготовке музейной экспозиции в патриотическом дискурсе помимо научного обоснования учитывается политический фактор.

Формирование ценности служения в музейном пространстве происходит *латентно*. Посетители музея внимают истории, которая средствами музейной педагогики выстроена с акцентами на самых эффектных экспонатах (редких, значимых, эстетичных, древних – критерии могут быть различными). Постигая знакомые исторические смыслы в музейном пространстве через созерцание, посетители могут открывать совершенно новые смыслы известных исторических событий.

Особенности коммуникативного пространства в музее различны: *от «гробовой тишины» как условия созерцания музейных предметов (классика) до «навязчивого» музыкального сопровождения с целью усиления эффекта в восприятии музейной экспозиции и возможности прикоснуться к артефакту*. Баланс традиционных форм коммуникаций в музее и новых педагогических методов (виртуальных, цифровых, квестов, мастер-классов, фотозон) возможен только на конкретных примерах. Остается важной *проблема осмысления «тишины» как условия созерцания, творческого созерцания, дающего возможность для размышления, для медленного восприятия, восприятия «на долгом дыхании»*. Такое восприятие позволяет ярче зафиксировать историю/легенду, чем быстрая навязчивая эффектная картинка, т. к. является самостоятельной рефлексией посетителя на музейный предмет как отражение истории. Учитывается ли этот факт в русле проведения музейной экскурсии или подключаются иные средства музейной педагогики? Российская музейная аудитория уже изменилась (уровень культуры, образо-

вания), и восприятие в условиях активной коммуникации (музейная экскурсия, музыкальное сопровождение, тактильный контакт с музейными предметами – копиями) иногда доминирует над созерцанием.

Созерцание выступает важнейшей характеристикой восприятия искусства в русской/российской традиции, и его подмена в коммуникативном пространстве приведет либо к снижению восприятия музейной экспозиции, либо к формированию новых традиций восприятия культуры и искусства.

Виртуализация музейного пространства приняла активные формы в период пандемии, что способствовало, с одной стороны, комфортному постижению культурных благ «не выходя из дома», с другой – сохранившийся перевес в пользу виртуального контента в ряде музеев способствует оттоку туристов из них, хотя иногда есть противоположная позиция – увеличение туристских потоков с помощью виртуальных музеев. Попробуем исследовать процесс виртуализации музейного пространства с точки зрения формирования патриотизма.

Виртуальный музей осмысливается в научном пространстве как источник информации (С.Н. Бобкова, Т.Е. Фадеева), как средство формирования патриотического мировоззрения (В.В. Веревкина, В.В. Кондратьева) [6], однако практически нет работ, где исследуются проблемы формирования патриотизма в виртуальном музее. Такой музей представляет собой информационную систему, где представлены «оцифрованные» музейные предметы, представляющие единую электронную коллекцию. Его пространство кардинально отличается от пространства «традиционного» музея фактом своего бытия – в реальном и в виртуальном мире.

Каким образом в виртуальном музее решается задача сопричастности посетителей с прошлым? Как создается нравственно-этическая и психологическая атмосфера? Наконец, возможно ли эффективно формировать «чувство Родины» дистанционно? Какие сложности применения музейной педагогики возникают в виртуальном музейном пространстве? Как меняется сущность музея и музейной деятельности в виртуальном пространстве?

Сразу отметим различие *двух типов виртуальных музеев* – виртуальных музеев как аналогов существующих реально музеев и виртуальных музеев, не существующих в реальности. В обоих случаях есть некоторые сложности в восприятии электронных музейных коллекций.

Во-первых, 3D-прогулки, виртуальные панорамы, квесты, викторины, симулятивные игры кардинально меняют сущность музейной деятельности и восприятие музейных предметов. Дистанционное созерцание музейного предмета отличается от созерцания реального предмета, как, например, отличается реальное купание человека в море от рассматривания аналогичной по содержанию картинки. Эффект восприятия культурно-исторического знания снижается не столько по причине сложности восприятия, сколько по причине отсутствия реальной коммуникации.

Во-вторых, постижение культурных благ в виртуальном пространстве требует наличия компьютерных навыков, определенного уровня обладания информационно-коммуникативными технологиями. Аудитория виртуального музейного пространства сужается до посетителей, обладающих подобными навыками и «желающих» постигать культурно-историческое наследие в виртуальном мире, а также расширяется за счет тех, у которых нет возможности посетить музей реально.

В-третьих, эффективность формирования патриотического мировоззрения в виртуальном музее невозможно «измерить» по причине немотивированных (непрозрачных) ответов посетителями на вопросы об «образе музея» и восприятии значимых исторических событий. «Открытость» диалога исключена, а виртуально можно дать любой ответ, оставаясь анонимным пользователем.

В-четвертых, экскурсия проходит в «придуманном» музее, смоделированном, не существующем в реальности, но в ней используется электронная коллекция музейных экспонатов, за которыми стоят «реальные экспонаты», а вот уже за ними – реальная история. Эффект сопричастности достигнуть практически невозможно по причине отсутствия эмпирического (чувственного – эмоционального) фона, возможного только в реальном диалоге. Люди, обладающие компьютерными навыками, иногда предпочитают именно виртуальный формат посещения музея за счет доступности, быстроты получения информации в рамках научной, образовательной и просветительской работы.

В ряде научных работ обозначается возможность использования виртуального музея как средства формирования патриотического мировоззрения в рамках основного и дополнительного образования [6], с целью трансформации традиционных форм воспитания, которые считаются неэффективными. На пересечении двух сфер государственной политики – образовательной и культурной – возникает идея использования виртуального музея как креативного средства формирования патриотического мировоззрения в образовательном процессе. Растет число виртуальных музеев в регионах на базе школ, вузов, однако вопрос, насколько это влияет на формирование «чувства Родины», остается открытым. «Эффект присутствия» в прошлом в рамках виртуальных способов постижения культурно-исторического знания требует отдельного исследования.

В ряде работ констатируется положительный эффект включения в образовательный процесс виртуальных музеев, что позволяет активно привлекать культурно-историческое знание в процессы формирования ценности патриотизма. Демонстрация виртуального музея происходит при помощи виртуального тура и дает возможность посетить самые отдаленные уголки Отечества, в которых хранятся уникальные исторические артефакты.

Восприятие музейной экспозиции в виртуальном музее, которого не существует в реальности, отличается от восприятия экспозиции виртуального музея, который реально существует. Во втором случае возникает желание посетить реальный аналог музейного пространства. В целом способность с помощью компьютерных технологий воссоздать любое историческое событие, сделать его участником посетителей музея дает неограниченные возможности в расширении потенциала виртуального музея в процессах формирования патриотического мировоззрения молодежи.

Применимы ли в этом случае классические средства музейной педагогики? QR-код в пространстве школы позволяет сэкономить реальное пространство школы и приобщиться школьникам к единой информационной системе. Постижение в виртуальном музее истории России дополняет исторические знания, но не позволяет создать «эффект сопричастности» с прошлым, однако за неимением альтернативы такой способ постижения музейной экспозиции пока незаменим.

Список источников

1. Корчагин Е.Н. Историко-патриотическое воспитание средствами музейной деятельности: дис. … канд. пед. наук. URL: https://www.dissercat.com/content/istoriko-patrioticheskoe-vospitanie-sredstvami-muzeinoi-deyatelnosti (дата обращения: 29.04.2025).
2. Мурышев К.Е. Значение и природа творческого созерцания в философии искусства И.А. Ильина. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-priroda-tvorcheskogo-sozertsaniya-v-filosofii-iskusstva-i-a-ilina-1 (дата обращения: 05.05.2025).
3. Руденко Н.И. Музейные практики производства культуры: на примере выставочной деятельности Российского этнографического музея: дис. …канд. социол. наук. URL: https://www.dissercat.com/content/muzeinye-praktiki-proizvodstva-kultury-na-primere-vystavochnoi-deyatelnosti-rossiiskogo-etno (дата обращения: 05.05.2025).
4. Губин В.Д. Метафизика памяти. М., 2019.
5. Национальная память в эпоху перемен // отв. ред. Т.В. Беспалова. М., 2020.
6. Дронова Н.А. Виртуальный музей как метод обучения школьников и средство патриотического воспитания. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-muzey-kak-metod-obucheniya-shkolnikov-i-sredstvo-patrioticheskogo-vospitaniya (дата обращения: 30.06.2025).

References

1. Korchagin E.N. Historical and Patriotic Education by Means of Museum Activities: diss. … PhD in Pedagogy. URL: https://www.dissercat.com/content/istoriko-patrioticheskoe-vospitanie-sredstvami-muzeinoi-deyatelnosti (date of access: 29.04.2025).
2. Muryshev K.E. The Meaning and Nature of Creative Contemplation in I.A. Ilyin's Philosophy of Art. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-priroda-tvorcheskogo-sozertsaniya-v-filosofii-iskusstva-i-a-ilina-1 (date of access: 05.05.2025).
3. Rudenko N.I. Museum Practices of Cultural Production: Based on the Example of Exhibition Activities of the Russian Ethnographic Museum: diss. … PhD in Sociology. URL: https://www.dissercat.com/content/muzeinye-praktiki-proizvodstva-kultury-na-primere-vystavochnoi-deyatelnosti-rossiiskogo-etno (date of access: 05.05.2025).
4. Gubin V.D. Metaphysics of Memory. Moscow, 2019.
5. National Memory in the Era of Change // Ed. T.V. Bespalova. Moscow, 2020.
6. Dronova N.A. Virtual Museum as a Method of Teaching Schoolchildren and a Means of Patriotic Education. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-muzey-kak-metod-obucheniya-shkolnikov-i-sredstvo-patrioticheskogo-vospitaniya (date of access: 30.06.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспалова Татьяна Викторовна, *доктор философских наук, кандидат политических наук, профессор, член Совета по делам национальностей при Правительстве г. Москвы. Совет по делам национальностей при Правительстве г. Москвы. 125032, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тверская, 13.*

Беспалов Андрей Константинович, *младший научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной и фондовой работы. Музейно-храмовый комплекс Вооруженных сил Российской Федерации. 143070, Российская Федерация, г.о. Одинцовский, тер. Парк Патриот, 1, стр. 3.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bespalova Tatyana Viktorovna, *Grand PhD in Philosophy, PhD in Political Sciences, Professor, Member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow. 13, Tverskaya St., Moscow 125032 Russian Federation.*

Bespalov Andrey Konstantinovich, *Junior Researcher at the Department of Exhibitions and Collections. Museum and Temple Complex of the Armed Forces of the Russian Federation. 1/3, Patriot Park Ter., Odintsovo District, Moscow 143070 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 230–234.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 230–234.

Научная статья
УДК 81’32

ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Внуковская Анастасия Васильевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vnykastya@mail.ru

Шихиев Фуад Шукурович
Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Российская Федерация, ai.sinsem@gmail.com

Шихиев Зияд Фуадович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ziyadshikhiev@mail.ru

Введение: *в данной статье рассматривается вопрос об отображении естественного языка посредством информационных технологий и, следовательно, проблема реализации языковой деятельности в искусственном интеллекте.*

Материалы и методы: *при проведении исследования использовались философские, общенаучные и частнонаучные (диалектической и формальной логики, системный), теоретические (анализ и синтез литературы по проблеме исследования) и эмпирические (наблюдение и сравнительный анализ) методы.*

Результаты исследования: *авторами проанализированы основные принципы языка в искусственном интеллекте, что позволяет утверждать возможность исследования особенностей любого конкретного естественного языка путем его формализации.*

Выводы и заключения: *естественный язык как информационная система есть явление, обусловленное закономерным эволюционным развитием физиологии человека. Он включает в себе грамматику и семантику – абстрактную математику и живое мышление, находящиеся в отношениях противопоставления. Человеческий мозг способен объединять их, в то время как электронике и цифровой технике сложно имитировать мышление. Язык – инструмент мышления. Чтобы найти общее между мышлением и алгоритмом, нужно создать соответствующую компьютерную грамматику и формализовать понятие предложения.*

Ключевые слова: *естественный язык, компьютерная лингвистика, синтаксические сети, семантические сети, алгоритм.*

Для цитирования: Внуковская А. В., Шихиев Ф. Ш., Шихиев З. Ф. *Проблемы и принципы реализации языковой деятельности в искусственном интеллекте / А. В. Внуковская, Ф. Ш. Шихиев, З. Ф. Шихиев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 230–234.*

Original paper

PROBLEMS AND PRINCIPLES OF REALIZATION OF LANGUAGE ACTIVITY IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Vnukovskaya Anastasia Vasilyevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shikhiev Fuad Shukurovich
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russian Federation

Shikhiev Ziyad Fuadovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *this article examines the mapping of natural language using information technology and, consequently, the problem of implementing language activity in artificial intelligence.*

Materials and methods: *the study utilized philosophical, general, and specific scientific (dialectical and formal logic, systems), theoretical (analysis and synthesis of literature on the research problem), and empirical (observation and comparative analysis) methods. Results: The authors analyzed the fundamental principles of language in artificial intelligence, which suggests the possibility of studying the characteristics of any specific natural language through its formalization.*

Findings and conclusions: *natural language as an information system is a phenomenon conditioned by the natural evolutionary development of human physiology. It encompasses grammar and semantics – abstract mathematics and living thought, which exist in a relationship of opposition. The human brain is capable of combining them, while electronics and digital technology find it difficult to imitate thinking. Language is a tool for thinking. To find common ground between thinking and algorithms, we need to create a corresponding computer grammar and formalize the concept of a sentence.*

Keywords: *natural language, computational linguistics, syntactic networks, semantic networks, algorithm.*

For citation: Vnukovskaya A. V., Shikhiev F. Sh., Shikhiev Z. F. *Problems and principles of realization of language activity in artificial intelligence / A.V. Vnukovskaya, F.Sh. Shikhiev, Z.F. Shikhiev // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 230–234.*

В эволюции субстанции наблюдается тенденция к объединению простых ее форм в более крупные: от силовых полей и элементарных частиц до телесных образований. Укрупнение в данном случае происходит путем притяжения мелких объектов друг к другу почти безо всякой деформации их структуры и свойств. То есть строится пирамидальная иерархия из элементов материи; каждый новый объект заполняет свой уровень эволюции во Вселенной и становится стройматериалом для следующего творения природы.

Между элементами каждого уровня эволюции возникают присущие им формы взаимодействия. Суть взаимодействия заключается в передаче информации от одного объекта к другому. Соответствуя структуре самих объектов, параллельно усложняется и укрупняется структура их информационного содержания. Представители животного мира взаимодействуют между собой и с окружающей средой посредством «первой сигнальной системы» – специфических структур из элементарных частиц, вырабатываемых в органах чувств; а в физиологии человека присутствует еще служба языка, «вторая сигнальная система», в которой информация представлена именами атомарных (первичных, неделимых) знаний. Род человеческий образует отдельный уровень в эволюции субстанции, а язык – форма взаимодействия людей.

В данном исследовании под «языком» подразумевается естественный язык (ЕЯ), посредством которого человек воспринимает, хранит и воспроизводит информацию (знание). Язык представляет собой одну из форм взаимодействия материи, инструмент мышления. Основная функция его заключается в привитии человеку навыков мышления и накопления знаний, вплоть до осознания сущности бытия, места и роли человека в нем. Язык есть функция физиологии, он выполняет свое назначение, будучи неосознанным; для этого человеку не нужны знания о сущности языка и о том, как функционирует информационная система, которая называется языковым явлением.

Язык предназначен для кодирования данных и их передачи (словесного описания явлений окружающего мира во всем их многообразии и структуре). Информацию человек получает извне перцептивно через органы чувств (зрительно, слухом, обонянием и т. д.). Затем эти качества объединяются, образуя целостный образ внешнего предмета (апперцепция по Лейбницу), который хранится в памяти человека, формируя знание об этом предмете. Ориентироваться в массиве данных (знаний), содержащихся в памяти, помогает сознание.

Память человека удвоена: в одной части хранятся знания, тогда как в другой – их номинации. Знание и его имя соединены попарно, чтобы активность одного из элементов этой пары передавалась другому. Построение и функционирование этой пары областей – памяти имен (область синтаксиса) и памяти их значений (область семантики) – осуществляется благодаря физиологическим особенностям Homo Sapiens.

Слово представляет собой простую субстанцию, последовательность букв (звуков). Наличие алфавита и определенного числа фонем позволяет создавать любое слово. Таким образом, два слова оказываются сравнимы, как последовательность букв. По этой причине цифровая техника способна распознавать слова. Только живые существа способны воспринимать то, что воздействует на их органы чувств, и каким-то образом запоминать. Техническими средствами можно запоминать картинки. Можно и построить язык зрительных образов. Но то, что называется значением слова, о котором мы можем судить по тому, как оно оживляется в нашей памяти и воспринимается в нашем сознании, когда мы слышим или читаем слово, свидетельствует о когнитивной составляющей языковой действительности.

Сознание способно работать как с памятью знаний (мнемоническое мышление), так и с памятью имен (словесное мышление), а также одновременно в обеих областях (поэтическое мышление), что определяет «образ мышления». Под «точкой зрения» изначально следует понимать имя, которое осознается (ощущается) сознанием в данный момент.

По мере усовершенствования сознания расширяется точка зрения, освещая составное знание – имя и несколько ассоциирующихся (смежных) с ним имен. Таким образом, мышление представляет собой перемещение сознания между смежными именами. Построение предложения уже есть мышление. Называя имена знаний, образующих составное знание, мы создаем иллюзию толкования слов и знаний. В статьях толковых словарей можно увидеть, как слова используются для описания друг друга.

Более полувека предпринимаются попытки найти в сложных переплетениях языка порядок и логику, которые были бы реализу-

емы в цифровой технике. Удовлетворительное решение этой задачи так и не найдено.

Исследование языка в рамках компьютерной лингвистики следует начинать с формализации грамматики вне связи с семантикой. Далее, чтобы язык стал полноценным, можно использовать идею Витгенштейна [1, с. 236–237] о языковой игре: формализовать какой-то фрагмент языкового явления.

Такой подход к решению задачи (от простого к сложному) позволит понять сущность и необъятность изучаемой большой системы, иметь ясный план последовательного приближения к решению общей задачи. Образец такого исследования языка дал сам Аристотель.

Формализация языка была предметом обсуждения еще у античных философов. Далее она стала предметом философии о познаваемости бытия, который формулируется примерно так: насколько надежны в поиске истины наши умозаключения, совершаемые над высказываниями в виде предложений языка. Вся философия Платона [2] посвящена изучению этого вопроса, а Гегель писал, что философия одна и это то, чем занимался Платон. Следовательно, компьютерная лингвистика столкнулась с фундаментальной проблемой бытия в самой общей ее формулировке.

Любознательный ученик Платона Аристотель не мог пройти мимо данной проблемы. По его собственному признанию, он 14 лет размышлял над ней, и в данной области знания он оставил будущим поколениям пример исследования этой задачи, изложенный в его труде «Органон» [3, с. 5–51] и впоследствии получивший название формальной логики [4].

Аристотель стал решать поставленную задачу не для всего естественного языка, а для «языковой игры» с упрощенными грамматикой и семантикой. В этом языке формальной логики все предложения имеют форму: «X есть Y», где X и Y – имена существительные, далее названные «понятиями». Семантика понятий также предельно упрощена: «понятие» – имя некоторого воображаемого множества элементов. О понятиях известно то, что в математике называется множественными отношениями: любые два понятия X и Y либо совпадают, либо пересекаются (имеют общие элементы), либо нет (не пересекаются), либо о них ничего не известно.

В таком мире вещей с такими отношениями можно ставить вопрос и говорить только о множественных отношениях любых двух понятий. Тогда исходная задача формулируется следующим образом: исходя из известных истин (об отношениях некоторых понятий), можно ли установить отношения между любыми двумя заданными понятиями?

Аристотель выделил 14 законов логики, позволяющих из отношений между понятиями X и Z, Z и Y определить отношения между X и Y. Итог исследований Аристотеля таков: если по цепочке законов логики вывести отношения между X и Y, то в его истинности не стоит сомневаться. На примере одного упрощенного языка он дал четкое толкование «основному вопросу философии» о познаваемости мира, т. е. о том, не подводят ли нас наши суждения при поиске истины на естественном языке.

Формальную логику, которая стоила Аристотелю 14 лет размышлений, теперь изучают в вузах. С другой стороны, современные разделы дискретной математики существенно продвинулись в изучении языка как инструмента мышления. Например, если язык более содержательный, то не всякое высказывание является утверждением (в нем найдутся и невыводимые утверждения) [5, с. 31–35].

Информационные технологии позволяют реализовать язык формальной логики на компьютере и определить отношения между любыми двумя понятиями, тогда как формальная логика не дает рекомендаций для вывода отношений между двумя понятиями. Таким образом, формальный язык представлен формальной грамматикой и формальной семантикой. Под языковой активностью подразумевается активность грамматики, а семантика сопровождает элементы грамматики в фоновом режиме.

Учитывая сказанное выше, имеет смысл конкретизировать синтаксис языка каждой дедуктивной науки. Геометрия, в частности, представляет собой пример такой области знания. Семантика понятий (допустимые сочетания словоформ) в формализованном языке планиметрии с лексикой в сотню слов уже определена ее аксиоматикой [6, с. 2–21]. Более того, в этой области машина и человек становятся равноправными собеседниками; у обоих кроме языка есть еще один канал коммуникации – это зрительные образы [7, с. 68–70], которые успешно воспринимают, обрабатывают, хранят и воспроизводят оба участника диалога.

Следует уточнить смысл самого термина «формализация грамматики» [8]. Естественный язык в целом не формализуется. Как было отмечено выше, проблема в том, что техника по своим возможностям далека от физиологии человека. Лингвистика даже не пытается формализовать понятие предложения, понимая бесперспективность такой попытки из-за того, что в общепринятом определении предложение есть не формализуемое (в строгом значении этого слова) требование к его осмысленности. В связи с этим задача формулируется следующим образом: распознать предложение, которое набрано на клавиатуре компьютера. В этом случае в банке данных должен быть для сравнения корпус текстов, извлеченных из литературы на определенном языке. Либо в рамках дискретной математики формализовать весь понятийный аппарат грамматики (лексика, морфология и синтаксис) и детерминировать его как компьютерную грамматику. Отсюда возникает следующая задача – определить, является ли данная последовательность словоформ предложением в данной грамматике.

Данное определение должно выглядеть в виде алгоритма. В первой половине прошлого века в рамках дискретной математики была создана теория алгоритмов. Функция, как один из фундаментальных терминов математики, может быть определена в виде алгоритма или, что то же самое, в виде про-

граммы. Программа, распознающая предложения, в качестве входных данных получает последовательность словоформ, а результатом исполнения программы является одно из слов: «да» или «нет».

В своих примерах с языковыми играми Витгенштейн легко обходит проблему, связанную с семантикой, следующим образом: предложение у него представляет собой команду на выполнение исполнителем некоторого наглядного действия, которое и является семантикой данного предложения. В данном случае языковая способность двух (или группы) лиц для Витгенштейна – это способность одного из них сказать последовательность словоформ, смысл которой однозначно определит другой и продемонстрирует своими действиями (он даже не рассматривает вопрос о том, правильно ли понял второй участник игры слова первого).

В нашем случае формальная грамматика есть система, состоящая из трех подсистем: лексика, морфология и синтаксис. Предложение письменного языка есть предмет дискретной математики. Морфологические правила – это алгоритмы по преобразованию слов. Синтаксис языка задается синтаксическими отношениями (из каких словоформ можно строить словосочетания). В грамматике русского языка насчитывается около двухсот пятидесяти синтаксических отношений.

Если слова *хозяин* и *собака* образуют несогласованное определение: *хозяин собаки*, то к ним может пристроиться другое отношение: хозяин старой собаки (*хозяин старой/молодой собаки* и т. д.). И что примечательно, не меняя прежнюю структуру выражения. Процесс расширения семантики и уточнения значения в предложении можно «продолжить за счет реализации различных форм сочетаемости для характеристики самого предмета, действий с ним, образа действия и т. д.» [9, с. 176].

Таким образом, правило построения предложения достаточно примитивно: подлежащее и сказуемое связываем соответствующими синтаксическими отношениями. К одному из членов имеющегося предложения добавляем словоформу так, чтобы выбранный член и новая словоформа образовали синтаксическое отношение. Перефразируя утверждение о том, что Бог создал натуральные числа, а арифметика – дело рук человека, можно сказать: лексику создал Бог, а морфология и синтаксис – дело рук человека. Владея лексикой, грамматику возможно построить (например, как язык эсперанто). Более того, синтаксически правильное предложение, построенное по правилу, описанному в предыдущем абзаце, представляет собой универсальный путь, по которому строились языки.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы: синтаксически правильное предложение становится инструментом для исследования особенностей любого конкретного естественного языка. Далее можно инкапсулировать значения элементами формальной грамматики, что является следующим этапом в формализации языка.

В аксиоматических теориях структура (синтаксис) самого предложения уже несет в себе смысловую нагрузку. При формализации языка в аксиоматической теории обнаруживается явное доминирование синтаксиса над семантикой, а отличие от естественного языка (отношения синтаксических структур и их значений изучаются синтаксической семантикой). Формализуя языки математики, механики, химии и т. д. в описанном выше порядке (морфология, синтаксис и синтаксическая семантика), можно обнаружить механизмы становления языка и приблизиться к решению общей задачи формализации языка в целом.

Список источников

1. Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М., 2005.
2. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1-4 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб. 2006.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. / ред. З.Н. Микеладзе. М., 1978.
4. Шихиев Ф.Ш. Формальная логика как формализованный язык // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. 2011. № 1(14).
5. Мендельсон Э. Введение в математическую логику: пер. с англ. М., 1971.
6. Гильберт Д. Основания геометрии / пер. с 5-го нем. изд. под ред. А.В. Васильева. Петроград, 1923.
7. Шихиев Ш.Б., Шихиев Ф.Ш. Упрощенный язык зрительных образов // Информатика и ее применения. 2022. Т.16 (1).

References

1. Wittgenstein L. Selected Works / translated from Germ. and Eng. by V. Rudnev. Moscow, 2005.
2. Plato. Works in four volumes. Vols. 1-4 / edited by A. F. Losev and V. F. Asmus; translated from Ancient Greek. St. Petersburg. 2006.
3. Aristotle. Works in four volumes. Vol. 2. / ed. Z. N. Mikeladze. Moscow, 1978.
4. Shikhiev F. Sh. Formal Logic as a Formalized Language // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Natural and Exact Sciences. 2011. № 1(14).
5. Mendelsohn E. Introduction to Mathematical Logic: translated from English. Moscow, 1971.
6. Gilbert, D. Foundations of Geometry / translated from the 5th German edition edited by A.V. Vasiliev. Petrograd, 1923.
7. Shikhiev, Sh.B., Shikhiev, F.Sh. A Simplified Language of Visual Images // Computer Science and Its Applications. 2022. Vol. 16 (1).

8. Шихиев Ф.Ш. Формализация и сетевая формулировка задачи синтаксического анализа: дис. … канд. физ.-мат. Наук. СПб., 2006.

9. Внуковская А.В. Имитация языковой способности на примере языковой игры в речевой деятельности сотрудника полиции / А.В. Внуковская, З.Ф. Шихиев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1(107).

8. Shikhiev, F.Sh. Formalization and Network Formulation of the Syntactic Analysis Problem: diss. ... PhD in Physics and Mathematics. St. Petersburg, 2006.

9. Vnukovskaya, A.V. Imitation of Language Ability: Example of Language Play in the Speech Activity of a Police Officer / A.V. Vnukovskaya, Z.F. Shikhiev // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1 (107).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Внуковская Анастасия Васильевна, *кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0000-0003-4376-8653

Шихиев Фуад Шукурович, *кандидат физико-математических наук, инженер-программист управления цифровых технологий. Дагестанский государственный педагогический университет. 367000, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57.*

Шихиев Зияд Фуадович, *командир взвода факультета очного обучения. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vnukovskaya Anastasia Vasilyevna, *PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Shikhiev Fuad Shukurovich, *PhD in Physics and Mathematics, Software Engineer of the Department of Digital Technologies. Dagestan State Pedagogical University. 57, M. Yaragskogo St., Makhachkala 367000 Russian Federation.*

Shikhiev Ziyad Fuadovich, *platoon commander of the Faculty of full-time education. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 3 (114). – С. 235–239.
Philosophiya prava. 2025. № 3 (114). – Pp. 235–239.

Научная статья
УДК 347.78

К ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ АВТОРСКОГО ПРАВА: ПОНЯТИЯ АВТОРСТВА, ТВОРЧЕСТВА И ОРИГИНАЛЬНОСТИ ТЕКСТОВ, СОЗДАННЫХ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. ЧАСТЬ 2. ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Топилина Анна Васильевна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, spring6@yandex.ru

Рожковский Виталий Борисович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, v-rozkovskiy@mail.ru

Введение: *в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением авторских прав на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, а также статусом создателя такого произведения и границами его ответственности.*

Материалы и методы: *авторы опираются на междисциплинарный подход, объединяющий философские (этические, духовно-экзистенциальные), правовые и социальные аспекты проблемы. Основным методом выступает сравнительный анализ доктринальных правовых интерпретаций в рамках отечественного и зарубежного законодательства, а также юридических коллизий, возникших в связи с определением авторства на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта.*

Результаты исследования: *авторами были выявлены и сформулированы основные проблемы, связанные с определением авторства на произведения, созданные с применением искусственного интеллекта. В качестве варианта решения проблемы был предложен гибридный подход, в котором авторами выступают создатель программного обеспечения, автор промпта и человек, загрузивший в нейросеть необходимые данные для генерации контента. Степень участия в создании произведения и наступившие правовые последствия должны каждый раз определяться индивидуально.*

Выводы и заключения: *большинство существующих в мировой практике законов об авторском праве были разработаны до широкого распространения технологий искусственного интеллекта, и они не всегда адекватно регулируют новые ситуации. Одной из ключевых нерешенных проблем является определение «творческого вклада» – какой вклад человека является «достаточным» для признания его автором работы, созданной с помощью искусственного интеллекта. Наблюдается дисбаланс между стимулированием инноваций в области искусственного интеллекта и защитой прав авторов оригинальных произведений. Остается актуальной международная координация для разработки общих принципов регулирования авторского права на контент, созданный при помощи искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *авторское право, искусственный интеллект, личность, сгенерированный контент, нейросеть, оригинальность, творчество, духовно-экзистенциальные риски, доктринальные правовые интерпретации.*

Для цитирования: Топилина А. В., Рожковский В. Б. *К проблеме антропологических оснований авторского права: понятия авторства, творчества и оригинальности текстов, созданных при помощи искусственного интеллекта. Часть 2. Основные доктринальные правовые интерпретации / А. В. Топилина, В. Б. Рожковский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 235–239.*

Original paper

ON THE PROBLEM OF THE ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF COPYRIGHT: THE CONCEPTS OF AUTHORSHIP, CREATIVITY AND ORIGINALITY OF TEXTS CREATED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE. PART 2. MAIN DOCTRINAL LEGAL INTERPRETATIONS

Topilina Anna Vasilyevna
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Rozhkovsky Vitaly Borisovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *this article examines issues related to determining copyright in works created using artificial intelligence, as well as the status of the creator of such a work and the limits of their liability.*

Materials and methods: *the authors rely on an interdisciplinary approach that integrates philosophical (ethical, spiritual, existential), legal, and social aspects of the problem. The primary method is a comparative analysis of doctrinal legal interpretations within domestic and foreign legislation, as well as legal conflicts that have arisen in connection with determining authorship in works created using artificial intelligence.*

Results of the study: *the authors identified and formulated the main problems associated with determining authorship in works created using artificial intelligence. As a solution, a hybrid approach was proposed, in which the authors are the software creator, the prompt author, and the person who uploaded the necessary data to the neural network to generate the content. The degree of participation in the creation of the work and the resulting legal consequences must be determined on a case-by-case basis.*

Findings and conclusions: *most existing copyright laws worldwide were developed before the widespread adoption of artificial intelligence technologies, and they do not always adequately address new situations. One of the key unresolved issues is the definition of «creative contribution» – what human contribution constitutes «sufficient» for recognition as the author of a work created using artificial intelligence. There is an imbalance between encouraging innovation in artificial intelligence and protecting the rights of authors of original works. International coordination to develop common principles for regulating copyright for content created using artificial intelligence remains relevant.*

Keywords: *copyright, artificial intelligence, personality, generated content, neural network, originality, creativity, spiritual and existential risks, doctrinal legal interpretations.*

For citation: Topilina A. V., Rozhkovsky V. B. *On the problem of the anthropological foundations of copyright: the concepts of authorship, creativity and originality of texts created with the help of artificial intelligence. Part 2. Main doctrinal legal interpretations / A. V. Topilina, V. B. Rozhkovsky // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 235–239.*

В первой части нашего исследования [1] было показано, что постмодернистская постановка проблемы авторства, связанная с отрицанием новоевропейских представлений об авторе-личности и христианской синергетической парадигмы со-творчества Бога и человека, соотносима с новой технологической и социокультурной реальностью, в которой нейросеть может сгенерировать то, что раньше мог создать только человек. При этом данная постановка проблемы провоцирует и помогает по-новому поставить предельные вопросы в области философской антропологии, социальной философии, этике и других областях знания, вызывает дискуссии не только о природе авторства и творческого процесса, но и о духовно-экзистенциальных угрозах для человеческой личности и общества, связанных с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ). В особенности возникают угрозы отчуждения человека-автора от права на собственные произведения, элиминирование личного творческого процесса как такового.

Философы различных школ и направлений исследуют влияние ИИ на жизнь современного человека, формулируют представления о том, как изменится восприятие человеком самого себя и других людей, какие «экзистенциальные риски» несет развитие «Сверхразума» (Н. Бостром) в качестве перспективы совершенствования технологий ИИ, что будет означать в особенности перенос ряда «разумных» и «творческих» функций на нейросети. Проблема состоит и в том, что развитие технологий сопряжено с существенным изменением мировоззрения людей. Не следует забывать, что развитие технологий ИИ в этом плане воспринимается как путь к достижению идеалов мировоззрения трансгуманизма, которые вместе с тем подвергаются критике, поскольку во многом противоречат традиционным религиозным духовно-нравственным ценностям, а неконтролируемое развитие ИИ, призванное обеспечивать новые возможности человеку, может привести человечество к исчезновению. И в основе угрозы такой экзистенциальной катастрофы находятся духовно-экзистенциальные риски утраты уникальности и ценности человеческого авторства как такового.

Для эффективного регулирования духовно-экзистенциальных рисков, связанных с использованием ИИ, необходим междисциплинарный подход. Нужно «объединить философские, правовые и социальные аспекты, чтобы создать надежные и ответственные системы, которые учитывают интересы и права всех» [2]. В контексте нашей постановки проблемы об авторстве остаются открытыми, в частности, этические вопросы использования ИИ, при котором нарастает угроза утраты «конфиденциальности данных, дискриминации и манипуляции информацией» [2]. В целом неслучайно возникает «необходимость совершенствования правовой регуляции целого комплекса сложных отношений человек – общество (культура) – искусственный интеллект, что предопределяет дальнейший анализ существующих доктринальных правовых подходов и примеров правоприменительной практики по данной проблематике» [1, с. 238].

В отношении определения авторства произведений, созданных при помощи ИИ, в международной и отечественной практике нет единого международного консенсуса и можно выделить ряд доктринальных правовых подходов и интерпретаций.

В США Ведомство по авторским правам занимает строгую позицию: авторское право может быть зарегистрировано только для работ, созданных человеком. Если ИИ является единственным автором, работа не может быть защищена авторским правом. При этом роль человека должна быть «достаточно существенной»: если человек использует ИИ в качестве инструмента, но при этом вносит значительный творческий вклад, то авторское право может быть признано за человеком. Степень «достаточности» вклада человека остается предметом споров и судебных разбирательств. Так, Ведомство по авторским правам США отказало в регистрации авторских прав на изображение, созданное ИИ DABUS. Однако в другом случае разрешение на регистрацию было выдано для комикса, где человек использовал Midjourney для создания изображений, но при этом внес значительные изменения и творческий вклад.

Более гибкий подход, оставляющий определенное пространство интерпретаций, характерен для Европейского Союза (далее – ЕС), в котором нет единого закона об авторском праве на контент, созданный ИИ, а конкретные возникающие вопросы регулируются национальными законами, которые могут отличаться. В целом авторское право в ЕС сфокусировано на понятиях «оригинальность» и «творческий вклад». Работа

должна быть оригинальной и отражать личный творческий вклад автора. Однако это поднимает вопрос, может ли ИИ сам по себе вносить достаточный творческий вклад для признания его автором. Важным аспектом является определение ответственности за нарушение авторских прав, если контент, созданный ИИ, нарушает чужие права. Обычно ответственность возлагается на пользователя ИИ или разработчика системы. Европейский Союз активно разрабатывает законодательство об ИИ, которое может повлиять на вопросы авторского права.

В Великобритании действует доктрина, согласно которой предоставляются авторские права на компьютерно-сгенерированные работы (Computer-Generated Works – CGW). Автором CGW считается лицо, которое предприняло необходимые меры для создания работы. То есть человек, который использовал ИИ, считается полноценным автором. Однако такой подход подвергается критике, поскольку он не требует, чтобы автор вносил какой-либо творческий вклад в создание работы.

В Китае наблюдается тенденция признания авторских прав на контент, созданный ИИ, при условии, что он обладает определенной оригинальностью и интеллектуальной ценностью. В Японии в настоящее время не создано четких законов, регулирующих авторское право на контент, созданный ИИ. Однако существует общее мнение, что авторское право может быть признано за человеком, который использовал ИИ, если он внес значительный вклад в создание работы. В Австралии в судебной практике поднимался вопрос авторского права на контент, созданный ИИ. В целом такой подход схож с США: требуется существенный человеческий вклад.

В рамках подхода, зафиксированного в российской правовой доктрине, произведения, созданные ИИ, не подлежат правовой охране, поскольку автором результата интеллектуальной деятельности может быть только человек, творческим трудом которого такой результат создан (ч. 1 ст. 1228 ГК РФ) [3]. При этом главным аргументом, мешающим наделить ИИ творческой интенцией, является отсылка к тому, что ИИ «способен лишь генерировать объекты на основании загруженных в его алгоритм данных, что не может быть признано творчеством» [4, с. 532]. Однако в отношении автора-человека такого требования к созданию абсолютно нового результата интеллектуальной деятельности не применяется, несмотря на то, что в отношении плагиата также не указывается на использование идей и теорий, а лишь на точное копирование произведения.

Представители альтернативного правового подхода считают, что произведения, созданные ИИ, должны быть защищены в рамках смежных прав по модели защиты прав публикатора или правового режима фонограммы. Существуют инициативы по закреплению самостоятельной категории смежных прав на произведения, созданные ИИ, за лицом, организовавшим процесс его использования [5, с. 27–28]. Кроме того, продукты, созданные при помощи ИИ, предлагается рассматривать в рамках норм о служебном произведении, где ИИ выступает как работник, создающий произведение под надзором работодателя [6, с. 395–396]. Также предлагается рассматривать произведения, созданные при помощи ИИ, через аналогию правового регулирования норм об авторском заказе или ноу-хау. Таким образом, на сегодняшний день открываются широкие возможности для развития и расширения законодательства в области правового регулирования авторства произведений, созданных при помощи ИИ. При этом важным остается установление доли участия ИИ и человека.

В правоприменительной практике широкую известность получила ситуация, когда американская художница Кристина Каштанова создала графический роман «Zarya of the Dawn», в котором она являлась автором текста, но изображения были сгенерированы в нейросети Midjourney по сформулированному Каштановой промпту (словесному описанию). На обложке графического романа в качестве авторов значатся Kashtanova и Midjourney. Художница зарегистрировала книгу на свое имя на случай возможных судебных разбирательств, информация об этом новаторском шаге быстро разошлась по социальным сетям, чем вызвала интерес американского Copyright Office, потребовавшего у Каштановой разъяснений об авторстве произведения. Адвокаты художницы доказывали с предъявлением промежуточных результатов работы, что Каштанова самостоятельно писала десятки промптов для того, чтобы выбрать наиболее подходящий результат, а также подвергала полученные изображения обработке в фоторедакторах. Однако эти аргументы были раскритикованы апелляционным судом, который пояснил, что копирайт не распространяется на произведения животных или сверхъестественных существ (например, Священные Книги, надиктованные людям). Подобным образом не подлежат регистрации и произведения, созданные компьютером вообще без участия людей. При этом в случае с генерированными изображениями художница может заявлять свои права на подбор и расположение изображений, а также на сопровождающий их тест, но не на сами изображения, которые являются общественным достоянием [7].

В целом споры об авторстве произведений, созданных при помощи ИИ, сводятся к получению выгоды либо определению субъекта правовой ответственности. Обычно в качестве претендентов на правосубъектность фигурируют разработчики ИИ, собственно ИИ и автор промпта. При этом определить меру участия каждого зачастую бывает крайне сложно, что приводит к юридическим коллизиям. Если сгенерированный нейросетью контент используется для получения материальной выгоды, кто является бенефициаром? Далеко не каждая нейросеть учитывает этот момент. В частности, Midjourney при бесплатном использовании указывает, что произведенный контент становится общественным достоянием, а при оформлении платной подписки автор промпта имеет исключительные права на сгенерированный контент. В случае с определением правосубъектности будет ли разработчик ИИ нести ответственность за сгенерированный по промпту пользователя контент? Некоторые нейросети, в частности GigaChat, имеют четко сформулированные этические принципы, которые пресекают попытки генерации текстов по запросам, признанным неэтичными. Однако необходимо учитывать, что критерии этичности в разных нейросетях также разные.

В конечном счете субъектом правовой ответственности за сгенерированный контент является, на наш взгляд, автор промпта, он же и должен быть наиболее явным бенефициаром сгенерированного по его запросу контента. При этом в вопросе о творчестве и плагиате очевидно, что российская правовая доктрина опирается на позицию, в которой плагиатом является только присвоение авторства на чужое произведение. Однако создание нового произведения на основе уже существующих изображений, текстов, видео или музыки ни в философии, ни в праве не признается плагиатом, следовательно, этот аргумент не должен учитываться при определении авторства или степени оригинальности. Между тем следует учитывать, что согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности [3]. Таким образом, автор промпта в то же время не может считаться автором произведения, поскольку не внес личный творческий вклад.

Таким образом, центральная дилемма заключается в вопросе: кому принадлежит авторское право на контент, генерируемый ИИ? Если программное обеспечение создано людьми и на основе запроса, сгенерированного человеком, создает музыкальное произведение, роман или даже новаторское научное изобретение, кто претендует на права – программист, сам ИИ или, возможно, новое юридическое лицо? Этот вопрос бросает вызов традиционному определению «автора» и основного принципа закона об авторском праве, который предоставляет исключительные права создателям.

Другим крайне важным аспектом является вопрос о содержании контента, сгенерированного ИИ. Насколько оригинальным является произведение, созданное человеком или программой? Если отталкиваться от определения, содержащегося в законе Российской Федерации, то главным критерием оригинальности является отсутствие технического повторения уже созданных произведений. Но насколько возможно создание истинно оригинальной работы в пространстве, где все идеи и мотивы уже были (или не были?) изобретены, и человек-автор, так же как ИИ, осуществляет рекомбинацию этих идей и мотивов – этот вопрос должны решить сначала философы.

В конечном счете проблемы, заключенные с определением авторства произведений, созданных ИИ, сводятся к двум аспектам: определению бенефициара в случае, если произведение используется в коммерческих целях, и обозначению границ ответственности за контент, произведенный ИИ в том случае, если сгенерированный продукт стал частью юридической коллизии.

На сегодняшний день ни в России, ни в мире не существует продуктивно работающей модели, способной однозначно определить автора контента, сгенерированного ИИ. Прежде всего причиной этого является традиционное представление о том, что только физическое лицо может быть как автором, так и субъектом правоотношений. В связи с этим формируется несколько моделей определения авторства на произведения, созданные ИИ, в которых автором считается либо создатель программного обеспечения, либо автор промпта, либо человек, загрузивший в нейросеть необходимые данные для генерации контента, либо гибридная модель, учитывающая, в какой мере в создании контента участвовал каждый из вышеперечисленных людей. В Китае, активно применяющем технологии ИИ, набирает обороты дискуссия о признании ИИ новым типом юридического лица, имеющим круг прав и обязанностей.

Так или иначе участие ИИ в процессе создания инноваций на сегодняшний день становится все более весомым и проявляется не только в инструментальной области вспомогательных программ и нейросетей, но и в создании инноваций и генерации оригинального контента, которые должны быть защищены авторским правом. Формирование релевантного юридического понимания авторства в данной области является ключевой проблемой, содержащей как правовую, так и этическую (философскую) составляющую. В наши дни, когда правовое регулирование авторского права на контент, созданный ИИ, находится в стадии становления, наиболее приемлемым, на наш взгляд, является гибридный подход, в рамках которого каждый отдельный юридический казус будет рассматриваться в контексте определения меры участия каждого физического лица (создателя программного обеспечения, автора промпта, человека или людей загрузивших в нейросеть необходимые данные для генерации контента) в создании произведения и пропорционального распределения прибыли и ответственности. Существуют сложные случаи, когда степень участия человека и ИИ в создании контента трудно определить. В таких ситуациях решение будет зависеть от конкретных обстоятельств и может потребовать экспертной оценки. Кроме того, гражданское право должно учитывать возможность использования в одной стране программного обеспечения, произведенного в другой стране, и, следовательно, решать гражданско-правовые вопросы, в том числе в международном аспекте.

Существующее законодательство об авторском праве нуждается в адаптации к новым технологическим реалиям. Регулирование авторства контента, сгенерированного искусственным интеллектом, включает разработку новых законов, международное сотрудничество и внедрение технологических решений. Необходимо найти баланс между защитой прав разработчиков и пользователей ИИ, а также обеспечить справедливое распределение прибыли, полученной от сгенерированного контента.

Список источников

1. Топилина А.В., Рожковский В.Б. К проблеме антропологических оснований авторского права: понятия авторства, творчества и оригинальности текстов, созданных при помощи искусственного интеллекта. Часть 1. Постановка проблемы в

References

1. Topilina A.V., Rozhkovsky V.B. On the Problem of Anthropological Foundations of Copyright: The Concepts of Authorship, Creativity, and Originality of Texts Created with the Help of Artificial Intelligence. Part 1. Statement of the

контексте постмодернистских представлений об авторстве // Философия права. 2025. № 1.

2. Пузанова Е.О. Экзистенциальные риски развития ИИ. URL: https://scilead.ru/article/8596-ekzistentsialnie-riski-razvitiya-ii (дата обращения: 19.06.2025)

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2021) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 1228.

4. Наумов В.Б., Тытюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. № 3. Т. 62.

5. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы // Доклад НИУ ВШЭ / под рук. В.О. Калятина. М., 2021.

6. Михович Е.А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта // Скиф. 2022. № 5(69).

7. На полпути к копирайту. URL: https://zakon.ru/blog/2023/3/2/na_polputi_k_kopirajtu_avtorskie_prava_na_raboty_iskusstvennogo_intellekta (дата обращения: 19.06.2025).

Problem in the Context of Postmodernist Ideas about Authorship // Philosophy of Law. 2025. №1.

2. Puzyanova E.O. Existential Risks of AI Development. URL: https://scilead.ru/article/8596-ekzistentsialnie-riski-razvitiya-ii (date of access: 19.06.2025)

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 № 51-FL (as amended on 03.08.2021) // Coll. Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 1228.

4. Naumov VB, Tytyuk EV On the Legal Status of Artificial Intelligence «Creativity» // Jurisprudence. 2018. № 3. Vol. 62.

5. The Problem of Machine Creativity in the Legal System: Regulation of the Creation and Use of Results of Intellectual Activity Using Artificial Intelligence, Foreign Experience, and Russian Prospects // HSE Report / supervised by V.O. Kalyatin. Moscow, 2021.

6. Mikhovich EA Legal Regime of Works Created with the Help of Artificial Intelligence // Skif. 2022. № 5(69).

7. Halfway to Copyright. URL: https://zakon.ru/blog/2023/3/2/na_polputi_k_kopirajtu_avtorskie_prava_na_raboty_iskusstvennogo_intellekta (date of access: 19.06.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Топилина Анна Васильевна, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*
ORCID: 0000-0002-7811-3633

Рожковский Виталий Борисович, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0000-0001-6423-4664

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Topilina Anna Vasilyevna, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Rozhkovsky Vitaly Borisovich, *Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронным адресам: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России) тел.: (863) 207-86-34. Автором (авторами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученую степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021). Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

Список источников, который размещается в конце статьи, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.108-2022. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНиПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!